Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 11

Минск
«Харвест»

УДК 94(476) (059)

Дайджест публикуется с 2009 года

Взгляды и концепции авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редактора-составителя дайджеста

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание безгонорарное.

На первой странице обложки: вверху – «Повстанцы в бою» (худ. Рышард Окиньский); внизу – «Калиновский среди повстанцев» (худ. Петр Сергиевич).
На последней странице обложки: вверху – Чертов камень в деревне Камень (Воложинский район Минской области); внизу – дольмен (музей камней в Уручье, Минск)

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 11 / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2013 – 328 с.

ISBN 978-985-18-1750-0

Материалы одиннадцатого выпуска дайджеста разделены на пять тематических разделов. Они посвящены различным вопросам истории ВКЛ, Речи Посполитой, БНР и БССР. Всего в выпуске 20 материалов, 143 иллюстрации, 9 карт.

ISBN 978-985-18-1750-0

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

«ВОЙНА ВО ВРЕМЯ МИРА». ПЕРВАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА ВКЛ С МОСКВОЙ (1486–1494 гг.)

Виктор Темушев, *кандидат исторических наук*

Среди серии пограничных войн конца XV – первой трети XVI вв. между Великим Княжеством Литовским (ВКЛ) и Великим Княжеством Московским (ВКМ) в наименьшей степени изучена первая. Между тем, именно во время ее были впервые предъявлены претензии ВКМ на «русские» земли ВКЛ и определилась дальнейшая стратегия действий Москвы по отношению к соседним государствам.

Нет другой войны, о хронологических рамках которой высказано столько разных мнений. Начало ее либо теряют где-то в 80-х годах XV века, либо твёрдо закрепляют за 1492 годом, хотя последнюю дату легко опровергнуть ссылкой на поход 11 московских воевод на Воротынск в 1489 г. И конец войны не все исследователи связывают с заключением мира 5 февраля 1494 г. Некоторые считают, что она завершилась уже в 1493 г.

Кстати говоря, эта война впервые четко выявила саму границу между ВКЛ и ВКМ. Вероятно, она существовала уже с 1403–1408 г.г., но о ней почти нет свидетельств в источниках. Между тем вдоль границы проходила первая линия обороны ВКЛ от восточного соседа.

К сожалению, большинство предыдущих исследователей не проявляло интереса к географическим обстоятельствам первой пограничной войны. Неизвестны попытки подсчета территориальных потерь, указания проблемных регионов, вокруг которых разгорелся следующий конфликт.

Между тем, представления о конфигурации литовско-московской границы позволяют понять тактические и даже стратегические намерения литовских и московских властей. Например, передача литовскому перебежчику князю Ф.И. Бельскому владений на границе с Торопецким поветом ВКЛ была вызвана сознательным стремлением московского правительства организовать беспрестанное давление на территорию соседа. Такие же задачи решали новый владыка Твери великий князь Иван Молодой, владелец Ржевы – князь Борис Волоцкий,

---

Из журнала «Беларускі гістарычны агляд», том 15, сшыткі 1–2, с. 5–47. Перевод и редакция А.Е. Тараса. Текст значительно сокращен: сняты обзор литературы по проблеме исследования, сноски на источники а также перечень 196 источников.

Можайска – князь Андрей Углицкий. Сразу скажем, что политика создания невыносимых условий жизни на пограничье стала своеобразной формой ведения войны со стороны Москвы.

Чтобы ослабить позиции Литвы, ВКМ наносило точечные удары по центрам наместничеств ВКЛ и местных княжеств – городам Любуцк, Мценск, Серпейск, Воротынск, Вязьма и другим, вокруг которых находились владения князей – вассалов ВКЛ. В результате верность последних в ситуации беспрестанных репрессий с той стороны границы становилась шаткой. Террор и запугивание населения, прекращение торговли, грабительские набеги, переманивание местных князей, прямой захват и колонизация земель ВКЛ были неотъемлемыми компонентами войны. При этом места для прямых военных действий Москвы оставалось не так уж много. Таким образом, если мы будем искать «чистую» войну, то есть походы войск и битвы, вряд ли вообще ее найдем.

Отметим также, что желание использовать как можно меньше сил в борьбе с ВКЛ и позаботиться о «незаметности» войны, было вызвано естественной причиной – стремлением Ивана III достичь успехов в ситуации, когда он был занят другими заботами. Поход на Казань, крымские дела, конфликты с остатками Великой Орды, покорение Вятки, проблемы со своими удельными князьями – все это не позволяло ему вести открытую серьезную войну еще и с ВКЛ.

Часть 1

Обобщая взгляды всех авторов, можно выделить два основных подхода в рассмотрении этой войны: первый отдает преимущество крупномасштабным боевым действиям в начале правления Александра Казимировича (1492–1494), второй – с середины 80-х гг. XV века по1494 г. Оба подхода в принципе совместимы. Никто не отрицает ведение боевых действий и до 1492 г., но одни считают их только подготовкой к открытой войне, а другие – мелкими пограничными стычками или действиями местных князей.

Главные причины отнесения начала войны к 1492 году видят в отсутствии масштабных боевых действий с использованием великокняжеских войск до этого времени, а также в том, что со смертью короля и великого князя Казимира якобы прекратилось действие предыдущего договора, чем воспользовалась Москва.

И действительно, можно ли мелкие пограничные стычки, которые происходили постоянно, возводить в ранг войны? Если нет, то надо связывать начало ее с действиями великокняжеских войск. Так утверждали те историки, которые относили начало войны к 1492 году. Однако напомним им, что уже в 1489 году 11 московских воевод во главе с князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым пришли под Воротынск, город сожгли, а жителей увели в плен. Также и в 1487 г. на пограничье со стороны ВКМ действовали не только местные удельные князья, но и представители великокняжеской администрации. Пример тому – захват вотчин князей Крошинских дьяком Василием Долматовым.

Если время окончания войны не вызывает сомнений – 5 февраля 1494 года, день заключения мирного договора, то определить ее точное начало – трудно. Эта война так и не была объявлена, а в ходе ее не прерывались дипломатические

контакты, при этом обе стороны обвиняли друг друга, отрицали свои военные действия и стремились перенести вину на соседа.

Ситуация усложняется тем, что главный источник, который содержит большинство данных о литовско-московских отношениях XV века (посольские книги), сохранился только от 1487 года, хотя известно, например, что в 1484 году в Москве находился посол от короля Казимира пан Ян Заберезенский (ок. 1440–1508).

Согласно первым страницам московско-литовских посольских книг, в 1487 (возможно, уже и в 1486) году на границе не было спокойствия. Но, может быть, пограничные стычки начались еще раньше? Так, в инструкции московскому послу в Крым предписывалось на вопрос о целях приезда упомянутого Яна Заберезенского в Москву отвечать, что король отправлял посла «о порубежных делех». К тому же московский великий князь намекал, что король польский и великий князь литовский его враг, с которым должен воевать и крымский хан. Таким образом, если войны еще и не было в первой половине 80-х г.г. XV века, то подготовка к ней активно велась, и уже возникали какие-то неизвестные нам конфликты на пограничье.

Крымские посольские книги велись с 1474 г. Из них можно узнать о намерениях и пожеланиях московской стороны, например: утвердить мирные отношения с западным соседом, или наоборот – подбить крымского хана на войну с ним. Так вот, периоды стремления к миру и желания войны с московской стороны в крымских книгах отразились очень точно. В 1474–80 гг. Иван III называл Казимира своим врагом, с которым должен бороться и крымский хан. В период 1481–82 г.г. отношения между Москвой и Вильней смягчились, Иван III отговаривал хана от желания идти войной на ВКЛ, встречаются свидетельства о попытках установления мирных отношений между Москвой и Вильней. В это время Иван III не планировал враждебных действий против ВКЛ, так как был занят Казанью. А с мая 1482 г. московский великий князь опять подбивал Менгли-Гирея идти на ВКЛ, несмотря на то, что хан заключил договор с королем Казимиром. Но в это время и позже сам московский государь враждебных действий против ВКЛ не начинал. Новый этап обострения отношений наблюдается именно с начала 1486 г. Отныне удостоверены не только заявления о военных действиях и подстрекательство хана к набегам на территорию ВКЛ, но и непосредственное московское наступление.

Великий князь Литвы и король Польши Казимир IV Ягайлович (правил в 1440—1492 гг.)

В марте 1486 года московскому послу в Крым боярину Семену Борисовичу впервые предписывалось отвечать на возможные вопросы хана Менгли-Гирея следующим образом: «Послы меж их [Иваном III и Казимиром] ездят о мелких делех о порубежных; а гладости никоторые и миру осподарю нашему великому князю с коро-

лем нет». А затем, чтобы подтолкнуть хана к активным действиям против ВКЛ, прямо заявить: «А осподаря нашего великого князя люди безпрестанно емлют королеву землю». Характерно, что московский посол должен был отговаривать хана идти «в Путивлю, или на Северу», а направлять его на Подолье или Киевщину. Видимо, Северщина уже казалась территорией, которая скоро станет московским владением.

Следовательно, что в начале 1486 г. война между Москвой и ВКЛ уже велась. Сохранились и другие конкретные сведения о начатой войне. Так, в начале июня 1486 г. Казимир Ягайлович передал Ивану III через посла Зеньку жалобу мценского и любуцкого наместника князя Дмитрия Путятича на то, что «съ твоее (московского великого князя. — *Авт.*) земълі люди нашимъ людем вкраинным мецняномъ и любучаномъ многие вреда починили в татбах и въ розбоехъ, и в рабунакох тыми разы недавно». Также известно, что весной 1486 г. произошло нападение на земли ВКЛ со стороны княжества Рязанского. В начале мая люди Ивана Васильевича пришли под Мценск, «место выжъгли, села повоевали и многие шкоды починили и люди головами в полонъ повели».

Московский великий князь
Иван III Васильевич
(правил в 1462—1505 гг.)

Отметим, что это происходило не с вотчинами пограничных князей, а во владениях великого князя Литвы, находившихся под управлением его наместника. Такой уровень конфронтации уже нельзя представить мелкими пограничными стычками или «разборками» местных князей. Однако оба нападения осуществлялись с расчетом именно на реакцию верховских князей — вассалов Казимира, чтобы ослабить позиции литовской власти в этом регионе.

Осенью 1487 г. в Москву прибыло посольство от великого князя Казимира во главе с князем Тимофеем Владимировичем Мосальским. 6 октября Мосальский выступил перед московскими представителями с речью, содержание и даже терминология которой свидетельствуют о трактовке событий на порубежье как начале войны. Среди многочисленных жалоб на действия московских удельных князей, наместников и великокняжеского дьяка (В. Долматова) встречаем перечень событий, которые произошли еще в 1486 г. Выясняется, что «тому год минул», как на пограничные земли ВКЛ обрушился вал нападений.

Обратим внимание на то, что этот «вал» датируется 1486 годом. Именно с него началось беспрестанное давление на порубежье ВКЛ. В то время на северной литовско-московской (ранее — литовско-новгородской) границе было еще тихо, но в районах бывшего Тверского княжества, Можайска, Медыни, на верхнем течении Оки мирная жизнь была уже нарушена. Правда, не вся граница Москвы с ВКЛ стала сплошной линией фронта. Существовали пограничные регионы, вообще не затронутые стычками и грабежом — это большая часть запад-

ной ржевской, некоторые отрезки вяземско-можайской границ. Но причиной тому была их природная обособленность. Болота и леса «позаботились» об обороне определенных регионов. Московские владения не соприкасались там напрямую с землями ВКЛ.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о начале московско-литовской войны в 1486 году. С этого времени осуществлялся целый ряд мероприятий силами удельных московских князей, великокняжеских служилых людей и слуг зависимого от Москвы великого князя рязанского.

Анализ событий уже первого года войны показывает продуманную направленность, хорошее планирование и четкую координацию действий московских сил. Удачную характеристику хода всей войны высказали в 1493 г. представители панов-рады в Москве перед князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым. По их словам, московский великий князь нарушил старину, «написал себе имя свое высоко». Новизна проявилась в том, что «нашому господару великіе ся шкоды поделали зъ вашого гасподара земли, войну на миру пустиль, городы его милости и волости положены, а иньш побраны, и люди многіи со многими статки ихъ въ полонъ поведены».

Здесь в кратком виде указаны и претензии Ивана III на владение всеми землями Руси, и реализация этих намерений через разорение и опустошение территории ВКЛ, ее захват, вывод пленников.

Часть 2

Военные действия Московского государства во время первой пограничной войны можно структурировать следующим образом.

1. Мероприятия, которые исходили от великокняжеской администрации. Они мало характерны для первых лет войны, хотя в некоторых формах осуществлялись и тогда. Среди них можно выделить следующие действия:

1.1. Походы сильных группировок великокняжеских войск с целью захвата или ослабления центров власти ВКЛ в пограничных регионах (Воротынск, Любуцк, Мценск, Мезецк и т. д.). На них обращали особое внимание исследователи, отчего и связывали начало войны с 1492 г. Однако, повторим, первое такое мероприятие было совершено уже в 1489 г. По целям они условно делятся на походы для «побуждения» (т. е. погром центров власти ВКЛ или тех центров, господа которых не склонялись к подданству Москве) и «захватнические» (т. е. направленные на присоединение территорий).

1.2. Меры представителей великокняжеской власти по занятию и освоению определенных территорий. Обычно их не замечали исследователи, хотя масштаб экспансии ВКМ был достаточно значительным, она направлялась и управлялась из Москвы, и целью ее был не только захват, но и колонизация территорий людьми из внутренних московских областей. Тем самым достигалось устойчивое приращение территории государства, хотя на колонизацию требовался длительный срок. Поэтому более привлекательными были другие средства ведения войны.

Кстати, именно такой путь экспансии находил обоснование в посольских спорах, когда определенные волости пограничья объявлялись принадлежащим

к какому-нибудь центру Московского государства. Захваченные и освоенные волости после войны оставались, как правило, в составе тех уездов, которые приняли во время боевых действий. Еще надо добавить, что такие же меры на пограничье предпринимали и московские удельные князья.

1.3. Грабительские нападения великокняжеских служилых людей с целью создания невыносимых условий жизни на пограничье, развала оборонительных способностей региона и с расчетом на дальнейшую реакцию пограничных князей, которые, чтобы избежать давления и, безусловно, с определенной выгодой для себя подталкивались к переходу на московскую службу. За границу выводили людей и скот, вывозили имущество, прерывали торговлю. В результате местность доводилась до такого состояния, что не могла сопротивляться московскому наступлению.

1.4. Концентрация войск недалеко от границы ВКЛ в стратегически важных пунктах (Великие Луки, Новгород, Торжок, Тверь, Можайск, Серпухов, Таруса). Непосредственно в боевых действиях эти войска могли не участвовать, но они прикрывали границы в местах возможного наступления противника и в определенной степени гарантировали удержание захваченных территорий.

2. Действия московских удельных князей и великого князя рязанского, которые имели владения на пограничье и оттуда осуществляли нападения на земли ВКЛ (Иван Иванович Молодой из Твери; Борис Васильевич Волоцкий из Ржевы, Андрей Васильевич Углицкий из Можайска, Иван Васильевич из Переяслава-Рязанского). Масштабы операций этих князей из-за ограниченности ресурсов были невелики. Способы ведения войны соответствовали тем, что осуществляли представители великокняжеской администрации. Условно их можно разделить на:

2.1. Отдельные нападения на пограничные волости, которые иной раз превращались в довольно длительные рейды в глубину территории ВКЛ. Тем самым оказывалось давление, в данном случае, на вяземских землевладельцев с целью ослабления их обороноспособности и побуждения к переходу на московскую службу.

2.2. Действия по занятию и освоению определенных территорий. Осуществлялись в направлении Торопецкого повета ВКЛ и на Вяземщине. Попыток колонизации не отмечено, хотя, возможно, они имели место.

2.3. Помехи торговле, мелкие диверсии другого плана (например, засады на дорогах). Безусловно, и эти мероприятия служили цели ослабления и подготовки присоединения к Москве пограничных земель ВКЛ.

3. Действия князей, которые служили ВКЛ и находились в разной степени зависимости от него, но еще до начала войны или во время ее перешли на московскую службу (Федор Иванович Бельский, верховские князья). В своих поступках верховские князья преследовали и личные цели, хотя в той или другой степени все их действия были спровоцированы Москвой.

Деятельности верховских князей в историографии уделялось особое внимание, но чаще всего ее рассматривали вне военного контекста. События в среде верховских князей представляли и даже сознательно показывали как их внутренние дела. Но на самом деле то, что происходило в регионе Верхней Оки, было инициировано Москвой, являлось частью и особой формой ведения

войны. В результате политика Ивана III применительно к Верховским княжествам ВКЛ достигла больших успехов. Тем не менее, проблема принадлежности упомянутого региона в первой пограничной войне была решена лишь частично. Незавершенность дел в верховьях Оки стала одной из причин начала следующей войны.

Запутанные события на верхне-окской литовско-московской границе трудно каким-либо образом стуктурировать, но условно можно выделить следующие направления ведения войны:

3.1. Нападения верховских князей и отдельно князя Ф.И. Бельского на владения родственников и другие пограничные земли ВКЛ с целью принуждения к измене тех князей, что оставались верными великому князю литовскому, и ослабления линии обороны ВКЛ.

3.2. Переходы верховских князей на московскую службу, которые сопровождались погромом территорий, остававшихся в составе ВКЛ и, прежде всего, захватом владений других князей. Реальностью того времени стало то, что доведенные до необходимости перехода на московскую службу верховские князья стремились достичь личной выгоды путем захвата владений соседей. Такой их интерес подогревали посулы московского правительства сохранить все захваты в пользовании того князя, который предал ВКЛ.

Вот так в общем виде мы видим формы ведения той войны. Здесь надо еще раз отметить связь, запланированность и целесообразность тех мероприятий, которые осуществляла на разных уровнях московская власть. По мнению К. Базилевича, в московских нападениях на пограничные земли ВКЛ, несмотря на их внешне хаотичный характер, «отсутствовал элемент случайности или личной инициативы отдельных московских вотчинников». Как отмечал А. Зимин, на юго-западе страны Иван III сам руководил военными действиями.

Что же могло противопоставить ВКЛ столь сильной организации и подготовленности к ведению войны?

Безусловно, на восточной границе была создана своя система обороны. Она начала складываться еще с начала XV века, когда сформировалась литовско-московская граница. Во главе ряда периферийных княжеств и владений был поставлен смоленский наместник, который, помимо прочего, исполнял функции военного руководителя, командира ополчения. По словам М. Любавского, Смоленский уезд с московской стороны был окружен «поясом княжеств и владений, отдававшихся в судебно-административном отношении наместникам, причем все эти княжества и владения имели свое военно-политическое средоточение в Смоленске».

Однако далеко не все пограничные княжества и владения подчинялись наместникам великого князя. Они были только в Мценске, Любуцке, Серпейске, Брянске и Торопце. Другие города оставались центрами удельных владений, находившихся в разной степени зависимости от великокняжеской власти.

Великий князь литовский имел возможность вмешиваться в земельные дела в пограничных княжествах. Известно, что в Вяземском княжестве хлепеньской волостью Рогачев владел пан Иван (Ян) Ходкевич, а в непосредственной бли-

Зимний поход москвитян на Литву (худ. С. Иванов; 1903 г.)

зости от московской границы обосновались князья Крошинские и Глинские. Разбавление среды местных князей выходцами из других областей ВКЛ в определенной степени гарантировало интеграцию периферии с центром.

Система обороны Вяземского княжества доказала свою устойчивость. Методическое давление на вяземское пограничье не привело к ожидаемому результату. Преимущественное большинство вяземских землевладельцев осталось верным великому князю литовскому. В конце 1492 г. на сторону Москвы перешел только князь Андрей Юрьевич Вяземский, вотчиной которого было единственное село с деревнями на Днепре, правда, в самой Вязи он владел дворами, собирал пошлины, имел казну и людей. После измены все владения князя Андрея достались князю Михаилу Дмитриевичу Вяземскому.

А вот сходные мероприятия, проведенные среди верховских князей, не имели успеха. Сдерживать своевольные устремления местных землевладельцев должен был ряд государственных наместничеств, и в первую очередь мценское и любуцкое. После многочисленных походов, осад и погромов окрестностей во время первой войны города Мценск и Любуцк остались в составе ВКЛ. Но Любуцк оказался теперь в окружении московских владений и получил, таким образом, статус эксклава. Мценск тоже превратился в форпост, выдвинутый далеко на правый берег Оки, при том что все правобережье реки (кроме Любуцка) было уже московским.

Однако шаткая среда верховских князей не выдержала. Ряд привилегий, которые сохранялись или появлялись у пограничных князей, оставлял им возможность отказаться от службы великому князю литовскому (послать великому князю литовскому «отказ» или «целование королю с себя сложить») и перейти на сторону Москвы вместе со своими вотчинами. Это обстоятельство в сочетании с московским давлением и конфликтом в среде самих верховских князей облегчало присоединение верховий Оки к Москве.

Тем не менее, распространение московской власти на верховья Оки не было простым делом. Даже военный захват не гарантировал присоединения определенной территории к Москве. Так, московские походы 1492–1493 г. затронули города Любуцк, Мценск, Мезецк, Серпейск, Мосальск, Опаков. Большинство их, кроме Мезецка и Серпейска, было сожжено. Однако ни один из мосальских князей не перешел на службу к великому князю московскому, а три сожженных города (Любуцк, Мценск, Опаков) принадлежали не удельным князьям, а управлялись великокняжескими наместниками или частными владельцами. Присоединения их к Москве в 1494 г. не произошло. В Опакове была занята только часть территории его волости, заходившая на левый берег Угры.

Как видим, территории, где московская власть не имела твердой опоры, оставались за ВКЛ. С другой стороны, переход на московскую службу того или другого пограничного князя не гарантировал распространения новой власти на все его владения. Так, воротынские князья, которые владели огромным массивом земель вдоль Угры, после перехода на московскую сторону практически всё потеряли, несмотря на то, что эти земли были их вотчинами. Вообще же правительство ВКЛ делало определенную ставку в обороне границ государства на князей Воротынских, которая не оправдалась.

Если окинуть взором всю линию литовско-московской границы, охваченной войной, то можно убедиться, что территории под великокняжеским управлением в полном составе сохранились за ВКЛ. Под московским давлением ВКЛ потеряло часть владений верховских князей, но главное сохранило – мценско-любуцкое наместничество и линию обороны вдоль реки Угры. Вяземские же князья не смогли ничего противопоставить зимнему 1492/93 г. наступлению сильного московского войска (5 полков воеводы Данилы Васильевича Щени). Вяземское княжество было полностью присоединено к Москве и постепенно стало центром поместного землевладения.

Отметим, что тенденция преобразования Вяземского княжества в сторону поместного землевладения отражала общую политику московской власти. Суть дела в том, что опасность потери пограничного региона, в котором оставались на своих местах тамошние землевладельцы, могла сохраняться довольно долго. Так, Гомейская земля в 1537 г. была возвращена ВКЛ именно потому, что после московского захвата в 1500 г. с нее не вывели местную шляхту. Насаждение поместного землевладения, с одновременной ликвидацией вотчинного ярко свидетельствует о стремлении прочно закрепиться в присоединенном регионе. Политически ненадежные вяземские землевладельцы (многих привели к присяге насильно), безусловно, не могли служить фундаментом для власти московского великого князя.

Часть 3

Системе обороны восточной границы ВКЛ, основу которой составлял ряд периферийных княжеств и наместничеств, противостояла подобная ей система удельных княжеств ВКМ.

Явно умышленным выглядит выделение литовскому перебежчику князю Федору Ивановичу Бельскому вотчины в новгородских землях на границе с Торо-

пецким уездом ВКЛ. Именно отсюда происходили набеги людей князя Бельского на торопецкие волости в 1489 и 1490 г. Непосредственно против Вяземского княжества были направлены действия великого князя Ивана Ивановича Молодого из Тверского удела, удельного князя Андрея Васильевича Углицкого из Можайска. Рядом с границей размещался также массив земель Волоцкого удела князя Бориса Васильевича (Волок Ламский, Ржева, Руза, Вышгород, Шопкова Слобода). Из Ржевского уезда оказывалось давление на Торопецкий уезд.

В 1486 г. в Москве произошло переоформление договоров с теми удельными князьями, что еще сохранились — Андреем Васильевичем Углицким и Борисом Васильевичем Волоцким, а Михаил Андреевич, князь Верейский и Белозёрский написал духовную грамоту (т.е. завещание) под московскую диктовку. В отличие от великого князя литовского, который стремился обеспечить верность удельных князей путем подтверждения их прав и льгот, а также раздачи новых владений, в Москве продолжалось наступление на удельные права родственников великого князя московского, регламентировались и контролировались все их действия, закреплялось подчинение великому князю. Удельные князья в Московском государстве были осуждены. Князь Андрей Углицкий умер в заключении в 1493 г. после ареста «за измену». Василий, старший сын князя Михаила Андреевича, в 1483 г. бежал от гнева Ивана III в ВКЛ, после чего верейско-белозёрскому князю и пришлось в своем завещании оставить все свои владения великому князю.

Система обороны московской границы была ориентирована не на сдерживание вражеских действий, а на развертывание своего наступления. В этой связи возникают вопросы: какие боевые действия со стороны ВКЛ были противопоставлены московскому нашествию и делались ли попытки «прощупать» оборону московской границы?

Несмотря на ничтожность войск, находившихся на направлениях московских ударов, и почти полное пренебрежение восточным направлением во внешней политике Казимира Ягайловича, реакция со стороны ВКЛ была четкой. Прежде всего, власти ВКЛ пытались задействовать дипломатический путь урегулирования конфликта. Но с определенного момента этот механизм решения пограничных проблем перестал работать. То, что раньше можно было решить на местном уровне, теперь передавалось в верхние инстанции, становилось делом посольств и натыкалось на глухие стены московской политики. В ответ на жалобы о нарушениях границы, захватах и грабежах, из Москвы шли протесты на литовские действия.

Однако в посольских книгах хорошо видна недостоверность, даже какая-то абстрактность московских жалоб в отличие от конкретных, подробных перечней и документальных свидетельств, которые шли из ВКЛ.

Московский воин XV века

Тот момент, когда Москва отказалась от дипломатических методов решения конфликта, иначе говоря, вступила на путь войны, четко отразился в словах боярина Семена Борисовича хану Менгли-Гирею в марте 1486 г.: «А осподаря нашего великого князя люди безпрестанно емлют королеву землю». Вот тот рубеж, который отделил время, когда Москва еще могла пойти на контакт, от ее твердого намерения вступить в конфронтацию.

Тяжелая московская конница

Попытки дипломатического решения конфликта не прерывались в течение всей войны, которой формально как бы и не было. Но ситуация требовала действий другого плана. В борьбе на пограничье литовская сторона использовала способы пассивной и активной обороны. Структура боевых действий ВКЛ не так сложна, как московская, но и ее можно классифицировать по нескольким категориям.

1. Большой поход объединенных войск восточной части ВКЛ (единственный) из Смоленска к верховьям реки Оки с целью освобождения потерянных там городов (1492 г.). Поход был успешным, но в ответ Иван III прислал сильное войско, ликвидировавшее достигнутый результат.

2. Действия мелких формирований мценско-любуцкого, торопецкого и брянского наместников, задачами которых были диверсии на московской границе с Полем и нападения на московские земли в ответ на опустошения московцев. Уничтожение московских сторожей, следивших за опасностью с Поля, делалось с целью ослабления московской границы. Что касается грабительских по характеру нападений на калужские, алексинские и другие земли (если они на самом деле были, так как заявления Москвы о них вызывают сомнения), их можно объяснить местью за соответствующие действия из-за границы.

3. Нападения на московское пограничье вяземских и верховских князей, наместников пограничных земель ВКЛ, других землевладельцев. Свидетельства об этих действиях содержатся исключительно в речах московских послов и бояр, и часто имеют недостоверный характер, без конкретизации времени, места и последствий нападений. Кажется, что пограничные стычки перерастали во взаимную месть, в которой уже невозможно определить, кто виновник.

4. Борьба верховских князей между собой, часть которых служила ВКЛ, а часть — Москве. Сюда же надо отнести те действия, что осуществляли именно те князья, которые были на стороне Литвы.

5. Организация преследования московских войск, возвращавшихся на свою территорию с пленом и добычей. Эти действия сопровождались боями, которых было немного в течение всей войны. Один из таких боев (под Воротынском в 1489 г.) принес победу войску ВКЛ.

Как видим, масштаб военной активности ВКЛ был сравнительно невелик. Инициатива в войне принадлежала Москве. С учетом этого обстоятельства боевые действия на литовско-московской границе можно условно разделить на три основных направления:

1) северно-западный (касался Торопецкага уезда);

2) западный (против Вяземского княжества);

3) юго-западный (в сторону Оки и Угры).

Наиболее активно война велась на втором и третьем направлениях. Первый находился в стороне и был отрезан от основного ТВД слабо освоенными пространствами, разделявшими Бельское княжество ВКЛ и Ржевскую землю (в составе удела московского князя Бориса Васильевича Волоцкого).

Среди пограничных новгородских земель были такие, что еще с XIV века платили дань (черную куну) ВКЛ – так называемое Чернокунство*. Выплата черной куны рядом новгородских волостей гарантировала безопасность южной границы Новгорода Великого. Непосредственно к Чернокунству относились Холмский погост и волости Марево, Малвятицы, Стерж, Кунска, Березовец, Лопастицы, Буйцы и Жабна.

От собственно Чернокунства отделялись Великие Луки и Ржева – исконно новгородские владения. Кроме черной куны, они платили в ВКЛ другие налоги (с Ржевской земли «коровщина» или «яловщина» и тивунская пошлина). Статус Великолукской и Ржевской земель походил на совместное новгородско-литовское владение. Известно, что в Ржевской земле собирал черную куну и чинил суд литовский наместник, а новгородским были землевладение и некоторые доходы. После присоединения Новгорода к ВКМ (1478 г.) некоторое время ВКЛ предъявляло претензии на черную куну, от чего не отказывался сначала и великий князь Иван III, который, однако, выплаты остановил.

Передача князю Ф.И. Бельскому волостей из числа чернокунских и размещение в Великих Луках сильного контингента московских войск делалось и ради того, чтобы закрепить эти территории за Москвой. В результате еще одним достижением войны для Москвы стало полное присоединение значительной территории, так как после заключения «вечного» мира 1494 г. власти ВКЛ уже не домогались Чернокунства.

Легкая московская конница

* Термин «куна» (в первоначальном значении – шкурка куницы) с X по XVII вв. обозначал на Руси деньги. В период, описываемый автором статьи, 1 куна означала 150 долю серебряной гривны (примерно 4 грамма). Словосочетание «черная куна» означает, что дань платилась преимущественно пушниной (мехами). – *Прим. ред.*

Таким образом, на северо-западном направлении, несмотря на то, что оно было периферийным, тоже решались важные тактические задачи — закрепление за Москвой литовско-новгородских совместных владений и давление на Торопецкий уезд ВКЛ, имевший тесные экономические связи с Чернокунством.

Столь же удачным для Москвы было западное направление. На протяжении нескольких лет Вяземщина страдала от опустошительных нападений из-за границы и постепенного захвата своих волостей, в результате она не смогла в нужный момент дать отпор московскому войску. Именно для западного направления характерно выделение двух периодов войны: 1486–1492 гг. — подготовительный («скрытая война»), 1492–1493 г. — решительные действия по реализации итогов первого периода.

На юго-западном направлении московская политика была хорошо продуманной. Осторожными действиями здесь можно было достичь более значительных успехов, чем открытым военным давлением. И действительно, Москва использовала определенные рычаги в отношениях с местными князьями, точечные удары по пунктам сопротивления и в результате малыми средствами сделала много. Но надо отметить, что после определенных успехов дальнейшее развитие наступления в регионе Верхней Оки было сознательно остановлено. Продолжение войны могло привести к конфликту со всеми странами династии Ягайловичей, чего, безусловно, Иван III опасался. Таким образом, третье направление боевых действий не было до конца реализовано. Вопрос принадлежности остатков Верховских княжеств, а также Северской земли решался в следующей войне 1500–1503 гг.

В общем ходе войны можно выделить два периода — до 1492 г. и после него, весьма различные по содержанию. Период 1486–1492 г. заполнен мелкими нападениями московских служилых людей на пограничные земли ВКЛ, рейдами московских удельных князей в глубь порубежья, захватами ближайших к границе волостей. Военные действия 1492–93 г. со стороны Москвы (за малым исключением) направлялись на главные центры власти ВКЛ в порубежье и в определенном смысле завершали то, что было сделано в предущий период. К тому же времени относятся более активные действия и с литовской стороны.

Именно для первого периода больше подходят определения «хитрая» или «странная» война. Как московские, так и литовские центральные власти в то время считали за лучшее не использовать великокняжеские войска, а удовлетворяться силами наместников, служилых и удельных князей. Результатом и следствием первого периода войны стал подрыв системы обороны восточной границы ВКЛ.

Во второй период на первый план вышли действия крупных московских контингентов, которые осуществляли крупные операции: захватывали города, закрепляли княжеские владения. Эти события, в отличие от первого периода, отразились в разрядных книгах, фиксировавших действия московского правительства по назначению, размещению и отправлению служилых людей.

Кроме разрядных и посольских книг дополнительные свидетельства о рассматриваемой войне (официально-тенденциозного характера) можно найти в московском летописании, а некоторые события отражены и в беларуско-литов-

ских летописях. Данные отдельных актов метрики ВКЛ заполняют пробелы при изучении историческо-географических обстоятельств войны.

Теперь, опираясь на указанную схему (структура боевых действий, направления их реализации, периодизация), предложим развернутый свод событий первой пограничной войны. Их нумерация соответствует структуре, которая приведена выше, а буквами обозначены направления военной активности.

Первый период войны (1486–1492)

1.3. В. *Весна 1486 г.* «Татьба» – разбой и грабеж любуцких и мценских людей – то есть сочетание тайного и открытого грабежа территории мценско-любуцкого наместничества. Цель – удар по центру власти ВКЛ в регионе Верхней Оки.

2.1. В. *Начало мая 1486 г.* Нападение людей великого князя рязанского Ивана Васильевича на Мценск. Город (кроме замка) сожжен, пригородные села опустошены, люди выведены в плен. Цель – та же.

2.1. Б. *До осени 1486 г.* Опустошение людьми князя Андрея Васильевича хлепеньских волостей (среди них, вероятно, Рогачев, Фоминская, Березуй, Ждат) и сел, кража коней (150), другой скотины (в т.ч. 150 коров) и имущества (на 60 рижских рублей).

2.1. Б. *До осени 1486 г.* Опустошение служилыми людьми князя Андрея Васильевича волостей вяземского князя Михаила Дмитриевича (Могилен, Негодин, Миценки), сжигание сел, ограбление церкви, вывод коней (70), другой скотины (в т.ч. 150 коров) и имущества (на 60 рижских рублей).

2.1. Б. *До осени 1486 г.* Опустошение служилыми людьми князя Андрея Васильевича Ореховны – волости вяземского князя Михаила Дмитриевича, сжигание сел, захват коней (8), коров (40) и имущества (на 12 рижских рублей).

2.1. Б. *Осень 1486 г.* Опустошение служилыми людьми князя Андрея Васильевича двора Дубровского и волости Дубровской, принадлежавших вяземскому князю Михаилу Дмитриевичу, захват волостного наместника под выкуп, грабеж дома наместника, похищение коней (300) и имущества (на 40 рижских рублей).

1.2.1. Б. *1486–1487 гг.* Занятие волостей князей Крошинских – Тешиновичи (Тешиново), Сукромна (Сукрома), Ольховец, Надслав, Лела и Отъезд людьми великого князя, и передача их в управление представителю московской администрации дьяку Василию Долматову. В волостях Ольховец, Лела и Отъезд Василий Долматов посадил свыше 200 семей, в волостях Тешиново и Сукрома – более 300.

2.1.2. Б. *До середины осени 1487 г.* Появление в хлепеньской волости Ждат дворского тиуна князя Андрея Васильевича (тиун управлял бывшей волостью князей Крошинских – Тишиновичами), опустошение волости, сожжение сел, захват коней, коров и другой скотины, имущества. Возможно, отправление в волость Ждат именно тиуна свидетельствует о подготовке ее территории для организации слобод и присоединения к владениям князя Андрея Васильевича.

2.1. Б. *До середины осени 1487 г.* Опустошение служилыми людьми князя Андрея Васильевича волостей вяземского князя Михаила Дмитриевича (Могилен, Негодин, Миценки).

2.2. Б. *До середины осени 1487 г.* Занятие волости Ореховна и организация в ней слободы людьми князя Андрея Васильевича. Наверно, тогда же были заняты волости Могилен и Миценки (Мицонки), в которых, согласно посольской жалобе 1490 г., были посажены наместники названного князя.

2.3.2. Б. *До середины осени 1487 г.* Ограбление слуг вяземского князя Михаила Дмитриевича, которые везли дань из волости Негодин (12 рижских рублей, 8 коней с возами, имущество на 10 рижских рублей). Осуществили его люди князя Андрея Васильевича.

2.3.2. Б. *До середины осени 1487 г.* Уничтожение теми же людьми посольской дороги и создание новой, на волость Дуброву (Дубровскую) и двор Дубровский.

2.3.1. Б. *До середины осени 1487 г.* Увеличение торговых пошлин князем Михаилом Вяземским. Слуги князя Андрея Васильевича полностью контролировали пути внешних сношений Вяземского княжества и чинили преграды торговле. В это же время власти ВКЛ тоже подняли торговые пошлины и, кроме того, чинили злоупотребления в отношении московских купцов, проезжавших через их территорию. По посольским книгам складывается впечатление, что против московских купцов была объявлена настоящая торговая война.

4. В. *ВКЛ. Лето 1487 г.* Поход людей князей Мезецких на вотчину князей Одоевских, которые служили Москве (видимо, на Одоев и окрестность), грабеж, вывод пленных (женщин и детей). Окольничий великого князя Петра Михайловича Плещеева утверждал, будто первыми напали на вотчины московских служилых князей люди князей Мезецких, служивших ВКЛ. Якобы в ответ, с целью отбить полон, была совершена акция московской стороны.

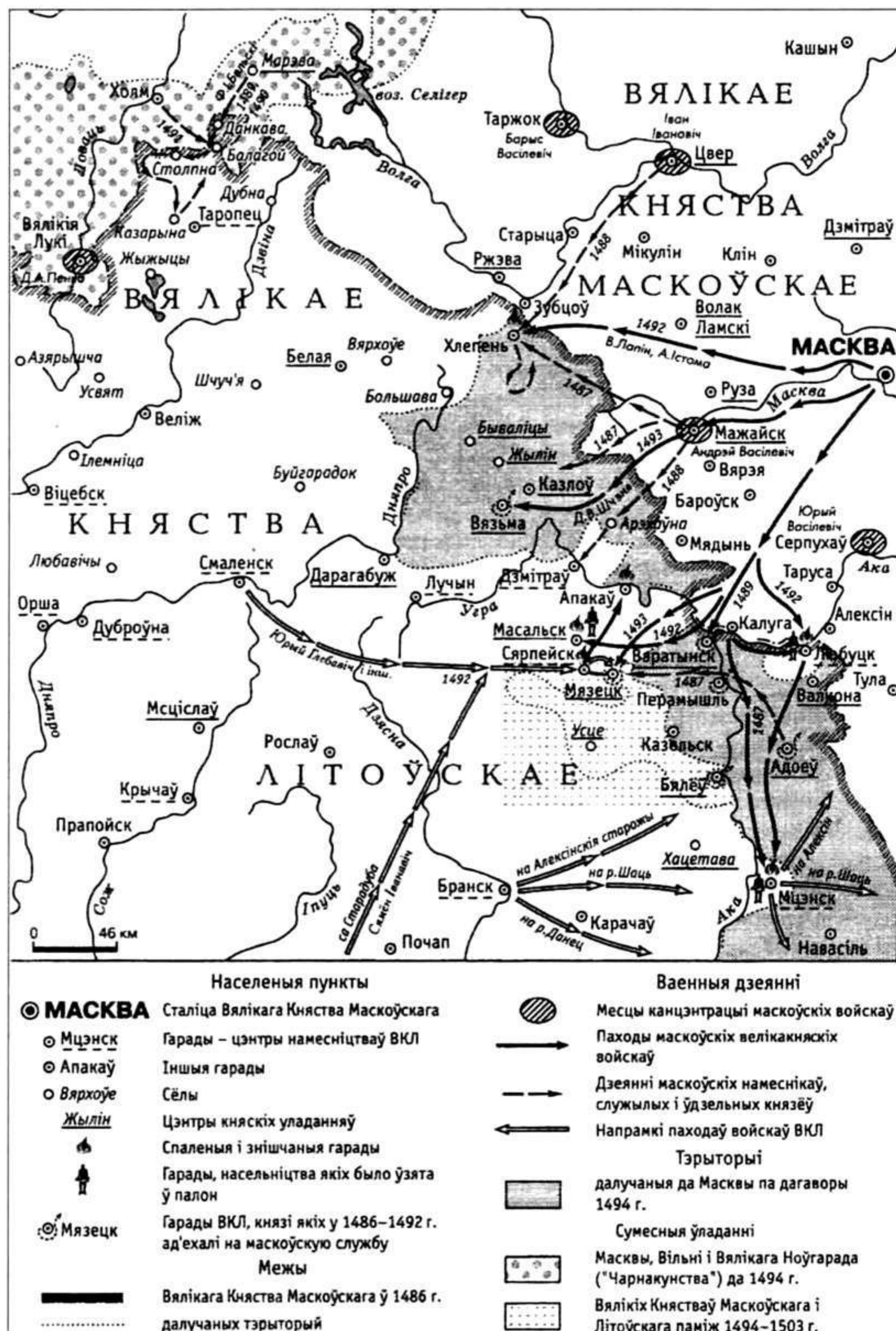
3.1. В. *Август 1487 г.* Нападение людей князей Ивана, Василия и Петра Семеновичей Одоевских и Ивана Михайловича Перемышльского (Воротынского), которые служили Москве, на Мезецк, взятие плена и захват имущества. Местные Мезецкие князья догнали грабителей и 13 августа 1487 г. произошел бой, в котором Мезецкие потерпели поражение. Это первое серьезное военное столкновение той войны. Несмотря на поражение, Мезецкие тоже взяли плен и пограбили.

1.2.1.и 1.3. Б. *До середины осени 1487 г.* Приход людей московского великого князя на вотчины князей Глинских (Щательша и Судилов), ограбление церкви (на 10 коп денег), сжигание дворов, вывод плена (4 женщины), похищение скота (коней 100, коров 150, овец 200) и имущества более чем на 100 коп денег.

1.3. В. *До середины осени 1487 г.* Приход московских людей на Недоходов — вотчину смоленского наместника князя Тимофея Владимировича Мосальского. В этом направлении тогда действовали люди князя И.М. Перемышльского (Воротынского) (25 чел.), которые взяли коней и имущества на 50 рублей.

1.3. В. *До середины осени 1487 г.* Нападение «татей» (70 чел.) со стороны медынского наместника Василия Давыдовича Пёстрого на Недоходов — вотчину князя Т.В. Мосальского, захват коней (13) и имущества на 15 московских рублей.

3. Б. ВКЛ. *До конца 1487 г.* По утверждению московского удельного князя Андрея Васильевича, его людям и «иным нашим украинным людем» со стороны князей украинных и иных людей чинились разбои, наезды и грабежи, много людей побито и уведено в плен, захвачено имущество, уничтожены, ограблены и уве-

Кашын
ВЯЛІКАЕ
КНЯСТВА
МАСКОЎСКАЕ
Таржок
Барыс Васілевіч
Іван Івановіч
Цвер
Волга
Дзмітраў
Старыца
Мікулін
Клін
Ржэва
Зубцоў
Волак Ламскі
МАСКВА
1492
В.Лапін, А.Істома
Хлепень
Руза
Масква
Мажайск
Андрэй Васілевіч
Вярэя
Бароўск
Мядынь
Юрый Васілевіч
Серпухаў
Ака
Таруса
Алексін
Калуга
Любуцк
Тула
Варатынск
Перамышль
Мязецк
Сярпейск
Масальск
Апакаў
Дзмітраў
Лучын
Угра
Дарагабуж
Смаленск
Вязьма
Казлоў
Жылін
Быв
аліцы
Большава
Вярхоўе
Белая
Холм
Марава
воз. Селігер
Данкава
Балагой
Столпна
Дубна
Таропец
Казарына
Вялікія Лукі
Жыжыцы
Дзвіна
Ловаць
1494
1488
1487
1493
1489
Азярышча
Усвят
Шчуч'я
Веліж
Ілемніца
Віцебск
Буйгарадок
Дняпро
КНЯСТВА
ВЯЛІКАЕ
Любавічы
Орша
Дуброўна
Юрый Глебавіч і інш.
Мсціслаў
Рослаў
Дзясна
ЛІТОЎСКАЕ
Усце
Казельск
Бялеў
Адоеў
Крычаў
Прапойск
Сож
на Алексінскія старожы
Хацетава
на р.Шаць
на Алексін
Мцэнск
Навасіль
Бранск
Карачаў
на р.Данец
Почап
Іпуць
са Стародуба
Сямён Іванавіч
0 46 км
Населеныя пункты
МАСКВА — Сталіца Вялікага Княства Маскоўскага
Мцэнск — Гарады – цэнтры намесніцтваў ВКЛ
Апакаў — Іншыя гарады
Вярхоўе — Сёлы
Жылін — Цэнтры княскіх уладанняў
Спаленыя і знішчаныя гарады
Гарады, насельніцтва якіх было ўзята ў палон
Мязецк — Гарады ВКЛ, князі якіх у 1486–1492 г. ад'ехалі на маскоўскую службу
Межы
Вялікага Княства Маскоўскага ў 1486 г.
далучаных тэрыторый
Ваенныя дзеянні
Месцы канцэнтрацыі маскоўскіх войскаў
Паходы маскоўскіх велікакняскіх войскаў
Дзеянні маскоўскіх намеснікаў, служылых і ўдзельных князёў
Напрамкі паходаў войскаў ВКЛ
Тэрыторыі
далучаныя да Масквы па дагаворы 1494 г.
Сумесныя ўладанні
Масквы, Вільні і Вялікага Ноўгарада ("Чарнакунства") да 1494 г.
Вялікіх Княстваў Маскоўскага і Літоўскага паміж 1494–1503 г.

дены в плен много сторожей. Известны такие жалобы не только от князя Андрея, но и от других московских «украинников».

4. В. ВКЛ. *До конца 1487 г.* По жалобе князя Ивана Васильевича Белевского (служил Москве с конца 1487 г.), князья Дмитрий и Семен Федоровичи Воротынские (служили ВКЛ) чинили грабежи и захваты в плен его людей, с расчетом на последующую продажу последних.

2.1. Б. *Осень 1487 г.* Поход «войною» служилых людей князя Ивана Ивановича Молодого из Твери на Хлепень (принадлежал князю Михаилу Вяземскому), грабеж города, захват пленников, опустошение волостей Джать (Ждат) и Понизовье — «выбрали и выжгли», опустошение волости Труфанов (вяземского князя Бориса Дмитриевича) — «звоевали и огнем выжгли», опустошение волостей Негомир и Сачовка князя Василия Бывалицкого («звоевали и выграбили»).

Относительно хлепеньской земли (север Вяземского княжества) существовала обоснованная претензия Москвы, опиравшаяся на литовско-московский договор 1449 г. В нем сказанно: «А Федора Блудова, а Александрова Борысова сына Хлепеньского, и кн(я)зя Романова Фоминског(о), и их братьи и братаничов отчыны, земли и воды все мое, великого князя Васильево» [Василия Темного. — *Авт.*]. Центры волостей Негомир и Сачовки находились по разным сторонам реки Вазуза, на юг от Хлепеня. К востоку от них находились волости князей Крошинских, которые к тому времени были уже московскими.

Возможно, здесь обобщены два события — приход детей боярских князя Андрея Васильевича под Хлепень и опустошение хлепеньских волостей людьми князя Ивана Молодого. Они упоминаются в июне 1490 г. в посольских жалобах Литвы. В жалобах 1492 г. отмечается, что люди великого князя волость Негомир «засели». При этом было совершено нападение и на Бывалицу князя Василия Бывалецкого.

2.2. В. ВКЛ. *Конец марта – начало апреля 1488 г.* Поход людей из Любуцка вдоль Серпуховской дороги до реки Лопасны (левый приток Оки), победа над людьми великого князя Федки Ордынца («неделю в четвертую поста»), кража денег, коней и другого имущества на 25 рублей. Это довольно значительный поход за добычей в глубь московской территории — за Серпухов, до реки Лопасны. Это и последующие действия с территории мценско-любуцкого наместничества свидетельствуют о довольно сильных военных ресурсах великого князя ВКЛ в регионе Верхней Оки.

1.3. В. *До конца 1488 г.* Поход московских полков (!) из Калуги на города Верхней Оки (Любуцк и Мценск?), убийства людей, пленение, захват имущества. Вероятно, это нападение было направлено против центров великокняжеской власти в регионе и не затронуло владений местных князей.

3.1. А. *До конца 1488 г.* «Наезды», грабежи, насилие и другой вред жителям Торопца от людей князя Федора Ивановича Бельского, который сидел севернее, в Мареве, и методично давил на пограничные земли ВКЛ. Торопчане называются «данниками» Казимира, но Москва имела обоснованные претензии на Торопец, так как он был тесно связан с Чернокунством и Новгородом.

2.1. Б. *До конца 1488 г.* Рейд людей князя Андрея Васильевича к Дмитрову (на Угре), убийства, захват в плен, захват имущества. Город Дмитров принадлежал Смоленской земле и являлся важным форпостом в системе обороны восточной

границы ВКЛ. Возможно, о тех же событиях идет речь в посольских книгах в 1489 г., когда было ограблено 50 деревень, взяты 42 коня и имущество на 70 рижских рублей. Забегая вперед, надо сказать, что город Дмитров после 1494 г. остался в составе ВКЛ и даже не потерял своих заречных земель.

2.1. Б. *До конца 1488 г.* Поход людей князя Андрея Васильевича на Турье, волость князей Глинских, сжигание деревень, убийства, захват пленных (150 чел.), грабеж имущества (на 500 рублей). После приходили «розбоем» люди из волостей Сосновец и Холм (недалеко от верховий Протвы, напротив волости Турье), которые опустошили 32 деревни и награбили на 100 рублей.

1.3. В. *До конца 1488 г.* Приход людей из Лазынича, захват Меска, Бышкевичей, Лычина (князей Воротынских) и Недоходова (князя Т.В. Мосальского).

2.2. В. ВКЛ. *Конец 1488 г.* «Наезд» из Любуцка на калужские волости, убийства, грабежи. «Воеводка любутской» князя И.Ю. Трубецкого попал в плен.

3. В. ВКЛ. *Осень 1488 г.* Нападение большого войска князей Д.Ф. и С.Ф. Воротынских «с знамями и с трубами войною» на медынские волости, которые были ограблены и сожжены, много людей убили, а других взяли в плен. Вероятно, эта акция была совершена в ответ на предыдущее вторжение московских людей из Лазынича.

2.2. А. ВКЛ. *До конца 1488 г.* Опустошение новгородских волостей (Велила, Марева и др.) торопецким наместником князя Семена Соколинского, убийство слуг князя Ф.И. Бельского, вывод пленных. И это делалось в ответ на предыдущие действия московцев.

1.1.1. В. *Весна 1489 г.* Поход московского войска во главе с князем Василием Ивановичем Косым Патрикеевым (всего 11 воевод) на Воротынск, против князей Дмитрия и Семена Федоровичей Воротынских. Осада и сожжение города, захват в плен бояр и боярынь, других людей (всего до 7000). При возвращении московского войска его догнали воеводы ВКЛ «со многою силою», разбили, вернули пленников. Это одно из самых значительных событий первой пограничной войны. Непосредственным результатом похода стал отъезд на московскую службу князя Д.Ф. Воротынского.

3.1. А. *Зима – весна 1489 г.* Опустошение торопецких волостей людьми князя Ф.И. Бельского: в Казаринской волости сожжено 50 дворов, уведены в плен, ограблены 150 дворов; на Столпне сожжено 50 дворов, уведены в плен 22 чел.; на Воротигорцах и Понизовье сожжено 30 дворов, уведены в плен 10 чел.; в Селке (Сельцах) сожжено 11 дворов, уведены в плен 20 чел., забрано 35 коней, сожжено дворов в Унцове – 10, на Наволте – 10, в Мирилеве – 10, в Тяполове – 20, еще в Полесье, и повешены 6 человек, повсюду грабилось имущество. Казна ВКЛ не получила доходов с торопецких волостей за 11 лет (в общей сумме – 8562 рубля).

3.1. А. *Середина весны* («перед семою суботою за неделю») 1489 г. Люди князя Ф.И. Бельского, «наехавши войском, волость звоевали», сожгли 500 дворов, взяли в плен 500 чел., многих убили, ранили и повесили.

3.1. А. *29 июня (?)* (На святого Петра Запусты) 1489 г. Бояре князя Ф.И. Бельского воевали торопецкие волости, 30 дворов сожгли, 50 чел. взяли в плен.

2.2.1. А. *До лета 1489 г.* Наместник волости Вселуки (Ржевской земли) Василий Давыдович захватил часть торопецкой волости Дубны.

1.3. В. *Начало 1489 г.* («в Филиппов пост, перед Рождеством Христовым»). Калужане трижды приходили воевать любуцкие волости. Захват в плен Васки Протасева — наместника князя И.Ю. Трубецкого в Любуцке.

3. В. ВКЛ. *Весна 1489 г.* Приход «не тайно, явно войною» людей князей Д.Ф. и С.Ф. Воротынских на московские волости за Окой, их грабеж, захват в плен женщин и детей.

3.2. В. *Декабрь 1489 г.* Переход на сторону Москвы князя Д.Ф. Воротынского вместе со своей вотчиной, «дольницей» и казной брата Семена; принуждение бояр и слуг брата Семена к присяге и службе на свое имя. Захват и назначение наместников в городах Серенск и Бышковичи и в волостях Лычина и Недоходов, удержание города Козельск. Относительно Козельска Иван III в ответе литовскому послу пану Станиславу Петрашковичу утверждал, что тот «со всеми местами» по докончальной грамоте Василия II с Казимиром отходил к Москве. Однако в договоре 1449 г. такая запись отсутствует.

1.3. В. *До конца апреля 1490 г.* Приход московских людей во главе с Хоцетовским под город Опаков (принадлежал детям Сапеги), грабеж города, увод пленников. Нападение на Опаков (на правом берегу Угры), как и на Дмитров, это попытка ослабить оборону восточной границы ВКЛ.

2.1. В. ВКЛ. *Весна 1490 г.* Грабеж и уничтожение людьми из Мценска московских сторожей на реках Шать и Донец с целью ослабления московской границы с Полем. По словам Ю. Алексеева, нападения мценских людей угрожали всей системе сторожевой службы в Поле.

3. В. ВКЛ. *1490 г.* Остапок Воронцов «мечнянин» с другими ограбил деревню Ермаково Лопатино на Мстиславле на 100 рублей. Имеется в виду «въезд Мстисловль», который от таруских князей в середине XIV века отошел к Москве, потом (около 1381 г.) стал рязанским, а примерно в 1461–62 г. — опять московским. Находился к северу от Тулы.

1.2.1., 1.3. А. *До конца октября 1491* г. Наместник Холма Андрей Колычев послал людей на торопецкий погост Бологой, которые взяли плен, одних утопили в озере, других привели к присяге. Потом было еще нападение самого Колычева с людьми, убийство торопецкого наместника и других людей, вывод плена, опустошение волости. В результате значительные части Торопецкой и Казаринской волостей присоединили к Чернокунству. При этом Казаринская волость, в которой упоминаются села витебских бояр, четко отделяется от остальной части Торопецкой волости, что свидетельствует о принадлежности ее Витебску.

1.3. В. *До конца октября 1491 г.* Приход войной на «державу» Мценскую людей Васки Голохвастова, вывод плена (100 чел.) и грабеж.

2.1. В. ВКЛ. *Лето 1491 г.* «Наезд» людей из Мценска, Брянска и других «мест украйных» на московские сторожи в Поле, когда было награблено «на многое рублев».

3. Б. ВКЛ. *Осень 1491 г.* Люди Алёшки Хоткевича (Ходкевича) напали на тверские земли Лествицина, где ограбили 20 деревень, увели в плен 15 чел., награбив имущества на 150 рублей, и на Гридину слободку Золотилово, в которой ограбили и сожгли 15 деревень, в плен взято 10 чел., совершены убийства, взято имущества на 100 рублей.

2.1. В. ВКЛ. *Лето 1491 г.* «Мечняне» (жители Мценска) ограбили сторожи «алексинцев» (из города Алексина на Оке) на 50 рублей.

2.1. В. ВКЛ. *Лето 1491 г.* «Мечняне» ограбили сторожи на реке Шать на 50 рублей.

3.1. В. *До начала весны 1492 г.* Во время отъезда князя Федора Ивановича Одоевского (служил ВКЛ) его двоюродные братья Иван, Василий и Петр Семеновичи (служили Москве) захватили мать князя Федора, «засели» вотчину и удел последнего (половину Одоева и волости) с его боярами и урядниками, украли казну.

3.1. В. *До начала весны 1492 г.* Нападение людей князя Д.Ф. Воротынского вместе с калужанами и перемышлянами на брянские земли, грабеж четырех волостей, захват коней (70) и имущества на 200 коп грошей. Князь Воротынский при этом уже исполнял приказы своего нового хозяина – беспокоил пограничные земли ВКЛ в районе Брянска, который после 1486 г. был центром наместничества.

Литвин (справа) и московит: схватка в поле

3.2. В. *Начало 1492 г.* В отсутствие князя Андрея Васильевича Белевского (служил ВКЛ) его брат Иван захватил их третьего брата Василия, заставил его присягнуть Ивану III, и занял вотчину князя Андрея, а бояр, слуг и «черных людей» привел к присяге на свое имя.

1.1.1. В. *1491–1492 гг.* Поход 5 московских полков во главе с князем Данилой Дмитриевичем Холмским, Яковом Захарьичем, князем Владимиром Андреевичем Микулинским «в Северу ко князьям». О боевых действиях во время этого похода ничего неизвестно. Возможно, ряд указанных выше событий, которые происходили в регионе Верхней Оки, были связаны именно с приходом «в Северу ко князьям» сильного контингента войск московского великого князя.

3.А. ВКЛ. *Весна 1492 г.* Торопецкий наместник Зенка с людьми пришел войной на Холмский погост, ограбил на 1000 рижских рублей и сжег двор наместника Андрея Колычева, опустошил и волость, сжег 60 деревень, много людей убил, а 30 человек с женами и детьми увел в плен (общий ущерб на 700 рижских рублей). Видимо, это нападение было местью за соответствующее действие холмского наместника.

3. А. ВКЛ. *Начало 1492 г.* Нападение литовских людей на Хранский стан – Лугскую волость Великих Лук, грабеж деревень (на 200 рижских рублей), захват в плен 16 чел., повешено при этом 8 человек.

2.2. В. ВКЛ. *Начало 1492 г.* Представитель любуцкого наместника Бориса Семеновича Александрова напал на владения боярского сына Челищева в Алексине, взял в плен 4 чел., причинил ущерб на 15 рублей.

2.1. В. ВКЛ. *Лето 1492 г.* Грабеж и уничтожение людьми из Мценска и Любуцка московских сторожей.

2.2. В. ВКЛ. Лето 1492 г. Люди из Мценска и Любуцка пожгли и ограбили волости и села московской украйны, забрали имущество и пленных.

Второй период войны (1492–1494 гг.)

1.1.1. В. *Август 1492 г.* Поход московского войска во главе с князем Федором Васильевичем Телепнём-Оболенским «со многими люди войною безвестно», захват и сожжение городов Любуцк и Мценск, пленение наместника Бориса Семеновича Александрова, бояр мценских и любуцких с женами и детьми и других людей (1500 чел.), грабеж имущества. Это была одна из последних акций по уничтожению системы обороны ВКЛ в регионе Верхней Оки. Непосредственным результатом похода явился переход на московскую службу ряда князей, которые держались почти до конца: Семена Федоровича Воротынского, Андрея и Василия Васильевичей Белевских, Михайлы Романовича Мезецкого.

3.1. В. *[Август] 1492 г.* Поход князей И.М. Воротынского и братьев Одоевских на Мосальск (принадлежал великому князю литовскому), в результате город сожжен, князья Мосальские с женами, детьми и многими людьми выведены в плен, причинены большие разрушения, велся грабеж.

3.2. В. *Ноябрь – декабрь 1492 г.* Князь Семен Федорович Воротынский при переходе на сторону Москвы захватил города Серпейск и Мезецк.

1. В. *Начало 1493 г.* Поход войска ВКЛ во главе со смоленским наместником Юрием Глебовичем и князем Семеном Ивановичем Можайским при участии князей Друцких из Смоленска в регион Верхней Оки, захват городов Серпейска и Мезецка, опустошение волостей, убийства и пленение людей, захват казны князя Михаила Романовича Мезецкого.

1.1.2. В. *Февраль 1493 г.* Поход московского войска во главе с князьями Федором Васильевичем Рязанским, Михаилом Ивановичем Колышком, Александром Васильевичем Оболенским, воеводой великого князя рязанского Ивана Васильевича Инкой Измайловым и др., вместе с Воротынскими, Одоевскими и Белевскими князьями и князем М.Р. Мезецким, захват городов Мезецк, Серпейск, Мосальск, Городечно, Опаков, сжигание укреплений, пленение «литвы», смолян и городской знати (530 чел.). Этим походом локальный успех войска ВКЛ был сведен до нуля. Кроме его гарнизонов там уже никто и не противостоял московскому наступлению.

1.4. А-В. *Зима 1493 г.* Концентрация московского войска «против Литвы»: в Новгороде (Яков Захарьевич), в Пскове (князь Василий Федорович Шуйский), в Великих Луках (кн. Данила Александрович Пенка), в Можайске (кн. Василий Иванович Косой Патрикеев, Семен Иванович Воронцов), в Твери (кн. Данила Васильевич).

1.2.1. Б. *Осень 1492 г.* Люди Ивана III пришли войной и «засели» город Хлепень и волость Рогачев, взяли в плен наместников и других людей, ограбили имущество. Позже Хлепень был объявлен московским по старым договорам, а Рогачев якобы принадлежал Тверской земле.

Б. ВКЛ. *Конец 1492 г.* В ответ на переход князя Андрея Юрьевича Вяземского на московскую службу Михаил Вяземский захватил его вотчину (село на Днепре), а также дворы, пошлины и казну перебежчика. Это единственный случай перехода хоть кого-то из многочисленных вяземских князей на сторону Москвы. Владения изменника были очень маленькими, к тому же ему не удалось сохранить даже их.

1.1.2. Б. *Зима 1492–1493 гг.* Поход московского войска во главе с князем Данилой Васильевичем Щеней на Вязь, захват ее, взятие в плен вяземских князей, приведение к присяге как князей и панов, так и других жителей. Вяземские князья быстро вернулись на свои места, но через несколько лет всех их отправили во внутренние районы Московского государства. Вяземщина стала краем московского поместного землевладения. В беларуско-литовском летописании отсутствуют сведения о возвращении на свои вотчины вяземских князей, зато говорится о гибели в заключении вяземского князя Михаила Дмитриевича.

1.4. А-В. *Лето 1493 г.* Концентрация московских войск на Березе (кн. Юрий Иванович, Борис Васильевич), в Серпухове (кн. Василий Иванович, Борис Михайлович Туреня), в Тарусе (кн. Иван Лыко) и в Можайске (кн. Андрей Фёдорович).

Вот так проходят перед нами события той малоизвестной войны, войны во время мира. Сообщения посольских книг отражают не все ее события. Что-то дополнено материалами разрядных книг, взято из летописей, но, безусловно, остались и пробелы. Тем не менее, собранной информации хватает, чтобы мы могли сделать выводы о характере войны, ее общем ходе, последствиях и т.д.

Нет смысла останавливаться на условиях «вечного» мира 1494 г. и спорах вокруг их – это тема отдельного исследования. Но надо заметить: несмотря на все те военные успехи, которых добилось ВКМ – почти полное уничтожение системы обороны ВКЛ и предупреждение любых действий со стороны литовских властей – общие результаты войны для Москвы оказались весьма скромными. Возвращались захваченные города, воссоздавалась граница. Главной причиной тому было отсутствие опоры и симпатий к московской власти во многих местах.

ГЕРОИ, ПРЕДАТЕЛИ И ПРИСПОСОБЛЕНЦЫ ВО ВРЕМЕНА «ПОТОПА»

Наталья Слиж, *кандидат исторических наук*

Современная историография войны между Речью Посполитой и Московией в 1654–1667 гг. представлена работами, освещающими ход военных событий, дипломатические отношения, людские потери. Однако лишь немногие исследования освещают повседневную жизнь людей в тот период. В этой статье мы попытаемся рассмотреть поведение шляхты ВКЛ и мотивацию ее поступков во время войны.

Шляхта занимала в тогдашнем обществе привилегированное положение, играла важную роль в системе управления государством. Кроме того, она была обязана исполнять воинскую службу. Поэтому естественно, что после начала войны шляхта оказалась максимально втянутой в вихрь событий, за исход которых она часто несла прямую ответственность.

Война охватила почти всю территорию ВКЛ и никому не дала возможности избежать ее последствий. Угроза могла исходить от кого угодно: от московских войск и войск ВКЛ, от соседей и родственников, от собственных крестьян и случайных людей. Смертельная опасность обусловила переживания людей за себя и свою семью, ближайшее окружение, за «малую родину» и за страну в целом. Она ставила перед необходимостью выбора линии поведения в чрезвычайных ситуациях. Инстинкт самосохранения толкал многих к выживанию любой ценой.

Начальный период войны (1654–1655 гг.) был благоприятным для московских войск. Они шли тремя группировками. Северной группой командовали бояре Василий Шереметев и Афанасий Ордин-Нащёкин. Войска центральной группы возглавляли князья Яков Черкасский, Никита Одоевский и Михаил Тёмкин-Ростовский. Южную группу вёл князь Алексей Трубецкой. Захватчики уничтожали и жгли всё на своем пути, убивали или брали в плен местных жителей вне зависимости от сословия, пола и возраста.

Практически полностью были разрушены города Мстиславль, Друя, Дубровно, Витебск, Горы, Минск, Клецк, Слоним, Новогрудок, Давыд-городок, Столин, Мозырь, Пинск, ряд других городов и местечек. В Ковно уцелели только два костёла, внутри которых все было разрушено, алтари, книги и гробы вывернуты, а женщины, которые находились при костёле, замучены. Такая же ужасная судьба постигла Вильню и ее жителей. В январе 1660 года войско князя Ивана

Из журнала «Arche» № 6 2012, с. 464–476. Перевод А.Е. Тараса. Все сноски на источники (таких сносок было 81) сняты при редактировании.

Хованского учинило дикую резню в Бресте. Нашествие московских войск было подобно наводнению («потопу»), остановить которое долго не удавалось.

В ВКЛ фактически перестала действовать система управления. Основные документы с описанием событий в период войны появились только в начале 1660-х гг., когда стала возобновляться деятельность поветовых судов. Правда, магистраты в некоторых городах начали работать раньше. Города и воеводства были разорены и не могли платить налоги. Согласно постановлениям сеймов 1661 и 1662 гг. они получили освобождение от этих выплат.

Шляхта стремилась документально зафиксировать свои потери, тем более что к тому ее обязывало постановление сейма 1658 г. Имения на оккупированной территории были разрушены, движимое имущество отобрано, а частные документы уничтожены. Утрату последних шляхетские семьи переживали весьма болезненно, так как ликвидация семейного архива означала отсутствие доказательств на имущество, на ссуды и прочее. К тому же в огне пожаров погибли книги земских и гродских судов. Это означало невозможность восстановления поветового делопроизводства (как и семейных архивов) за предыдущий период. В лучшем случае удавалось восстановить лишь некоторые фрагменты. В своих жалобах по этому поводу шляхта пересказывала краткое содержание утраченных документов.

Жалобы на потерю документов во время войны, зафиксированные в тогдашних судебных книгах — обычное явление. Вот типичные примеры.

Схема вторжения московских войск в ВКЛ

Ян Людогодский, защитник Мстиславльского замка, свидетельствовал, что его документы погибли при штурме еще в 1654 г., но официально заявить об этом он смог только в 1662 г., так как раньше ни один суд не работал. Бенедикт и Леон Кунцевичи засвидетельствовали под присягой, что во время осады замка в Слуцке в 1665 г. у их родственника Северина Кунцевича московское войско отобрало всё имущество и все документы.

О разрушении своих имений в 1655 г. свидетельствовала пинская шляхта: пинский подсудок Филон Гадебский об ущербе поместьям в Столине и Пинске; Дмитрий, Федор, Степан Комары-Стаховские – в Стахове и других местах. Огромные имущественные потери понесла шляхта Смоленского, Полоцкого, Трокского, Мстиславльского и других воеводств.

Поскольку поместья были для шляхты основным средством существования, то уничтожение зданий, потеря лошадей и скота, запасов зерна и другой сельхозпродукции означала доведение шляхетской семьи до нищенского состояния.

Видимо, не было ни одной шляхетской семьи, которая бы в то время не потеряла кого-нибудь из своих членов. 24 июля 1654 г. при захвате Мстиславля было вырезано до 10 тысяч человек – не только жители города, но и беженцы со всех окрестностей. Те, кто пережили эту бойню, учиненную по приказу князя А. Трубецкого, позже свидетельствовали о потере своих близких людей: супругов, детей, родственников. Так, Мартин Кисель от имени своей жены Екатерины и пасынка Петра Олека в 1668 г. свидетельствовал, что в Мстиславле москвовцы убили первого мужа Екатерины – Ивана Олека, забрали все его вещи и

Московские завоеватели в захваченном городе

ящик с документами. Авдотья Валюжанка, вдова Мацея Безводицкого, в 1663 г. со слезами заявила, что вот уже 9 лет после захвата Мстиславля она ничего не знает о судьбе своих сыновей Александра и Петра: находятся они в плену или погибли.

Плен часто тоже становился смертной казнью в результате голода, болезней и страданий. Вообще смерть в плену была очень частым явлением. В 1656 г. в Казани среди пленных вспыхнуло моровое поветрие (эпидемия чумы), из-за этого в городе пришлось даже срочно устроить специальное кладбище для захоронения умерших пленников.

В массовом порядке попадали в плен те люди, которые участвовали в защите государства и оказывали сопротивление врагу. Но, кроме них, в неволю забирали жителей имений и городов, беженцев и путников. Павел Алепский, который посетил Москву в 1654–1655 гг., писал о 300 тысячах пленных и депортированных с территории ВКЛ. Среди пленных преобладали женщины и дети, тогда как мужчин чаще всего убивали сразу на месте. Здоровых мужчин отправляли в Сибирь или же принудительно брали в московское войско. Стоит отметить что после взятия Смоленска на невольничьих рынках Московии значительно снизилась цена рабов.

Осада московитами замка в Литве

В ряде источников описаны бытовые условия пребывания шляхты в плену. Так, значительная часть завещания витебского шляхтича Криштофа Храповицкого, составленного в марте 1655 г., посвящена именно этому. По тексту его завещания, после захвата Витебска шляхту 5 дней держали в Верхнем замке, отобрав все вещи. Тех, кто не присягнул царю, раздали новгородским, псковским, великолукским и торопецким боярам. Храповицкого вместе с семьей отправили в Псков. Пленников вели туда и днем, и ночью. В Пскове шляхтичи находились 8 недель, после чего по распоряжению царя их отправили в Ярославль. На пропитание пленники получили по две копейки на шляхтича и по копейке на челядь на три недели. Этой суммы не хватало даже на несколько дней. 70 верст пленных вели «негодяи-приставы» и 100 стрельцов, которые в пути издевались над людьми.

В Ярославле пленные неделю жили в предместье, а после их перевели в замок. Женщин и мужчин поселили отдельно. Мужчин держали в тюрьме в плохих условиях под замком. Каждый день их обещали освободить из заключения, но удалось это сделать только через 8 дней, и то лишь благодаря подаркам. Разместили всех в тесных домах. Храповицкий попал в плен уже в пожилом возрасте – 73 года, потому не выдержал испытаний. Он узнал, что его детей и жену отправили в Смоленск, а оттуда в Астрахань. Из-за этой новости он тяжело заболел и быстро умер. Особое переживание у старого шляхтича вызвало принуждение целовать крест на верность царю. Вообще документ очень эмоциональный, в нем отражена боль за себя и семью, перенесенные унижения и физические страдания.

Литвинский шляхтич

Быт в плену описан и в дневнике полковника Михала Леона Обуховича, занимавшего пост стражника ВКЛ. Он попал в неволю 25 января 1660 г. после одного из сражений, в котором был тяжело ранен. Михала привезли в Москву и там содержали вместе с пленным польным гетманом ВКЛ Винсентом Гасевским. Продуктами питания их обеспечивали очень плохо, потому урядники ВКЛ выживали только благодаря деньгам, переданным из дома. Впрочем, по сравнению с другими шляхтичами условия содержания гетмана и его окружения в плену были еще неплохими. При помощи родственников Обуховича вместе с Гасевским и другими литвинами обменяли на пленных московцев. Он вернулся домой 18 июля 1662 г., но уже 22 октября умер от болезни.

Даже в плену шляхетское сообщество стремилось сохранить принятый в ВКЛ порядок ведения частных документов: составлялись завещания, записи о заёмах, аттестации и прочее. В завещаниях делались распоряжения относительно имущества. Наибольшую заботу вызывала судьба детей, которым по обычаям и законодательству ВКЛ назначали опекунов. Для неотложных нужд пленные шляхтичи одалживали друг другу деньги. Так, Адам Новицкий и Стефанида Синовичевна дали 25 рублей жителю Шклова Стефану Хигиничу на похороны его жены Екатерины Лавриковичевны в 1656 г. Однако и сам Хигинич в скором времени умер, и ссуду в 1659 г. отдавала уже его сестра Анна Хигиничовна с мужем Александром Гирдеем. В заемных записях встречается указание на такой срок возврата денег, как время выхода из плена.

Получить родственникам информацию о месте нахождения пленных было очень трудно, но иногда это удавалось. Так, Павел Левольт Езерский передал с оказией в 1654 г. письмо трокскому стольнику Яну Быховцу, в котором просил позаботиться об имуществе, жене и сыне.

В период войны на территории ВКЛ сельское хозяйство уничтожалось вследствие грабежей и поборов обеих воюющих сторон, пожаров, неурожаев, резкого сокращения площади обрабатываемых земель и рабочего скота. В Минском воеводстве небывалое нашествие мышей уничтожило почти все запасы зерна, что привело к голоду, продолжавшемуся до сбора урожая 1657 года. Голодные люди ели кошек, собак, даже умерших.

Большую угрозу для жизни создавали эпидемии. Моровое поветрие (чума), занесенное войском захватчиков, охватило многие города и местечки. В Кейданах одни болели, а другие бежали из города, те же, кто остался, хоронили друг друга. Из домов слышались стоны, повсюду бегали собаки, поедавшие трупы. Чума не щадила никого. Трагедию семьи смоленского коменданта Самуэля Кароля Вильчака и его жены Екатерины Новицкой описал ксёндз-доминиканец Михал Войнилович. Пятеро сыновей этой супружеской пары – Владислав (20 лет), Самуэль (18 лет), Криштоф (15 лет), Фома (13 лет) и Казимир (12 лет) – умерли от эпидемии в Войнино (в Брестском повете), когда возвращались с учебы из Люблина.

Отсутствие судов и развал системы управления способствовали беззаконным действиям населения. Как реакция на это сейм 1658 г. дал право гродским судам наказывать грабителей без апелляций по вынесенным приговорам*. А 20 сентября 1661 г. на очередном сейме было принято решение («воинские артикулы») о передаче судебной власти военным судьям.

Литвинские воины времен «Потопа»

Вводились суровые наказания (вплоть до смертной казни) за уничтожение имущества и за оскорбление шляхты, за побои хозяев имений и домов, за грабеж шляхетских и купеческих возов, за препятствия работе ярмарок, за присвоение древесины, предназначенной для строительства.

Так, Станислав и Героним Белюнские в 1661 г. получили смертный приговор за нападения на шляхетские поместья, а ротмистр Казимир Бобра – за грабежи в Пинском повете.

* Гродский суд – поветовый суд для шляхты, мещан и крестьян в ВКЛ в XVI-XVIII вв. Обычно он рассматривал дела о наиболее тяжких преступлениях, совершенных лицами, схваченными на месте преступления или не успевшими скрыться. Он также исполнял нотариальные функции. – *Прим. ред.*

Шляхтянки ВКЛ времен «Потопа»

Специфические условия военного времени нередко использовали в преступных целях и военнослужащие ВКЛ, о чем нам известно по сохранившимся жалобам. Так, в 1655 г., замаскировавшись под московцев, ротмистр казацкой хоругви крайчего ВКЛ Михала Казимира Радзивилла некий Зданович со своими людьми напал на поместье Парховичи в Новогородском воеводстве, которое принадлежало братьям Кернажицким: Самуэлю, Габриэлю и Жыгимоту. Военные избили и ограбили их подданных, изнасиловали двух женщин и 11-летнюю девочку. Разоблачить преступников удалось благодаря тиуну Трахиму Толкачу.

Земяне коронного подчашия Константина Лукомского Григорий Рай и Григорий Хлупинский в 1662 г. свидетельствовали против полковника Самуэля Аскерко, причинившего ущерб Турову и городским предместьям. А Криштоф Третьяк в 1664 г. обвинял воинов Аскерко в нападении на его поместье Кузьмичи в Киевском воеводстве, во время которого были избиты подданные, разграблено имущество, изнасилованы женщины*. В насильственных действиях против шляхты в 1664 г. были замечены и польские войска, которыми командовал Николай Фирлей.

Фактическое безвластие некоторые шляхтичи использовали для того, чтобы свести счеты с родственниками или разжиться за счет соседей. Так, Кристина, вдова Николая Валовича, обвиняла Константина Шишку в сговоре с московцами и нападении на ее имение Жайновскую в Браславском уезде в 1659 г. Мстиславльский городничий Ян Станкевич после возвращения в 1661 г. в свое поместье Клюкино в Мстиславльском воеводстве узнал, что во время его отсутствия Захар Довнарович Бутримович по подстрекательству своей жены Кристины из рода Жуковских вторгся в имение, грабил, избивал и убивал подданных Станкевича. Бутримович принял сторону оккупантов, что позволило ему чинить преступления против соседей. Раньше, в 1656 г., когда Станкевич находился в плену, на это же поместье нападали Андрей Подбипята и его жена Полония**. Жалобы о нападениях и грабежах зафиксированы и в других регионах ВКЛ, например, трокским гродским судом.

Василий Корсак в 1667 г. подал жалобу на Яна Астрейко и его жену Марину Азяшевну Ботвинянку. После захвата

* Отметим, что С. Аскерко отличился в военных действиях против московцев, о чем пишут Г. Саганович и К. Бобятыньский.

** Судьба самих Подбипятов тоже сложилась не лучшим образом. Вскоре им пришлось скрываться в Быхове. Во время штурма города Андрей погиб, а Полония попала в плен, где находилась 6 лет.

Вильни Василий бежал к Орше, но возле Кутеинского монастыря попал в плен к московцам. Ему пришлось 12 лет провести в Сибири, а пока он отсутствовал, родственники поселились в 1660 г. в имении его жены Полонеи Азяшевны Ботвинянки, которое она подарила мужу – в селах Ботвиновка и Клин (Мстиславльское воеводство), и пользовались им до возвращения Корсака из плена.

Опасность шляхетским владениям угрожала и от крестьян. С 1654 г. начались бунты крестьян против своих господ. Так, шляхтянка Ошмянского уезда Гальшка Бракуновская подала жалобу на подданных Олицкой экономии из деревни Ворнагир ввиду «тиранского» убийства ее мужа Вольфганга Крюгера. Спасаясь от московского войска, супруги в ноябре 1654 г. выехали из своего поместья Гедейки в Ошмянском уезде. По дороге они остановились для питания в упомянутой деревне. Но ее жители собрались с косами и топорами, убили и ограбили Крюгера.

Крестьяне причастны и к трагедии полоцкой шляхетской семьи Дабошинскцх в 1660 г. После взятия московцами Полоцка Дабошинские бежали в Дубровляны Ошмянского уезда. Свои вещи они оставили уряднику Дубровлян Кршчановскому, а также его подданным. При приближении московского войска Мартин Дабошинский со своей семьей и со смоленским казначеем Войцехом Кисаревским спрятался в поместье Адама Саковича Кантежина, находившегося в лесу (в «пуще»). Но дубровлянские жители выдали московцам место нахождения шляхты, в результате чего мужчины были убиты, а их жены и дети отправлены в плен.

Правда, жестокое обращение московских войск с крестьянами в конце концов заставило их изменить отношение к новой власти. Например, Ян Цедровский отмечал, что около 20 человек шляхты и столько же крестьян из Плещениц в 1658 г. объединились и разбили отряд московской пехоты возле Камня-Хорецкого. И это далеко не единственный случай участия крестьян в боевых действиях шляхты против московцев.

Таким образом, период 1654–1667 гг. характеризовался для шляхты не просто экстремальными, но и трагическими ситуациями. Чрезвычайные условия создали военные действия войск Московии и ВКЛ, а к этому добавились голод, эпидемии опасных болезней, разруха, разбойные нападения, бунты. Опасность угрожала повсюду: в

Шляхтичи ВКЛ времен «Потопа»

поместье, в замке, в пути, на селе и в городе. Врагом мог оказаться кто угодно, от московца до родственника.

Все это оставляло небогатый выбор: защищаться до последнего с максимальным риском для жизни, идти на службу к царю, бежать в глубь страны. Именно последний вариант многие шляхтичи сочли наиболее безопасным и приемлемым. По мере приближения московских войск они вместе с семьями и наиболее ценным имуществом покидали родные места.

В ряде случае единственным спасением от московцев были для шляхты ближайшие крепости и замки. Так, немало шляхетских семей попыталось укрыться в Мстиславле, Смоленске, Витебске, Старом Быхове, Слуцке и других городах. Длительная осада испытывала защитников на мужество, выдержку, умение ограничивать себя в пище. Одни это испытание выдерживали и боролись до последнего, другие же совершали предательство, переходили на сторону врага.

Осада Бобруйска

Кто чего стоил, хорошо показала осада Витебского замка. После взятия Невеля многие местные шляхтичи бежали в Витебск. Началась подготовка замка к обороне, но при этом одна часть шляхты отказалась в ней участвовать, а другая просто уехала в глубь ВКЛ. Осада замка началась 24 августа 1654 г. и продолжалась почти 14 недель. Защитники посылали письма к гетманам ВКЛ с просьбой о помощи, но безрезультатно. Голод вынуждал жителей города убегать к врагу, где перебежчики рассказывали о положении дел в Витебске. В ноябре 1654 г. войско Петра Шереметева взяло Витебск штурмом.

Из текста меморандума шляхты Витебского воеводства следует, что сдаче города способствовал витебский гродский судья Александр Война. Перед штурмом он побывал в составе делегации в лагере врага и выдал московцам слабые места в укреплениях. После захвата города Война получил грамоту и соболей, сам присягнул на верность царю и уговаривал сделать это других.

Та часть витебской шляхты, которая целовала крест на верность царю, сохранила за собой имущество и осталась в ВКЛ. А тех, кто отказался присягать, московцы вывезли в разные города: Ярославль, Псков, Великие Луки, Торопец и другие. Вещи у пленных отбирали. В дороге от болезней и недоедания умерло много мужчин и женщин.

Сохранилось немало документов и о героизме шляхты. Так, комендант Новогородка (Новогрудка) Николай Владислав Юдицкий составил список шляхтичей, отличившихся при штурме Дисны 29 марта 1661 г. Отдельным документом пленная шляхта в Казани отметила в 1663 г. заслуги Яна Понятовского. Его военная деятельность началась с Мстиславля, затем он участвовал в походах под

Могилев, Кричев, Копысь, полтора года защищал осажденный Старый Быхов, но в конце концов все же попал в плен вместе с женой и детьми.

На захваченных территориях шляхте, чтобы сохранить свои владения и социальный статус, приходилось давать присягу на верность царю. По мнению многих шляхтичей это означало потерю чести, поэтому они шли на определенные уловки, чтобы выглядеть «прилично» в собственных глазах и в глазах своего окружения. Так, новогородские шляхтичи, воспользовавшись тем, что присягу говорили все они хором, вместо ее текста читали молитвы или просто что-то бормотали. Тем же, кто приехал в Новогородок для присяги из окрестностей, пришлось четко произносить ее текст.

Приходилось также постоянно доказывать лояльность новой власти конкретными поступками. Например, новогородская шляхта вынуждена была встречать приезд воеводы Ивана Хованского.

Кроме того, шляхтичи в случае нужды обращались к царю с просьбами-обращениями. В одном из таких обращений в 1655 г. шкловская шляхта просила о сохранении своего имущества.

Ряд обращений содержал просьбы о восстановления прежней системы самоуправления: созыве соймиков, создании судов. Например, Ян Цедровский в 1656 г. был направлен от Минского повета с челобитной к царю с просьбой освободить шляхту от суда воеводы. Согласие царя на это было получено. Но вскоре минский воевода Федор Арсеньев сообщал царю, что шляхта так и не выбрала поветовых судей, что способствует беспорядку в повете. Шляхтичи перестали судиться у воеводы, а преступления продолжают совершаться. Тогда царь постановил, что если судьи не будут определены в ближайшее время, то он вернет судебные полномочия воеводе.

Если поветовые урядники демонстрировали лояльность к царским властям, то последние обычно сохраняли за ними прежние должности. Так, в 1656 г. был оставлен на своем посту минский хоружий Криштоф Униховский, который, приняв православие, вернулся в Минский повет. Однако местная шляхта собралась на соймик, чтобы заменить Униховского другим человеком. Оршанский маршалок (предводитель шляхты) Петр Галинский специально приехал на этот соймик и призывал не подчиняться царскому ставленнику, говоря о необходимости возвращения королевской власти.

Та часть шляхты, которая не зависела от московской власти, не считала необходимым проявлять лояльность к ней. Так, ошмянский староста Адам Сакович в 1656 г. прислал урядников в свои поместья в Борисовском повете, чтобы они там управляли его имуществом. В то время весь повет был оккупирован, но сам Сакович оттуда уехал и царю не присягал. В большинстве же случаев шляхта на оккупированной территории старалась приспособиться к новой власти.

Чрезвычайно актуальным во время войны стал вопрос об измене. Изменой могло считаться, в зависимости от ситуации, как действие, так и бездействие. Имела же она место как среди наиболее влиятельных, так и среди рядовых шляхтичей.

Гибель Бреста в 1657 г.

Действия князя Януша Радзивилла (1612–1655), направленные на союз ВКЛ со Швецией /Кейданская уния 1655 г. – *Ред.*/, рассматривали как измену и современники, и историки Речи Посполитой. Однако в современной историографии политика гетмана не трактуется столь однозначно и категорически, ибо в тогдашних обстоятельствах союз со Швеций был для ВКЛ наименее убыточным выходом из почти безнадежной ситуации. Также как измену трактовало шляхетское сообщество поведение гетмана ВКЛ Павла Яна Сапеги (1609–1665), смоленского скарбового воеводы и администратора ВКЛ Адама Мацея Саковича (ок. 1605–1662), великого маршалка (предводителя шляхты) ВКЛ Криштофа Завиши (ок. 1600–1670).

Сдача Смоленска в 1654 г. привела к обвинению в измене смоленского воеводы Филиппа Казимира Обуховича (ум. в 1656) и военного коменданта Вильгельма Корфа. Однако специальная комиссия сейма, заседавшая в 1658 г., уже после смерти Обуховича, пришла к выводу, что сдача Смоленска произошла не в результате предательского заговора, а вследствие истощения ресурсов и других причин.

Были измены и меньшего масштаба. Например, позицию фактической измены заняла смоленская и оршанская шляхта, которая в 1654 г. не спешила принять участие в защите Отечества. Во время осады Смоленска нашлись представители местной шляхты, которые поддерживали московитов.

Как предатели рассматривались и те лица, которые служили на стороне царя. Однако надо учесть, что служба царю давала возможность шляхтичам сохранить свою жизнь, семью, имущество. Такие случаи были далеко не единичны, и в 1655 г. был даже издан царский указ о благоприятном отношении к лицам, приехавшим из ВКЛ. Например, на службу были приняты троцкий тиун Самуэль Лев Огинский (ок. 1585–1657), его сын Шимон Кароль (ок. 1620–1699) , витебский подкоморий и лидский земский писарь Ян Нарбут, а также 29 человек шляхты. С.Л. Огинский вел среди шляхты агитацию, склоняя ее к переходу под власть царя, а Нарбут посылал письма шляхте Лидского, Гродненского и Волко-

выского поветов с предложением сдаваться царскому войску. Перешли на царскую службу оршанские шляхтичи Иван Лада и Семен Григорьевич Покровский, мстиславльский шляхтич Василий Юрьевич Путята, ошмянский шляхтич Семен Иванович Граховский и многие другие.

Изменяли не только переходом на службу, но и выдачей информации вражеской стороне о состоянии дел в ВКЛ и войске. Например, в 1656 г. так поступили смоленский шляхтич Станислав Матвеевич Катович и ошмянский шляхтич Александр Зенович.

Встречались случаи оказания пассивной помощи предателям. Так, Самуэль Турлай, товарищ хоругви Мартина Огинского, подавал жалобу на виленский магистрат (Яна Огурсевича, Николая Зыплю, Яна Катовича и других), обвиняя их в сговоре с предателем Отечества Григорием Маросом, ибо они отказались одобрить письмо короля Яна Казимира с предложением об его наказании.

Война 1654–1667 гг. характеризуется как самая трагическая и разрушительная в истории Великого Княжества Литовского. Она повлекла огромные потери населения (за 13 лет оно сократилось в результате всех причин наполовину!), стала настоящей катастрофой. Остаться в живых после штурма города или в плену, пережить эпидемию чумы и голод было настоящим чудом. Перенесенные трагедии деформировали психику любого человека, память о них навсегда оставалась в его памяти.

Литовско-польское войско под Смоленском

Исследователи отмечают кризис в Речи Посполитой середины XVII века, который способствовал успеху московских войск на первом этапе войны. Этот кризис охватил разные сферы жизни общества, выявил серьезные противоречия между сословиями. В то же время он засвидетельствовал, что единства не было и в самом шляхетском сословии. Опасность не консолидировала шляхту, наоборот, способствовала беззаконию: нападениям на поместья друг друга и взаимному грабежу.

В то время были в значительной степени утрачены взаимное доверие, поддержка и помощь, всегда актуальной была опасность измены, удара в спину от людей из своего же круга. Для многих стало неприятным открытием то, что в большинстве случаев можно было рассчитывать только на себя, да иногда – на близких родственников.

Кризис охватил и сферу шляхетских традиций. Оказалось, что идеал защитника Отечества уже не так важен для шляхтича. Куда больше его поведением руководил инстинкт самосохранения, желание выжить любой ценой. В то же время неспособность защитить свою семью и себя самого подрывала чувство шляхетского достоинства.

Однако, если бы абсолютное большинство шляхты пошло бы по пути измены и приспособленчества, то не удалось бы одержать победу в этой войне. Своему сохранению государство было обязано именно тем, кто сражался против оккупантов вопреки обстоятельствам.

В целом, эта война стала жестоким уроком для шляхетского общества Великого Княжества Литовского и всей Речи Посполитой. Она наглядно показала необходимость серьезных реформ в системе управления, в сфере обороны. Требовалось также переосмыслить обветшавшие традиции и вообще взгляды шляхты на жизнь.

Литература о войне 1654–1667 гг.

Бабятынскі К. **Ад Смаленску да Вільні. Вайна Рэчы Паспалітай з Масковіяй (1654–1655 гг.)** / *Пер.* з польск./ Мінск: «Arche», 2011. – 200 с.

Касажэцкі К. **Кампанія 1660 году ў Літве.** / *Пер.* з польск./ Мінск: «Arche», 2011. – 330 с.

Сагановіч Г. **Невядомая вайна: 1654–1667 гг.** Минск: «Наука и техника», 1995. – 144 с.

Тарас А.Е. **Война Москвы с Речью Посполитой в 1654–1667 гг.** // В книге: А.Е. Тарас. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. Минск: «Харвест», 2006, с. 666–778./

Ткачоў М. **Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг.** / «Беларускі гістарычны часопіс», 1993, № 1, с. 83–90.

КОНФЛИКТЫ НА ПОГРАНИЧЬЕ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА. ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Максим Анисимов, *кандидат исторических наук*

Середина XVIII века, период правления императрицы Елизаветы Петровны /1741–1761 гг./, был временем превращения Российской империи в полноценную участницу европейской системы международных отношений. Основные усилия тогдашней российской дипломатии были сосредоточены на решении именно этой задачи, но в то же время все большее внимание Петербурга привлекала Речь Посполитая.

Внутренне нестабильная, с постоянною опасностью междоусобных войн между магнатами, шляхетская республика при неблагоприятном развитии событий могла своим внутренним пожаром отрезать Россию от Европы и принудить ее опять, как в 1733–35 гг., оказывать военную помощь выгодным для Петербурга магнатам и «нужным» кандидатам на королевский трон Речи Посполитой.

Одним из важнейших вопросов в отношениях России и Речи Посполитой был пограничный. Кроме проблемы перехода с российской стороны на сторону Речи Посполитой отрядов украинских гайдамаков, у российских властей были также претензии к другим жителям Речи Посполитой, преимущественно к тем, которые жили на лесистом и болотистом пограничье со стороны ВКЛ. Обычным явлением были жалобы на грабежи российских подданных на брянских, псковских, смоленских, великолукских землях, которые совершались «воровскими людьми» с пограничных литовских владений. Россия через своих дипломатов в Дрездене и Варшаве (в Дрездене были российские посланники при королевском дворе Августа III, а в Варшаве – секретарь российского посольства с фактическими правами резидента) часто протестовала по этому поводу.

В начале 1751 г. у Петербурга появилось конкретное основание для обращения к польско-литовским властям с требованием выдать своих беглых подданных, что поляки и литвины обязывались делать согласно пятой статье Вечного мира 1686 г. В Псковской губернии был задержан один из таких «воров», который оказался беглым российским рекрутом. Он засвидетельствовал, что убежал на территорию Речи Посполитой и, придя во владения вдовы усмынского старосты, шляхтянки Э. Огинской, обратился к ней за разрешеним на жительство. Огинская заявила, что для этого он должен участвовать в разбоях на российской

Из журнала «Arche», 2011, № 6. Перевод А.Е. Тараса

стороне. Все награбленное бывший рекрут и ему подобные относили в качестве платы к Огинской.

Об этом факте российские дипломаты сразу сообщили литовскому великому гетману князю Михалу-Казимиру Радзивиллу (1702–1762), и тот арестовал беглецов у Огинской. Однако помещица подала апелляцию. Дело затянулось, вдову поддержали ее родственники, влиятельные графы Огинские. В мае 1752 г. гетман Радзивилл извинялся перед секретарем российского посольства в Варшаве Яном Ржычевским за то, что не сумел удовлетворить российских претензий, так как в ВКЛ сразу пошли слухи, что он подкуплен Россией и вместе с ней стремится ограничить шляхетские вольности. Российский посланник в Дрездене Генрих Грос считал, что проблему беглецов можно решить только одним путем –

> «разрешить частным лицам самим вооруженной рукой разыскивать своих беглецов по примеру короля прусского, который использует это самое средство на силезских границах».

Типичный российский помещик-крепостник XVIII века

Как можно судить по изложенному делу, разбойниками были преимущественно российские крестьяне, бежавшие от своих помещиков. Они, как и староверы, которые уходили из России из-за религиозной политики правительства Елизаветы, жили на территории Речи Посполитой многотысячными слободами. Говорили, что российских беглецов в Речи Посполитой было около миллиона. Это не соответствует действительности, но в любом случае их было свыше ста тысяч.

Официальные претензии России к Речи Посполитой поднимались при каждом созыве сейма. Инструкции, полученные из Петербурга в 1752 г. посланником Г. Гросом, предписывали ему решить проблему нахождения на литовской стороне большого числа беглецов – российских подданных, и добиться прекращения нападений из-за границы на владения российских помещиков. Также он

должен был поставить перед сеймом вопрос о запрете насильственного подчинения православных приходов униатам (как это часто происходило в то время в ВКЛ).

В российскую столицу все время приходили жалобы православного епископа Могилёвского Иеронима Волчанского (занимал кафедру в 1742–1752 гг.), единолично противостоявшего двум католическим епископам — виленскому и жамойтскому, а также униатскому митрополиту полоцкому. В них сообщалось о фактах притеснения православных в ВКЛ (захваты монастырей и церквей католиками и униатами), а также во владениях некоторых магнатов, не обращавших никакого внимания на королевские указы.

Например, великий литовский маршалок (предводитель), борисовский староста граф Игнатий Огинский, не позволяя ремонтировать православную церковь в своем старостве, построил там униатскую церковь и насильно вынуждал крестьян посещать ее. Российские дипломаты в Дрездене и Варшаве сообщали об этом королевскому двору, а оттуда уже писали к самому Огинскому. Литовский маршалок отвечал королю, что православные этого прихода перешли в униатство добровольно, и он никого к тому не вынуждал. Другой магнат, князь Героним Флориан Радзивилл (1715–1760), великий литовский хорунжий, на которого приходили такие же жалобы, в письме к Я. Ржычевскому вообще «напрямую декларировал, что он единоверным нашим (по выражению в рескрипте от имени Елизаветы. – *М.А*), что во владении его живут, всякую шкоду делать будет». Россия вынуждена была это терпеть, со своей стороны уговаривая графа Огинского,

> «что лучше и полезнее для него было бы, если бы он жидов, которые у него есть, приводил в закон христианский, а единоверных наших насилием к приятию унии не вынуждал бы».

Князю Г.Ф. Радзивиллу в ответ на его угрозы вежливо напоминали, что Петербург всегда ценил хорошие отношения с его родом.

Упомянутый выше сейм 1752 г. не состоялся, так как был сорван протестом одного шляхтича. Осенью 1754 г. должен был собраться новый сейм. Пока же Грос имел прежние инструкции для действий на сейме и подал властям Речи Посполитой соответствующую записку.

Первой жалобой от имени императрицы Елизаветы в этой записке была проблема беглецов. Согласно с 3-й, 5-й и 24-й статьями Вечного мира 1686 г. польско-литовской стороне запрещалось их принимать, а согласно с 20-й статьей она была обязана передавать их российским властям, однако эти статьи не исполнялись. Предложения польско-литовской стороны выписывать паспорта российским помещикам, чтобы они сами возвращали своих беглецов, Россия оценивала как недостаточные, так как российская императрица не желала, чтобы ее подданные занимались самоуправством, «что, однако ж трудно отвратить было бы, когда б более умедлили сию жалобу достаточным образом пресечь», как было отмечено в скобках. Елизавета просила короля Речи Посполитой издать генеральный запрет своим подданным принимать российских беглецов.

Пограничные комиссии для разбора поданных жалоб, вопреки прежним договоренностям, не созывались, так как судьи и комиссары со стороны Речи Посполитой саботировали работу. Основной причиной этого саботажа являлось отсутствие платы за работу на границе, поэтому российские власти просили польско-литовские выплатить комиссарам деньги или хотя бы определить, кто их вообще должен платить – вся Речь Посполитая, Великое Княжество Литовское или отдельные воеводства, а также проследить за выбором пограничных судей в тех литовских провинциях, где их вообще не было, а количество пограничных жалоб была особенно велико.

Другая жалоба опять касалась притеснения православных, которое происходило вопреки решениям и законам Речи Посполитой и условий Вечного мира 1686 г.

Также Россия обращала внимание на то, что для определения границы в 1753 г. из Киева был направлен полковник-фортификатор де Баскет, который составил карту пограничных земель. По этой карте Речь Посполитая незаконно владела более чем 800 кв. верстами земли. С учетом того, что власти Речи Посполитой тоже высказывали претензии ввиду занятия россиянами их территорий, Россия предлагала как можно скорее провести делимитацию границы и прекратить взаимные претензии.

На конференции с сановниками Речи Посполитой (коронным канцлером графом Яном Малаховским, литовским канцлером князем Михалом Чарторыйским и коронным подканцлером Михалом Водзицким) Грос обсудил упомянутые вопросы. Его собеседники признали справедливость жалоб относительно нахождения в своем государстве российских беглецов. Однако, как они утверждали, власти Речи Посполитой не имеют законных средств для возвращения этих беглецов в Россию, поэтому просят Петербург простить их, ибо попытки как-то повлиять на шляхту способны вызвать открытый бунт. При этом Чарторыйский отметил, что российский царь Петр I в 1708 г. вывел из Речи Посполитой множество жителей, и они до сего времени не возвращены. А если даже самодержавное государство не может этого обеспечить, то Речь Посполитая – тем более.

Для решения проблемы беглецов Чарторыйский предложил России сделать следующее: не преследовать раскольников; объявить амнистию беглецам; ввести жестокие наказания для беглецов, пойманных возле границы с целью запугивания других; создать для тех беглецов, которые вернутся назад, слободы и объявить им об освобождении от налогов на несколько лет; запретить российским пограничным солдатам пропускать людей на территорию Речи Посполитой без паспортов и ликвидировать взяточничество на пограничных заставах.

Относительно жалоб на притеснение православных официальные лица Речи Посполитой тоже признали правоту России, но ответили, что во всем виноват католический виленский епископ (им был Михал Зенкович), на которого они, опять же, повлиять никак не могут. Князь Чарторыйский добавил, что он поможет в судах православным монастырям по пяти делам, которые сейчас в производстве, и пусть православные ВКЛ впредь пишут свои жалобы ему как своему канцлеру.

Относительно разграничения земель канцлеры ответили, что это может сделать только сейм.

После устных объяснений канцлеры 6 октября 1754 г. вручили Гросу письменный ответ на российские претензии. Начинался он с жалоб на то, что в 1708 г. Петр I во время отступления от армии Карла XII увел с собой в Россию всех жителей сожженных русскими пограничных деревень ВКЛ. У этих подданных Речи Посполитой в России уже были внуки, а их поиск весьма затруднен, хотя чиновники Речи Посполитой и признавали, что Россия позволяла их искать. После, во время войны за польское наследство в 1735–36 гг., российские войска выводили с территории Речи Посполитой всех своих беглецов, а вместе с ними забрали множество местных подданных, состоявших с ними в родстве. Кроме того, подданные Речи Посполитой тоже убегают в Россию и живут там слободами, как и российские беглецы в Речи Посполитой. Наконец, по заявлению властей Речи Посполитой, именно на эти пустые после всех выводов земли и приходят российские беглецы, поэтому литовские землевладельцы отказываются их возвращать. Выполняя требование России, король издаст запрет на прием новых беглецов, и власти республики просят российскую сторону издать такой же запрет принимать новых литовских беглецов.

Следующий пункт был ответом на российские претензии относительно судьбы православных епархий Речи Посполитой. Канцлеры писали, что в 1686 г. России властями Речи Посполитой были переданы земли, на которых были многочисленные католические и униатские церкви, а теперь на этих землях их нет. Здесь же канцлеры единственный раз затронули конкретную российскую жалобу, сообщив, что отобранная ранее церковь в Могилёве возвращена православным.

Относительно делимитации границы польско-литовские чиновники ответили, что они тоже желают этого, так как и их подданные жалуются на многочисленные нарушения.

После рассмотрения польско-литовских претензий в Петербурге властям Речи Посполитой был направлен ответ. В нем Россия требовала возвращения всех беглецов, как это и было предусмотрено Вечным миром 1686 г., а не только тех, которые снова туда прибывали. Петербург признавал вывод пограничного населения ВКЛ во время войн, но отмечал, что не может быть никакого сравнения между военным временем и мирным, а только за последние 10 лет на землях Речи Посполитой оказались тысячи российских беглецов. В 1708 г. российские власти якобы не препятствовали возвращению выведенных войсками жителей ВКЛ, в 1735–36 гг. подданных Речи Посполитой из республики не выводили, а своих подданных вернули очень мало (кстати, М. Чарторыйский сам говорил, что выведенные в 1736 г. жители его Гомельского староства через 6 лет почти все вернулись назад).

Относительно претензий по поводу исчезновения католических и униатских церквей на территориях, отошедших к России, Петербург сослался на 9-ю статью Вечного мира 1686 г., который гарантировал униатам и католикам право свободного отправления обрядов своей веры только в собственных домах («и веры своей вольное употребление в домех своих вольно иметь»), поэтому католики и униаты не могут иметь в России своих церквей.

С остальными претензиями Россия соглашалась и высказывала желание урегулировать все вопросы с властями Речи Посполитой на основе взаимности.

В ноябре 1754 г. между Г. Гросом и властями шляхетской республики произошла еще одна беседа по поводу возвращения всех российских беглецов. Грос, увидев в проекте королевского универсала упоминание о том, что тех беглецов, которые уже живут в Речи Посполитой, можно оставить землевладельцам, заявил польско-литовским канцлерам свой протест,

> «чтобы они /канцлеры/ со временем, когда ее императорское величество, увидев, что все его, Гросовы, усилия напрасны и безуспешны, вынуждена будет силой забирать всех российских беглецов из Польши и Литвы»

не могли бы утверждать, что российский посланник одобрил текст.

Эти слова вызвали раздражение канцлера Чарторыйского, который заявил, что, зная великодушие Елизаветы, он не боится того, что российские войска войдут в Польшу и выведут оттуда всех беглецов, но он, Чарторыйский, «и сей чужой сильной державы поступок предызбрал бы пред тем, что б он приказал разорение своих земляков». Чарторыйский заявил, что ему легче отказаться как от канцлерства, так и от своего пограничного Гомельского староства, чем подписать универсал о возвращении Речью Посполитой всех российских беглецов.

В итоге коронный канцлер Малаховский предложил компромисс – о выдаче всех беглецов будет сказано только в инструкции пограничным судам, не предназначенной для печати, а королевский универсал просто сошлется на эту инструкцию без упоминаний в своем тексте о высылке всех беглецов. С предложением согласились также фаворит Августа III первый министр Генрих Бруль и Михал Чарторыйский.

Однако и такой универсал никаких не принес изменений в ситуацию с возвратом российских беглецов. Сейм 1754 г. тоже не состоялся, и Петербург решил самостоятельно навести порядок на границе, увеличив количество солдат на заставах. Заставы, увеличившись в своем числе, теперь приближались к самой границе.

Однако эти меры вызвали еще большие сложности в двусторонних отношениях. Суть проблемы заключалась в том, что граница между Россией и Речью Посполитой, установленная еще Андрусовским перемирием 1667 г. и подтвержденная Вечным миром 1686 г., фактически не существовала. Точнее, где-то она проходила, но где именно, никто сказать не мог. Власти России и Речи Посполитой в начале 50-х гг. XVIII века пытались наладить работу пограничных комиссаров, чтобы разрешить споры российских и литовских помещиков, но их первый съезд так и не состоялся, а делегации дружно возложили друг на друга вину за срыв переговоров и неприбытие в указанное время в назначенное место.

На примере документов архивного фонда Великолукской пограничной комиссии можно рассмотреть, как проходила работа пограничных комиссий и что этой работе мешало.

В марте 1750 г. «Пограничная с Польшей комиссия со стороны Великих Лук» разбирала жалобы на очередной разбой с литовской стороны, который про-

исходил по привычному здесь сценарию: ночью «воровские люди» пришли в деревню на российской стороне, ограбили дома, избили несколько человек и ушли назад. По словам жертв нападения, среди разбойников были беглые крестьяне их же помещика. Об этом случае российские власти сообщили своему тогдашнему посланнику при саксонском дворе графу Герману-Карлу фон Кейзерлингу, чтобы он сделал соответствующее представление властям Речи Посполитой.

Для российской стороны большой удачей было бы получение конкретного обвиняемого в деле о разбоях с литовской стороны, если бы удалось арестовать одного из нападавших. В конце 1749 г. люди из-за литовского рубежа ограбили помещицу вдову Арбузову. Вскоре российским властям удалось задержать одного из грабителей — беглого российского солдата Фрола Тимофеева. Арестованный засвидетельствовал, что все награбленное в этот раз он и его подельщики отнесли пану Белковскому, причем сказали ему, чьи это вещи и что они взяты разбоем, а Белковский дал им за это ружье.

Получив конкретное основание для высказывания неудовольствия, российская комиссия обратилась с жалобой к литовскому пограничному комиссару Сипайло. Комиссар ответил на это, что он такой власти не имеет, чтобы ему «шляхтича судить», и сказал, что ждет приезда эмиссара короля Речи Посполитой Антония Храповицкого, который имеет соответствующие полномочия. Однако дальше дело заглохло, и россиянам опять пришлось писать комиссару Сипайло с надеждой на хорошие новости. Но эмиссар Храповицкий так и не приехал, более того, Сипайло сложил с себя полномочия пограничного комиссара. Впрочем, он все же высказал надежду на то, что Храповицкий точно приедет, так как его соотечественники сами имели причину жаловаться — крестьяне российского помещика напали на дом одного местного шляхтича.

Однако Храповицкого все не было, и российская Коллегия иностранных дел направила в Великие Луки сообщение, что Храповицкий, назначенный по жалобам российского представителя в Варшаве Я. Ржычевского для возврата беглецов, находится где-то под Смоленском, где уже вернул в Россию 8 беглецов. Российскому пограничному комиссару в Великих Луках Андрею Елагину предписывалось связаться со смоленским вице-губернатором, который поддерживал связь с Храповицким. Позже (в 1751 г.) этот деятель направился за какими-то разрешениями к литовскому гетману Радзивиллу и стал жить где-то под Оршей.

Ответ от Елагина, видимо так и не был получен, из-за чего Коллегия иностранных дел направила ему два письма с приказом докладывать о своих действиях. Из Великолукской канцелярии 18 октября 1750 г. ответили в Петербург, что Елагина у них нет, ибо он уехал в свое имение, и попросили Коллегию назначить им другого комиссара.

Однако эта просьба пока удовлетворена не была, а Елагину направили рескрипт с приказом улучшить работу и напоминанием, что он, как титулярный советник на службе, не вправе самовольно отлучаться.

Но в то же самое время неожиданно появился удобный повод — отставка по болезни псковского пограничного комиссара, на место которого 31 мая 1751 г. и было решено назначить А. Елагина, чье поместье как раз находилось в Псков-

ском уезде. Кто сменил Елагина на его прежней должности, и сменил ли его вообще, выяснить по материалам Великолукской канцелярии не удалось.

Ситуация с сотрудниками канцелярий, ответственными за отношения с польско-литовскими официальными лицами, вообще была весьма далека от совершенства. Так, великолукская канцелярия сообщила, что специально присланный к ним в качестве переводчика с польского языка студент Киевской духовной академии Павел Громацкий не имеет никакого занятия, ибо на литовской стороне нет пограничного комиссара, поэтому студент живет на казенные деньги, ничего не делая.

Порка дворовой девки по приказу помещицы

Однако же из Коллегии иностранных дел ответили, что такое бывает, и Громацкий все равно должен ждать своей работы на месте. Правда, вскоре выяснилось, что зарплату Грамацкому платили в Смоленской канцелярии, в которой его услуги были востребованы, поэтому переводчика предписали направить именно туда.

Как следует из документов, основной проблемой для комиссий было нежелание польско-литовских пограничных комиссаров исполнять свои обязанности (из-за упомянутой неясности с финансированием). Но к этому также добавлялось непонимание российскими местными чиновниками значимости подобной работы, которую хорошо сознавали в Петербурге, а также обычная несогласованность действий чиновников.

Поскольку пограничные конфликты нельзя было разрешить через совместные комиссии, не говоря уже о межправительственных соглашениях, Россия приступила к односторонним действиям, правда, опасаясь протестов с польско-литовской стороны.

Решение Петербурга «закрыть» границу, увеличив количество пограничных команд и придвинув заставы почти к самой границе, сразу встретило вполне логичные протесты соседей, притом как со стороны официальных лиц, так и пограничных шляхтичей, что было значительно более ощутимо из-за неопределенности линии прохождения границы.

Факт строительства застав на самой границе литовский канцлер М. Чарторыйский воспринял как одностороннюю демаркацию с российской стороны, напоминая о необходимости согласованных действий (то есть соответствующего согласования работы с польско-литовским сеймом, при том, что сам канцлер, активный участник политической борьбы в Речи Посполитой, лично был инициатором срыва последнего сейма).

Некий шляхтич Каминский, проезжая возле двух российских застав, заявил российским драгунам, что они находятся на его земле, и потребовал переноса застав, «похваляясь, ежели де не снесутся, то велит раскопать». Местные жители действительно захватили несколько застав, а кроме того разбросали сделанные солдатами рогатки на второстепенных пограничных путях, которые должны были вынудить купцов провозить свои товары через таможни по главным «большакам».

Выяснилось, что огромное число пограничных жителей Речи Посполитой жило за счет контрабанды, грабежа и приема российских беглецов. Бобруйский староста Станислав Лопат заявил, что раньше он вывозил лес в Ригу, а теперь, поскольку российские таможни стали брать с него пошлину, он будет компенсировать потери, облагая пошлиной российских купцов. Ржычевскому в Варшаву был послан рескрипт, в котором объяснялось, что власти Речи Посполитой и раньше брали пошлину с российских купцов, а действия России являются лишь ответом на это. Самому Бобруйскому старосте секретарь российского посольства должен был объявить ответ Петербурга на его угрозы: «не безчувствительно было здесь об оном услышать». Естественно, что столь невнятные меры вряд ли впечатлили Лопата.

Российские власти на спорных землях ставили на дорогах только рогатки, а на своей земле приказывали заваливать контрабандные пути лесом и копать рвы. Но и это не останавливало жителей ВКЛ: они, иногда отрядами в полтысячи человек, расчищали дороги и на российской территории. Более того, шляхтичи, с которыми никто не мог совладать, избивали и брали в плен российских солдат. Так, шляхтич К. Вищынский со своими людьми, избив российского сержанта и драгуна, угрожал повесить на границе российских пограничных комиссаров.

Порка мужика по приказу помещицы

В июле же 1755 г. в Украине поляки под руководством какого-то Щенявского, трактомировского старосты, на одной из российских застав захватили в плен «будто в военное время» и увезли с собой в Ржищев унтер-офицера и 12 драгунов, продержав их там семь дней. (Следует напомнить, что по 7-й статье Вечного мира 1686 г. Трактомиров, Ржищев, Чигирин и ряд соседних с ними городов должны были быть «пустые», о чем тут же напомнила российская дипломатия, жалуясь в Варшаву и Дрезден на самоуправство Щенявского.) Кроме того, староста поставил на российском днепровском острове 10 виселиц. Российские власти впервые решили адекватно на все это ответить и послали отряд, чтобы он сломал эти виселицы. Киевскому вице-губернатору И.И. Костюрину было

также предписано силою защищаться от подобных «возмутительных действий» со стороны Речи Посполитой. В Варшаве Ржычевскому надо было сообщить «кому надлежит» об этом происшествии, а также «представленние учинить с наисильнейшею жалобою».

Сам Ржычевский еще 3 июля писал о соотечественниках-шляхтичах, что они ведут себя с Россией «как теленок со львом», не видя опасности своих действий. Именно он посоветовал российским властям прикрывать строительство застав на границах вооруженными отрядами.

В конце того же месяца российский представитель в Варшаве сообщил, что шляхтичи польского Цехановского уезда, пограничного с Пруссией, избили прусского унтер-офицера, который направлялся в Польшу для вербовки добровольцев в армию Фридриха II, и отобрали у него казенные деньги. Прусский король безуспешно требовал от польских властей сатисфакции, а потом направил в Польшу отряд из 40 гусаров, которые схватили виновников, доставили их в Пруссию и, как слышал Ржычевский, один из этих шляхтичей был повешен. Прочитав это донесение, руководитель российской дипломатии, канцлер граф Алексей Бестужев-Рюмин (1693–1766) отметил на полях, что сообщение об этом инциденте «для ведома ее императорского величества выписать не бесполезно».

Ржычевский утверждал, что если Россия будет следовать примеру прусского короля, то это «более действия сделает, чем все здешние жалобы». Но посланник России в Саксонии Генрих Грос, в отличие от Ржычевского, хотя и признавал 19 (30) января 1756 г., что относительно пограничных жалоб «безпрестанные мои по тем делам старания почти совсем безплодны», все же советовал своему правительству не идти по примеру Фридриха II, так как силовые действия российских войск в Польше вызовут вмешательство Османской империи, которая считает себя «протектором» /покровителем/ Речи Посполитой.

Проблему беглецов невозможно было решить еще и потому, что шляхта не желала их возвращать, а представители властей, канцлер литовский М. Чарторыйский и гетман литовский М. Радзивилл прямо говорили, что россиянам лучше самостоятельно искать беглецов, так как сами они не желают вызвать на себя гнев шляхты.

4 сентября 1755 г. в Петербурге манифестом императрицы Елизаветы Петровны была объявлена амнистия всем беглецам и дезертирам, которые до 1 января 1757 г. вернутся в Россию. Быстро выяснилось, что желающих вернуться совсем немного, а тех, кто на это решился, не отпускают местные помещики. Сам Чарторыйский тоже был втянут в пограничные споры, так как на границе были и его земли. Управитель его Гомельского староства Хялховский прогнал российских драгунов с двух застав и угрожал в следующий раз, если они опять там появятся, открыть по ним огонь. Чарторыйский объяснил, что линия застав отрезала у него две деревни, присоединив их к России, и обвинил российских помещиков, которые указывают неточные границы владений.

Споры относительно границ и нападения на российские заставы продолжались и после начала Семилетней войны. Заставы, вызвав уйму пограничных стычек между российскими солдатами и жителями Литвы, так и не смогли остано-

вить ни разбоев на российской территории подданных короля Речи Посполитой, ни побегов российских крестьян в Литву. Например, 15 июля 1756 г. более сотни крестьян (вся деревня целиком) ушли на территорию Речи Посполитой от своего российского помещика полковника Каховского.

Семилетняя война, начавшаяся в августе 1756 г., не повлияла на ситуацию на пограничье России и Речи Посполитой. Однако же эта война сделала Варшаву местонахождением двора Августа III, изгнанного из его родовых владений в Саксонии прусскими войсками короля Фридриха II. Генрих Грос направился вслед за королем в Варшаву, где был Я. Ржычевский. При этом роль Речи Посполитой во внешней политике Петербурга резко возрастала — вдобавок к нерешенным проблемам двусторонних отношений появлялись новые — российская армия, идя воевать с Пруссией, не могла миновать литовско-польских территорий.

В связи с этим ранг российских представителей в Варшаве был повышен до ранга полномочного министра, несмотря на то, что причина, из-за которой в Варшаве отсутствовали российские полномочные представители, так и не была ликвидирована (Грос являлся чрезвычайным посланником в Саксонии, которая признала императорский титул российских государей, чего не сделала Речь Посполитая, не имея возможности поставить этот вопрос на сеймах, фактически не работавших). Помимо Гроса и Ржычевского, в Варшаву был направлен генерал-майор князь Михаил Волконский (племянник канцлера Алексея Бестужева-Рюмина и его родного брата и политического соперника обер-гофмаршала Михаила Бестужева-Рюмина).

Новый представитель России в Речи Посполитой получил инструкцию об основных проблемах взаимоотношений между двумя государствами.

Во-первых, это положение православных в Речи Посполитой. Ее власти, по условиям Вечного мира с Московией, обязались сохранять четыре православные епархии, из которых, однако, к середине XVIII века осталась только одна (Белорусская), а также несколько монастырей. Волконскому сообщили, что состояние действующих православных церквей и монастырей чрезвычайно сложное — католики и униаты их закрывают, заставляя прихожан переходить в унию и не обращая внимания на королевские указы. В случае, если такие факты станут известны посланнику, ему приказывалось обязательно сообщать о них в Россию, так как императрица Елизавета всегда помогает православным, и кроме нее, защиты им ждать более нет откуда. Сам же посланник должен был настойчиво подавать жалобы относительно известных ему обид православных ко всем вельможам Речи Посполитой и самому королю.

Во-вторых, проблема пограничного размежевания. Эта проблема характеризовалась как одна из безнадежных — ее решение не зависело от короля, так как оставалась исключительно в ведении сейма, который уже долгие годы не функционировал. Впрочем, в России подозревали, что подобная ситуация выгодна самой польско-литовской стороне, ибо по подсчетам Петербурга, Речь Посполитая захватила 988 кв. верст российской земли*.

* Максимум 45 × 22 км, в общем, совсем немного по сравнению с десятками тысяч квадратных верст, захваченных московским царем Алексеем Михайловичем во время «Потопа». — *Прим. ред.*

В-третьих, посланнику предписывалось добиваться того, чтобы пограничные города правобережной Украины – Ржищев, Трактомиров, Канев, Чаркасы – согласно со статьями Вечного мира были освобождены от заселения беглыми российскими подданными, которых следовало отправить назад.

В это же время, снова односторонне и используя ранее высказанные предложения официальных лиц Речи Посполитой, Петербург попытался самостоятельно решать проблему возврата в Россию своих беглых подданных с пограничных литовских земель.

По согласованию с властями ВКЛ российский полковник Денис Панов, пограничный комиссар в Новгородской губернии, получил полномочия регулярно отправляться за пограничную черту и самостоятельно возвращать тех беглецов, каких он отыщет в местных деревнях. Это не было чем-то принципиально новым, так как российские офицеры отправлялись с той же целью в ВКЛ в 1735–36 гг., правда, особого успеха при этом не добились.

Такая ситуация повторилась и в этот раз: усилия полковника Панова по возврату беглецов ситуацию не изменили, а сам Панов еще в 1756 г. сообщал в Коллегию иностранных дел:

> «...Из России в Польшу бесконечные побеги ничуть не прекращаются, но иногда еще более умножаются, и не только из дальних и из ближних к границе уездов, но и от самых деревень, где форпостные и резервные команды станции свои имеют, как воинские служащие, так и партикулярных помещиков люди, учиняя многие крамолы и кражи, в Польшу дезертируют».

Более того, теперь опасность угрожала уже и тем российским помещикам, которые выезжали возвращать своих беглецов. Так, в 1757 г. урядник поместий графа Огинского Михал Вележинский захватил российского подпрапорщика Осипа Станиславского, который искал, имея соответствующие официальные разрешения, своих беглых крестьян. Более того, офицер был урядником избит, ограблен и брошен за решетку, вдобавок урядник развлекался демонстрацией на нем своих стрелковых навыков – заставлял прапорщика держать между пальцами монету, после чего выбивал ее пулей. В 1759 г. костюковичский управляющий Кублицкий арестовал четырех драгунов псковского полка, среди них и квартирмейстра, которые ездили в Речь Посполитую для возврата награбленных вещей помещицы Сомовой.

Те семьи беглых российских подданных, которые сами желали вернуться в Россию из Литвы, местные помещики не только не отпускали, но и насильственно возвращали уже с российских пограничных застав. Так, например, случилось в 1757 г., когда три семьи российских подданных, что ушли из Речи Посполитой, достигли российской заставы и там остановились. Их быстро догнали и увезли назад, ограбив при этом российского пандура и квартирмейстера.

Продолжались также нападения на заставы и разрушение пограничных знаков местными шляхтичами, которые даже не думали скрываться от россиян. Так, в декабре 1757 г. в Украине чигиринский полковник Вигалковский со своими казаками напал на российские заставы и «несколько граничных знаков, землею насыпанных, разорил».

После неудачи миссии полковника Панова все время росли претензии России к властям Речи Посполитой по поводу нахождения на их территории беглых российских подданных. Никаких сдвигов в этом направлении не было, ситуация только ухудшалась. После больших потерь прусской армии в боях с союзниками по антипрусской коалиции прусский король Фридрих II стал ощущать недостаток в солдатах и начал вербовать их на землях Речи Посполитой среди российских беглецов. При этом согласия у самих рекрутов обычно не спрашивали — литовскому шляхтичу, на землях которого жили беглые россияне, достаточно было просто продать их прусскому вербовщику.

Слухи о вербовке доходили до России, но конкретные доказательства были получены только в начале 1759 г., когда в Россию добровольно вернулся беглый крестьянин Петр Лобанков, который поведал о прусских вербовщиках на территории ВКЛ. Примерно в это же время в Россию вернулись из ВКЛ трое раскольников, которые сообщили, что в околицах Витебска шляхтич Ратькович насильно забирал российских беглецов на прусскую службу. В 1760 г. беглый рекрут Иван Зверев, который вернулся в Россию, засвидетельствовал, что в Полоцком воеводстве шляхта, и особенно шляхтич Жаба, продает российских беженцев в прусскую армию. Российские дипломаты потребовали от властей Речи Посполитой положить конец подобным вещам, но о реакции на это требование со стороны последних ничего неизвестно.

В любом случае, центральные власти Речи Посполитой сделать здесь ничего не могли, ибо они сами требовали от секретаря прусского посольства в Варшаве Гедеона Бенуа остановить «гвалты» прусских военных на территории Речи Посполитой и порчу местных денег, ибо пруссаки массово завозили сюда монеты с низким содержанием серебра (которые чеканили на захваченном в Саксонии монетном дворе Августа III), вывозя назад полноценные.

Правда, подделывали монеты и в самой Речи Посполитой. В ВКЛ беглый российский крестьянин Сидор Григорьев скупал серебро у других беженцев и делал из него российские рубли и польские талеры. Сообщая об этом факте новому российскому посланнику Федору Воейкову, сменившему Волконского и Гроса, Петербург предложил ему сообщить о фальшивомонетчике литовскому подскарбию Яну Флемингу (ответственному в Литве за финансы), чтобы тот задержал Григорьева и передал российским властям. Флеминг в ответ пообещал предпринять все возможные меры, чтобы поймать преступника.

Судя по документам, и в конце 50-х гг. XVIII века наиболее серьезной претензией России к Речи Посполитой по-прежнему оставалась нерешенная проблема нападений с польско-литовской стороны на российские пограничные заставы. Но если раньше подобные случаи старательно расследовались российскими властями, а результаты и фамилии конкретных виновников доводились до ведома властей Речи Посполитой, то теперь российским дипломатам в Варшаве просто сообщали факты, что, например, по донесениям из Киевской губернии 200 жителей Речи Посполитой вошли на российскую территорию и сожгли пограничную заставу.

Те самые шляхтичи, на которых российские власти уже жаловались властям Речи Посполитой, будто бравируя этим совершали новые нападения, как, например, упомянутый ранее Вищинский, который опять ворвался в российские

пределы со своими людьми. На этот раз, кроме привычных угроз, Вищинский и его люди разрушили построенный русскими мост, о чем и сообщалось в Варшаву 4 мая 1759 г.

Наконец в Петербурге опять решили начать односторонние действия, так как польско-литовские власти ничем не могли помочь россиянам. Посланнику в Варшаве Ф.М. Воейкову 6 августа 1759 г. был направлен подробный рескрипт, в котором утверждалась, что

> «постоянные обиды и воровство от поляков... в здешнем крае настолько уже распространились, что некоторые из польских помещиков сами со многолюдством очевидно вооруженною рукою делают разбойное нападение на здешние пограничные земли и на основанные при них форпостные воинские команды, выжигают вконец ближайшие деревни и в них неслыханными грабежами, выводом скотины, похищением имущества, калечением людей и смертоубийствами делают неописуемый вред и опустошение, и еще тем не удовлетворяются, угрожают здешним границам такими же воровскими намерениями... таких наглых от поляков оскорблений не можем мы более терпеть».

Россия направила на территорию Речи Посполитой свою воинскую команду числом в 100 человек, чтобы поймать одного шляхтича, который разбойничал на российских территориях. Последнего предписывалось арестовать, доставить в Россию и посадить за решетку, где он должен был оставаться вплоть до времени полной компенсации потерь, причиненных им российским подданным. Воейкову приказывалось объяснять властям Речи Посполитой, что кроме таких действий, другого выхода у России нет. Угроза была исполнена, шляхтича Ивановского схватили и отвезли в Россию. Когда на такие действия русских посланнику Воейкову пожаловался коронный надворный маршалок Ежи Мнишек, российские власти отвечали, что, как они и предупреждали раньше, этот шляхтич не будет отпущен до того времени, пока не компенсирует нанесенных потерь.

Во время очередного нападения жителей Речи Посполитой на российскую деревню, которая в результате этого сгорела, удалось задержать нескольких нападавших, которых российские власти решили задержать у себя вплоть до времени компенсации ими потерь. Воейкову рескриптом от 14 августа 1759 г. приказывалось не только снова сообщить властям Речи Посполитой, что другого выхода у России нет, но и доложить в Петербург о реакции в Варшаве на такие сообщения.

Однако и подобные меры не могли остановить «предерзости» подданных Речи Посполитой. Более того, их поведение становилось все более смелым: группа вооруженных жителей Речи Посполитой напала на российскую резервную воинскую команду, по характеристике российской стороны — «яко в военное время», во время чего были ранены четверо казаков и захвачены несколько ружей.

15 сентября 1759 г. российское правительство впервые за годы правления Елизаветы Петровны решило систематизировать свои претензии к Речи Посполитой, составив «Краткое описание претензий, выставленных Россией Королевству Польскому после заключения с ним мирного договора в 1686 г.», в до-

полнение к которому были помещены выписки из реляций российских дипломатов из Дрездена и Варшавы.

1-й пункт «Описания...» был посвящен нарушению властями Речи Посполитой 9-й статьи Вечного мира, согласно с которой Республика обязывалась сохранять 4 православные епархии и обеспечивать права православных. «Этот артикул поляками почти нарушен», так как в Речи Посполитой осталась только одна, Белорусская епархия, «но и та... от тамошнего римского закона, духовенства и шляхетства беспрестанно жестокие обиды терпит» — православных судят гражданским судом, избивают их, отбирают либо закрывают церкви, отбирают имущество. Относительно исполнения условий Вечного мира и возвращения отобранных церквей «с российской стороны во дворе и министерстве польском с очень давнего времени и поныне всякие старания прилагаются, только в этом никакого успеха нет».

Во втором пункте говорилось о 17-й статье Вечного мира, который предусматривал разграничение российской территории и земель Речи Посполитой. Делимитация до сего времени не была проведена, а на претензии россиян представители Речи Посполитой отвечали, что разграничение остается в исключительной компетенции сейма, который не может начать своей работы из-за постоянных его срывов шляхетским правом liberum veto. В связи с этим в 1753 г. Россия решила провести демаркацию односторонне, для чего из Киева был послан полковник фортификации де Баскет с поручением составить карты на местности и описать границу от Смоленской губернии до окрестностей Киева. После его возвращения оказалось, что Речь Посполитая владеет 988 кв. верстами российской земли, которая отошла к России по 3-й статье Вечного мира. Кроме того, и по давности владения эти территории «разным малороссийского Стародубского, Черниговского и Киевского полков обывателям принадлежат».

В 1754 и 1755 гг. российский Сенат принял решения все второстепенные дороги, которые шли через границу, заградить лесом, рогатками, перекопать их рвами и учредить здесь заставы и таможни.

> «А заставы, которые были внутри здешней границы, вывести и основать в неспорных с поляками местах на самой границе», а в спорных — «вглубь границы, уступив до двух саженей».

Никто из представителей властей Речи Посполитой при сообщении об этом решении «не противоречил», но когда указанные меры были реализованы, то

Беглые мужики охотно мстили своим вчерашним палачам

«всякие препятствия и нахальства беспрестанно чинятся» — как крестьяне, так и разные «военные люди» со стороны Речи Посполитой с ружьями, топорами, косами расчищают дороги, нападают на заставы, жгут их, как и российские пограничные деревни, уводят скотину, похищают российских людей. Все жалобы на это остаются напрасными.

3-й пункт кратко сообщал, что согласно с 7-й статьей Вечного мира пограничные города на польско-литовской стороне: Ржищев, Трактомиров, Чигирин, Канев должны были оставаться без населения вплоть до времени особого двустороннего соглашения относительно их. Однако все эти города заселены, причем основное их население составляют беглые российские подданные, которые оттуда совершают разбойные нападения на российскую территорию.

Следующий, 4-й пункт «Описания...», был посвящен 3-й, 5-й и 24-й статьям Вечного мира, по которым Речь Посполитая обязывалась никого с российских земель «на польскую сторону ни тайно, ни открыто не переводить, не подговаривать, не перенимать». Эти обязательства были давно нарушены, и на территории Речи Посполитой остаются «многие тысячи» российских беженцев, а жалобы на это «поныне напрасные». При этом больше всех упрямился М. Чарторыйский, заявляя, что от выдачи «могут произойти между шляхетностью замешательства». Тех же беженцев, которые желают вернуться, не пускают назад и даже устраивают «многолюдные погони до самой границы, а иногда и через ее».

5-й пункт касался Новой Сербии, территории на юге российской части Украины, где Петербург размещал сербских переселенцев — дескать, жители Речи Посполитой грабят и задерживают сербов и других переселенцев в Россию. По подсчетам начальника Новой Сербии генерала Ивана Хорвата, его подчиненные понесли от жителей Речи Посполитой убытки на 36.147 рублей 45 копеек.

Последний пункт рассматривал положение с пограничными комиссиями. Польские и литовские комиссары якобы не исполняют приказов своего короля и не появляются на совместных заседаниях пограничных комиссий, призывая российскую сторону подавать жалобы в суды Речи Посполитой, ибо они, комиссары, не имеют над шляхетством никакой власти.

В 1760 г. сообщения о столкновениях жителей Речи Посполитой с пограничными российскими воинскими командами участились. Рескрипт от 3 января 1760 г. сообщал Воейкову сразу о нескольких случаях. Так, в районе Велижа пограничный разъезд в составе вахмистра и двух драгунов увидел на российской территории около 20 литовских жителей, которые рубили лес, и потребовал прекратить эту работу. Однако крестьяне не подчинились, а с топорами и пиками попытались напасть на солдат, вынужденных открыть огонь. Подхватив одного раненого, литовские жители убежали на свою территорию, угрожая убить солдат, если те им где-нибудь встретятся.

Российский поручик Трифонов, услышав стук топоров на российской стороне, отправил солдат, чтобы те выяснили, что происходит. Двое крестьян со стороны Литвы, увидев их, убежали на свою территорию. Оттуда к российской

границе подошли уже 40 крестьян, которые кричали, что солдаты не имеют никакого права запрещать им рубить лес, который принадлежит российской помещице, раз ее люди им в этом не препятствуют. Жители ВКЛ угрожали, что если солдаты снова будут лезть в эти дела, то их «как в капусту порубим мелко».

Незадолго до этого в тех же местах жители ВКЛ напали на четырех российских крестьян, которые везли назад семью беглого крестьянина, избили их, отобрали беглецов, троих крестьян задержали у себя, а одного, связанного, отвезли к границе. Трифонов решил воспользоваться поводом и заодно потребовать от соседей, чтобы те не избивали россиян, которые, имея все разрешения, по поручению своих помещиков ищут на польско-литовской территории беглых.

Но в ответ на требования поручика жители ВКЛ ответили, что бить они собираются в том числе и тех, кто сейчас перед ними. Трифонов приказал своим солдатам прицелиться в этих крестьян, которые, бранясь, побежали от границы, кто – призывая солдат стрелять в них, спуская штаны и нагибаясь, кто – проклиная их словами: «чтобы прусская пуля вас не минула».

На этой же территории около десяти вооруженных человек из владений литовского великого маршалка графа Игнатия Огинского (ок. 1698–1775) захватили на дороге между заставами российского драгуна Андрея Мазура и успели уйти с ним на территорию Речи Посполитой до появления солдат с застав. Драгун по жалобам посланника в Варшаве Воейкова позже был возвращен, но из-за того, что его все время держали в цепях и колодках, российские власти решили узнать фамилии виновных в этом и потребовать для них наказания.

Иногда жители ВКЛ захватывали и трех-четырех российских солдат, которых десятки дней держали в плену. В Смоленской губернии на Сенковской заставе невельский наместник Корсак захватил и месяц держал в карцере троих солдат. 12 апреля 1760 г. Воейков сообщил в Петербург, что невельский арендатор епископ Л.И. Риакур дал ему ответ на жалобы относительно действий своего наместника Корсака. Раздраженный Воейков писал, что ответ епископа составлен по уже привычной для него схеме: не отвечая на российские жалобы, выставил много своих надуманных претензий, перечисленных со слов шляхтича. По мнению российского посланника, власти Речи Посполитой считают, что инциденты этими ответами вполне исчерпываются, «и думают, что польский шляхтич врать не способен». На полях этой реляции граф Михаил Воронцов, который в 1758 г. сменил на посту канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, отметил, что относительно этого дела надо отписать в Военную коллегию, чтобы та послала солдат в Речь Посполитую с целью вывоза этого шляхтича в Россию.

Большинство нападений на российские земли совершались с земель, которыми владел младший из братьев Чарторыйских, Август, воевода русский. Ему Воейков и должен был сообщить о претензиях российской стороны. Отдельно Воейков должен был напомнить о том, что семья Чарторыйских всегда была другом России, а последняя и раньше Чарторыйским помогала, и теперь не оставляет их.

В конце января 1760 г. Воейкову сообщили о целом рейде неизвестных преступников, следы которых вели в Речь Посполитую. В июне 1759 г. они напали на российскую заставу возле деревни Калыбель, огнем из ружей убили одного и ранили нескольких казаков, сожгли деревню, а потом напали на Вышковецкую

таможню, где избили таможенных объездчиков, а заодно и нескольких пограничных российских жителей.

Судя по всему, эта таможня сумела наладить работу для прекращения контрабанды (преимущественно украинского табака), ибо нападения на ее служащих стали довольно распространенными – при этом случалось, что таможенников жители Речи Посполитой избивали вместе с местными россиянами. Характерно, что именно в это время литовский предводитель граф Огинский и минский комендант Юдицкий обратились с просьбой к российским властям, чтобы снова открыть ранее заваленные (для прекращения контрабанды) две дороги, которые вели из России в Польшу через их земли, с основанием там российской таможни – чтобы не везти все грузы через Добрянскую таможню. В Петербурге рассмотрели эту просьбу и ответили на нее отказом, так как никаких удобств от этого Россия не имела бы, о чем и сообщалось Воейкову 28 апреля 1760 г.

21 апреля 1760 г. жители ВКЛ ночью напали на одну из российских застав, бесшумно нейтрализовали часового, заткнув ему рот кляпом и избив, а других солдат закрыли посредством бревна в доме, ограбив их сумки с патронами и забрав 2 ружья, 2 кафтана и 3 шпаги. Когда солдаты сумели освободиться, то они по следам, что вели к деревне на литовской стороне, выследили нападавших.

Сами жители Речи Посполитой тоже высказывали претензии к российской стороне относительно ее граждан. По жалобам католического киевского епископа, гайдамаки, которые были российскими подданными, совершали набеги на его владения, используя потворство российских пограничных властей и имея своей базой территорию Новой Сербии. После подчеркнуто быстрого рассмотрения этой жалобы российские власти заявили, что гайдамаки являются подданными Речи Посполитой, а не России. Кроме того, часто бывает и так, что поляки маскируются под гайдамаков умышленно, для грабежа на российской стороне, поэтому усилить борьбу с гайдамаками следует самой Речи Посполитой, а Россия и так давно делает все возможное для прекращения их налетов. Позже пограничные власти сообщали, что под видом гайдамаков действуют также крымские татары и другие турецкие подданные, которые после набега скрываются в турецких владениях в Причерноморье.

То, что гайдамаки действовали с турецких территорий, подтверждали и власти Речи Посполитой. В начале ноября 1760 г. коронный канцлер граф Ян Малаховский говорил посланнику Воейкову, что, по его сведениям, гайдамаки приходят из владений крымского хана и туда же возвращаются после набегов. Малаховский сказал, что он будет писать туркам и татарам с требованием изгнания гайдамаков с их территорий. В Стамбуле саксонский резидент Гипп должен был помогать своему российскому коллеге Алексею Обрезкову делать представления об изгнании гайдамаков из владений турецкого султана.

Столь же быстро российские власти дали ответ на жалобу литовского польного гетмана Михала-Юзефа Масальского (ум. 1768) относительно того, что на его пограничную деревню напали россияне. Гетмана заверили, что россияне разберутся с теми, кто это сделал, но попросили уточнить обстоятельства.

В 1761 г. киевский епископ Каэтан Солтык жаловался Воейкову на то, что российский подданный Мартын Канпуренко с запорожцами напал на двор одного шляхтича и ограбил его. На сообщении Воейкова об этом есть карандаш-

ная пометка, сделанная либо канцлером Воронцовым, либо обер-секретарем Коллегии иностранных дел Иваном Пуговишниковым: написать Лопухину (скорее всего, Владимиру Ивановичу (1703–1797), киевскому обер-коменданту), чтобы он нашел подозреваемого и вывел его из Сечи под конвоем в Глухов.

В 1760 г. Воейков все же сообщил в Россию более оптимистические сведения: король разослал в пограничные районы универсалы с приказом прекратить нападения на российские территории и выслать назад всех российских беглецов, «а особенно воров и разбойников» (характерная оговорка, учитывая великое нежелание магнатов и шляхтичей возвращать всех беглецов). Когда, однако, россияне начали говорить об этом универсале литовским пограничным комиссарам, те ответили им, что они такого документа не получали.

При новом созыве сейма можно было бы снова поставить перед ним прежние нерешенные проблемы отношений Речи Посполитой и Российской империи, но в 1760 г. ситуация была уже другая. По сведениям Воейкова, послы от Великопольши (жители которой «намного более способствуют прусской стороне») намеревались поднять на нем вопрос о претензиях польской шляхты к российской армии, проходившей по их территории. Это и ранее раздражало Петербург, так как поляки имели претензии только к нему, а не к Берлину, хотя прусские солдаты в свое время захватили и вывезли из Польши князя Александра Сулковского, однако даже по этому поводу «поляки депутации королю прусскому не только не посылали, но и посылать не собирались».

Отношения все более обострялись, и Россия, как более сильная, все чаще использовала войска для решения пограничных конфликтов. В январе 1761 г. российские власти решительно отклонили жалобы великого литовского гетмана князя М. Радзивилла и коронного надворного маршалка графа Е. Мнишека на самоуправство российских военных на территории ВКЛ, когда российские пограничные команды в конце октября – начале ноября 1760 г. вошли на его территорию и насильно вывели оттуда в Россию семерых шляхтичей. Судя по текстам жалоб, в Мстиславльском воеводстве Речи Посполитой подчиненные российского полковника Лукошина захватили: смоленского чашника Шавинского с сыном (задержаны в пути), а также красновского старосту Людвика Чудовского вместе с женой и тещей (его двор был опустошен, а крестьяне выведены в Россию). В доме Чудовского были также захвачены его гости Юзеф и Александр Курковы, а также Федор Бобровский. Кроме того, в Россию был выведен стародубский ловчий Казимир Ходкевич. На поданные по этому поводу жалобы Петербург ответил, что упомянутые шляхтичи скрывали у себя российских беглецов, нагло нарушали королевские указы, и других способов повлиять на них не было.

> «...и поэтому не может быть странным, что российские помещики... которые не видели к тому же надежды, от скорби и нетерпения наконец приняли меры с помощью форпостов, которые находятся на границах, к захвату тех польских шляхтичей, которые людьми их с домашним скарбом так несправедливо владеют и пользуются».

Шляхтичей решили держать до того времени, пока они не вернут всех беглецов (двоих из них, впрочем, отпустили сразу, как только выяснилось, что на их землях российских беглецов нет).

Эпизод интересен тем, что, несмотря на твердый отказ освободить шляхтичей, захваченных в их собственных владениях, российские власти все равно решили дистанцироваться от этих акций, выставив инициаторами силовых действий местных помещиков, которые якобы сами договорились с солдатами на заставах. В то же время трокский комендант граф Огинский жаловался, что российская воинская команда вывела из Бабиличского староства свыше 200 крестьян.

25 декабря 1761 г. российская императрица Елизавета Петровна умерла, и в этот же день российский трон занял император Петр III. Во время его короткого правления /25 декабря 1761 – 28 июня 1762 гг./ ситуация на пограничье России и Речи Посполитой не изменилась: продолжались прежние жалобы и претензии российской стороны.

При очередном нападении на российскую заставу прапорщик Грибоедов, который защищал его с шестью солдатами, не сумел удержать укрепление. Офицер был захвачен, избит и вывезен на территорию Речи Посполитой. Однако россияне все же заставили вернуть Грибоедова и добились обещания того, что виновники компенсируют потери. При этом российское правительство 31 января 1762 г. потребовало от посланника Воейкова, чтобы он обратился к королевскому двору Речи Посполитой с призывом наказать виновников нападения, так как «всем этим такой наглый и без какой-либо причины от польских жителей совершен поступок весьма чувствительный».

В марте 1762 г., опять же из-за отсутствия польско-литовских комиссаров, не собралась совместная пограничная комиссия на границе Смоленской губернии. Примерно в то же время в этой губернии местный помещик поручик Петр Энгельгардт задержал двух беглецов из ВКЛ и предложил обменять их на двух своих беглецов. Однако обмен не состоялся. Во время процедуры обмена представитель от Речи Посполитой по какой-то причине ударил саблей российского поручика Забелина и приказал своим людям стрелять. От их пуль погибли российский солдат на заставе и один из беглецов с территории ВКЛ, приведенных для обмена.

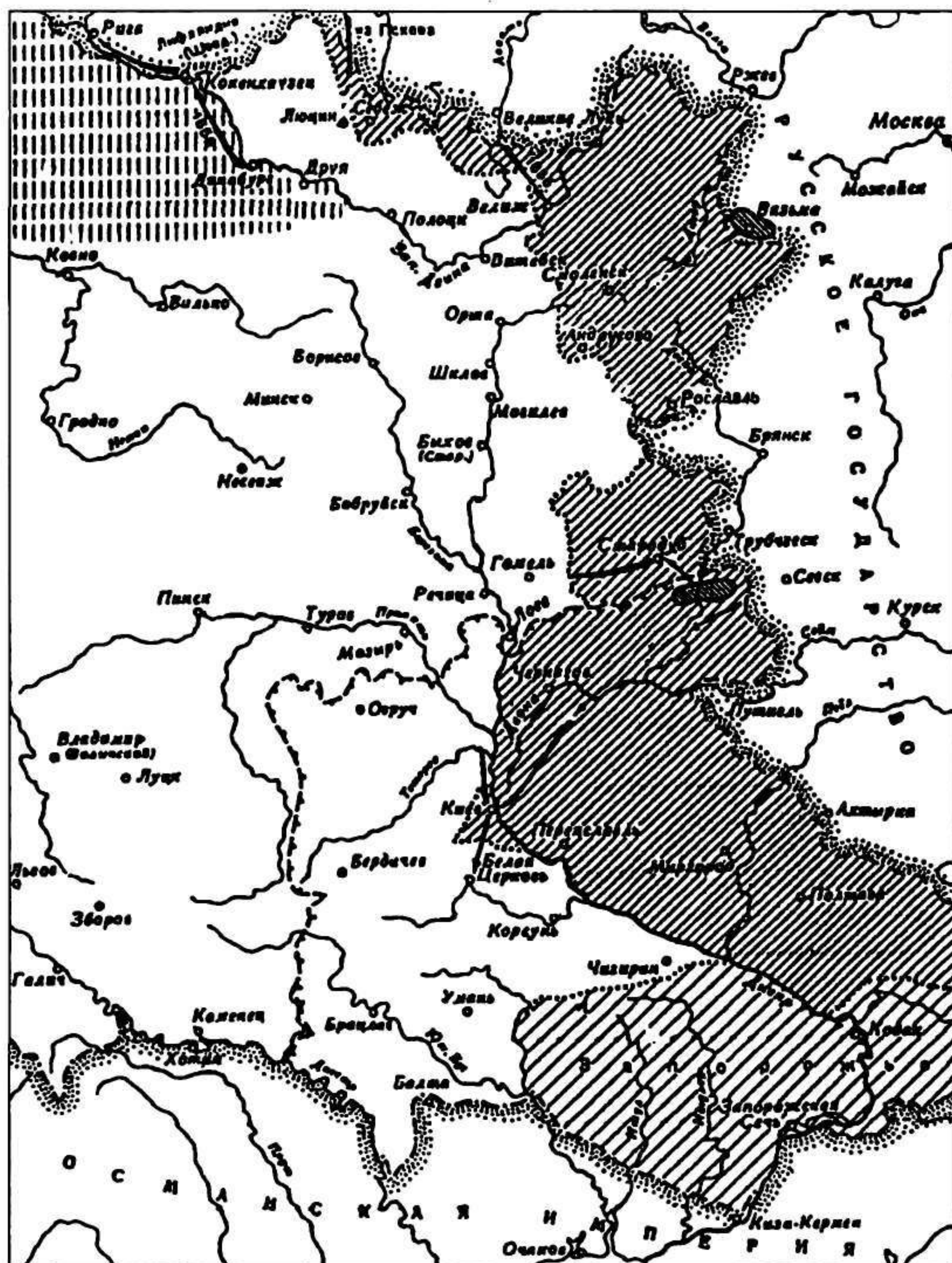
Россия снова заявляла властям Речи Посполитой, что «такие наезды, обиды и грабежи делаются, что уже нельзя более терпеть», но ничего, кроме слов, противопоставить этому так и не сумела.

В таком состоянии приняла дела новая российская императрица Екатерина II, для которой была составлена «Краткая заметка, в каком состоянии были польские дела в отношении России при вступлении на трон императрицы Екатерины II». Проблемы по этому документу были те же, что и во время правления Елизаветы Петровны, связанные с нарушениями условий Вечного мира 1686 г.:

– передача в унию трех из четырех православных епархий, ущемление православных в единственной уцелевшей Белорусской епархии, безрезультатные жалобы российской стороны на ущемление прав единоверцев в ВКЛ;

– до сего времени не разграниченные территории между двумя государствами, так как, по заявлениям властей Речи Посполитой, это может сделать только сейм, который вообще не способен начать свою работу;

Вот сколько земель Литвы досталось Московии (России)
по Вечному миру 1686 г.

– в то же время попытки прикрыть российскую территорию заставами сталкиваются с активным противодействием литовских шляхтичей, которые просто хозяйничают на российской пограничной территории, нападая даже на пограничные заставы;

– пограничные города на территории Речи Посполитой, такие, как Ржищев, несмотря на условия мира, заселены преимущественно российскими беглецами.

– вообще российских беглецов в Речи Посполитой «великое число», а Речь Посполитая, нарушая условия Вечного мира, не возвращает их.

– единственным прорывом в последние годы правления Елизаветы стала следующая мера: «иногда за невыдачу и держание этих беглецов захватываются при границах в здешнюю сторону сами поляки из мелкой шляхты».

На момент прихода к власти в России императрицы Екатерины II в Петербурге уже были планы решения давней проблемы. Речь идет о решении Конференции при дворе, которая состояла из наиболее значительных государственных деятелей России и была созвана в 1756 г. Елизаветой Петровной для обсуждения вопросов войны с Пруссией.

Целью России в войне с Фридрихом II советники Елизаветы считали захват Прусского Королевства (так наз. Восточной Пруссии) и обмен его у Польши на Курляндию и на «округление границ» в Украине и Беларуси для прекращения пограничных жалоб.

С российской точки зрения это действительно было бы выходом – все остальные способы решения пограничных проблем Петербург уже использовал и ничего не добился. Нападения на российские владения продолжались как после официальных жалоб в Варшаве, так и после укрепления застав и даже после карательных акций российских войск на территории ВКЛ против отдельных шляхтичей в ответ на их действия. Проблема возвращения беглецов тоже не решалась – ни магнаты, ни шляхтичи их не выдавали, официальные власти не имели возможности повлиять на эту позицию, экспедиции российских военнослужащих и помещиков на смежную литовскую территорию для вывода беглецов не имели успеха и, кроме того, ставили под угрозу самих участников экспедиций. Манифесты с амнистией беглецам, желающим вернуться (сроки действия которых неоднократно продлялись), тоже не принесли результатов. Если даже кто-то из беглецов и хотел вернуться в Россию, то шляхтичи его просто не отпускали, либо насильно возвращали назад – даже с российских пограничных застав.

Россия твердо решила положить этому конец, ибо такое положение на границе было для нее чем-то вроде дырки в мешке, в которую уходили государственные богатства – деньги, товары, рабочие руки. Но, кроме экономических потерь, намного более чувствительным для Российской империи был удар по ее репутации. Россия, которая амбициозным новичком вклинилась в европейскую систему международных отношений, стремилась стать в один ряд с основными государствами континента, определявшими его судьбу. После разгрома фельдмаршалом Петром Салтыковым прусской армии Фридриха II 1 (12) августа 1759 года при Кунерсдорфе, Россия, к неудовольствию почти всей Европы (о чем сохранилось много свидетельств в донесениях российских дипломатов),

вообще стала рассматриваться как государство, которое по своей мощи уже превзошло другие великие государства.

И вот на этом фоне крупных успехов как дипломатии, так и армии, Петербург занимался расследованием бесчинств на собственной территории каких-то никому не известных шляхтичей из соседнего государства, освобождением из чужой страны своих избитых и униженных солдат и офицеров, захваченных на со своей земле, восстановлением сожженных и разграбленных пограничных застав, впустую требуя наказания виновников всего этого.

Только успешное окончание Семилетней войны могло разрубить этот узел — границу можно было провести так, как выгодно было России, при этом не обидев Польши и передав ей взамен части украинских и беларуских земель Пруссию с Кёнигсбергом.

Польский историк Казимир Валишевский в начале XX века с восхищением писал об этом плане России. По его словам, речь шла о том, чтобы отдать Речи Посполитой Восточную Пруссию взамен части Украины, — то есть об осуществлении самой заветной мечты, которую мог лелеять в то время польский патриот. Вернуть уже раздробленной наследнице Пястов и Ягеллонов эту древнюю польскую землю, вернуть в обмен на те владения, что все равно должны были ускользнуть от Польши, настоящее владение морем вместе с полосой берега от Эльбинга до Мемеля в сто миль шириной; поставить ее снова на путь ее естественного развития, нанося при этом смертельный удар возросшей и угрожающей мощи прежнего вассала, — это было спасением Польши, защитой ее политического будущего от слишком очевидных опасностей, гарантией ее экономического расцвета, широко открытый горизонт для бесчисленных успехов!

Но Екатерина II, которая пришла к власти в России летом 1762 г., хотя и нуждалась в урегулировании пограничных проблем, уже не могла, как планировала раньше Елизавета, предложить польско-литовской стороне соответствующего обмена, и была способна действовать в отношении Варшавы только силой. К тому же ей приходилось считаться с планами других соседних государств (Австрии и Пруссии) относительно Речи Посполитой. Начиналась эпоха разделов.

Комментарий редактора

Вот что значит «взгляд из Петербурга». Обратите внимание на то, как российский историк «ненавязчиво», но последовательно доказывает благородство и гуманизм властей Российской империи — государства рабовладельцев «в законе».

Он ни слова не говорит о причинах массового бегства крестьян из России в Литву (а бежали они от дикой эксплуатации и жестоких наказаний помещиков-рабовладельцев). К примеру, разве от хорошей жизни 15 июля 1756 г. вся деревня (более 100 человек) ушла на территорию ВКЛ от своего помещика полковника Каховского?!

Обходит молчанием тот факт, что в указанное время православные составляли в ВКЛ уже весьма незначительную часть населения.

Не вспоминает, что пограничные земли по всему периметру литовско-русской границы – это исконные земли Литвы (Беларуси), захваченные Московией в XV–XVI вв.

Не квалифицирует Андрусовский мир 1667 года как мир крайне несправедливый, подписать который Речи Посполитой пришлось только потому, что в результате «Потопа» у нее не было сил для освобождения всех территорий, захваченных ордами московского царя!

А условия «Вечного мира» 1686 года М. Антипов выставляет в своей статье как нечто раз и навсегда данное, ни в коем случае не подлежащее пересмотру. Такова принципиальная позиция всех российских державников что в прошлом, что в настоящем: если мы (Московия или Россия) что-то когда-то захватили, отныне это наше навсегда! На том стояла, стоит и будет стоять Москва до тех пор, пока Россия не развалится на куски точно так же, как развалился СССР.

ВОССТАНИЕ 1863–64 гг. НА БЕЛАРУСКИХ ЗЕМЛЯХ.

К 150-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ

Анатоль Тарас

Восстание на территории Западного края Российской империи было подготовлено польскими и беларуско-литовскими конспиративными организациями. Они поддерживали связи с организацией российских революционеров-демократов «Земля и воля».

Однако не все «красные» (так называли сторонников идеи вооруженного восстания в Польше, Беларуси и Летуве) разделяли социальную программу «Земли и воли». Среди них преобладали шляхетские революционеры, ставившие своей главной целью возрождение польского государства в границах бывшей Речи Посполитой, включая Летуву, Беларусь и Правобережную Украину.

Основную роль в реализации этой идеи они отводили шляхте, тогда как крестьянству – вспомогательную. Революционеры обещали помещикам сохранить их земельные владения и оплатить за счет государства землю, выделенную под наделы крестьян; крестьянам – передать в собственность без выкупа и временных обязанностей те наделы, которые они получили по реформе 19 февраля 1861 года. Программа предусматривала также уравнение крестьян и шляхты в гражданских правах, замену подушного налога – на подымный, 15-летней рекрутчины на трехлетнюю воинскую службу в своем крае, возрождение униатской церкви.

Эту программу разработал Центральный национальный комитет (ЦНК), руководящий орган «красных», созданный летом 1862 года в Варшаве и сыгравший главную роль в подготовке восстания. На переговорах представителей ЦНК в Лондоне в сентябре 1862 года с издателями газеты «Колокол» (Александром Герценом, Николаем Огаревым, Михаилом Бакуниным) последние предупредили польских революционеров, что их программа не встретит поддержки в России и рекомендовали принять лозунги российской революционной демократии («земля – крестьянам, свобода – провинциям»).

Однако ЦНК не прислушался к этим советам. В «Манифесте» и в документах по аграрному вопросу, опубликованным 22 января 1863 года в связи с объявлением восстания, была изложена принятая ранее программа. Новым в ней стало только обещание выделить по 3 морга (около двух десятин) земли безземельным крестьянам, если они поддержат восстание с оружием в руках. Одновременно ЦНК объявил себя Временным национальным правительством на всей территории бывшей Речи Посполитой.

Положение в Западном крае накануне восстания хорошо обрисовал Иван Никотин, чиновник по особым поручениям при губернаторе Владимире Назимове:

«Деятельность крамольников доходила до крайних границ, а мы только смотрели на неё как на детское непослушание».

Но не показная «дерзость крамольников» угрожала властям, а революционная организация, которая готовила восстание. Никотин позже вспоминал:

«Дело это готовилось настолько профессионально, что никто из нас не подозревал о той серьёзной опасности, которая всем нам угрожала».

Подготовкой восстания в Беларуси и Литве с осени 1861 года руководил «Комитет движения», действовавший в Вильне. В него входили Людвик Звеждовский, Константин Калиновский и некоторые другие революционеры из среды местной шляхты. Летом 1862 года он вошел в подчинение ЦНК и в этой связи был преобразован в Литовский провинциальный комитет (ЛПК). ЦНК назначил своим комиссаром при ЛПК Нестора Дюлёрана (1825–1868).

Однако в октябре 1862 года председателем ЛПК стал К. Калиновский, взявший курс на достижение самостоятельности и равноправия во взаимоотношениях Виленского центра с Варшавским. Кроме того, он не разделял ни аграрной, ни национальной программы ЦНК. Калиновский выступал за передачу крестьянам всей обрабатываемой земли и за право Литвы и Беларуси на самоопределение. К помещикам он относился весьма негативно, называл их «гнилой и распущенной кастой». Свои взгляды по программным вопросам, хотя и не в полной мере, Калиновский высказал в издаваемой им нелегальной газете «Мужицкая правда»*.

Калиновского и большинство членов ЛПК сильно возмутило решение ЦНК о начале восстания 22 января 1863 года, принятое без согласования с ними. В течение 10 суток ЛПК колебался — как ему реагировать на это. Но, в конце концов, манифестом от 1 февраля 1863 года он призвал население Литвы и Беларуси поддержать восстание, вспыхнувшее в Польше. При этом ЛПК, объявивший себя Временным провинциальным правительством Литвы и Беларуси, вынужден был опубликовать программу восстания, определенную польским национальным правительством.

В начале марта 1863 года к восстанию присоединилась часть крупных помещиков и буржуазии, так называемые «белые», которые до этого времени относились к нему враждебно, так как рассчитывали добиться восстановления польской государственности мирным путем, с помощью западных стран, в первую очередь Франции и Англии. Попытки «красных» опереться на крестьянство пугали их.

По инициативе комиссара Нестора Дюлёрана, 27 февраля (10 марта) 1863 г. «красный» Литовский провинциальный комитет (который возглавлял Калиновский) было расформирован. На следующий день вместо ЛПК «белые» создали Отдел руководства провинциями Литвы. Пост председателя Отдела занял помещик Якуб Гейштор (1827–1897).

* Калиновский и его помощники (В. Врублевский, С. Сангин, Ф. Рожанский) нелегально печатали газету на Гродненщине. Представляла собой листки небольшого формата, беларуский текст печатался латинским шрифтом. Всего в 1862–63 гг. вышли 7 номеров.

В связи с этим Калиновский от имени ЛПК написал резкий протест против акции «белых», которую он оценил как измену революции. Однако, сознавая отсутствие достаточной опоры для себя и своих сторонников, подчинился «главе восстания» и принял назначение на должность комиссара Гродненского воеводства. После этого «белые» существенно усилили свои позиции в руководящих структурах подпольной организации в Литве и Беларуси на губернском (воеводском) и уездном (поветовом) уровнях. В воеводства, кстати говоря, назначались как военные, так и гражданские начальники.

Первые повстанческие отряды пришли на территорию Беларуси из Польши. Самым крупным среди них был отряд 23-летнего Романа Рогинского, насчитывавший около 300 человек. Он после боя под Семятичами (в Бельском уезде) двинулся в глубь Беларуси и в ночь на 13 февраля вместе с группой гродненских революционеров занял Пружаны. Из Пружан Рогинский пошел к Пинску, но не решился атаковать город ввиду недостатка сил, а повернул на север и вступил в Слуцкий уезд. Здесь в ночь с 25 на 26 февраля на хуторе Борки его атаковал противник, имевший значительное численное превосходство. Отряд был разбит, часть повстанцев погибла, почти все остальные сдались. С небольшой группой уцелевших бойцов Рогинский скрылся на болотах. За неделю они добрались до Турова, где 3 (15) марта тоже попали в руки карателей.

Рогинский в августе того же года был приговорен к смертной казни, которую власти заменили на 20 лет каторжных работ. Наказание он отбывал в селе Усолье Пермской губернии. В 1868 году его перевели на поселение в Верхнеудинск (в Забайкалье, ныне это Улан-Удэ), оттуда – в Витим, а потом в Иркутск. Только в 1892 году Роман Рогинский вернулся на родину. Умер он в 1915 году, не дожив двух недель до своего 75-летия.

Формирование местных отрядов и выход их из мест сбора начались в марте – апреле 1863 года во всех губерниях Западного края. Однако царским властям удавалось, как правило, раз-

Сверху вниз:
Валериан Врублевский,
Людвик Звеждовский,
Константин Калиновский

громить их в самом начале действий. К числу наиболее значительных акций повстанцев на территории Беларуси относятся: во-первых, захват 24 апреля 1863 года уездного города Горки (в Могилевской губернии) отрядом Людвика Звеждовского и, во-вторых, бой у Миловидов (в Гродненской губернии) объединенных отрядов под командованием А. Ленкевича.

В начале сентября 1863 года по решению Отдела руководства провинциями Литвы вооруженная борьба на территории Беларуси и Литвы была прекращена. Калиновский сделал это с той целью, чтобы хорошо подготовиться к новому выступлению весной 1864 года. Но, как известно, до этого дело не дошло. В начале февраля Калиновского арестовали в Вильне, а 10 (22) марта повесили.

Гродненские отряды

Первой крупной акцией повстанцев на территории Гродненской губернии стало нападение в ночь с 10 на 11 (с 22 на 23) января 1863 года на гарнизон заштатного города Сураж. Ее осуществили отряды из Польши при участии сил гродненской организации, под общим командованием Цихорского.

Согласно донесению царской администрации Белостокской области, численность нападавших превысила тысячу человек. В результате боевого столкновения рота российских войск отступила со своих позиций, повстанцы захватили ротный цейхгауз (оружейный склад), вывели из строя железную дорогу и телеграфную линию.

К 20 января (1 февраля) польские отряды Цихорского и Романа Рогинского, а также местные Станислава Сангина (1818–1863), Б. Рыльского, В. Левандовского, всего до 5 тысяч человек, сосредоточились в местечке Семятичи Бельского уезда. Повстанцы выставили сторожевые посты (пикеты) вокруг Семятичей, обучали своих добровольцев военному делу, закупали у населения продовольствие и боеприпасы. 25 января (6 февраля) к Семятичам подошел крупный отряд царских войск: 7 пехотных рот, казачий эскадрон, артиллерийская батарея. Этими силами командовал генерал Захарий Манюкин (1806–1882).

Повстанцам удалось отразить первый штурм. Тогда на следующий день Манюкин притворным отступлением выманил повстанцев на открытую местность и артиллерийским огнем причинил им значительные потери. Повстанцам пришлось покинуть Семятичи. В отместку за поддержку «мятежников» каратели сожгли большую часть местечка.

После боя за Семятичи отряды Сангина, Рогинского и Рыльского ушли в южные уезды губернии. Оторвавшись от преследования, они в ночь с 31 января на 1 февраля (с 13 на 14 февраля) заняли город Пружаны. Здесь повстанцы захватили оружие, патроны и деньги. Затем группа повстанцев во главе с Сангиным и Рыльским отделилась от Рогинского и двинулась на Белосток. Однако 3 (15) февраля возле деревни Речица (в Пружанском уезде) их внезапно настиг и разгромил большой отряд царских войск. Часть повстанцев погибла в бою, в том числе Сангин, а Рыльский и еще 9 повстанцев попали в плен.

В марте – апреле к формированию отрядов приступили уездные (поветовые) комитеты губернской (воеводской) революционной организации. По плану комиссара Гродненского воеводства К. Калиновского, каждый уезд (повет) должен

был выставить отряд численностью от 100 до 150 человек. Инструкция поветовым комиссарам, составленная Калиновским, предписывала им лично участвовать в формировании отрядов, обеспечить огнестрельным оружием, боеприпасами (не менее 50 зарядов на ствол), обмундированием и снаряжением. Комиссары были обязаны следить за дисциплиной, не допускать пьянства и распущенности, обеспечить отряды врачами, перевязочным материалом, медикаментами.

С 12 (24) апреля в уездном местечке Соколка директор школы лесных егерей Валериан Врублевский (1836–1908) стал формировать отряд, костяк которого составили учащиеся возглавляемой им школы. Вскоре к нему присоединились еще два отряда. Белостокским командовал подпоручик Либавского пехотного полка Антон Баранцевич (1837–1918), бросивший службу ради участия в восстании. Отрядом из Бельского повета (уезда) командовал Э. Керсновский.

Воеводой «белые» назначили бывшего офицера Онуфрия Духинского, участника польско-русской войны 1830–31 гг. Но начальником штаба, по требованию Калиновского, стал Врублевский. Духинский был немолод, не знал местных условий и не понимал специфики партизанских действий. В результате этот самый крупный отряд 17 (29) апреля, приняв бой возле деревни Валиды, по его вине потерпел поражение от царских войск. Повстанцы понесли серьезные потери, в руки карателей попал обоз.

В конце мая (начале июня) в бою возле реки Стертеж в Ружанской пуще Духинский с небольшой группой повстанцев был отрезан от основных своих сил и только благодаря воинскому мастерству Врублевского избежал плена. Позже,

Повстанцы выходят из Гродно

3 (15) августа, вконец измученный тяготами партизанской жизни, он подал Национальному правительству прошение об отставке и уехал за границу.

В Гродненском уезде сформировал свой отряд отставной подполковник Александр Ленкевич. После присоединения к нему стрелков лесной стражи и крестьян отряд насчитывал до 200 человек. Уже 22 апреля (4 мая) в районе Святых Болот (неподалеку от местечка Озеры) он провел успешный бой с карателями.

Оттуда Ленкевич перешел в Волковыский повет (уезд), где соединился с местным отрядом Густава Стравинского (1837 – после 1905), основу которого составляли жители местечка Лысково и окрестностей. В лесу между деревней Михалин и местечком Береза-Картузская (в Кобринском уезде) объединенный отряд 2–3 (14–15) мая провел бой с правительственными войсками, продолжавшийся более суток. Повстанцев было около 500 человек, противник имел две пехотные роты и казачью сотню. Под натиском повстанцев вражеские подразделения стали отступать, но к ним подошли подкрепления из местечек Селец и Береза-Картузская, благодаря чему они избежали разгрома.

Через два месяца после боя у Миловидов, 20 июля (1 августа) А. Ленкевич вместе с лидскими повстанцами перешел Неман и действовал в Августовской губернии. В сентябре 1863, потерпев поражение в бою под Августовым (в Зеленом лесу) он бежал за границу.

В Пружанском повете (уезде) в апреле был сформирован отряд Ф. Влодека.

В Слонимском повете в апреле появился отряд бывшего ротмистра кавалерии Франциска Юндила (1825–1865), численностью около 250 человек. Юндил вел партизанские действия в своем повете до начала августа, после чего передал командование Я. Колупайло и выехал за границу.

В Городецких лесах (Кобринский повет) за неделю, с 25 апреля по 1 (13) мая свой отряд сформировал отставной подполковник Ромуальд Траугут (1826–1864). Отряд 14 (26) мая провел бой с армейскими частями в районе деревни Горки и причинил им значительные потери. После этого к нему присоединился отряд из Брестского повета под командованием поручика корпуса лесничих Яна Ваньковича (1834–1899). Объединившись, повстанцы совершили рейд на Полесье, в Пинский уезд. В июне в район местечка Колодное их окружили царские войска. В ходе боя повстанцы понесли большие потери и рассеялись.

Элиза Ожешко (1841–1910), ставшая впоследствии знаменитой польской писательницей, в это время жила в имении мужа Людвиново, в Кобринском повете. После разгрома отряда там более месяца скрывались Траугут, Ванькович и еще несколько повстанцев.

Помимо отряда Я. Ваньковича, в Брестском повете был сформирован и действовал отряд Стасюкевича (до 300 человек).

На территории Гродненской и Августовской губерний воевал отряд Тышки (около 100 человек).

С февраля 1863 года в лесах Гродненской губернии (в Лидском уезде) воевал отряд Людвика Нарбута (1832–1863), сына известного археолога и историка Теодора Нарбута (1784–1864). Хорошее знание местности, умелое использование партизанской тактики и поддержка крестьян позволили отряду Л. Нарбута

более двух месяцев успешно вести бои с армейскими частями, силы которых значительно превышали силы повстанцев.

После гибели Нарбута в бою 22 апреля (4 мая) отряд возглавил бывший поручик кавалерии Александр Парадовский (1836–1890). Он перевел отряд в Гродненскую пущу, соединился там с отрядом А. Ленкевича и вместе с ним действовал в Августовской губернии до ноября. Потом распустил повстанцев по домам, а сам перешел через границу в Пруссию. В этом же отряде Нарбута – Парадовского одним из бойцов был Франтишек Богушевич (1840–1900), в будущем – один из основателей новой беларуской литературы.

На территории губернии действовали также мелкие отряды (группы) так называемых «конных жандармов». Они уничтожали пешие дозоры и конные разъезды противника, казнили шпионов и предателей, перехватывали почту, контролировали доставку продовольствия и теплой одежды повстанцам.

Повстанцы вступают в Новогрудок

Самое крупное сражение в Гродненской губернии (и в целом на территории Западного края) произошло 22 мая (3 июня) в районе деревни Миловиды в Слонимском уезде (ныне это Барановичский район). Здесь в лесном лагере соединились пять повстанческих отрядов – Слонимский, Волковысский, Гродненский, Новогрудский и Пружанский, общей численностью до 800 человек. Этот лагерь находился в лесу недалеко от шоссе Брест – Бобруйск. Командование объединенными отрядами взял на себя А. Ленкевич. Повстанцев 21 мая посетил с инспекцией Константин Калиновский.

Для разгрома повстанческой группы царское командование направило части из Слонима и Несвижа. Днем 22 мая к лагерю подошла колонна из Слонима в

составе трех рот Староингерманландского пехотного полка с 4 пушками и кавалерийским взводом. Ими командовал подполковник Булгарин. Солдаты атаковали лагерь с разных направлений. Бой продолжался несколько часов, повстанцы отразили все атаки. Когда стало темнеть, войска отступили на исходные позиции. Они потеряли до 50 человек убитыми и ранеными.

Вечером на помощь к ним пришла колонна из Несвижа (2 роты Новоингерманландского полка). Утром каратели снова пошли в атаку, но повстанцы к тому времени уже покинули лагерь и разошлись в разные стороны. Они потеряли убитыми 18 человек. По приказу Булгарина погибших солдат и повстанцев похоронили возле шоссе отдельно друг от друга в двух братских могилах.

Новогрудский отряд вернулся в свой повет, где вскоре был разбит. Пружанский отряд присоединился к отряду Духинского — Врублевского. А группа повстанцев, скрывшаяся в лесу за Миловидами, был обнаружена, атакована и рассеяна войсками генерал-майора Артура Эгера (1811–1877).

В августе 1863 года вместо А. Духинского воеводой стал В. Врублевский. По его приказу повстанцы перешли к чисто партизанской тактике внезапных атак небольшими группами (преимущественно конными). Однако такие группы, хотя и изматывали карателей, не представляли серьезной опасности для крупных воинских частей.

Согласно показаниям самого Калиновского во время следствия, отряды Гродненской губернии состояли «большей частью из казенных крестьян, мелкопоместной шляхты и городских жителей». То, что в них было довольно много крестьян, не должно удивлять. Жители Гродненской губернии, в том числе крестьяне, были полонизированы и окатоличены в гораздо большей степени, чем во всех других беларуских губерниях. Кроме того, здесь в течение двух лет энергично действовал такой талантливый организатор и пропагандист как Калиновский. А он один стоил целой организации!

Из воспоминаний художника Михала Андриоли

Когда началось восстание, Михал Андриоли (1836–1893) вместе с отрядом из 54 человек 8 (20) марта 1863 года тайно покинул Вильню и направился в Трокский уезд на соединение с отрядом Клета Каревы. Карева был лесничим в местечке Биржи этого уезда, и здесь же он сформировал свой отряд. Андриоли не знал, что отряд Каревы уже разбит, а сам он взят в плен.

На поиск вновь прибывших в уезд повстанцев устремилась рота гвардейского Финляндского полка во главе с полковником Алхазовым. Когда отряд остановился на отдых в поместье Миткишки, вечером 21 марта, около десяти часов, повстанцев атаковали солдаты. Первым погиб гимназист Мазуркевич, стоявший в карауле, но он успел выстрелом предупредить своих друзей об опасности. Повстанцы выбежали из усадьбы на двор и залпом встретили солдат. Однако те загнали их в лес под огонь засады. 17 повстанцев погибли, 6 были ранены, остальным удалось прорваться.

Боевое крещение оказалось бесславным. Для людей слабых духом этого хватило бы, чтобы испугаться и отсидеться в безопасном месте. Но не таким был

Андриоли. Собрав часть повстанцев, он двинулся дальше, в Лидский уезд, к Людвику Нарбуту, который успел прославиться победами над царскими войсками.

Людвик Нарбут ранее участвовал в Кавказской войне, прошел там путь от рядового до прапорщика, был награжден орденом Св. Анны IV степени и медалью Св. Георгия «За мужество». Он умело командовал отрядом. Царские войска никак не могли выследить и разбить его. Повстанцы переходили из леса в лес, нигде долго не задерживаясь. В бою с карателями 25 февраля около Рудников они одержали победу, а потом стремительным маршем ушли в Нацкую пущу, по дороге встретили и разбили еще один вражеской отряд. Из Нацкой пущи он перешел в Дубицкую пущу, где его и нашел Андриоли с товарищами.

О встрече с повстанцами Андриоли позже рассказал в письме к Владиславу Мицкевичу, сыну знаменитого поэта.

> «Среди бора блеснул ствол ружья, а после мы увидели пеший пикет. Мы еще не дошли до него, как из глубины леса послышались возгласы и через минуту оттуда вывалила кучка вооруженной молодежи. Разнообразие нарядов, красный цвет, старые свитки, украшенное серебром и золотом оружие, дерзкие загорелые лица и громкая веселость так впечатлили нас, что от этого живописного зрелища мы долго не могли опомниться».

Лагерь находился на острове среди болот Нацкой пущи. Прибывших по гати провели в лагерь. Их появление вызвало общее оживление. В невысоком человеке в серой одежде и белой конфедератке на голове, с саблей на боку Андриоли узнал «некогда моего сослуживца, а теперь вождя Нарбута. Знал его молодым хлопцем, а теперь увидел возмужавшим, взрослым человеком».

Людвик Нарбут
(худ. М. Андриоли)

> «Люди, оторванные от внешнего мира, увидев кого-то, кто оттуда прибыл, с интересом ловят новости. Человек, который был тебе безразличен, теперь делается дорогим. Поневоле мечтаешь о спокойных временах, а здесь вокруг лес и царские солдаты, и ты не уверен в том, не будет ли утром на этом месте лежать твой труп. Поддерживаемый большими колодами огонь весело трещит, бухает и играет с ветром. Шевелятся ветви деревьев над нашими головами. Под могучими стволами скрываются дети Литвы. Удивляются окружающие деревья, ибо здесь громко и весело, а с их верхушек видны московские штыки, что вскоре будут протыкать груди отважной молодежи. Вопросы и ответы сыплются как бешеные.
>
> Под сенью высоких деревьев лежат в беспорядке ковры и кожаные подушки, саквояжи, оружие, карты, бумаги, масло и водка. Место начальника устлано лучше. Он сам, прищурив глаза, сидит, опираясь на пень, и прислушивается к разговорам. С другой стороны костра разливается чай, и дежурный офицер с обозным разносят его и угощают дружину. Так сильно, живо, широко – впервые за многие годы, громко и свободно произносим мы: Свобода, Литва, Братство. Все очень радуются, не видно печальных лиц».

Возбужденные повстанцы не хотели спать. Андриоли на гармошке заиграл что-то веселое. И как было здесь устоять, если ноги пустились в пляс. Нарбут разрешил танцевать: «Ну, хлопцы, хоть до утра, битвы утром не будет». И Андриоли играл, пока не устали руки. Только после этого повстанцы легли спать.

Это описание выглядит романтичным, несколько идеализированным, но такие радостные моменты редко выпадали повстанцам. Все время они меняли место своего пребывания, пробираясь по лесным дорогам. Голодные и обессиленные, шатались от устали. Редкие минуты отдыха были для них счастьем.

Андриоли возглавил штаб отряда. Живописно описал он бой 20 апреля (по старому стилю) в урочище Лакштуть возле деревни Ковальки. Отряд Нарбута остановился здесь после ночного перехода и его атаковал отряд полковника Вернера:

> «Страшную тишину неожиданно разрывают несколько выстрелов, заиграли трубы и долетело: «Ура, ура», которое лес подхватил и на тысячу ладов повторил. Зашелестели кусты и с ружьями, которые еще дымились, выскочили наши рекогносцировщики. Лица белые, дыхание частое: «Господин начальник! Идут шестерками, линия огромная, занимают крылья!».
>
> – Хорошо! По местам! Тихо... никаких голосов! Кто крикнет – расстреляю! Стрелять прицельно! Ждать, пока не прикажу! Чтобы мне никто не пискнул!

А от выстрелов московских казалось, что ломается лес, пули копают землю. Уже кое-где слышно: «Езус, Мария! Отведите меня на воз!». Но приказано не стрелять. И каждый сердцем, что громко бьется, с ружьем вперед ждет, пока ему покажется москаль. Гулко гремит лес. Выстрелы и крики в 100 раз гуще и ближе, ломаются ветви, слышно движение тяжелой массы. Через минуту увидим московцев, а пока перед нами просека, тихая, облитая солнцем.

Замелькали серые шинели, блеснуло оружие и белые округлые облачки на фоне леса. Москали занимают противоположную сторону просеки. Прячутся за деревья, но вперед, несмотря на приказы офицеров, не движутся. Видимо, их беспокоит тишина с нашей стороны. Наконец с треском и выстрелами движутся шестерками. Была это минута избавления, сердца сильно бились, еще 40 шагов, и ударят в штыки, но раздался знакомый нам сильный голос: «Огонь, хлопцы, всей линией!». И от конца до конца пролетел взрыв более чем сотни выстрелов, а потом тишина и дым.

Не играют трубы, молчит «Ура!».

– Хорошо, хорошо, справно, зарядить оружие, быстро, хлопцы! – командует раскрасневшийся Нарбут, обходя всю линию.

Снова играют трубы и слышна московская команда, опять гремят выстрелы и «Ура, вперёд, ребята!». Гонимые силой послушания, бросаются москали со штыками вперед. Уже, уже сядут нам на шею. Еще минута – и все бросятся наутек. Но по команде «Огонь, прицельно!» вспыхивают сразу 150 ружей на нашей линии. Облако дыма закрывает все, стихает треск, слышно раненых и умирающих с обеих сторон.

Но недолго длится тишина, к москалям подходит подмога. Опять застонал лес, выстрелы, крики, паника... Даём огня несколько раз, еще держимся. Вдруг побежало левое крыло, сломанное натиском москалей, пытаемся удержаться,

но уже поздно. Бросаемся вправо, за малое болотце, где все собираются вокруг начальника... Огонь удаляется, слышны только единичные выстрелы, голоса стихают, лес замолкает, опять тишина, но как она отличается от прежней. Битва кончилась. Красное солнце село за лесом. Издалека доходит до нас глухой шум разговоров, возглас трубы и время от времени далекий выстрел...».

В этом бою каратели потеряли 42 человека убитыми, а повстанцы – 7 человек убитыми и 5 ранеными. Чтобы расправиться с отрядом Нарбута, генерал-губернатор Владимир Назимов (1802–1874) послал против него большие силы – около 3 тысяч солдат и 6 пушек. Каратели окружили всю Дубицкую пущу.

Последний бой отряда Нарбута 22 апреля (4 мая) 1863 г. произошел в районе деревни Дубичи. Место лагеря было надежным: на острове, который с одной стороны окружали воды озера Пеласа, а с другой – болото отделяла остров от суши. Через болото на остров можно было попасть только по спрятанной под водой гати. Но нашелся предатель, связной Нарбута, который провел карателей к повстанческому лагерю. Чтобы не вызвать подозрения у повстанцев, часть солдат оделась в крестьянскую одежду, спрятав под свитками штуцеры.

Увидев «крестьян» со связным впереди, Нарбут подумал, что они несут в лагерь продукты. Однако Андриоли забеспокоился. «Слишком много идет селян», – сказал он. Действительно, их было много, что вызывало подозрение. Нарбут приказал повстанцам «стать в позиции». Эта предосторожность сорвала внезапность нападения. Каратели, еще не дойдя до острова, выхватили из-под свиток штуцеры и открыли стрельбу.

Пуля ранила Нарбута в ногу. Не обращая внимания на боль, он руководил повстанцами, которые отступили в глубь острова. Когда же каратели стали насе-

Смерть Л. Нарбута под Дубичами (худ. М. Андриоли)

дать, они пошли в атаку и прорвались сквозь вражеские ряды. Через болото повстанцы добрались до сухого берега, но вскоре наткнулись на позицию карателей. Восемь раз ходили солдаты в атаку, и каждый раз их отбивали. Нарбут был ранен второй раз в грудь. Его подхватили на руки и понесли с места боя. Третье ранение в шею оказалось смертельным. Этот момент Андриоли потом отобразит в рисунке «Смерть Людвика Нарбута возле Дубичей».

На нем показан момент, когда повстанцы выносят на руках из-под вражеского огня смертельно раненого командира. Он со спокойным и просветленным выражением на лице похож на христианского мученика, принимающего смерть за святое дело. Изобразил Андриоли и себя, в коротком кожушке, с ружьем за плечами, он вместе с двумя повстанцами несет раненого Людвика Нарбута. Впечатляет проникновенный взор черных глаз, направленный на зрителя. Не о спасении жизни, не о бегстве думает он в этот момент, но о борьбе с врагом.

Нарбут умер от ран, кроме него погибли еще 12 повстанцев. Остальные вырвались из окружения. Андриоли, раненный в руку, спасся и, прячась от царских солдат, пробрался в поместье Шавры, принадлежавшее Нарбутам. Рискуя собой, родственники Людвика прятали Андриоли до тех пор, пока не заживилась рана.

Минские отряды

Восстание в Минской губернии готовило минское отделение Литовского провинциального комитета. Главную роль в нем играли «красные» – Антон Трусов (1835 – 1886), Ян Козел (1837-1896), Станислав Лесковский (1840 – после 1867). В Новогрудском уезде действовали Владислав Борзобогатый (1831-1886) и Викентий Климович, в Борисовском уезде – М. Цюндевицкий.

Основную военную силу в организации составляли именно «красные», что позволило минским отрядам в апреле 1863 года начать вооруженную борьбу. Общее выступление повстанцев Минщины по плану, разработанному С. Лесковским, было назначено на 19 (30) апреля.

По приказу руководства революционной организации 19 апреля несколько сотен минчан тайком вышли из города и прибыли на заранее указанные им сборные пункты.

Сам Лесковский возглавил отряд Игуменского уезда (Игумен – ныне Червень), самый большой в губернии. При этом отряде находился губернский комиссар Б. Свенторжицкий. Успешно провел несколько боев, в том числе 9 (22) мая под Юровичами и 13 (25) июня под Лочином. Осенью 1863 года распустил отряд по приказу Калиновского.

Отряд под командованием А. Трусова собрался в районе Холявщины. В бою 28 апреля (10 мая) он был разбит возле деревни Петровичи.

Отряд под командованием воеводы Минского уезда П. Дыбовского собрался возле деревни Прилуки и действовал вдоль Слуцкого тракта. В конце августа 1863 г. он выдержал бой с царскими войсками возле Новосёлок, а вскоре после этого боя командир распустил отряд – тоже по приказу Калиновского.

Отряд Слуцкого уезда, которым командовал отставной штабс-капитан Владислав Машевский, был разбит возле деревни Озерцы (в Игуменском уезде) уже 21 апреля (3 мая). Командир погиб в бою.

В Пинском уезде Минской губернии в разное время действовали отряды Р. Траугута и Я. Ваньковича.

Новогрудские повстанцы потерпели поражение 7 (19) апреля в урочище Белые Мхи. После этого отряд был переформирован в Налибокской пуще. Под командованием Витольда Милодовского он участвовал в Миловидской битве на Слонимщине, а после этого вернулся в Новогрудский уезд. Позже и этот отряд был разбит, а Милодовский арестован и сослан в Сибирь.

В Вилейском уезде действовали отряды Юлиана Бакшанского (1824–1863), Винцента Козела-Паклевского (1838–1863) и Густава Чаховича (1837 – после 1887). В. Козел-Паклевский, воинский начальник Вилейского уезда, сформировал отряд численностью более 200 человек. Против него были брошены крупные силы. Решающий бой произошел 16 (28) мая 1863 года у деревни Владыки (ныне в Вилейском районе). В этом бою погибли не менее 68 повстанцев, в том числе командир, а также его 16-летний брат Михал. Еще двое братьев командира отряда – Зенон (21 год) и Юзеф (18 лет) попали в плен. По приговору суда их отправили служить солдатами, соответственно, в Оренбург и Омск.

Ю. Бакшанский, который уже отбыл 11 лет на царской каторге в Нерчинске, сформировал повстанческий отряд в своем имении Тупальщина (в Свенцянском уезде). Он погиб 4 (16) апреля в стычке с правительственными войсками в деревне Свечки, в Вилейском уезде. Его похоронили в соседней деревне Плебань.

Г. Чахович вместе с братом Л. Чаховичем создал в районе озера Нарочь повстанческий отряд примерно такой же численности и до октября действовал в уездах Виленской губернии, а потом перешел в Августовское воеводство.

Летом 1863 года губернским военным комиссаром стал врач Михаил Аскерко (1836–1864). Осенью того же года К. Калиновский послал в Минск своего секретаря Иосифа Ямонта (1841 – после 1864), который вместе с Михаилом Аскерко и Корнелием Пеликшей (1823–1872) реорганизовал Минскую подпольную организацию. Властям удалось разгромить ее только в январе 1864 года*.

Витебские отряды

Подготовкой восстания в Витебской губернии занималась местная (воеводская) организация, сведений о которой сохранилось очень мало. Известно лишь, что она подчинялась Виленскому центру. Следует учесть и то обстоятельство, что северные (латгальские) уезды Витебской губернии были выделены в отдельное воеводство – Инфлянтское.

Накануне восстания и в ходе его революционеры распространяли на территории агитационные издания на польском, русском, беларуском и латышском языках.

Одним из центров подготовки восстания было имение Мариенгаузен в Люцинском уезде. Его владелец А. Рык (Рицко) содержал здесь типографию рос-

* М. Аскерко был арестован 22 октября 1863 г. на станции Остров Псковской губернии по дороге в Петербург. Мужественно держался во время следствия, никого не выдал. По приговору военно-полевого суда его расстреляли в Могилеве 28 апреля 1864 г.

Сестра Иосифа Ямонта – Мария (1843 – ?) была помощницей и невестой К. Калиновского («Марыська чарнаброва, галубка мая...»). В 1864 вместе с родителями и сестрой ее выслали в Тобольск, где они провели 10 лет. После возвращения жила в Варшаве.

сийской революционной организации «Земля и воля», складировал оружие, вел военную подготовку кадров. Но в марте 1863 г. этот центр был раскрыт властями, а все выявленные участники арестованы.

Первой выступила группа графа Л. Плятера в Динабургском уезде. Членам группы (около 50 человек) удалось 13 (25) апреля захватить в районе Краславы транспорт с оружием, но вскоре после этого всех их переловили крестьяне, которые, использовав момент, начали громить имения местных помещиков. Плятера по приказу М. Муравьева расстреляли в Динабурге.

Главными пропагандистами и организаторами восстания в Витебске являлись Артем Вериго-Даревский и М. Карафа-Корбут. Общее вооруженное выступление на Витебщине (а также на Могилевщине) было назначено на 23 апреля (день св. Юрия по старому стилю). Накануне революционеры, в основном, из числа молодежи, по одному или небольшими группами выходили из Витебска, имея при себе оружие, чтобы соединиться в условленном месте.

Некоторых из них армейские патрули сразу арестовали в районе почтовой станции Доманово на шоссе Витебск — Орша. Те, кто избежали ареста, в ночь с 23 на 24 апреля попытались освободить задержанных товарищей, но безуспешно. Через несколько дней группа повстанцев-витеблян во главе с А. Козловским сдалась властям в Оршанском уезде.

Из Орши в направлении Бобиновичи — Лиозно выступил отряд Игната Будзиловича, но 26 апреля (8 мая) отряд был разбит армейским подразделением под Погостичами (в нынешнем Лиозненском районе). Будзиловича схватили на поле боя и по приговору военно-полевого суда 28 августа (9 сентября) 1863 года расстреляли в Орше.

В Юхновицких лесах, на границе Себежского и Дриссенского уездов, повстанческий отряд сформировал бывший подпоручик артиллерии Болеслав Кульчицкий (1842–1863). Но уже 24 апреля (6 мая) этот отряд был обнаружен в Зебецком лесу и окружен. Кульчицкий, не желая сдаваться в плен, застрелился. Остальных повстанцев каратели под конвоем отвели в Дриссу.

В Дисненском уезде повстанческий отряд сформировал Генрик Дмаховский (1810–1863), комиссар уезда. Он выступил на Кубличи и Докшицы, но 14 (26) апреля был разбит возле деревни Поречье в Борисовском уезде. Командир погиб в бою.

Отряд в Лепельском уезде сформировал Отан Грабницкий (1829–1865), сын богатого помещика Лепельского уезда, подавшийся в революционеры. В его «послужном списке» уже было двухлетнее заключение в Петропавловской крепости и три года службы рядовым солдатом в Сибирском отдельном корпусе. Среди бойцов этого отряда был поэт Феликс Топчевский (1838–1892) вместе со своим братом. Вскоре царские войска рассеяли и этот отряд. Грабницкого схватили и осудили на 6 лет каторги. Но до Сибири он не дошел, умер в Екатеринбурге.

Недолго продержалась повстанческая группа, созданная в районе Бешенковичи — Бачейково. Ее командир Дик был схвачен и чуть позже приговорен к каторжным работам.

Повстанческие группы из Борисовского, Лепельского и Сенненского уездов собрались в Волосовичах (ныне в Лепельском районе). Этим сборным отрядом

командовали А. Кучевский и Жултко (псевдоним). Группу повстанцев из Лепеля сюда привел бывший подпоручик П. Колб. Однако 7 (19) мая отряд был разбит в бою возле деревни Подберезье (ныне Борисовский район). Кучевский погиб. Колба схватили через некоторое время и расстреляли в Динабурге.

Сохранился приказ повстанческого воинского начальника Лепельского уезда (ни фамилии его, ни псевдонима в приказе нет), в котором поставлена задача: захватить Бешенковичи, Бачейково и почтовую станцию Куриловичи.

Российский историк А.Н. Кареев писал в 1873 году, что «шайки Себежского уезда, Полоцкого, Витебского, Велижского и Лепельского имели намерение, соединившись, двинуться на Полоцк, а потом на Витебск». Повстанцы также планировали захватить Динабург (ныне Даугавпилс в Латвии), где имелся крупный военный склад с оружием.

Но ничего из этих планов они не смогли осуществить. Крестьяне повсюду встречали повстанцев крайне враждебно, сообщали воинским командирам и чинам полиции об их местоположении и передвижениях, помогали ловить, нередко сами жестоко расправлялись с ними. В результате повстанческие отряды и группы быстро погибали или рассеивались.

Могилевские отряды

Эти отряды формировались под руководством воеводской (губернской) революционной организации, подчиненной виленскому центру. Воеводой (воинским начальником) был назначен Людвик Звеждовский.

Бой с царскими войсками

В ночь с 23 на 24 апреля Звеждовский с помощью студентов Горы-Горецкого земледельческого института захватил уездный город Горки и, пополнив свою группу студентами, двинулся в сторону Кричева на соединение с отрядом Чериковского уезда под командованием Яна Жуковского. Последний (в недавнем прошлом – поручик артиллерии) по плану должен был внезапно атаковать Кричев и захватить там артиллерию. Однако местное армейское командование успело нанести опережающий удар и рассеяло Кричевский отряд еще на стадии формирования.

Узнав об этом, Звеждовский переправился через реку Проня. Уже 30 апреля неподалеку от города Пропойска (ныне Славгород) он распустил отряд. Большинство повстанцев сдалось властям (свыше 100 человек), но Звеждовскому и Жуковскому удалось скрыться.

Всего несколько дней смогли продержаться другие отряды Могилевщины. Это Оршанский отряд Игната Будзиловича (был разбит 26 апреля возле Погостич), Быховский отряд И. Анципы (был разбит 28 апреля), Рогачевский отряд Томаша Гриневича (был разбит на стадии формирования в его имении Верхняя Тощица, в 32 км южнее Быхова). Все три командира попали в руки властей, преданы военно-полевому суду и расстреляны.

Надо сказать несколько слов об Ильдефонсе Анципе (1815–1863). Говоря современным языком, это был профессиональный революционер. Еще 16-летним юношей он участвовал в национально-освободительной войне 1830–31 гг. польского народа против царизма. В эмиграции (во Франции) входил в состав Польского демократического общества, выступал в печати по вопросам организации вооруженного восстания. Во время польского восстания 1848 года на территории, оккупированной Пруссией, командовал отрядом крестьян в районе Познани. В 1859 году вернулся на родину, жил под надзором полиции в имении брата в Быховском уезде Могилевской губернии.

С 24 апреля возглавил отряд Быховского уезда. В течение четырех дней повстанцы громили волостные канцелярии, валили телеграфные столбы, жгли мосты и, как сказано в приговоре военно-полевого суда, «провозглашали освобождение крестьян от всех повинностей, бесплатное пользование помещичьей землей, свободу и равенство». Но 28 апреля отряд был разбит, Анципа схвачен и расстрелян в Могилеве.

В южной части Сенненского уезда бывший поручик Константин Жебровский сформировал свой отряд (около 100 человек), с которым перешел в Борисовский уезд, где действовали остатки отряда бывшего подпоручика Антона Алендского (1843–1864), разбитого 27 апреля возле деревни Славени (в нынешнем Толочинском районе). 7 (19) мая 1863 года объединенный отряд Жебровского и Алендского был разбит возле деревни Подберезье. Оба командира попали в плен, по приговору суда их расстреляли в следующем году: Алендского – 30 марта (11 апреля), Жебровского – 24 июня (6 июля).

Крестьяне Могилевщины повсюду относились к повстанцам крайне враждебно. Отряды состояли из бывших младших офицеров, студентов, гимназистов, мелких чиновников, мещан и, отчасти, шляхты. По сведениям российского историка, генерал-майора Василия Ратча (1816–1870) общая численность повстанцев в Могилевской губернии не превышала 800 человек.

Приходя в деревню или местечко, повстанцы созывали жителей на собрания, где зачитывали им манифест и аграрные декреты ЦНК, составляли акты о передаче земли в собственность крестьян, принимали от них присягу на верность революционному правительству, уничтожали документы волостных канцелярий, забирали казенные деньги, а собранные с крестьян подати возвращали им. Иногда судили и казнили людей, помогавших властям в борьбе с восстанием.

Отряды избегали стычек с крупными формированиями противника. Боевые действия повстанцев вследствие несоразмерности их сил с правительственными войсками вынужденно имели партизанский характер. При этом материальное обеспечение отрядов возлагалось на помещиков. Всего на территории современной Беларуси за 7 месяцев, с февраля по август 1863 года, зафиксировано 46 боев и стычек повстанцев с царскими властями. Две трети из них произошли в Гродненской и Виленской губерниях.

То обстоятельство, что восстанием руководили «белые», весьма негативно повлияло на отношение к нему беларуских крестьян. Видя в рядах революционеров польских помещиков — своих давних угнетателей — они воспринимали его как выступление против «царя-освободителя» с целью восстановления крепостного права. Именно такую оценку восстания широко использовали официальные власти и служители православной церкви.

Чтобы не допустить участия крестьян Беларуси и Литвы в восстании, правительство предприняло ряд мер экономического характера. Так, указами от 1 марта и 2 ноября 1863 года в Западном крае отменили «временные обязанности» крестьян перед помещиками, всех крестьян перевели на обязательный выкуп, а выкупные платежи сократили на 20 %. В октябре 1863 года вышел указ о выделении крестьянам, лишенным земли в период 1846–50 гг., семейных наделов по три десятины, и о возвращении полных наделов тем крестьянам, которых помещики лишили земли в 1851–61 годы. Параллельно те деревни, где крестьяне находили поддержку, подвергались жестоким репрессиям.

Социально-экономическая программа повстанцев из-за ее ограниченности была малопривлекательной для беларуских крестьян, а идея восстановления польского государства — вообще чуждой. В результате восстание поддержала лишь небольшая часть крестьян, в основном — казенных.

Более того, во многих местах, особенно в Витебской и Могилёвской губерниях, крестьяне громили имения «польских» помещиков, помогали ловить повстанцев, сами задерживали их и передавали властям (за это они получали денежную награду). В целом, крестьяне Беларуси и Литвы составили не более 18 % от общего числа повстанцев. Удельный же вес шляхты (в основном безземельной и малоземельной) достиг 70 %. Чаще всего это были мелкие чиновники арендаторы, служащие имений, представители разночинной интеллигенции, учащиеся, городские ремесленники.

Среди российской общественности, даже либерально-демократической, восстание под лозунгом возрождения Польши (включая Литву, Беларусь и Правобережную Украину) вызвало небывалый подъем шовинизма. Этой мутной волне противостояла только нелегальная газета «Колокол», издававшаяся в эмигра-

ции*. Однако в связи с такой позицией ее издателей Герцена и Огарева число их сторонников в России сократилось в несколько раз. Через государственные учреждения, церковь, печать, школу, шовинистическая волна широко распространилась в народных массах России и фактически парализовала агитацию революционных демократов, перечеркнула их надежды на всероссийское крестьянское восстание.

Не оправдались надежды повстанцев на помощь западных государств. Французский император Наполеон III опасался в одиночку воевать с Россией, а правительство Великобритании сочло нецелесообразным ввязываться в войну ради восстановления польского государства, шансы которого на выживание представлялись крайне сомнительными.

Якуб Гейштор

Понятно, что в единоборстве с царской армией сравнительно малочисленные, плохо вооруженные повстанческие отряды были обречены на поражение.

Подавлением восстания на территории Беларуси и Литвы с середины мая 1863 года руководил новый Виленский генерал-губернатор Михаил Муравьев, получивший чрезвычайные полномочия от царя Александра II. Он заставил «белых» (помещиков и высшее католическое духовенство) отказаться от поддержки восстания, что юридически закреплялось подписанием верноподданнических адресов на имя царя. Многие активные участники восстания погибли в боях, были казнены, арестованы либо бежали за границу.

В сложившихся условиях Калиновского в начале июня 1863 года снова пригласили в Вильню. Якуб Гейштор был арестован властями 19 (31) июля**. После его ареста именно Калиновский возглавил Отдел руководства провинциями Литвы, преобразованный в Исполнительный отдел Литвы, а 10 (22) августа ему передали еще и полномочия комиссара ЦНК в Вильне. Таким образом, к концу лета Калиновский стал обладать полной властью в революционной организации на территории Беларуси и Литвы. Однако добиться перелома в борьбе он уже не мог: к началу сентября 1863 года восстание на подчиненной ему территории было практически подавлено.

Царское правительство жестоко расправилось с участниками восстания. По официальным данным, в Западном крае 128 человек были казнены (в т.ч. 9 ксендзов), 12.483 человека отправлены на каторгу, в арестантские роты, на поселение в Сибирь и т.д. Несколько сот человек погибли в боях либо умерли от ран.

* А.И. Герцен и Н.П. Огарев издавали «Колокол» с июня 1857 по июль 1867 г. сначала в Лондоне, а с 1865 г. в Швейцарии. В 1868 г. вышли еще 15 номеров газеты, но на французском языке.

** Я. Гейштора после ареста выслали в Уфу, но затем вернули в Вильню для нового следствия. По приговору суда он получил 10 лет каторжных работ в Сибири, с зачетом в этот срок времени с момента ареста. В 1873 г. Гейштор был освобожден и поселился в Варшаве. Он написал и опубликовал «Воспоминания 1857–1865 годов», которые являются ценным источником по истории восстания 1863 года.

Имения помещиков, имевших отношение к восстанию, конфисковались в казну, а потом на очень льготных условиях продавались царским чиновникам и генералам — выходцам из центральных губерний. На всех остальных местных помещиков (поначалу даже русских) Муравьев наложил контрибуцию в виде процентного сбора от доходов. Многие костёлы были закрыты или же превращены в православные церкви. В отместку за участие в восстании власти закрыли Горы-Горецкий земледельческий институт — единственное высшее учебное заведение на Беларуси в то время. Многих местных учителей, врачей, землемеров, чиновников перевели на службу в центральные губернии России, а оттуда вместо них пригласили новых, в обязательном порядке — православных. В Северо-Западном крае (созданном по инициативе Муравьева) был введен режим исключительных (чрезвычайных) законов, направленный на сокращение польского и усиление русского влияния.

В целом можно согласиться с традиционной оценкой российскими дореволюционными историками восстания 1863–64 гг. как польского. Ведь целью восстания являлось возрождение унитарной Речи Посполитой с польским языком в качестве государственного. Абсолютное большинство повстанцев — это польскоязычная католическая шляхта и, в меньшей степени, польскоязычное католическое крестьянство.

Собственно беларуское национально-освободительное движение в этом восстании не просматривается. Но в начале XX века беларуские революционные демократы (в первую очередь лидеры Беларуской Социалистической Громады) стали пропагандировать Калиновского как своего идейного предшественника, как человека, с которого началось беларуское крестьянское революционное движение.

Литература

1. Восстание в Литве и Белоруссии, 1863–64 гг. (Материалы и документы). М.: «Наука», 1965. — 586 с.

2. За вашу и нашу свободу: Герои 1863 года. /Сост. В.А. Дьяков/ М.: «Молодая Гвардия», 1964. — 448 с.

3. Кісялёў Г.В. На пераломе дзвюх эпох: Паўстанне 1863 г. на Міншчыне. Мінск: «Полымя», 1990. — 35 с.

4. Смирнов А.Ф. Кастусь Калиновский. Минск: Госиздат БССР, 1963. — 200 с.

5. Смирнов А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М.: АН СССР, 1963. — 392 с.

6. Шалькевич В.Ф. Кастусь Калиновский: Страницы биографии. Минск, 1988.

7. Шпадарук И. Борцы за народное дело. Минск: «Беларусь», 1968. — 110 с.

Часть II

ЛИТВА: ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО С КОРОЛЯМИ

Норман Дэвис

От переводчика

Свежий объективный взгляд со стороны всегда полезен, тем более, если это взгляд на нашу историю с противоположного конца Европы, да к тому же взгляд историка. Ведь в Беларуси еще сильны странные идеи касательно не только истории Руси, но и Великого Княжества Литовского, а беларуский национальный концепт встречают в штыки не только летувисы и россияне, но порой и некоторые отечественные публицисты.

Известный английский историк Айвор Норман Ричард Дэвис опубликовал в 2011 году интересную книгу «Исчезнувшие королевства: история полузабытой Европы», где самая большая глава отведена Беларуси. Пока эту книгу не перевели с английского и не издали у нас или в России, я предлагаю свой сокращенный перевод главы «Великое Княжество с королями». На мой взгляд, хотя Дэвис недостаточно глубоко разбирается в этническом происхождении беларусов и в нюансах истории ВКЛ, эта глава стоит того, чтобы в сокращенном виде и с краткими комментариями включить ее в наши школьные учебники.

М. Голденков

1. Неизвестная Беларусь

Беларусь не привлекает туристов. Мало кто приезжает в эту страну, а International Tourism Rankings (Международный Туристический Список) даже не упоминает ее. Может показаться, что здесь нечего смотреть, нет ничего интересного.

Тем не менее, Беларусь, более известная на протяжении XX века как Белоруссия, далеко не скучная страна, далеко не крошечная или географически удаленная. Она занимает площадь в 207,6 тыс. кв. км, что составляет 85 % от территории всей Великобритании (244,1 тыс. кв. км). Беларусь больше, чем три бывшие советские прибалтийские страны (Эстония, Латвия, Летува) вместе взятые*.

Население страны составляло 9,5 млн человек в 2010 году, что сравнимо с населением Бельгии (10,02 млн), Болгарии (9 млн) или Швеции (8,7 млн).

Редакция Анатоля Тараса.

* Летува (65,2) + Латвия (64,5) + Эстония (45,2) = 174,9 тыс. кв. км. – *Прим. ред.*

Беларусь граничит с тремя государствами Евросоюза (Польшей, Летувой, Латвией), которые она отделяет от гигантской восточной соседки – России. Столица Минск (или Менск) лежит на главной европейской восточно-западной железнодорожной магистрали Париж – Берлин – Москва, а из лондонского аэропорта Хитроу сюда можно добраться по воздуху за три часа.

Равнинная страна, Беларусь располагает большим количеством рек и озер, но здесь совершенно нет гор. Самая высокая точка в стране – это «Дзяржынская гара», достигающая 1.132 футов (346 м) над уровнем моря.

Главная физическая ось страны проходит с северо-запада на северо-восток через Великую европейскую равнину и вдоль секции континентального водораздела. Реки, что текут выше раздела, Неман и Двина с их притоками, впадают в Балтийское море. Все, что текут ниже, как Припять и Березина, текут на юг, впадая в Днепр и Черное море.

Проблемы современной Беларуси, достаточно серьезные, можно назвать тремя «и»: инфраструктура, имидж, история, и одним «р»: радиация. Как следствие плохо развитой инфраструктуры, беларуская туристическая индустрия не может предложить гостиниц по высшему международному разряду, нет современного обслуживания дорог и обслуживающих станций, нет курортов. Более того, несмотря на лесные маршруты ошеломляющей красоты, нельзя сказать, что это не испорченная территория.

На первый взгляд столица Минск город неинтересный. Он был практически полностью разрушен в 1944 году во время боев на германско-советском фронте, что стоило местным жителям огромных жертв, которые частично компенсировала миграция, главным образом из России. Советский архитектурный стиль Минска выражен в первую очередь очень большими бульварами с довольно скромным автомобильным движением, грандиозными публичными зданиями, дышащими официозностью, и башенками, венчающими блочные дома...

Общее впечатление от Беларуси катастрофическое. Она проигрывает другим европейским странам почти по всем пунктам. Индекс качества жизни 2005 года ставит ее чуть выше африканской Зимбабве, а именно на 100-е место среди 112 стран. Индекс коррупции (данные 2007 г.) поместил Беларусь на 150 место из 179, а индекс демократии согласно журналу «Экономист» (2007 г.) квалифицирует Беларусь как единственную европейскую страну, где «нет свободы». Три четверти все еще просоветской плановой экономики находится в руках государства. Население, численность которого выросла в послевоенное время, сейчас убывает.

Кто же такие беларусы? Что за страна Беларусь, появившаяся на карте совсем недавно, которую называли то Белоруссией, то Белой Русью? Большинство людей на Западе вообще не знают, что Беларусь существует, что у нее есть свой язык, своя история и культура. Куда как удобнее называть Россией всю территорию бывшего Советского Союза от Бреста до Владивостока.

Одна из бед беларусов еще и в том, что название их страны звучит похоже на Россию. Украина, к примеру (похожая по языку и культуре) в более предпочтительной позиции. Большинство людей сейчас понимают, что Украина – это независимая страна и нация. К сожалению, Беларусь еще не воспринимают серьезно. Многие думают, что беларусы никогда не имели своего собственного

государства. Мало кто знает о Великом Княжестве Литовском, средневековом государстве беларусов, в котором их нация процветала.

Беларуская история – не самый простой предмет для изучения. Как только начинаешь его изучать, сталкиваешься с несколькими версиями, конфликтующими друг с другом. Есть российская версия, есть польская, а также летувисская и советская. А есть и непосредственно беларуская версия.

Историю Беларуси переписывали и искажали так часто, что в этом уже трудно разобраться. Но теперь, после распада СССР и краха навязанной всем пророссийской версии беларуской истории, у Беларуси появилась возможность открыто публиковать свою версию, и много интересных книг появилось на эту тему. К сожалению, они еще не переведены с беларуского языка. Поэтому далеко не лишним представляется краткий *экскурс за горизонт*. Ведь эта страна обладает забытой историей, едва ли известной за ее пределами.

2. До начала времен

Сначала несколько слов о доисторической Европе и ее народах, которые все откуда-то да пришли. Население Северной Европы полностью поменялось после последнего Ледника, 10 или 12 тысяч лет назад. Это случилось под влиянием новых переселенцев в эти места. Никто из ныне живущих в Европе народов генетически не является туземным, никто из них не жил здесь до последнего Ледника.

Это можно с полной уверенностью сказать и о балтских народах – летувисах, латышах, древних пруссах и других, кто пришел на северные земли европейского полуострова задолго до появления письменности. По классической версии, летувисский язык считается древнейшим европейским языком индоевропейской языковой семьи. Существование балтов протекало при непосредственном соседстве как с предками финнов, пришедшими из Евразии 2000 лет назад, так и со славянами, которые распространялись вместе с германцами в разные периоды 1-го тысячелетия нашей эры*.

Понимание процессов доисторических переселений часто пересматривалось. В XIX веке древние миграции народов рассматривались учеными в довольно грубых чертах на базе псевдо-дарвинистских идей. Из этих поверхностных и примитивных суждений следовало, что победителям доставалось все, а проигравшие полностью исчезали с арены. Такую вот бесхитростную картину, в частности, «нарисовали» для послеримской Британии после прибытия туда англо-саксов.

Сейчас консенсус наконец-то достигнут. Да, миграции имели место, но они вовсе не означали, что предыдущие туземные племена поголовно вырезались или полностью исчезали, уходя в небытие. В большей мере происходило сме-

* Ныне приобретает все больше сторонников теория, согласно которой славяне появились в результате взаимодействия германских (готских), балтских и иранских (скифо-сарматских) племен. Славянство возникло в результате длительного мирного взаимодействия на определенной территории конгломерата разных этносов. В процессе такого взаимодействия выработался общий язык, возникли общие черты духовной и материальной культуры. – *Прим. ред.*

шение туземцев и пришлых народов. Ныне по ДНК можно определить происхождение чуть ли не каждого человека, и по этому критерию подавляющее число коренных жителей Англии биологически являются потомками и англосаксов, и кельтов. Можно заключить, что туземные народы перенимали культуру и язык пришлых людей и, возможно, по многу раз.

Аналогичную картину мы наблюдаем в отношении народов, проживавших на восточных берегах Балтийского моря. Этнолингвистическое смешение происходило здесь путем смешения балтов, германцев (готских племен) и финнов. Все они были светлокожими европейцами северной расы. Все, кроме финнов, говорили на языке индоевропейского происхождения.

Рассматриваемая нами территория была ограничена на северо-западе Балтийским морем, на юге – огромным массивом болот, питаемых Припятью, на западе – бассейном реки Висла (Вистула), на востоке – верховьями реки Волга.

1 — западные балты; 2 — восточные балты;
3 — протославяне; 4 — скифы; 5 — финно-угры

В древние времена, да и позже, реки играли очень большую роль в жизни людей, о чем ныне часто забывают. Перемещение людей и грузов по рекам было куда легче и быстрее, чем по суше, особенно летом и весной. Поэтому люди селились главным образом по берегам судоходных рек, причем в таких местах, откуда можно было легко попасть из одной реки в другую. Неман и Днепр впадают в Балтийское море. По Днепру можно также добраться до Черного моря, а Волга ведет в Каспий. Эта область была особенно привлекательной для древних жителей, чтобы путешествовать и торговать.

Тем не менее, процесс образования Великого Княжества Литовского нуждается в рассмотрении в более широком контексте, отчасти потому, что этническое смешение в разных районах происходило не одинаково, и еще потому, что надо определить три конкретных места обитания его народов.

Балтийское побережье было первым таким местом. Там начинали свои морские рейды викинги в Эпоху викингов (IX – XII вв.), а позже продолжили сформировавшиеся на его берегах даны, германцы и шведы.

Второе место поселения лежало сразу за берегом моря, сформированное Великим ледником, каменистое, покрытое лесами и озерами. Эти земли стали естественным убежищем для балтов.

Третье место, далее в глубь континента, можно назвать «землей истоков». Туда можно было проникнуть по рекам, там были пахотные земли, и эта территория стала местом естественной встречи балтов, германцев, финно-угров, а позже и славян.

Каждая из указанных этнических групп включала в себя разные племена, а названия, которыми они именовались, часто менялись и переходили от одного к другому. В случае с балтской группой, например, народ известный под именем «пруссы» находился на юго-востоке, народ «литовцы» (летувисы) в центре, народ «латыши» на северо-востоке. Название балтских пруссов позже перешло к германизированным переселенцам.

Термин «литовцы» принадлежит славянским соседям балтов, а термин «латыши» появился только в современное время. Финская группа находилась лишь на границах этих зон расселения. Финские племена позже переняли название Русь.

3. Откуда пошла Русь

Версий о корне и происхождении терминов Русь – Рутения – Руссия – Россия скопилось множество, как научных, так и фантастических. Но хронология событий такова, что в начале 2-го тысячелетия нашей эры, когда Москвы и в помине не было, до «русского государства» во главе с Москвой было еще очень далеко.

Балтские племена населяли все восточное побережье Балтики, всю «страну озер» и большую часть «земли истоков». Лесная зона к востоку, которая позже станет Московией, была заселена финскими племенами.

Восточные славяне медленно продвигались к югу, колонизируя долину большой реки, которую древние греки называли Борисфен, византийцы Данаприс, а славяне Днепр *(не славяне его так назвали, а сарматы. – Пер.)*. Тем временем их западные собратья дошли до Одры (Одера) и Лабы (Эльбы), возможно, в V или VI веке. Ну, а южные славяне начали свое продвижение к отдаленным балканским землям Иллирии. В течение всего 1-го тысячелетия все эти группы были языческими.

Вплоть до конца 1-го тысячелетия скандинавы, известные под названиями «викинги» на западе Европы и «варяги» на ее востоке, весьма успешно осваивали торговые пути между Балтикой и Черным морем, используя «землю истоков» как главную транзитную территорию. Их основные порты, располагавшиеся друг от друга на расстоянии 15–20 английских миль (24 – 32 км) хода на ладьях (драккарах) по течению, появились на всем протяжении пути от устья Западной Двины до устья Днепра. Более того, они сами селились здесь, строя много крепостей (виков) для охраны своих речных портов. Эти крепости привлекали и славян, которые тоже селились здесь, подчиняясь скандинавским конунгам. Они называли свои крепости *гард* (по скандинавски – селение, огражденное стеной) или *град, город* (славянский вариант).

На юге, за Днепром, большая область вдоль побережья Черного моря принадлежала Хазарскому каганату, тюркскому народу, чьи земли простирались до

Каспия. Варяги должны были платить налог Каганату за проход через его земли к Византии.

Вот такими были условия, в которых восточные славяне приняли от варягов термин Русь. Объяснения этого названия сводятся к тому, что оно пошло либо от слова rost (скандинавское «гребцы», т.е. экипаж драккара), либо от славянского «рудый», т.е. рыжий, каковыми наверняка были многие скандинавские конунги*. Теперь Русью стала называться вся страна. *Руски* – так стал называться славянский язык Руси (на который переходили и варяги), русинами стали называть всех мужчин Руси, а русинками – женщин. Византийские греки произносили Русь как Россия *(Rossiya)*, а на латыни – Рутения (*Ruthenia)*.

Старейшими поселениями варягов являются город Хольмгард, построенный на озере Ильмень около 860 года недалеко от Финского залива; крепость Алабург, севернее которой раскинулось Ладожское озеро; а на востоке – Муром рядом с Волгой. Самым южным был Самбат на Днепре, неподалеку от современного Киева. Самый западный форпост – это часто упоминающийся в скандинавский сагах Палтескья *(Дэвис путается в географии, Полоцк находится не западнее Пскова, а немного восточнее. – Пер.)*, построенный, возможно, в 862 году и стоявший в верховьях Двины.

Славяне, что естественно, всё переименовали на свой манер. Датско-шведского конунга Рёрека (Hroerekh) Людбрандсона они назвали Рюриком, Алабург превратился в Ладогу, Хольмгард стал у них Новгородом, а Палтескья – Полоцком. Но при этом славянская инфраструктура сохранила норманнские формы правления как у самих норманнов, так и у жителей всех этих городов.

4. Славянская Литва

В это же время другие важные племена славян – кривичи и дреговичи *(не славянские, а балтские, перешедшие на славянский язык. – Пер.)* мигрировали с юга, смешавшись с балтами в «земле истоков». Их прибытие сопровождалось распространением новых достижений в области сельского хозяйства и языковых изменений. Некоторые лингвисты считают, что появился балто-славянский язык, другие полагают, что появилось много интерактивных славяно-балтских идиом.

Но никто не замечает того факта, что этот балто-славянский союз зародил характерные фонологические и лексические отличительные черты собственного варианта русского языка – «варианта земли истоков». Здесь и следует искать возникновение термина «Литва». По официальной версии *(ученых Летувы. – Пер.)* этот термин изначально был «ab origine» (оригинальным) термином, используемым балтскими племенами, жившими в «стране озер». В своем

* Российский исследователь В.Б. Егоров убедительно доказывает, что название «русь» произошло от готского слова, означавшего «красный». Во-первых, готское государство, располагавшееся на территории между Черным морем, Припятью, Днестром и Днепром, находилось на юге, если смотреть с берегов Балтики или из Киева, а по воззрениям древних путешественников юг отождествлялся с красным цветом (Запад – с белым, восток – с синим и т.д.). Во-вторых, готские воины имели обычай красить свои лица, щиты, паруса кораблей в красный цвет. В-третьих, готское государство на указанной территории это и есть «Русь изначальная». – *Прим. ред.*

современном написании Lietuva (Летува) он выступает как летувисское название древнего государства Литва.

По беларуской же концепции «Литва» изначально была названием родины славянского племени и никакого отношения к балтам не имела, до тех пор, пока балты, переселившись к югу, не переняли славянское название племени, смешавшись с ним. Это славянское племя жило в районе верховьев реки Неман, где стояла еще одна крепость славян — Маленький Новгород *(так Дэвис переводит название Новогородка. – Пер.)*. Из-за отсутствия достоверной информации нельзя точно сказать, кто основал этот город – варяги, русины или же балты. Славянское имя города известно в разных формах, в том числе Navahrudak, Novogrodok, Nowogródek – Навахрудак, Новогородок и Новогрудек. Во всяком случае, государственность пришла на эти земли раньше христианства.

В Руси сошлись три главных народа – балты, славяне и варяги (скандинавы), вожди которых так или иначе были связаны с родом Рюрика, являясь династией Рюриковичей. Один из них сидел в Новгороде, где Рюрик умер в 879 году. Второй сидел в Киеве, который захватил Олег в 882 году. Третий сидел в Полоцке на реке Двине. Все они упомянуты в старейших записях восточнославянской летописи «Повесть временных лет»*.

Столетия спустя, когда восточные славяне разделились на отдельные народы, их собственное видение фундаментальных основ древнерусского государства стало сильно различаться. Но уж точно не будет упрощения истории и исторических событий, если мы признаем, что именно Киев был главным городом южной части восточных славян, в тех землях, что ныне зовутся Украиной. Эта Киевская Русь главенствовала над всеми другими русинами.

Новгород, где возникла огромная купеческая республика, стал центром северо-восточного региона восточных славян, так называемой Великой Руси.

А Полоцк, северо-западный крупный центр, посеял политические зерна, из которых произросло Великое Княжество Литовское (ВКЛ), интегрировавшее в совместное государство балтов и славян.

Нужно при этом кое о чем предупредить касательно восточных славян, балтов и других. В IX, X и XI веках, когда Киевская Русь была в полной силе, область на северо-восток от Киева, называемая Залесской землей (Залесьем), находилась вообще вне контекста истории. Там в долинах рек Угра, Ока и Москва жили финские племена, отделявшие от Киева такие места, как Суздаль, Ярославль, Владимир и Ростов *(города, построенные в XI веке киевскими колонистами. – Пер.)*. Русь того продолжительного периода еще не включала в себя Москву, и русский мир прекрасно обходился без той централизованной теории, которую позже московиты начнут активно продвигать в жизнь и навязывать всем захваченным ими русским землям.

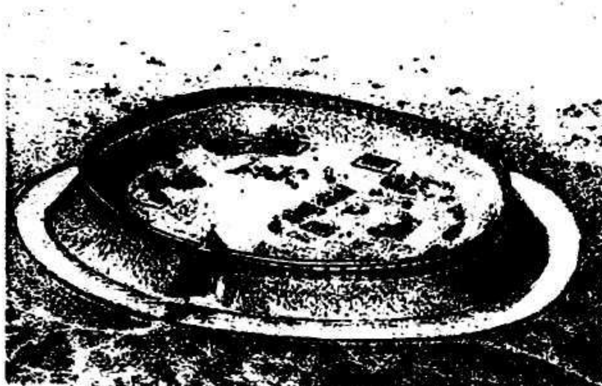
---

* Ныне можно считать доказанным, что никакого Рюрика в регионе Ладога – Новгород никогда не было. Там поселились выходцы из Полабья, которые принесли с собой предания о вожде по имени Хрёрик, воевавшем с датчанами и фризами. На новой родине за несколько поколений Хрёрик превратился в Рюрика и был задним числом привязан к этим местам. Соответственно, так называемые Рюриковичи – потомки разных военных предводителей, не состоявших в родстве между собой.

Что касается «Повести временных лет», то вымыслы в ней значительно преобладают над фактами. Например, «вещего» Олега в действительности не было. – *Прим. ред.*

Присутствие балтских племен, живших западнее Полоцка, подтверждают и археология, и другие научные методы. При более интенсивной миграции сюда славян балты отступали в леса, где их общественно-социальное развитие остановилось. Новые земли их расселения стали именовать Жамойтией (Zemaitis) – Низинной землей, ближе к берегу Балтики, и Аукштайтией или Аукштотой (Aukštota), что значит Высокая земля*. Название земли жамойтов на латыни звучит как Самогития (Samogitia). Она граничила с землями пруссов и поляков.

Эти балты-жамойты долго жили в изоляции *(родовым строем, не зная письменности, гончарного круга, каменных зданий и многих других достижений цивилизации. – Пер.)*, тогда как другое балтское племя – судовы (Sudovians или по-польски Jaćwings – ятвяги) выказывало признаки построения своего княжества *(ятвяги создали свое княжество с центром в Дорогичине, а судовы – с центром в Райгороде. – Пер.)*.

Мстиславль в XII веке

Жамойтия, напротив, осталась на прежнем примитивном уровне. Эта страна долго была последним бастионом язычества в Европе. Самые ранние признаки христианства в Жамойтии-Самогитии датируются концом X века, а страна в целом оставалась за пределами христианства еще несколько веков. В первую очередь христианство распространялось здесь в славянских поселениях. Скандинавы тоже достаточно долго держались своего культа языческих богов. А хазарским каганатом правила тюркская верхушка, исповедавшая, однако, иудаизм.

Киевская Русь, будучи в тесных контактах с Византией, подвергалась все большему влиянию греческой православной церкви. За 100 лет до принятия христианства Киевом греческие миссионеры Кирилл и Мефодий разработали славянский алфавит на основе греческого, известный ныне как кириллица**. Их старания по выработке славянского языка помогли сформироваться в качестве славянского народа тюркским булгарам, заселившим с Волги западные берега Черного моря, рядом с Константинополем.

На Руси вопрос религии долго оставался непростым. Здешние князья, которых постепенно стали называть Рюриковичами, не спешили рвать узы со скандинавскими корнями. Киевский князь Ингвар, которого славяне звали Ингор или Игорь, женился на скандинавской христианке Хельге (Ольге). Он построил

* Термин Аукштайтия известен с XV века. По мнению ряда исследователей, он означал ту часть ареала расселения жамойтов, которую первой подчинили себе князья Литвы. Но современные авторы из Летувы настойчиво распространяют выдумку о том, якобы жамойты и аукштайты – два разных племени предков нынешних летувисов. – *Прим. ред.*

** Это историческое заблуждение. Константин-философ (в монашестве Кирилл) и Мефодий создали другой алфавит, известный сейчас под названием «глаголица». – *Прим. ред.*

флот, нагонявший страх на жителей всех берегов Черного моря. Дважды оказываясь у стен Константинополя, он первым вступил в официальные дипломатические отношения с Константинополем. Но, в отличие от жены, Ингвар не стал христианином.

Невозможно точно сказать, как Рюриковичи относились к своему варяжскому происхождению и поклонялись ли они своим нордическим богам, чтобы отличать себя от славян. Но со временем их норманнизм сошел на нет. Святослав, сын Ингвара и Ольги (Хельги), кажется, был первым великим князем славянского имени *(Святославом князя позже назвали летописцы, а современники называли его Свендослейф. – Пер.).*

Руины замка в Новогрудке

Внук Ингвара Вальдемар (правил в 980–1015 гг.) был незаконнорожденным, но, тем не менее, не упустил шанса стать великим продолжателем династии. Выросший около своей бабушки Хельги, крещенной в Константинополе, он был послан в Новгород на правление.

После смерти отца (в 972 году) он собрал вокруг себя дружинников Хокана Сигурдссона норвежского, затем одолел своих братьев, завоевал Киев и стал великим князем Руси. Его славянское имя Володимир означает «правитель мира».

Главным событием в годы его правления стало крещение русинов Киева в 988 году. Он отказал католикам, мусульманам и иудеям, выбрав крещение по византийскому обряду. Посланник Византии от собора Святой Софии писал: «Мы не знали, были ли мы на небесах или на земле» /от радости/. Христианские миссионеры были посланы в разные части Руси. Православный епископ прибыл в Полоцк в 992 году*.

После смерти Владимира разгорелась борьба за престол великого князя между Ярославом и другими братьями. В результате Полоцк избавился от подчинения Киеву и стал самостоятельным княжеством. Позже аналогично поступил и Новгород. В результате Русь была разделена на 7 или 8 самостоятельных княжеств.

Между XI и XIII веками Полоцкое княжество под правлением потомков Рогволода сплотило вокруг себя прочие сильные города «земли истоков» северо-запада Руси без военного давления. Это княжество состояло из пяти частей: Полоцк, Смоленск, Туров, Чернигов (который граничил с Киевом) и Новогрудок (который граничил с Аукштотой). Но вскоре Полоцк утратил контроль над Смо-

* До этого момента в Полоцком княжестве уже более двух веков распространялось христианство арианского толка, которое и в Константинополе, и в Риме считали еретическим учением. Его принесли сюда варяги. – *Прим. ред.*

ленском, ставшим самостоятельным княжеством. Как и в других странах Европы, такая раздробленность часто разжигала междоусобные войны. Случались походы полоцких воинов на восток *(на север. – Пер.)* против Пскова и Новгорода, конфликты с Киевом на юге, стычки с балтами на северо-западе. И в этой связи летописи стали упоминать людей, называемых литвинами ('Lituvins'). Первое упоминание содержится в немецкой Квендлинбургской хронике под 1009 годом. Современные летувисы считают эту дату официальным началом своей истории*.

В ту же эпоху происходило дальнейшее проникновение на территорию Полоцкого княжества православия и его укоренение здесь. Святая Ефросиния Полоцкая (1120–1173), чей знаменитый крест, считавшийся главной ценностью беларуской культуры, пропал в годы Второй мировой войны, была выдающимся церковным деятелем. Она умерла в Иерусалиме во время паломничества, а построенная в Полоцке по ее воле Спасо-Преображенская церковь существует до сих пор. Её современник Святой Кирилл Туровский (1130–1182) был монахом, священником и автором многих молитв, которые все еще используются в местных молитвенниках. Смоленск был местом нахождения чудотворной иконы Святого Луки.

Возможно, что полочане что-то и слышали о городе Москва на одноименной реке, городе, появившемся в 375 милях (600 км) на восток от Полоцка. Однако у них не было никаких причин обращать внимание на этот факт вследствие его незначительности. Москва в ту эпоху была одним из нескольких небольших новых городков, построенных Юрием Долгоруким, сыном Владимира Мономаха, князем Владимиро-Суздальским, которому не нашлось наследства в родных землях Киевского государства. Москва относилась целиком к Киеву, подчинялась киевскому митрополиту, в свою очередь подчиненному патриарху Константинопольскому.

На этой стадии истории различные части Руси шли своими собственными курсами. В XIII веке появились два опасных врага. Первым были тевтонские рыцари, немецкие крестоносцы, взявшие на себя миссию – крестить языческих балтов. Второй враг – монгольская Орда Чингисхана, несущаяся из Центральной Азии в Европу. Вот два основных врага, угрожавших землям Руси.

Немецкие крестоносцы высадились на балтийском побережье. Они построили в 1204 году здесь свою крепость Ригу, ставшую главной базой немцев в северной провинции Ливония, называемой Terra Marianna (земля Девы Марии). А южная провинция Пруссия, основанная в 1230 году, служила базой для походов в Самогитию (Жамойтию). До этого рыцари взяли под свой контроль пути к морю через устье Немана и Двины, и правители Полоцка и Новгорода ощущали угрозу, исходящую от тевтонов. Тогда славяне решили объединиться, чтобы дать отпор крестоносцам.

---

* Запись в Квендлинбургских анналах сообщает о гибели в 1009 г. немецкого миссионера Бруно на границе «меж Русью и Литвой». Исследования показали, что район его гибели находится на территории современной Польши недалеко от границы с Беларусью. Соответственно, древние жамойты и современная Летува не имеют абсолютно никакого отношения к этому происшествию. – *Прим. ред.*

Князь Новгорода Александр Невский (1220–1263) уже имел небольшую победу над шведами на Неве. В 1242 году он и его союзники одержали более значимую победу над тевтонскими рыцарями у чудского озера Пейпус. Князь считается сейчас в России наиболее популярным историческим героем*.

Десятки тысяч степных всадников вышли на лесисто-болотистые границы восточной Руси. Москва и некоторые другие города киевской колонии Залесья были полностью разрушены в 1238 году, менее чем через сотню лет после их постройки. Киев разделил ту же участь в 1240 году. Орда проникла в Польшу, осадила Краков, разбила войско чешских и польских рыцарей в Силезии. Дань Орды была наложена на все части Руси, куда дошли ее всадники. Александру Невскому пришлось признать верховную власть монгольского великого хана, чтобы сохранить свой титул и земли.

5. Великое княжество

Самогития и Аукштота под давлением Тевтонского ордена пошли войной на православный Полоцк. Трудно назвать точную причину, по которой балты атаковали ослабленных рутенских соседей и захватили их земли *(здесь Дэвис повторяет выдумку летувисских историков о завоевании жамойтами наших земель. – Пер.)*. Но Полоцк не был разрушен как Москва или Киев, поэтому вероятнее всего, что Полоцкое княжество просто заключило договор с балтскими предводителями.

Двойная угроза с запада и юга заставила земли, лежащие в центре Руси, принимать экстренные меры безопасности. Ключевой фигурой этого процесса выступил «король» Миндовг (1203–1263), иначе Миндоут или Мендог. Он был коронован в 1253 году с санкции Папы римского Иннокентия IV. Миндовг не смог бы принять королевский титул, если бы не имел подвластных ему земель.

Современные историки из Летувы утверждают, будто бы племена их предков организовали здесь дружины профессиональных воинов, наладили собирание налогов и указывают на 1183 год как на дату появления нового балтского государства.

Другие же историки считают, что Миндовг, пусть изначально языческий воин, был купцом в земле Новогрудка, крестился в православие и затем использовал Новогрудок как базу для дальнейшей экспансии. Постоянные смены вероисповедания бросали тень на Миндовга. В какой-то момент он крестился в католицизм, но позже отрекся. Тем не менее, он был достаточно силен, чтобы захватить Новогрудок в начале 1240 года, а потом присоединить к своему коро-

---

* Битвы на Неве не было, её придумали монахи Рождественского монастыря во Владимире через 35 – 40 лет после смерти князя (т.е. около 1300 г.), когда сочиняли первый вариант его «жития» (из 14 известных). А прозвище «Невский» было дано Александру Ярославичу еще позже, во времена Ивана IV «Грозного», т.е. во второй половине XVI века.

Бой на берегу Чудского озера выиграл брат Александра, князь Андрей Ярославич. Александр по его просьбе прибыл на помощь из Суздаля. Новгородско-Суздальское войско численностью превосходило крестоносцев, в котором было 60 «братьев – рыцарей и сержантов» (по Рифмованной Саксонский Хронике) и много чудских (эстонских) ополченцев. «Братьев» погибло 25 человек, «упавших в траву». Битва на льду – миф. Был апрель, лед уже сходил с озера. Это все, что известно о битве из Новгородской летописи и саксонской хроники. – *Пер.*

левству Полоцк, Витебск, Минск. Его коронация, должно быть, явилась кульминацией серии политических и военных триумфов. В конце концов Миндовг провозгласил Великое Княжество Литовское. По рутенской традиции название сократили – ВКЛ. В латинском языке это писалось как MDL: Magnus Ducatus Lithuaniae*.

Название Беларусь проистекает от тех времен. Литву в литературном смысле, вне всякого сомнения, называли «Белая Рутения» (White Ruthenia), хотя происхождение этого термина является предметом яростных споров и бесконечных спекуляций. Самое логичное объяснение слова «белый», это определение свободной территории *(как Белый Альбион англо-саксов в Британии. – Пер.)*, тогда как слово «черный» употреблялось к землям недоступным или оккупированным, либо платившим дань другому государству. Все это совпадает с тогдашними обстоятельствами: название «Черная Рутения», которое закрепилось за районом Новогрудка, можно объяснить тем, что Новогрудчина была первой частью Полоцкого княжества, оккупированной балтами**.

ВКЛ в XII–XV вв.

Территория ВКЛ уже на ранней стадии была примерно равна общей территории современных Беларуси и Летувы, а создание нового государства породило устойчивую идею объединенной Руси. Белая Русь (Белая Рутения), отделенная в течение многих столетий от восточной Руси, развивалась по многим направлениям совершенно иначе, чем ее восточная соседка, впавшая в зависимость к Орде***.

Новое объединение Руси под эгидой ВКЛ, охватившее уже и Киев (Украинскую Рутению), дало беларусам и украинцам много общего и спроецировало концепцию Литвы далеко за пределы балтского происхождения. В то же время в конце XIII столетия, когда новое государство входило в политическую и куль-

---

* История возникновения ВКЛ очень далека от версии, изложенной Дэвисом. Но нет смысла тратить здесь уйму места на изложение реальных событий. – *Прим. ред.*

** Дэвис путает правление Миндовга с «оккупацией балтов», которой никогда не было. Что касается «цветных» названий, то повторим еще раз, что они связаны с обозначением сторон света. Север – черный цвет; Юг – красный; Запад – белый; Восток – синий; центр – Золотой (желтый). – *Прим. ред.*

*** Дэвис сильно преувеличивает. ВКЛ в первые 60 – 70 лет своего существования занимало менее половины территории современной Беларуси. – *Прим. ред.*

турную сферу Европы, все это было совершенно чуждым для Москвы, подконтрольной татаро-монголам.

Возникнув, ВКЛ смешало в себе языческие традиции балтов, постепенно уступавших место славянским христианским православным, которые здесь существовали уже давно*. Христианизация шла полным ходом в Европе уже 1000 лет, но обстоятельства в ВКЛ были не столь просты. Все же язычество обладало крепкими корнями, и князья не торопились выжигать его каленым железом. Христианизация страны пошла здесь не по скандинавскому или славянскому вариантам радикальных мер. Хотя сопротивление тоже подавлялось, такие меры не имели успеха, особенно среди язычников-балтов, скрывавшихся в лесах и на болотах от священников. Поэтому в политике проявлялась терпимость к старой вере, которая тоже была различной в разных областях.

Так, язычество поздней варяжской волны переселенцев, составлявших правящую элиту, отличалось от исчезающего язычества славян. Языческие ритуалы часто уходили в подполье либо перерождались в псевдохристианские ритуалы *(например, переход языческого Дня Солнца в христианский День Иоанна Крестителя – Иванов день, Ян Купала у беларусов. – Пер.)*. Вероятно, крещеные люди Белой Рутении должны были пройти через несколько поколений христианства, в течение которых языческие традиции их балтских соседей еще не казались чем-то чуждым или враждебным.

Когда же балтская воинская каста «влезла в варяжские сапоги», она не встретила враждебной реакции. Рутенское приятие балтских вождей объяснялось взаимной выгодой для нового королевства и этой касты**.

Коронация Миндовга уберегла обширные земли от захвата Ордой. В следующие декады XIII столетия Золотая Орда отступила, получив сильные поражения в Европе, и осела в низовьях Волги. Рутенские князья объединялись, чтобы отодвинуть Орду подальше от своих земель, и делали это не без успеха. Московиты, к примеру, предприняли подобную попытку лишь в 1380 году. Но князья южной Рутении в Украине жили достаточно свободно от Орды, ибо слабеющим контролем татаро-монголов в южных русских землях не преминули воспользоваться князья ВКЛ.

Гедимин, Ольгерд и Кейстут

Под руководством Великого князя Гедимина (правил в 1316–1341 гг.), ВКЛ присоединило к себе Киев в первый раз, правя там несколько десятилетий совместно с татарами *(не было ни присоединения, ни совместного правления – Ред.)*. И еще целый ряд русских земель присоединился к ВКЛ, от Подолья и Луцка Волынского на польской границе до Чернигова и Брянска у границы с Московией***. Брест на реке Буг был захвачен вместе с областью Полесье за Бугом.

* Дэвис игнорирует не меньшее по числу католическое христианство Литвы. – *Пер.*

** На самом деле Литовское княжество в этническом смысле было едино, ибо «рутены» «Белой Рутении» – это славянизированные балты (кривичи, дреговичи, ятваги). Дэвис сам упоминал о примитивизме жамойтов и аукштайтов, и вдруг – пришли какие-то короли (!) с дружинами профессиональных воинов. Он сам себе противоречит. – *Пер.*

*** В XIV веке территория Брянщины и Черниговщины была отделена от Московского княжества землями Смоленского, Новгород-Северского и Рязанского независимых княжеств. – *Прим. ред.*

Гедимина считают и основателем Вильни – новой столицы Княжества, хотя она могла быть построена раньше, чем местечко Ворута – резиденция Миндовга. По легенде Гедимин охотился на границе балтских земель и Рутении и увидел во сне железного волка, воющего на верхушке горы. Жрец сказал князю, что железный воющий волк означает крепость, которую нужно воздвигнуть на вершине этого холма, с обзором трех рек. Вскоре появился деревянный замок, окруженный домами и улицами, сбегающими к реке Вилии.

Первое упоминание города Вильни относится к 1323 году, вскоре после того, как великий князь пригласил иностранных купцов и ремесленников, чтобы они там поселились. Магдебургское право самоуправления было даровано городу через 60 лет. Для балтов имя этого города звучит как Вильнюс, для рутенов – Вильня, а для поляков – Вильно.

В годы правления великого князя Альгерда (1345–1377) темпы развития увеличились. Альгерд, один из семи сыновей Гедимина, был прекрасным воином, сумевшим установить мир внутри Княжества, разделив его со своим братом Кейстутом на две части. Он с одинаковым успехом бил тевтонских рыцарей и татарские орды, и дважды осаждал Москву. Несмотря на то, что после смерти его считали поборником православия, женитьба Альгерда на православной княжне Марии из Витебска не стала значимым событием для страны.

В 1349 году страна Красная Рутения была поделена между Польшей и ВКЛ (*Червоной или Красной Русью в XV–XVIII вв. называли земли Волыни и Галиции. – Пер.*). А в 1362 году в битве у реки Синие Воды, в южной части нынешней Украины, Альгерд в очередной раз разгромил монголо-татар. Последствия этой победы оказались великолепными: великий князь присоединил к ВКЛ Киев, и тем самым стал влиять на митрополита Киева, высшего авторитета Православной

Сельский вид в старой Литве (худ. Г. Кондратенко)

церкви восточных славян *(именно тогда Великое Княжество Литовское добавило название Русское. – Пер.)*. Великое Княжество Литовское при Альгерде стало больше Франции или Священной Римской Империи и продолжало расти дальше.

Киев является самым древним городом у восточных славян. Легенда упоминает постройку города готским вождем Кием в 485 году, когда Кий и его братья *(Щёк и Хорив. – Пер.)* построили себе жилища на трех холмах за рекой Днепром*. В то отдаленное время славяне еще не упоминаются как народ *(они только начинали формироваться путем слияния готов, балтов и сарматов. – Ред.)*.

Благодаря стараниям современных политиков, Киев ассоциируется в мозгах людей скорее с «древней Россией», чем средневековой Литвой. Так что здесь необходимо кое-что прояснить для современного читателя. Когда великий князь Альгерд присоединил в 1362 году этот город к своему государству, Киев был жалкой тенью того, чем являлся раньше. Его население разительно уменьшилось по сравнению с годами расцвета Киевской Руси. Что касается митрополита, то он жил даже не в Киеве.

Св. София в Полоцке

Кафедральный собор Святой Софии, основанный Ярославом Мудрым вместе с «неописуемой стеной» с ее золотой мозаикой все еще стояли целыми. Но восстановительные работы со времен монгольского нашествия велись слишком медленно, и самостоятельного политического значения город практически не имел. А вот так называемая «литовская оккупация», продлившаяся более 200 лет, была вовсе не коротким эпизодом в его истории, но помогла Киеву восстановиться и окрепнуть, из чего следует, что Киеву было комфортно и безопасно под руководством литовских князей. В наши дни нельзя судить о делах средневековья, опираясь исключительно на телеологические стандарты России.

Московия тоже оставалась в руинах после монгольского нашествия. Следуя примеру Альгерда, московский князь Дмитрий «Донской» расширил южные границы княжества до реки Дон и готовился создать коалицию восточных князей, желающих свергнуть татаро-монгольское иго. На этом пути Москва и Литва стали соперниками в претензиях на наследие разделенной Руси.

Несмотря на то, что угрозы от Орды более не исходило, великий князь ВКЛ не знал передышки из-за тевтонских рыцарей. Захватив Пруссию и Ливонию, рыцари надолго увязли в Польше, а затем жадные глаза крестоносцев нацели-

* Это только легенда. Не было в действительности Кия, Щёка, Хорива и сестры их Лыбеди. Киев основали хазарские и еврейские купцы в качестве одного из перевалочных пунктов на торговом пути от берегов Каспия в баварский Аутсбург. Славяне первоначально появлялись в Киеве в качестве товара, т.е. как рабы (особым спросом пользовались молодые женщины). — *Прим. ред.*

лись на Литву, где все еще было много язычников. В отличие от прочих европейских монархов, великие князья ВКЛ все еще оставались язычниками, колеблясь между католицизмом и православием, выдавая своих дочерей то за католических королей, то за православных князей — соответственно моменту.

Гедимин готовил свою страну как невесту для Римского Костёла, если верить письму, написанному Папе Гедимином в 1322 году, где содержится уверение в его готовности принять католическую веру: *fidem catholicam recipere*. Впрочем, современные историки считают, что Гедимин просто лукавил. Письмо было написано в тот момент, когда он яростно сражался с католическими рыцарями Тевтонского Ордена, ища помощи и в католической Польше.

Гедимин уверял Папу, что он не является противником католицизма, и в качестве жеста доброй воли соглашался на прием доминиканской и францисканской миссий. Однако о полном переходе страны в католицизм он не думал, вероятно, надеялся, что Ватикан уничтожит Тевтонский Орден, как ранее уничтожил Орден Тамплиеров*. Гедимин без колебаний казнил католических священников за нанесенные ими обиды языческой вере, а когда умер сам в 1342 году, то был похоронен по языческой традиции. Как язычники-викинги хоронили своих конунгов, аналогично и тело Гедимина положили на костер, а вместе с ним сожгли его любимого коня и слугу, а также нескольких рабов из числа немцев. Альгерд был похоронен по тому же обычаю, что и его отец.

Религиозная жизнь в Литве была далеко не прямолинейной. Однако имела место толерантность. Здесь даже жили мусульмане татары, которых приглашали в качестве воинов *(это началось позже, при Витовте. – Пер.)*. Также в Литве жили иудеи караимы из Крыма, специальные привилегии делались католическим рыцарям, женившимся на дочерях языческих великих князей**.

Но за кулисами этой толерантности встречались и уродливые вещи. Например, в 1347 году, когда Вильня была еще языческим городом, три рутенских брата — Антоний, Иоанн и Евстафий — были приговорены к смерти за небольшую провинность. Этих «виленских мучеников» канонизировала Православная церковь, а их мощи хранились в церкви Святой Троицы.

Ягайло и Витовт

Великий князь Ягайло (правил в 1377–1434 гг.) понимал, что любая княжеская женитьба может быть использована со стратегической выгодой. Не питая любви к полякам, «поклонникам немецкого бога», он рассматривал выгоду женитьбы на московской княжне.

Но в 1382 году возможность связать себя узами с Польшей все же появилась. Как раз умер Луи Анжуйский, король Польши и Венгрии, не оставив наследника. Замужество его младшей дочери Ядвиги магнаты Польши рассматривали как возможность заполучить сильного короля со стороны. В 1385 году, как только Ядвига приехала в Краков, литовские посланники предложили ей руку Ягайло, то есть союз с Литвой. Это был решающий момент в жизни двух наций.

---

* Духовно-рыцарский Орден тамплиеров (храмовников), основанный в 1118 г., был ликвидирован в 1312 г. по решению Папы римского Климента V. — *Прим. ред.*

** Караимы (на иврите — чтецы) — потомки тюрков-хазар, исповедавших иудаизм. Их язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. — *Прим. ред.*

У польских магнатов были свои причины желать Ягайло на престол. До сих пор у них не было возможности влиять на короля, а женитьба Ягайло и Ядвиги такой шанс давала. И вот 14 августа 1385 года в замке Крево, в Белой Рутении, было подписано соглашение, по которому польские магнаты обязывали Ягайло ради женитьбы на Ядвиге перейти в римское католичество, освободить всех поляков — пленников и рабов, а также скоординировать совместные действия против тевтонских рыцарей. Великое Княжество Литовское вступало в постоянный союз с Польским Королевством. На этой основе в феврале 1386 года великая ассамблея магнатов и шляхты (дворян) Польши в Люблине выбрала Ягайлу королем Польши. Обе страны объединялись через династический союз*.

Последствия Кревской Унии ощущались в ВКЛ в большей мере, чем в Польском Королевстве. Языческая религия отныне была запрещена, священные рощи вырублены, жрецы и колдуньи оказались вне закона. Массовое крещение жителей Вильни произошло в реке Вилии. Римское католичество стало официальной религией среди правящих кругов Литвы. Как великий князь Литвы, Ягайло обязан был предоставить широкие привилегии влиятельным людям, которые быстро научились привычкам своих польских соперников.

Но принятое сравнительным меньшинством знати ВКЛ католичество сосуществовало в непростых отношениях с византийским православием большинства *(Большинство в Литве было языческим. Православие процветало в землях Полоцка и Витебска – а это четверть ВКЛ. Православных и католиков было почти поровну. – Пер.)*.

Чеканка монет традиционно считается одним из главных признаков суверенитета, и великий князь не стал исключением. До настоящего времени считалось, что первые монеты ВКЛ были отчеканены еще в начале XIV века, но тщательное исследование установило, что первые деньги в Вильне чеканил Ягайло в 1387 году. Треугольный серебряный *kapros*, который на первый взгляд кажется достаточно старым, на деле оказался датированным XV столетием. Чеканка монет сопровождалась воспроизведением на них эмблемы великого князя — скачущего всадника с поднятым мечом, известным как герб *Погоня*, который используется и в наши дни.

Племянник Ягайлы Витовт (1350–1430) стал причиной начавшихся проблем ВКЛ, затянувшихся на десятилетия. Как противник унии с Польшей он был заточен в тюрьму замка Крево во время переговоров с Ягайло. Но он бежал из тюрьмы, завоевал симпатии многих бояр и в союзе с тевтонскими рыцарями стал мстить Ягайло. В этот момент он даже рассматривал возможность альянса с Московией. Однако вскоре он примирился с Ягайло, подписал Кревскую Унию, крестился в католичество и включился в активную христианизацию страны, возводя костёлы и монастыри по всему ВКЛ.

Вскоре он опять рассорился из-за города Троки (ныне Тракай), который Ягайло отдал во владение не ему, а кому-то другому. Витовт вновь бежал в Прус-

* Ягайло с этого момента был одновременно королем Польши и великим князем Литвы, но сами эти государства оставались автономными по отношению друг к другу. Дэвис повторяет традиционные измышления польских историков о том, что якобы Кревская уния раз и навсегда покончила с независимостью ВКЛ. На самом деле даже до конфедеративного объединения двух равноправных государств (по Люблинской унии 1569 г.) оставалось еще 183 года! — *Прим. ред.*

сию, где выпал из центра внимания до 1390-х годов. И только поражение от татар вновь помирило его с Ягайло, подписание Вилинско-Радомской унии в 1401 году превратило его в сподвижника и партнера по управлению объединенного государства, сделав по сути великим князем ВКЛ в то время, когда его двоюродный брат Ягайло правил в Польше.

В 1408 году Витовт, возглавив объединенную с поляками армию, с третьей попытки вернул Литве Смоленск. Он ревностно защищал независимый статус ВКЛ целых 30 лет, заработав себе прозвище «Великий» и став фигурой международного масштаба.

Гродно в 1729 году

Ему выказывали уважение татарский хан и русские князья, богатые дары присылал Новгород, он также поддерживал одинаково добрые отношения с Папой и германским императором. К моменту его смерти в 1430 году повсюду распространилась весть, что Витовт хочет официально стать королем Литвы *(на самом деле короновался, несмотря на протесты поляков, но вскоре умер, что породило слухи, будто поляки его отравили. – Пер.).*

Смерть 80-летнего Витовта привела вначале к гражданской войне между претендентами на престол великого князя. Гражданская война шла в 1430-х годах, когда брат Ягайлы (Свидригайло) сражался с братом Витовта (Жигимонтом), а тевтонцы постоянно не без пользы для себя вмешивались в конфликт. Позже соперники примирились под стягом династии Ягеллонов.

6. Эпоха Ягеллонов

В то нелегкое для ВКЛ время поляки объявили, что отныне ВКЛ вообще аннексировано Польшей. Но пока один из сыновей Ягайло Владислав III (правил в 1434–1444 гг.) сел на трон Польши под присмотром кардинала Олесницкого, возглавлявшего королевский двор, 13-летний младший сын Ягайло Казимир (1427–1492) стал великим князем ВКЛ в 1440 году без всякого разрешения поляков.

Молодой князь вскоре превратился в одного из выдающихся государственных мужей средневековой Европы. К своему титулу великого князя ВКЛ он еще добавил и польскую корону после смерти брата Владислава в битве с турками под Варной в 1444 году. Также он женился на представительнице Габсбургов, введя тем самым своих сыновей и дочерей в большую европейскую политику. Кроме того, он стремился скрепить династические узы Ягеллонов с королями Венгрии и Богемии. В конце XV столетия могучие Ягеллоны казались даже перспективнее, чем их родственники Габсбурги.

И пусть Кревская уния была аннулирована после смерти королевы Ядвиги (умерла в июле 1399 г. – *Ред.*), на практике союз двух народов сохранялся в течение всей эпохи Ягеллонов. Каждый раз, когда возникали сложные ситуации, польско-литовский союз обновлялся на условиях, еще более сближавших два государства.

Первый такой случай имел место в 1401 году, когда бездетному Ягайле нужно было решить вопрос с наследием престола. Тогда на встрече в Радоме и Вильне польские и литвинские «паны» (бароны) решили, что в будущем ничего не будет решаться без совместного обсуждения. В Акте так называемой Виленско-Радомской унии кузен Ягайло Витовт (Витольд) обязался править Литвой пожизненно, а в случае, если Ягайло умрет без наследника, будущее двух королевств будет определено по общему согласию сторон.

Второй случай произошел в 1413 году 2 октября, когда было подписано Городельское соглашение на Волыни. Здесь польские паны и литвинские бояре решили сформировать совместное шляхетское сословие. Все важные решения, касающиеся обеих стран, отныне должны были обсуждаться на совместных ассамблеях шляхты. Польская шляхта должна была принимать участие в избрании Великого князя Литвы.

Особенно примечательным был общий дух принятого соглашения. Польская шляхта получила право участвовать во внутренних делах своего соседа, а литвинская шляхта получила гарантию суверенного права своего государства:

> «Ради Любви, созданных законов, управляемых королевств, городов устроенных, создано содружественное государство, придя к своей правильной цели. Кто бы ни отбросил Любовь в сторону, потеряет все».

В более поздние времена, когда ослабшее польско-литвинское государство станет жертвой более сильных врагов, эти слова будут напоминать о Союзе, основанном на высоких принципах...

Итак, польские и литвинские шляхтичи смотрели в будущее с верой в него. Ради многих благородных целей они становились одной политической нацией. С тех пор слово «польский» означало не обязательно поляка, но гражданина польско-литовского государства.

Объединительная политика сыграла важную роль в обеспечении безопасности Польши и Литвы от чрезвычайно активных тевтонских рыцарей. Тевтонский Орден не оставил попыток экспансии в восточном направлении. Грандиозная битва под Грюнвальдом в 1410 году, в которой Орден потерпел сокрушительное поражение, наконец-то остановила эту постоянную экспансию крестоносцев. Пусть и не в один момент. Победоносная «великая война» с рыцарями Тевтонского Ордена (1409–1422) несомненно сблизила Польшу и Литву, но вопросы иностранной политики и своей военной безопасности ВКЛ должно было решать с другими странами: Ливонией, Московией, Крымом, эти вопросы касались поляков лишь во вторую очередь.

После 1418 года Ливония вступила в довольно странную конфедерацию мини-государств, в которой прежняя ливонская провинция Тевтонского Ордена занимала менее половины территории. Ливония соединилась с епископиями Риги, Курляндии, Эзеля (ныне остров Сааремаа) и Дерпта (ныне Тарту). Расчле-

ненный характер конфедерации уменьшал защищенность этих земель. Под самым боком у Вильни появилось новое государство, за которым надо было постоянно присматривать.

В то же время Московия, подмяв под себя города восточной Руси, входившей в состав татаро-монгольской Орды, постепенно набирала мощь. Взяв под контроль еще и Новгородскую республику, Московия стала страной, примерно одинаковой по территории и населению с ВКЛ. Кульминация этого «собирания» земель наступила в 1478 году, когда многие новгородские граждане были перебиты московитами.

Свои необоснованные претензии Московия черпала из-за горизонта, находя их в исчезнувшей уже Византии. В 1453 году османские турки захватили Константинополь, окончательно ликвидировав измельчавшую Византию. Но падение Византии посеяло в умах москвитян маниакальные идеи. «Второй Рим» (Византия) – мертв. Поэтому да здравствует «Третий Рим!» (Московия). Иван III (правил в 1440–1505 гг.), прозванный «Великим», был первым московским князем, принявшим эти идеи всерьез. Он перенял византийский герб в виде двуглавого орла и распространял идею, что теперь он единственный римский цезарь (или царь, если на славянский манер).

По московской логике, авторитет патриарха Константинополя, которому подчинялись все православные славяне, отныне автоматически перешел к митрополиту Москвы, который был самопровозглашенным патриархом, не имевшим благословления патриарха Константинополя*. Все православные славяне, по меньшей мере, в Украинской и Белой Рутении, содрогнулись.

Крымское ханство стало еще одним источником опасности для ВКЛ. Золотая Орда в результате политического кризиса и междоусобных войн распалась, но ее знамя подхватили татары, захватившие Крымский полуостров. Ханство процветало за счет морской торговли между прибрежными городами Черного моря, а также за счет пиратства и набегов. Крымские татары пользовались покровительством турецкого султана.

В 1399 году на реке Ворскла около украинской Полтавы они сумели разбить большую армию Витовта, смяв его планы, а в XV веке их постоянные набеги углублялись на территорию Московии и ВКЛ**.

Эта активность татар в «дикой степи» южных пределов Великого Княжества послужила стимулом для формирования казаков в низовьях Днепра. Казак – тюркское слово, означающее «вольный».

Здесь, на Украине, проходила юго-восточная граница Европы. Украина так и переводится – у края, что-то подобное американскому названию Frontier. Ка-

* К несторианскому христианству Москвы, смешанному с исламом Орды, церковники Византии относились весьма скептически. В декабре 1448 г. духовенство Московии по требованию великого князя Василия II (Темного) избрало своим митрополитом Иону – без благословения патриарха Константинопольского. Это событие еще больше усилило различия между греческим православием и несторианско-исламской церковью Москвы. – *Прим. ред.*

** Дэвис ошибается. Витовт затеял войну против Золотой Орды (формально считавшейся единым государством) с той целью, чтобы посадить на престол великого хана своего ставленника Тохтамыша. Его войско и отряды союзников разбил Едигей, эмир Белой Орды (впоследствии – Ногайской Орды), а не крымские татары. – *Прим. ред.*

заки и татары были этакими европейскими ковбоями и индейцами. Прошли века, пока они примирились. Киев в первую очередь организовывал атаки казаков на татар. Казаки успешно отбили осаду Киева в 1416 году, но другой раз в 1483 году пришлось откупиться. Киев в эти годы поднялся под протекцией Вильни, сюда вернулась резиденция митрополита. Так, в Киеве появился знаменитый «Киевский Псалтырь», рукопись с тремя сотнями цветных миниатюр. Но в общественно-политической жизни Киев сильно уступал Вильне.

ВКЛ в середине XV века вынуждено было отдать крымским татарам за военную помощь часть побережья Черного моря, называвшуюся Дыкра, что значит «пустая земля». Там в самом деле мало кто жил, и находились лишь две крепости – Кара-Керман (позже Очаков) и Хаджибей (позже Одесса). ВКЛ не имело сил и возможности ни развивать эту область, ни защищать её. Поэтому эту землю безболезненно уступили. Вскоре в указанных крепостях обосновались турки-османы.

С годами Ягеллоны, покинувшие в 1386 году Вильню и поселившиеся в Краковском замке, значительно полонизировались. Ягайло едва ли научился говорить по-польски, его сын был уже двуязычным, на двух языках – польском и литовском (старобеларуском) – говорили внуки Ягайлы, включая знаменитого Александра Ягеллончика (1461–1505), который тоже вначале был правителем Литвы до того, как стать польским королем /в 1501 году/.

К XVI веку королевский двор в Кракове официально говорил уже только по-польски. Но в Вильне, на родине Ягеллонов, преобладающим языком оставался славянский «руский», а не балтский летувисский. Аналогично обстояло дело со шляхтой Великой Литвы.

7. Магнатство Литвы

До подписания Унии в Городне /в 1413 г./, власть в стране всецело принадлежала великому князю. Витовт активно проводил политику раздачи ленной земли, так появились феодальные вассалы.

Верховный правитель осуществлял свою власть через лояльно настроенных придворных и слуг, которых награждал землями в каждой важной области страны. И пока влиятельные князья, жившие в отдаленных районах страны, все меньше вмешивались в политику великого князя, некоторые могущественные фамилии пускали прочные корни в ленных землях, которые они передавали по наследству*. Часть их оказалась в конечном итоге среди крупнейших землевладельцев Европы.

К XVI веку магнаты контролировали до 30 % земель Великого Княжества, оставляя 70 % в руках остальных 19 тысяч шляхтичей, монастырей или в собственности великого князя. Военный регистр, составленный в 1528 году, ясно дает понять, насколько большое влияние в обществе имели магнаты. Имена знаменитых магнатских фамилий ВКЛ – Радзивиллов, Сапег, Олельковичей, Острож-

* Лен – земля и право на определенные доходы, которые феодал получал от своего сеньора за военную службу и другие услуги. В отличие от бенефиция, лен был наследственным. – *Прим. ред.*

ских, Глебовичей, Кишек, Сангушко, Пацев, Ходкевичей, Заберезинских, Гольшанских – пронизывают всю ее историю.

Никто из магнатов Литвы не мог сравниться с Радзивиллами, пусть их происхождение и взлет были достаточно поздними. Легенда, согласно которой Радзивиллы происходят от последнего языческого жреца Вильни, явно сфабрикована. Первым в клане этого могущественного рода был Кристин Ошчик, каштелян Вильни с 1417 по 1442 год. Имя его сына и стало фамилией Радзивиллов. Момент расцвета и взлета Радзивиллов пришелся на закат эпохи Ягеллонов.

Список высших государственных постов, занимаемых Радзивиллами, впечатляет: 8 канцлеров, 7 гетманов, 5 маршалов, 13 каштелянов Вильни, 6 каштелянов Трок, 1 кардинал и 40 сенаторов. Их девизом было: «Бог нам радзіць» – что значит «нам советует Бог». Если Кристин Ошчик не мог похвастать богатством, то его правнук имел во владении 14 тысяч крестьянских дворов с общим числом 90 тысяч человек!

Радзивиллы разделялись на три ветви.

Первая – это Радзивиллы линии Райгорода-Гонёндза, на границе с Польшей, линии, пришедшей в полный упадок сравнительно быстро – к 1542 году.

Вторая – Радзивиллы Несвижско-Олыкской линии на юге *(ее представляют Михал Казимир Радзивилл и знаменитый Несвижский замок. – Пер.)*.

Третья – Радзивиллы на Биржах (*к ним принадлежал Богуслав Радзивилл. – Пер.*), около границы с Ливонией.

Несвижский замок

Радзивиллы, впрочем, часто продавали земли и строили новые города и села в ранее необитаемых лесных массивах, и вопреки закону брали в залог владения других шляхтичей. Но главной сокровищницей Радзивиллов являлся Несвиж, доставшийся им в качестве приданого княжны Анны Кишки, жены Яна I (1474–1522). Город Мир был отдан в придачу. А Олыка, лежащая за Припятью в Волыни, была продана и перешла к князьям Чарторыйским.

К 1550-м годам, когда Николай Радзивилл «Черный» и Николай «Рыжий» были уважаемыми министрами короля и великого князя Сигизмунда-Августа, а сестра Николая «Рыжего» Барбара была королевой, Радзивиллы обошли всех своих конкурентов. Их успех был закреплен в 1586 году. В ответ на ежегодное очередное снабжение Короны войском король даровал радзивилловским владениям статус *Ординации*, который никто никогда не имел права отменить.

Именно тогда замок в Несвиже, что лежит на полпути между Минском и Пинском у истоков Немана, стал одной из трех главных ординаций Радзивиллов. Замок был перестроен сыном князя Николая «Черного» – Николаем Криштофом «Сироткой» (1549–1616) к 1599 году. Особое очарование Несвижскому

замку придал костёл Тела Христова в стиле барокко, построенный итальянским архитектором Джованни Бернардони (1451–1609). Этот храм ознаменовал возвращение фамилии в католицизм после бурного периода Реформации, когда более половины всех верующих ВКЛ перешло в протестантскую веру...

Несмотря на сопротивление католической церкви, кальвинистская реформация в ВКЛ проходила на редкость удачно – в кальвинизм и прочие протестантские течения переходило большинство шляхтичей и мещан, находя протестантизм более демократичным и прагматичным в отличие от догматических католицизма и православия. Впрочем, крестьяне упорно придерживались православия. Благодаря Реформации в ВКЛ появились первые печатные книги, изданные полоцким доктором наук, гуманистом и библиофилом Франциском Скориной (1485–1540).

Клецк

Религия ВКЛ XVI века напоминала свободную ярмарку: протестанты, католики, православные, мусульмане-татары, иудеи – евреи, а также караимы, которые, как и христианские протестанты, делали упор на письменном слове и первыми среди иудеев начали издавать печатные книги. Вильня в начале XVI века была городом множества профессий и конфессий, многоязычным городом торговцев и мастеров.

Рутены *(беларусы. – Пер.)* проживали в основном в восточных кварталах. Евреи доминировали в западных кварталах. Поляки-католики составляли меньшинство Вильни до тех пор, пока княжеский двор не переехал сюда в 1543 году. В 1522 году, когда были достроены новые крепостные стены вокруг Вильни, сюда приехал и Франциск Скорина продолжать свое печатное дело. Скорина по праву заработал репутацию отца-основателя беларуской письменности.

Попытки модернизировать административную систему Великого княжества были затруднены из-за отсутствия единого правового кодекса, но этот недостаток устранила комиссия во главе с канцлером А. Гаштольдом, созданная в 1522 году по приказу великого князя. «Первый Литовский Статут» был разработан за 7 лет. Первоначально он состоял из 244 статей в 13 главах, часть их была взята из «Русской Правды», древнего кодекса Киевской Руси, другая часть из «Судебника» 1468 года. Позже за счет дополнений число статей возросло до 283.

Статут являлся рукописным текстом на русском языке Белой Рутении, сохранились несколько его копий. В первой статье говорится, что «все граждане Великого Княжества Литовского будут судимы тем же судом, независимо от их чинов и званий». Глава 3 приводит привилегии шляхты (т.е. дворянства), глава 4 касается семейного права, а главы 11, 12 и 13 уголовного права.

Существует немало экстравагантных заявлений по поводу Литовских Статутов. Некоторые считают, например, что они были единственными всеобъемлю-

щими правовыми кодексами в Европе со времен императора Юстиниана (V век) и до правления Наполеона. Если это и преувеличение, то все равно достижение, безусловно, было реальным.

8. «Великая» война

Наиболее острая озабоченность Великого княжества была связана с подъемом Московии при Иване III «Великом». Идею «Третьего Рима» и политику «собирания земель» литвины несомненно отвергали, так как то и другое отрицало легитимность Великого княжества Литовского.

Такой вывод логично следовал из весьма сомнительного тезиса, что Москва обладает божественной миссией объединить все земли прежней Древней Руси под своей властью. Согласно этой идеологии, большинство жителей Великого княжества, будучи православными славянами, обязаны стать подданными великого князя Москвы. Эти воззрения не имели никакой поддержки среди русинов Белой Рутении, которые ценили свое политическое разделение с Московией и свою религиозную свободу. Но с точки зрения Москвы этот аргумент обеспечивал постоянный и удобный повод для объявления войны.

Великий князь ВКЛ Александр Ягелончик, сын Казимира Великого, был женат на дочери Ивана Елене. Его попытка по-родственному решить дело с тестем закончилась тем, что ему ответили, что никаких обсуждений не будет, пока все «царское кровное» не будет возвращено. Елена писала своему отцу:

> «Все здесь думали, что я принесу все хорошее, любовь, дружбу, вечный мир и содружество. Вместо этого сюда пришла война, вражда и разрушенные города, льется кровь христиан, вдовеют жены, сиротеют дети, рабство, отчаянье, плач и стоны».

Иван III начал войну за «возвращение» Москве земель Руси в 1492 году. Эта война Московии, по существу дела не за Русь, а против ВКЛ, продолжалась с короткими интервалами три столетия. Началось же с пяти войн Москвы против Великого Княжества, проведенных менее чем за 50 лет*.

Вязьма стала первым форпостом Великого Княжества на пути захватчиков, потерянным под волной нового восточного нашествия в 1494 году.

Но самая грандиозная битва состоялась через 20 лет – 8 сентября 1514 года под Оршей. Московиты только что захватили Смоленск, осадив город огромной армией со стенобитными машинами и пушками. Захватив город, царские войска тут же вывезли из него чудотворную икону и заложили фундамент своей самой большой крепости.

Потом московиты двинулись глубже в территорию ВКЛ и столкнулись под Оршей с куда как меньшей армией князя Константина Острожского. Московиты атаковали на рассвете, превосходя по силе 3:1. За атакой царской конницы последовала контратака литвинов, пока основная часть войска Московии не была загнана в ловушку. Литвинские ратники неожиданно появились на берегах реки, поддержанные огнем артиллерии. Пушки смяли царскую пехоту, польская кавалерия налетела на московитов на флангах и опрокинула их. Враг в панике

---

* 1) 1492–1494; 2) 1500–1503; 3) 1507–1508; 4) 1512–1522; 5) 1534–1537 гг. – *Прим. ред.*

бежал, многие утонули в реке. Как докладывали очевидцы битвы, около 30 тысяч московитов было убито на поле боя, а все 300 московских пушек захвачены. Вернувшись триумфально в Вильню, Острожский отметил победу возведением православной церкви Святой Троицы и церкви Святого Николая. Но дальнейшие попытки вернуть захваченные московитами земли дали весьма скромный успех.

После долгого перерыва, в 1537 году московиты вновь пошли захватывать восточные земли ВКЛ, включая Полоцк, Смоленск, Чернигов, Северск. Гомелю удалось отбиться.

Военные расходы Великого Княжества требовали постоянного внимания. До середины XV века старая феодальная система организации армии работала хорошо. Одна Польша выставляла до 18 тысяч рыцарей, а Литва не отставала от соседки. Крепости и города были укреплены земляными и каменными валами и стенами, способными выдержать огонь осадной артиллерии.

В более поздние времена появились трудности. Старая структура армии уже не годилась, в частности для боев в южных пределах ВКЛ в открытом поле против крымских татар. Тяжелым конным рыцарям было непросто быстро добираться до отдаленных мест, подвергшихся нападению. Обычная система финансирования армии, которая должна была опережать собирание земельного налога, стала малоэффективной.

В 1490-е годы были сделаны некоторые шаги по исправлению ситуации, когда была разработана *obrona potoczna* (текущая оборона) в 2000 человек, чтобы защитить Червоную Русь от татарских набегов. С 1526 года это формирование стало получать фиксированную финансовую помощь.

Проблема состояла в том, что военную систему требовалось совершенствовать. Без постоянной армии каждая военная кампания нуждалась в дополнительном финансировании, и количество тех людей, которые могли с оружием в руках /и верхом на коне/ выйти в поле, постоянно уменьшалось. В таких условиях коронный гетман Ян Тарновский (1488–1561), пусть и не литовец, а поляк, сыграл важную роль. Он был маленьким человеком с великой репутацией. Тарновский использовал гуситскую концепцию «табора» — обоза из прочных повозок — и превратил обозы в машину побед над более многочисленным врагом. Крытые повозки тащили по 6 огромных лошадей, которые могли оставаться в движении очень долго. В случае опасности повозки где угодно быстро выстраивали квадратом и соединяли их цепями. Получалась полевая крепость. Польско-литвинский табор, осажденный и отстреливающийся от 20 или 30 тысяч татар, должно быть, напоминал белых колонистов Америки, которых атаковали индейцы племени сиу или чероки.

Тарновский также разработал многие службы современной армии. Это конная артиллерия, полевой госпиталь, саперы (шанцкнехте), отдел логистики (пробантмайстер), дисциплинарный устав (гетманский артикул) и военный суд, институт армейских священников. Опыт Тарновского был собран и опубликован в 1558 г. в книге *Consilium Rationis Bellicae* («Советы по Военной Методике»).

Как и литвинский артиллерист Казимир Семенович, разработавший в XVII веке боевые ракеты, Тарновский намного опередил свое время.

9. Речь Посполитая — Республика Двух Народов

Сигизмунд-Август (1520–1572) был последним из великих князей Ягеллонов, а его личная трагедия стала типичным завершением всей наследственной системы передачи власти. Будучи сыном Сигизмунда Старшего и королевы Боны Сфорцы, он рос в сверкающей дымке польского «золотого века», окруженный итальянским искусством, архитектурой и литературой. Он просто не мог не быть типичным человеком Ренессанса.

Литвинская столица превратилась в арену счастливейших моментов жизни последнего из Ягеллонов. В 1543 году 23-летний Сигизмунд встретил здесь красавицу-блондинку Барбару Радзивилл, 23-летнюю вдову. Ее умерший муж Станислав Гаштольд был богатейшим человеком в Вильне. Их роман сопровождался откровенным нежеланием польских царедворцев видеть на троне рутенку и закончился тайным браком в 1547 году. Но Барбара была бездетна и больна*. Она вскоре умерла от рака /8 мая 1551 года/. Ее царственный супруг был безутешен.

Жилище застенковой шляхты

Остальное правление Сигизмунда-Августа проходило в тени разбитых мечтаний. Третья женитьба великого князя и короля на Екатерине Габсбург /младшей сестре его первой жены Елизаветы, умершей в 1545 г./ подчеркнула контраст между упадком рода Ягеллонов и стремительным взлетом их родственников Габсбургов. Более того, омраченный смертью любимой Барбары, польско-литовский монарх заявил, что скорее умрет, чем будет разрывать союз Польши с Литвой в угоду Габсбургам.

Благоприятный поворот во внешних делах произошел в 1561 году**. Готхард Кеттлер (1517–1587), великий магистр рыцарей Ливонии, в условиях Ливонской войны был озабочен возможностью дальнейших нападений на земли его Ордена датчан, шведов или вновь московитов (что и произошло. – *Пер.*). Кроме того еще и Реформация подтачивала устои его страны.

Помощи он искал у Сигизмунда-Августа, думая поступить в том же ключе, как раньше сделал магистр бывшего Тевтонского Ордена. Кеттлер распустил свой

* Ходили упорные слухи, что Барбару отравила королева Бона. По многочисленным свидетельствам, в Несвижском замке и сейчас можно увидеть призрак Барбары, который остался в замке после спиритического сеанса, когда Сигизмунд вопреки правилам, бросился к тени любимой жены, и призрак со стоном исчез, оставшись навсегда в пределах Несвижа. – *Пер.*

** Только что кончился первый этап (1558–1561 гг.) Ливонской войны, когда войска Ивана IV нанесли тяжелые поражения Ливонскому Ордену. – *Пер.*

Орден, принял лютеранство и превратил Ливонию в светское государство*. После быстротечной маленькой войны, в которой участвовали и Дания со Швецией на стороне ВКЛ, Литва аннексировала южную Ливонию, а Кеттлер стал графом Курляндии, которую он содержал в качестве лена Литвы. Швеции досталась вся Эстония, а Дании — эстонский остров Эзель. Отныне Сигизмунд-Август стал главой вассальной Пруссии, отошедшей к Польше, и правителем Курляндии-Ливонии.

В 1566 году был опубликован Второй Литовский Статут — доработанный и расширенный вариант первого. Напечатан он был тоже по-русски, точнее, на русском языке Белой Рутении. Дополнения включали подтверждение равенства католической и православной церквей перед законом, распространение литвинской юрисдикции на юго-западную Волынь и указание новых привилегий шляхты, в которых ограничивалась власть короля.

Королевство самого Сигизмунда-Августа в этот момент находилось в состоянии шаткого мира с Московией. Пятая война московитов закончилась в 1537 году перемирием, но не соглашением о мире. Великое Княжество второй раз разгромило московское войско под Оршей в 1564 году, во время Ливонской войны, и получило прямой выход к морю, приобретя Митаву (ныне Елгава) и Ригу. Но и Москва также впервые за всю свою историю приобрела свой первый проход к Балтийскому морю — ею был взят эстонский город Нарва. Дальнейшего продолжения войны ожидали все.

К середине 1560-х годов стало ясно, что династия Ягеллонов доживает свой век. Сигизмунд-Август был уверен, что его смерть привнесет хаос, если следующий великий князь литовский не продолжит союз с Польшей. Сейм, собравшийся в Люблине, за три дня до рождества 1568 года должен был решить дальнейшую судьбу обеих стран. Сигизмунд-Август всех торопил.

За пять лет это было уже четвертое подобное собрание польских и литвинских представителей, и аргументы обеих сторон уже были хорошо отрепетированы. Опасность со стороны Московии, отход некоторых юго-восточных провинций к Крыму, ряд прочих проблем все больше и больше подталкивали стороны к фундаментальному союзу Польши и Литвы. К тому же нужно было действовать быстро.

Третья женитьба короля тоже оказалась политическим тупиком для обеих стран: развод был невозможен, а наследник так и не появился. Ягеллоны вымирали. Король и великий князь, усталый и больной, знал, что кроме него никто не сдвинет дело с мертвой точки. Только он может разбить стену перед предстоящими реформами. Он уже не раз придумывал различные варианты решений для обеих частей его королевства. В 1559 году он учредил сейм для шляхты ВКЛ и сеймики для региональных польских провинций, расширил права и привилегии православным...

Он, конечно, знал, что литвинские представители напуганы подавляющим преобладанием польских делегатов, он видел, как три литвинских лидера — Ни-

* В 1525 году Альберт Гогенцоллерн Бранденбургский, последний магистр Тевтонского ордена, превратил его в светское государство — герцогство Пруссия, а сам стал великим герцогом. При этом он перешел из католичества в лютеранство, и заставил своих подданных сделать то же самое. — *Прим. ред.*

колай Радзивилл «Рыжий», Ян Ходкевич и Остафий Волович приказали своим людям просто сидеть и хранить молчание на заседаниях. После месяца формальностей и еще одного месяца перекрестной переписки с ними, король добился личного присутствия Радзивилла и Ходкевича, чтобы эти уважаемые паны смогли лично высказаться... Когда поздно вечером они сбежали, король был в ярости. В следующие дни по королевскому указу три южные провинции ВКЛ — Подляшье, Волынь и Киев вошли в состав королевства Польского. Уже в апреле 1569 года представители этих провинций — князья Константин-Василь Острожский (1527–1608), Роман Сангушко (1537–1571), Александр Чарторыйский (ум. 1571), и Константин Вишневецкий (ум. 1574) заняли свои места в Сенате (высшей палате сейма).

Наконец, 17 июня 1569 года Ходкевич вновь появился в Люблине и от имени всех остальных литовских панов слезно просил «не предавать их польской короне по наследственному желанию, на стыд и рабство их детей». Сигизмунд-Август ответил ему, тоже со слезами на глазах:

> «Бог обитает там, где Любовь есть. Такова его Божественная Воля. Я не веду ваших господ силой. Мы все должны слушаться Бога, не земных правил».

То был момент судьбоносного решения. Ходкевич принял, наконец, условия предлагаемого Союза. Все члены Сената встали со своих мест, радостно восклицая. Польша и Литва соединялись в одно государство: «свободные люди со свободными, равные с равными!» Так родилась Rzecz Pospolita — «Республика или Содружество», одна политическая держава с одним впредь избираемым королем и одним Сеймом.

Литва сохранила свои собственные законы, свою собственную администрацию, свою армию, свои финансы и княжеские фамилии со своими титулами. 1 июля 1569 года Акт Унии был официально закреплен печатью.

Магдалена и Герасим Омельянчики, крестьяне из Слонимского повета

В Московии Иван IV, разозленный новостью о Люблинской Унии между Польшей и Литвой решился на преступление, после которого его и начали именовать Ужасным*. Новгород, как и Польша с Литвой, не принимал московских авторитарных традиций, но видел себя скорее в союзе с литвинами и поляками. Письма патриарха и губернатора Новгорода к Сигизмунду-Августу стали причиной ненависти Ивана IV**. Царь наказал новгородцев. Новгород был захвачен, жителей убивали по 500, а то и по 1000 человек каждый день. Через пять недель самый цивилизованный город Руси обезлюдел и превратился в руины. Иван вернулся в Москву, чтобы приготовить здесь чаны с кипящим маслом и крюки для мяса – для пыток и казней московитов, заподозренных в симпатии к Новгороду. И какое же будущее могло быть у «республики доброй воли» с таким вот соседом?

Последние годы жизни Сигизмунд-Август терзался угрызениями совести. Его постоянные стремления к любви и гармонии сменились страхом, что любовь и гармония исчезли. В 1569 году сейм настоял на обсуждении его семейных проблем и начался 12 сентября, не дав ответа на его предыдущие запросы и пожелания.

Сигизмунд-Август в глубокой депрессии удалился в замок Книжина на границе с ВКЛ, отказавшись принимать у себя сенаторов. Он умер 7 июля 1572 года, одетый во все черное в знак траура о Барбаре Радзивилл, окруженный странной компанией колдунов, астрологов и ведьм. Похоронили последнего Ягеллона на Вавельском холме в Кракове. Он правил как типичный король, но оставил после себя Республику, объединенную державу двух автономных государств.

Административные принципы и религиозные законы Речи Посполитой были окончательно определены в 1581 году. Великое Княжество обладало своим собственным трибуналом, который работал между сессиями в трех регионах: девять воеводств, княжество Самогития (Жамойтия), Ливония (Инфлянты). Центрами воеводств были: Вильня, Троки, Брест, Минск, Витебск, Мстиславль, Полоцк, Северск и Смоленск. Каждое из них было разделено на поветы (районы), и каждое проводило собственный сеймик (региональную ассамблею шляхты), выбирая делегатов на центральный сейм в Варшаву, столицу Речи Посполитой (в отличие от Кракова – столицы Польши).

Княжество Самогития (Жамойтия) функционировало как воеводство, кроме того, было разделено на 28 «трактов» вместо поветов. Ливония отошла Швеции в 1621 году, а Северск в 1634 году и Смоленск в 1667 году были вновь захвачены Московией, на этот раз окончательно. Остальная часть Речи Посполитой существовала до 1773 и частично до 1795 года.

Основной отличительной чертой содружественной шляхты было ее презрение к титулам: теоретически они были все равны, аристократы и низшие шляхтичи. В отличие от остальной Европы здесь не было своих собственных эрлов, графов или баронов. Старый рутенский (русинский) титул князя был сохранен

* Terrible, Ужасный – именно так переводится прозвище царя. В Грозного переделала Ивана Ужасного царица Екатерина II. – *Пер.*

** Давно уже доказано, что эти письма были фальшивыми. Их сфабриковали по приказу царя Ивана IV, чтобы иметь хоть какой-то предлог для расправы с новгородцами. – *Прим. ред.*

для Рюриковичей, Гедиминовичей и Рогволодовичей. Латинские титулы *princeps* and *dux* использовались лишь в Священной Римской Империи. После 1569 года они вошли в польский язык в значении «князь». Таковыми стали самые знатные рутенские фамилии, включая кланы Гедройцев, Пузынов, Сангушек, Сапег и Чарторыйских. Радзивиллы получили двойной титул. Все эти рода были *magnati/magnatorum* – «величайшие из великих».

Лидеры ВКЛ, пользуясь тем, что в «Республике» их государство сохранило автономию, были полны решимости расширять свои права и свободы. Таким образом, государственные законы пересмотрели вновь, и в 1588 году была подготовлена третья версия Литовского Статута. Отцом и вдохновителем новых реформ для Литвы стал канцлер, утвержденный с 1581 года, Лев Сапега (1557–1633). Четырнадцать глав Статута /они содержат 488 статей/ были одобрены Сигизмундом Ваза в первом слушании, подтверждены сеймом и опубликованы в Вильне в 1588 году. Третья глава Статута, где говорится о невозможности передавать земли ВКЛ кому-либо, представляла корпоративную концепцию Великого Княжества:

> Раздел третий «О шляхетской вольности и развитии Великого Княжества Литовского.
>
> Мы, Гаспадар, обещаем также и подтверждаем это за Себя и Наших потомков, и Клятвой, что Мы клялись на сеймах всех земель Великого Княжества... Мы не будем никому никаким образом от бояров и шляхты передавать их поместья, владения и земли отдавать...»

10. Униатство

В то время христианская религия в Европе переживала трудный момент. Речь Посполитая образовалась в год, когда в ночь на святого Варфоломея в Париже произошла резня, в ходе которой погибли 20 тысяч гугенотов (протестантов). Да и остальная часть Европы пылала в огне религиозных войн. В Варшаве шляхта новорожденного содружества сформировала специальную лигу, чтобы избежать насилия на почве религиозных разногласий. И это сработало.

Несмотря на то, что сопротивление Реформации со стороны католицизма было сильно, в Содружестве оно проходило только в мирных формах. В Литве, где протестантизм особенно прогрессировал, католики открыли ряд иезуитских коллегиумов в Вильне, Полоцке, Дерпте (Тарту), Орше и Витебске. В результате католикам удалось вернуть некоторую часть своей паствы в лоно Римского костёла и свести к минимуму конфликты между католиками и православными.

В принципе, угроза исходила не от религиозных конфессий внутри страны, а извне. Московия по-прежнему прилагала усилия, чтобы заставить православных рутенов (русин) Великого Княжества Литовского отречься от византийского православия и перейти под власть патриарха Московского.

После нескольких десятилетий такого противостояния и вмешательства в дела православных ВКЛ со стороны Москвы, большинство славянских православных епархий потребовали от церковного собора, состоявшегося в Бресте в 1596 году, решительных действий. Была сформирована новая Греко-Католи-

ческая Церковь, которая должна была защитить славянскую православную общину путем административного подчинения ее Папе римскому.

С того момента православная община в Великом Княжестве разделилась, как и в Украине, на униатов и антиуниатов. Униаты приняли союз с Римом. А антиунаты продолжали придерживаться прежней традиции, признавая патриарха Константинопольского. Тем не менее, рядовые православные верующие еще долго неохотно принимали греко-католиков. Иосафат Кунцевич (1580–1623), униатский патриарх Полоцка, был убит в Витебске разъяренной толпой противников униатства и брошен в воды Двины.

Украинские казаки, которые часто бесчинствовали в Речи Посполитой, тоже были яростными защитниками старого православия.

11. Короли

Что касается решения выбирать короля, как ныне выбирают президентов, то для большинства европейцев той монархической эпохи королевские выборы казались чем-то невообразимым. Но в польско-литовском содружестве, как и в Святой Римской Империи, это было фундаментальной конституционной процедурой.

В таких выборах должна была участвовать вся шляхта, составлявшая от 5 до 10 процентов населения Польши и ВКЛ. От 30 до 40 тысяч шляхтичей при оружии и знаменах собирались на поле Воли под Варшавой, оставаясь там до тех пор, пока не примется решение. Некоторые магнаты, такие как Радзивиллы, приезжали со своим войском (хоругвь, а то и две), привозили пушки. Они выбирали польского короля, который автоматически становился также и великим князем Литвы.

Первые выборы в 1573 году прошли достаточно тихо, но на них выбрали кандидата от Франции Анри де Валуа (Генрик Валезий), сбежавшего в Париж через три месяца после коронации. Его пытались вернуть, но безуспешно. В итоге он формально являлся королем Речи Посполитой лишь год.

Вторые выборы прошли в 1576 году и проходили уже не так мирно, как первые – на грани гражданской войны. Но в результате на трон взошел блистательный военачальник и государственный деятель, уроженец Трансильвании Стефан Баторий, который приструнил возмутителей спокойствия и приложил много сил и энергии в иностранной политике Речи Посполитой.

Третьи выборы 1587 года инициировали целую серию королей шведско-польской династии Ваза: Сигизмунд III Ваза (в беларуском варианте – Жигимонт III) правил в 1587–1632 гг.; Владислав IV Ваза (Ладислав IV) правил в 1632–1648 гг.; Ян Казимир Ваза правил в 1648–1668 гг.*. По закону, католический примус Польши заменял короля в случае его смерти до выборов следующего короля.

Война Батория против Московии в 1579 – 1582 годах ставила целью возвращение земель Княжества, потерянных в предыдущих войнах, и должна была по-

* На самом деле это была беларуско-шведская династия. Историки Польши по сей день спорят, почему в Речи Посполитой на троне не было ни разу поляка, лишь русины (украинцы) и литвины (беларусы). – *Пер.*

ложить конец постоянным нападениям Московии на Ливонию, которую московиты за 21 год Ливонской войны оккупировали почти всю. Основные битвы с царской армией происходили на восточных границах, где город Псков, входящий в состав московского государства, был осажден Баторием с большим войском. Возле города Баторий построил свой, деревянный, для зимовки. Автор московской хроники описывает эту осаду как борьбу двух религий:

«Осада Пскова началась в году 7089, в месяце августе 18-го дня во время поста святых мучеников Фрола и Лавра. Литовские люди начали переправу реки и появились перед городом августа 26-го дня на пост святых мучеников Адриана и Наталии. Этот человек, Литовский король, напал как дикий вепрь из чащи».

Целью этой кампании было отрезать московские линии коммуникации от Ливонии. Царь написал письмо Папе римскому, жалуясь, что Баторий является «турецким наймитом». Папа ответил посылкой 50-летнего иезуита Антонио Поссевино, чтобы тот нашел пути примирения двух сторон. Но осада Пскова продолжалась даже тогда, когда кавалеристы замерзали прямо в своих седлах. Поляки и литвины подтащили к стенам тяжелые орудия и вели обстрел до тех пор, пока царь не сдался.

Иезуитский коллегиум в Орше

Переговоры начались при участии Поссевино. В договоре о мире, подписанном в городе Ям-Запольский (январь 1582 года), Москва отказывалась от своих завоеваний в Ливонии и возвращала ранее захваченный Полоцк. Но осада Пскова продолжалась до тех пор, пока царские комиссионеры не передали ключи от всех захваченных ими раньше ливонских крепостей.

«Итак, с помощью великой и несказанной благодати Святой Троицы, наших помощников... из всех фамилий Христовых... сочетанием великого чуда... защитниками обороняемого Богом города Пскова первого во Христе... всех земель русских... молитвами православными и божьей милости Великой княгини Ольги... и всеми святыми, господином царем, православным великим князем Иваном Васильевичем, любимым Христом, кто держит Россию в своей вотчине, всем Божьим чудом, город Господа с его людьми был спасен от Литовского короля... Февраля 4-го числа польский гетман и главный канцлер снялся и ушел в Литву со всем своим войском. Ворота Пскова наконец-то распахнулись...» (перевод с английского)

Вот так московиты свое суровое поражение изобразили великой победой*.

Правление династии Ваза в какой-то степени продолжило линию Ягеллонов. Шведский принц Сигизмунд Ваза был сыном женщины из рода Ягеллонов. Но

* Псков действительно устоял, но войну царь Иван проиграл полностью. Ему пришлось очистить все территории и вернуть все города, завоеванные в предыдущие 25 лет! — *Прим. ред.*

его шведские связи были глубоко конфликтными. Будучи лидером католической партии, проигравшей в шведской гражданской войне, Сигизмунд утратил контроль над своими родными землями и рассорился со своими победившими протестантскими родственниками из-за Ливонии. Его-то и выбрали поляки с литвинами на общий престол.

Но объединение польской шляхты против короля в конфедерацию Зебжидовского в 1606 году продемонстрировало, что вполне законно поднимать оружие против короля в случае крайнего недовольства его политикой в отношении шляхты.

Зловещий прецедент произошел и с Литвой. К 1621 году шведские Ваза захватили почти всю Ливонию, оставив за ВКЛ только Латталию с Динабургом (Двинском)*.

Царствование Владислава IV (1632–1648 гг.) принесло период политического спокойствия, экономического процветания и социального спокойствия. Речь Посполитая не дала вовлечь себя в Тридцатилетнюю войну в соседней Германии. Хотя на самом деле глубоко сидящие проблемы давали о себе знать.

12. «Потоп»

Одной из отличительных черт Речи Посполитой начала XVII века был феномен сотрудничества шляхты с евреями. В ВКЛ, как и в Украине, теперь отделенной от братской Литвы слиянием с Польшей, богатство и влияние магнатов усилилось. Достаточно образованный класс еврейских торговцев, юристов и хозяйственников перекочевал из Польши в малые города ВКЛ.

Евреи часто сталкивались с дискриминацией в больших городах, особенно со стороны городских цехов. Но на востоке государства (в ВКЛ), который был менее урбанизирован, евреи почти не встретили барьеров. В Вильне они основали очень сильную коммуну, где были открыты школы по изучению Торы (еврейской Библии) и Талмуда, принимались и приветствовались новые знатоки священных книг иудаизма, прибывавшие из других мест.

В Великом Княжестве Литовском, Русском и Жамойтском, впрочем, боролись с проявлениями радикальных религиозных теорий. Группа польских (*литвинских во главе с реформатором-протестантом Симоном Будным. – Пер.*) антитринитариев осела в Троках, где они анализировали библейские тексты, как и жившие по соседству члены общины караимов «Хиззук Эмунах» («Крепость Веры»), руководимой Исааком Бен Абрахамом (1525–1586), который пусть и не переведенный на латынь до 1681 года, был уважаемым философом эпохи Просвещения. Позже Вольтер писал про Исаака Абрахама:

> «Даже самые свободомыслящие ничего не могут предложить более того, что можно найти в его *Le Rampart de la Foi du Rabbin Isaac*».

Польские Вазы были католиками, потерявшими трон в Швеции за свою веру, и поэтому преференции двора сказывались на пестром религиозном фоне

---

* В царской России эта была территория Двинского, Люцинского и Режицкого уездов Витебской губернии. – *Прим. ред.*

шляхты. Но по мнению короля дело Реформации зашло слишком далеко: католиков становилось все меньше и меньше.

Ксёндз Пётр Скарга (1536–1612), когда-то ректор иезуитской академии в Вильне, предсказал день расплаты греховной республики. Другой иезуит, Святой Андрей Баболя (1591–1657), работавший в миссии Полоцка, а затем и Пинска, пал мученической смертью в Казацкой войне*.

Трагедия началась в 1648 году. Казаки восстали на Украине, возглавляемые Богданом Хмельницким. Он послал казацкие войска против Польши, что спровоцировало серию будущих войн, повлекших утрату части территории Речи Посполитой. В 1654 году Московия присоединилась к войне, договорившись с казаками о совместных действиях против Польши и Литвы.

Это спровоцировало и Швецию, чья армия вошла в северную Польшу и северную Литву, заняв Вильню. Литовский великий гетман Януш Радзивилл заключил Унию со Швецией, чем вызвал волну возмущения среди шляхты. В 1655 году московская армия внедрилась в Украину, захватила ВКЛ, взяв штурмом Вильню, учинив в столице ВКЛ ужасный погром**.

Витебск в XIX веке

В 1655–56 годах король и великий князь Ян Казимир бежал из страны вместе с женой в Силезию, управляемую австрийскими Габсбургами. Это ужасное время позже получило название Потоп***.

Во время Казацкой войны /и Потопа/ в Речи Посполитой наступил период попрания конституционных прав, что в будущем лишь усугублялось. В политической системе, где шляхта и вырабатывает законы и продвигает их в жизнь, сейм имеет ту самую необходимую силу, чтобы выработать принципы единодушия. Депутаты привычно поддерживали эту процедуру до тех пор, пока дело не доходило до нужной точки; «право на вето» *(liberum veto)* служило этим целям исправно годами.

В 1652 году литвинская депутация устами Сыцинского (или Сичинского), депутата от Упит и протеже Радзивиллов, не позволила продлить парламентскую

* Казаки замучили Баболю до смерти в мае 1657 г. в местечке Янов-Полесский (ныне город Иваново Брестской области) во время войны с Московией 1654 – 1667 гг. – *Пер.*

** Дэвис здесь все перепутал. Швеция оккупировала Польшу из-за претензий Яна Казимира Вазы на шведский престол, а также благодаря оппозиции Яну Казимиру в самой Польше, где многие переметнулись на сторону шведского короля Карла X, сами же и призвав его свергнуть своего монарха. Шведские войска вступили в ВКЛ уже как союзники Литвы ПОСЛЕ заключения Унии в 1655 году в Кейданах, защитив от московской оккупации некоторые города северо-запада. Но до Вильни они не дошли, потому город был легко взят царем и сожжен. А в Украине действовали союзные царю казаки. – *Пер.*

*** Так назывался знаменитый роман польского писателя Генрика Сенкевича, опубликованный в 1884–86 гг. и посвященный событиям той ужасной войны. – *Прим. ред.*

сессию, из-за чего не удалось утвердить государственный бюджет. Сичинский затем оставил палату без объяснения своего протеста, уехав в ночь. Вето, тем не менее, по закону имело силу, и в итоге все принятые на той сессии законы и постановления остались не ратифицированным. Законодательный вандализм! На забаву некоторым магнатам ВКЛ было продемонстрировано всем, как целое государство может оказаться в заложниках у одного аристократического бедокура*.

В 1656 и 1657 годах Речь Посполитая вступила в стадию возрождения. Вернулся король, были собраны новые войска, а Костёл призвал всех католиков подняться на борьбу против еретиков, протестантских захватчиков. Шведам пришлось отбиваться и от поляков, и от литвинов (*часть литвинов была на стороне Швеции. – Пер.*), и от московитов, вновь вторгнувшихся в прибалтийские владения Карла X. А казаки в 1658 году подписали соглашение, по которому прекращали свой альянс с Москвой и обретали автономию в Речи Посполитой (*Хмельницкий увидел, что царь воюет не с поляками, а с литвинами, и решил присоединиться к Унии со Швецией вместе с ВКЛ. – Пер.*).

По Оливскому мирному соглашению 1660 года были приняты главные соглашения по Первой Северной войне, хотя Ливония и Пруссия оставались за Швецией. Но затем, когда польско-литвинские силы сосредоточились на разгроме московитов, оккупировавших большую часть ВКЛ, возникла очередная шляхетская конфедерация против Яна Казимира. Киев и восточная Украина оказались потерянными навсегда (*Киев отошел Московии по Андрусовскому миру 1667 года на два года, но царь не вывел свои войска из Киева ни через два, ни через десять лет. – Пер.*).

В 1668 году, после шести лет ожесточенной борьбы, Ян Казимир, последний представитель династии Ваза, отрекся от престола. Во время его правления 25 % населения Речи Посполитой погибло в огне, от меча, голода и болезней (*Это в расчете из всех жителей Речи Посполитой, включая Польшу и Жамойтию. А ВКЛ потеряло более половины жителей. Из довоенных 2,9 млн осталось 1,4 млн. – Пер.*).

13. Победы и несчастья

Царствование короля Яна Собеского (1673–1696) иностранные историки и публицисты чаще всего описывают в связи с его славными делами за пределами Речи Посполитой. Этот храбрый воин, прославившийся в годы Потопа, был очень популярен как в самой Польше, так и за ее пределами. Разгромив в 1683 году турок-османов, осаждавших Вену, он прославился как один из самых великих европейских героев. Но заграничные войны Собеского, финансировавшиеся иностранными субсидиями, маскировали внутреннюю слабость его собственной страны.

* Катастрофа 1654 – 1667 годов для ВКЛ заключалась не в выходках сумасбродов типа Сичинского, а в потере половины населения страны, в т.ч. почти всех жителей сгоревших и разрушенных городов. Это стало началом угасания ВКЛ, ибо возродиться ему не дало время: в Северной войне вновь погибло до 25 % населения, а затем столько же в 1812–13 гг. – *Пер.*

Одной из самых больших проблем короля стала вендетта между магнатами ВКЛ, вышедшими из-под контроля. Пока великий князь сражался против турок, группировка князя Сапеги боролась с группировками князей Криштофа Зигмунта Паца (1621–1684) и Радзивиллов, наплевав на все акты и указы королевского двора*. Вообще говоря, Речь Посполитая переживала подобные эпизоды и раньше, но в условиях последних событий этот конфликт угрожал фатальными последствиями. ВКЛ было парализовано в то время, когда соперничество Швеции и Московии обещало новые войны и новые захваты земель ВКЛ. Ведь любая война между Швецией и Московией так или иначе вовлекала в эту войну Литву.

В 1696 году, после смерти Собеского, официальный язык ВКЛ с *русского* поменяли на польский. Это было той точкой отсчета, когда правящий класс Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского полонизировался, а родной язык навсегда ушел из обращения высшего класса, а также из делопроизводства**.

Пинск

Теперь то, что раньше писали как ВКЛ (или MDL по-латыни) стали писать во всех документах как WXL, от польского варианта названия страны: W значило *Wielkie*, X значило *Ksienstwo* и L – *Litewskie*. Вильню отныне называли в документах только Вильно (Wilno). Это было своего рода иронией истории – полонизация элиты ВКЛ стала особенно сильной тогда, когда русское (*здесь московское. – Пер.*) влияние стало ощутимым на восточных границах страны.

Эра саксонских королей /эпоха Сасов/, последовавшая после Собеского, рассматривается как очередной период упадка. Август II Сильный (правил в 1697–1733 гг.), курфюрст Саксонии и его сын Август III (правил в 1733–1763 гг.) принимали польско-литвинский трон в интересах своей родной Саксонии и Бранденбурга-Пруссии. Они достигли своей цели дуря выборщиков фальшивым золотом, обещаниями перейти в католицизм и, в конце концов, заключением постоянного союза с царем***.

Эти короли использовали свои полномочия ради того, чтобы сделать из Речи Посполитой «дойную корову» и ввергнуть ее в бесконечные войны для приобре-

* В 1696 г. против клана Сапег выступило большинство шляхты во главе с Пацами. – *Прим. ред.*

** В действительности шляхта продолжала разговаривать на родном языке, лишь при иностранцах или незнакомцах, а также в торжественные моменты переходя на польский язык. Иностранцы часто отмечали, что беларуская шляхта устает долго говорить на польском и возвращается к родному языку. Но литературный язык Литвы в самом деле не развивался в то время. – *Пер.*

*** Последнее вылезло боком для жителей ВКЛ, где Петр сжег Могилёв и Шклов, после чего эти торговые города уже не восстановили былого могущества, взорвал Полоцкую Софию, разграбил Минск, Гродно и другие города. – *Пер.*

тения их «Фамилией» Риги, населенной немцами. А вот вывести Речь Посполитую из цепи войн и проблем саксонские курфюрсты оказались бессильны.

Великая Северная война (1700–1721) была главным образом войной России против Швеции, хотя в ней участвовали и другие страны. Петр I, царь России и Карл XII, король Швеции были принципиальными соперниками. Царь, человек ростом почти в два метра, был типичным фанатиком, который никогда не интересовался корректностью своих идей и, вдобавок к тому, был сексуальным извращенцем с гомосексуальными наклонностями.

Крестьянское жилище в конце XIX века

Август Сильный почти с самого начала Северной войны погряз в политических интригах и почти всю войну он вел на территории Польши и Литвы (Беларуси). Уже в самом начале войны он потерпел сокрушительные поражения в Прибалтике и затащил армию Карла на территорию Речи Посполитой, где шведская армия до своего поражения в 1709 году под Полтавой разгуливала по землям ВКЛ, громя армию Петра.

Польско-литвинская шляхта разделилась на российскую и шведскую партии. Сторонник Швеции Станислав Лещинский занимал трон с 1704 по 1709 год, но победа русской армии вновь обратила Речь Посполитую к союзу с царем Петром и низложенным прежде Августом Сильным.

В 1717 году, когда царские посредники не сделали ничего для погашения внутренней вражды в Речи Посполитой, шляхта на очередном сейме принимала законы в гробовом молчании, а сама ассамблея заседала под караулом царских солдат. Военные расходы были резко сокращены, что позволяло содержать армию не более 18 тысяч человек, тогда как прусская армия насчитывала 200 тысяч, а российская – 500 тысяч. Вся армия ВКЛ теперь была меньше, чем личное войско князя Радзивилла.

При Августе III центральные органы управления Речи Посполитой фактически перестали функционировать. Электор – король – великий князь (так титуловались оба Августа) вообще жил в Дрездене и оттуда руководил страной через своих советников. Попытки сейма остановить повышение налогов каждый раз пресекались посредством либерум вето. На протяжении 15 лет лишь сеймики, региональные шляхетские ассамблеи, кое-как обеспечивали координированное администрирование в ВКЛ и Польше. Магнаты при таком порядке вещей становились еще богаче и могущественнее.

Польская шляхта выработала и стала культивировать идеологию сарматизма провозглашая на австрийский манер, что «польская свобода» всецело удивительная вещь *(По этой теории шляхетская элита якобы происходит от сарматов, касты*

древних тюркско-угорских воинов. Теория стала популярной при дворе венгра (сармата) Стефана Батория. – Пер.).

Как пруссаки в северной Польше, так и русские в ВКЛ взвалили содержание своих войск на плечи местного населения. Европа в это время пристально наблюдала за событиями в некогда могущественной стране, уровняв понятия «Польша» и «анархия».

Ничто другое не иллюстрирует лучше декаданс Саксонской эры в Речи Посполитой, чем действия так называемой «Фамилии». Группа магнатов под руководством Чарторыйских и Понятовских, чтобы заполнить образовавшийся политический вакуум в стране, стала искать монарха в своей среде. Они сошлись вместе в 1730-е годы, когда королевские выборы были отменены, и активно действовали до 1760-х годов, когда их кандидат стал весьма успешным претендентом на престол. Предлагая единый централизованный статус государству, отмену правила *liberum veto* и модернизацию финансовой системы, они возмутили против себя оппозицию под началом Потоцкого в Польше и Радзивилла в ВКЛ.

В «Фамилии» наиболее активными представителями старшего поколения был генерал Станислав Понятовский (1676–1762), в свое время союзник Карла XII и казначей ВКЛ. А среди молодого поколения выделялся князь Адам Казимир Чарторыйский (1734–1823), возможно, самый просвещенный реформатор своего времени. Эти паны разительно отличались от прежней шляхты своим стилем жизни, в котором многие видят параллели с прогрессивными элементами французской знати *ancien régime* («старой формации») и с самыми просвещенными рабовладельцами, которые в конечном итоге совершили Американскую революцию.

Тем не менее, было бы неверно утверждать то же самое в отношении крестьянства. ВКЛ было отмечено в веках полным бесправием крестьян, чье положение было поистине ужасным*.

В 1743 – 44 годы в старостве (графстве) Кричева в восточной части Белой Рутении шла локальная война между Радзивиллом и восставшими крестьянами. Петиции к своим господам, известные как *суплики*, с просьбами улучшения условий жизни иногда удовлетворялись, а иногда игнорировались. Но островки надежды в море нищеты все же встречались. Хотя 30 % населения было подчинено магнатам, около 70 % являлось свободным. Класс свободных крестьян содержал себя сам в восточных провинциях страны, уплачивая ренту со своей продукции – льна и леса. В южных вечно бунтарских воеводствах, на Украине, у казаков, колонисты вообще получали привилегированные условия.

---

* Дэвис во многом неправ. Крепостное право существовало только в России и в Пруссии. Да, конфликты литвинских крестьян с панами имели место, но не было «крепости» (т.е. рабства), даже польские крестьяне имели меньше свободы и прав, чем литвинские. Беларуский крестьянин, выучившись и прославившись, мог стать шляхтичем, а польский – никогда, на то существовала в Польше «Книга хамов» – инструкция по недопущению простолюдинов в элиту.

Только в ВКЛ существовала уникальная традиция, когда шляхтичи отдавали в 3–4 года своих сыновей на воспитание в деревенские семьи, забирая обратно лишь через 6–7 лет. Об этом писал Владимир Короткевич в романе «Колосья под серпом твоим». Это делалось для того, чтобы у шляхтичей не исчезала связь с землей и народом, воспитывалось уважение к крестьянскому труду. В Польше такой традиции не было. – *Пер.*

Более того, позже, в середине XVIII века происходил относительно устойчивый рост экономики в агрокультурном секторе, и даже в мануфактурном. Активные усилия по рациональному использованию речного транспорта были увенчаны в 1785 году открытием системы каналов, связывающих Неман и Днепр и, через Королевский канал, Припять и Буг. ВКЛ имело хорошее географическое положение для экспорта зерна, леса и мыла. Развивая торговлю с отдаленными районами Княжества и всей Речи Посполитой, литвинские купцы доезжали до польской Вислы и украинского Черного моря, как и традиционно тесные связи имели с Ригой, невзирая на государственную прописку этого города*.

Хорошо развитые крупные имения литвинских князей (фольварки), как правило, располагали минимум четырьмя мельницами, лесопилками и пивоварнями. Первая текстильная фабрика в ВКЛ начала работу в 1752 году в Несвиже, и после этого Радзивиллы построили еще 23 мануфактуры, выпускавшие все, что угодно, от стекла до бумаги, от кирпичей до пороха.

14. Разделы Речи Посполитой

Станислав-Август Понятовский (правил 1764–1795) был последним королем и великим князем Речи Посполитой, кандидатом от «Фамилии» и даже бывшим любовником российской императрицы Екатерины Великой. Будучи молодым дипломатом в Санкт-Петербурге, работавшим и в Британском и в Саксонском посольствах, Станислав-Август произвел огромное впечатление на немку Екатерину, выбравшую Понятовского в любовники.

Через десять лет Понятовский легко выиграл выборы на трон короля и великого князя, поддержанный могущественной царицей Екатериной. Тем не менее, как монарх он видел свою задачу в ослаблении набравших в Речи Посполитой силу пророссийских магнатов, поддержанных в свое время саксонскими предшественниками Понятовского, как и в том, чтобы реанимировать жизненно важные государственные органы умирающей державы**.

Императрица желала законсервировать в соседней стране существующее положение вещей. Речь Посполитая превратилась в политическую марионетку России. И каждый раз, когда Понятовский пытался придать Речи Посполитой больше самостоятельности, отойти от екатерининской опеки, его сразу «ставили на место». 30 лет правил Станислав-Август, и все это время одна из самых крупных европейских стран боролась за свою жизнь. А саркастически настроенные наблюдатели просвещенной Европы во главе с Вольтером лишь смеялись над её трагедией.

Станислав-Август и его окружение отчаянно восстанавливали страну под названием *Rzecz Pospolita*, возвращая ее к здоровью и силе, пока так называемые «просвещенные деспоты» думали о том, как бы использовать уязвимость своей

* Рига переходила то к Ливонскому Ордену, то к Речи Посполитой, то к Швеции. – *Пер.*

** Непонятно, почему Дэвис считает Речь Посполитую умирающей, если выше пишет о ее реанимации после Северной войны, о росте сельского хозяйства и промышленности? Да потому что он следует пропаганде стран (Австрии, России, Германии), «разделивших» земли Речи Посполитой между собой якобы из-за «агонии» РП, а на самом деле из-за богатых развитых земель страны, имевшей маленькую армию. – *Пер.*

жертвы и помешать восстановлению. Здесь можно привести морскую метафору: в то время как капитан и команда стараются удержать на плаву свое поврежденное судно, пираты украдкой ломают его кусок за куском. Затем пираты объявляют капитана плохим моряком, а его корабль разбитой посудиной, которую нет смысла сохранять.

Драма Речи Посполитой вошла в историческую литературу, во все исторические книги и школьные учебники под странным названием «Разделы Польши» (*в русской историографии – «разделы Речи Посполитой». – Пер.*), но это абсолютно неправильный термин*.

«Разделенная» страна называлась не Польшей, а «Содружеством Польши и Литвы» Более того, катастрофа была сильнее для ВКЛ, чем для Польши. Хотя королевство было разрезано на два больших куска, эти части Польши были спасены от расчленения. А вот обломки ВКЛ навечно поглотила пучина злого рока.

Первый так называемый Раздел случился в 1773 году, в качестве наказания за десятилетия успешного прогресса в экономике. Его инициировал Фридрих II, король Прусский, поддержанный Екатериной Великой и императрицей Австрии Марией Терезой – к Австрии отошла входившая в состав Польши русинская Галиция и 2.620.000 ее жителей русин. Как рассказывал об этом прусский король: «Она плакала, когда брала, и чем больше плакала, тем больше брала».

Пруссия забрала срез северной Польши. Россия аннексировала почти четверть территории ВКЛ, включая Полоцк, Витебск и Мстиславль. Хор российских дипломатов объяснял всем, что благородная императрица просто-напросто вернула себе свою собственность.

Последующие десятилетия, несмотря ни на что, стали временем расцвета польского просвещения. Дух движения вперед, инициированный самим королем и великим князем литовским, обеспечил большой прогресс в образовании, сельском хозяйстве, администрировании, историографии, искусстве. Открывались современные школы, в сельском хозяйстве внедрялись новые методы агрокультуры, появлялись труды по национальной истории, совершенствовались гражданские службы, а писателей и художников активно спонсировали король и магнаты.

Магнаты продолжали играть важную роль в жизни общества, некоторые из них добровольно освобождали своих крестьян от зависимости. Изгнание Иезуитского Ордена в 1773 году (под давлением России) создало угроз школьному образованию, но Национальная Образовательная Комиссия, созданная с целью «заткнуть пробоину», выработала новую эффективную школьную систему, которая успешно функционировала долгое время даже в XIX веке. По этой системе учились несколько поколений людей. «Если все еще найдутся люди в следующие двести лет, которые будут считать себя поляками, – декларировал Станислав-Август, – то моя работа не напрасна». Первым директором Комиссии был Якуб Масальский (1727–1794), епископ Вильни.

Кадетский корпус, основанный в Несвиже для подготовки офицерских кадров, был первым учебным заведением такого рода. Создать его предложил князь

* Термин «раздел» тоже лживый, ибо происходила оккупация земель Беларуси, Летувы, Украины и Польши при отчаянной обороне маленькой, но героической армии Речи Посполитой. – *Пер.*

Михал Казимир Радзивилл «Рыбанька» (1702–1762), а его сын, Кароль Станислав («Пане Коханку»; 1734–1790) возродил блеск Несвижского замка, сделав его признанным театральным, музыкальным и оперным центром страны.

Второй Раздел Речи Посполитой последовал вслед за интенсивным периодом политических реформ, принятых на великом сейме 1788–1792 годов. То было время укрепления независимости Речи Посполитой от постоянного вмешательства в её внутренние дела могущественных соседей. Антироссийская оппозиция усилилась с тех пор, как сама Россия увязла в войне с Османской империей на юге. И теперь, если турки будут и дальше отвлекать россиян, то польско-литовские реформы смогут достичь своих целей. Если же нет, то Россия снова введет войска. Реформы начинались хорошо: налоги были снижены, профессиональная армия профинансирована и приступила к военной подготовке, главные административные учреждения созданы. Наконец 3 мая 1791 года по инициативе короля и великого князя Станислава-Августа Понятовского была принята конституция, первая в Европе и вторая в мире после США.

Речь Посполитая (польская карта)

Но в это время, к несчастью реформаторов, международный климат кардинально изменился. Французская революция 1789 года убедила европейских абсолютистских правителей, что умеренные конституционисты и якобинцы уже не различимы на политической арене. Польско-литвинский эксперимент провалился. Русско-турецкая война закончилась, и в Санкт-Петербурге императрица собрала группу граждан Речи Посполитой из числа послушных русофилов по вопросу о судьбе их государства. Эти предатели родины подняли флаг мятежа на юго-востоке страны, в Тарговицах. Затем российские войска выдвинулись для их поддержки.

Русско-польскую войну 1791–1792 годов царица не планировала. Патриоты Речи Посполитой пытались остановить процесс превращения своей страны в российскую колонию. В двух битвах на Украине, при Зеленцах и под Дубенкой, генерал Костюшко показал себя талантливым военачальником. Но король и великий князь Станислав-Август Понятовский не выдержал большой нервной нагрузки и капитулировал. Конституцию 1791 года объявили незаконной, а предатели-победители, приглашенные российскими спонсорами, взялись за преследование патриотов. В состав этих предателей входили генерал Шимон Косаковский, гетман ВКЛ и его брат Юзеф Косаковский, епископ Ливонии. /В мае 1794 года их обоих повесили в Варшаве по требованию восставшего народа/.

Генерал Тадеуш Костюшко (1746–1817) был профессиональным военным, сыном полонизированного мелкопоместного шляхтича из Брестского повета. Получив образование в Варшаве и Париже, он с 1776 по 1783 год служил в армии США, где запомнился как друг президента Томаса Джефферсона и основатель военной академии Вест-Пойнт (West Point military academy). Его взгляды на демократию и свободу окрепли в Америке. Он же стал главным героем Речи Посполитой.

Детали Второго Раздела были выработаны на переговорах. По российско-прусскому договору от 23 января 1793 года, пруссаки должны были взять себе польский Данциг (ныне Гданьск), а России отходили новые обширные земли ВКЛ, кроме воеводств Виленского, Брестского и Самогитии (Жамойтии). На этот раз Австрия осталась ни с чем.

Второй договор, подписанный в литвинском городе Гродно 25 сентября представителями России и сейма Речи Посполитой, обязывал короля и великого князя принять его беспрекословно. Договор был ратифицирован позже, через год. В течение следующих двух лет кусок территории обрезанной со всех сторон Речи Посполитой, с оставшейся центральной Польшей и полоской Великого Княжества, включавший Варшаву, Люблин, Познань, Краков и Вильню, отчаянно сражался за выживание.

Костюшко поднял свой стяг в марте 1794 года, поклявшись королю и стране на площади в Кракове. В битве под Рацлавицами российские войска были разбиты. В Вильне восставшие против царицы солдаты под началом Якуба Ясинского выбили из города российский гарнизон. Но в битве под Мацеёвицами Костюшко был ранен, упал с коня и попал в плен. По легенде, его последние слова в момент пленения были: «*Finis Poloniae*» – «*Конец Польше*». В Варшаве (*точнее, в*

предместье Праге. – Пер.) восстание вспыхнуло с особой силой, многие российские чиновнии и представители власти были повешены толпой восставших.

Русский генерал Суворов вошел в столицу, его солдаты перебили почти все население предместья Прага. Лаконичное послание Суворова императрице гласило: «Ура. Прага. Суворов». Её ответ был: «Браво, фельдмаршал. Екатерина». После этого Третий Раздел, а по сути акт ликвидации государства, происходил уже без всяких претензий обратной стороны. Ее просто уже не было.

В течение тех двух последних лет существования Речи Посполитой, территория Великого Княжества постоянно подвергалась налетам и грабежам. Российские войска захватили Вильню, физически уничтожив древнее государство, столицей которого так долго был этот город. Все шляхтичи, которые с оружием в руках защищали отечество, потеряли свои земли, а все местные традиционные учреждения были закрыты. Литва и Польша были вместе в счастье и в горе долгих 409 лет. Они были и теперь вновь вместе, но неразличимо вместе, и стирание границ между ними было слишком суровым.

Трудно определить точный момент, когда официально исчезло конфедеративное государство Речь Посполитая. В Великом Княжестве Литовском этот печальный день наступил, когда последнее государственное учреждение было закрыто: 25 ноября 1795 года, в весьма символичный День Святой Екатерины. Затем Варшава была передана Пруссии, которая выслала из города всех остававшихся там иностранных дипломатов. Австрийцы получили в свое распоряжение Галицию. Россияне полностью овладели территорией Великого Княжества.

После формальной отставки утром 25 ноября Станислав-Август уехал в Россию под конвоем, отнюдь не символическим. После пересечения границы и остановки в Гродно, его кортеж отправился дальше, пересекая покрытую снегом территорию Княжества Литовского с одного конца на другой. Его охранник обронил, что они проезжают по «западной России». Такая вот формулировка с тех пор и преподносилась всему миру.

15. Жизнь после смерти

Наследие, оставленное исчезновением государства, куда более сложная вещь, чем то, что остается после смерти индивидуума. Почившую страну нелегко забыть, в отличие от человека. Земли, города, правительственные здания и прочие атрибуты государства, которые должны быть переподчинены новым хозяевам. Немалое собрание законов и финансовых бумаг, титулов, долгов, незавершенных дел – все это кому-то нужно разгребать, как-то решать... В конце концов новым хозяевам ВКЛ достался огромный культурный пласт: со своей уникальной литературой, музыкой, искусством, легендами и историей, языком и традициями, которые живут вечно. И самое главное – люди, сотни тысяч и миллионы сильных, здоровых людей, бывших граждан, князей и слуг, крестьян и мещан бывшего государства, которым предстояло изменить свое самосознание, свою идентичность и свои пристрастия.

Наконец, государственный архив: собрание официальных государственных документов, которые отражают жизнь канувшего в Лету государства и дают возможность историкам проследить историю страны, сохранить ее память.

После 1795 года земли и люди, которые веками формировали Великое Княжество Литовское, перешли к Российской Империи. Им досталась не просто новая администрация, но и новый правящий класс, новый официальный язык и новая образовательная система, а главное — новая история, строящаяся на сугубо российском видении мира.

Литвинов теперь провозгласили, достаточно фальшиво, воссоединенными с древней русской родиной, от которой их когда-то якобы отрезали. Императрица Екатерина отметила это событие в спартанском стиле, отлив торжественную медаль с надписью: «То, что было отторгнуто, я возвратила»*. Вильно/Вильня была отныне не столицей, а губернским городом. Когда Наполеон перешел Неман дюжиной лет позже, мир заговорил о том, что он собирается завоевать «Россию».

Местечко Чашники

Все, кто интересуются международными делами, знают, что краткие формы широко распространены в названиях. Люди говорят «Америка» вместо Соединенные Штаты Америки, игнорируя канадцев. Люди говорят «Англия» вместо Объединенное Королевство Великобритания и Северная Ирландия, хотя сокращение UK (United Kingdom) тоже распространено. И в XX веке люди говорили «Россия» вместо Советский Союз или СССР.

Каждый, кто разбирается в международных делах, знает, что сокращенные формы широко используются вместо громоздких названий государств. Но всегда существует опасность, что бесконечно повторяя краткие формы, простые люди сами себя сбивают с толку. Например, ставят знак равенства между Соединенным Королевством и Англией. Или считают, что «Россия» населена исключительно русскими.

После аннексии Российской империей ВКЛ исторические административные структуры /воеводства/ были заменены губерниями, которые получали приказы от правительства из Санкт-Петербурга. Шесть губерний — Виленская, Ковенская (включая Курлянию), Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская — были сведены в Западный край, управляемый генерал-губернатором. Вся местная номенклатура тоже была заменена. Русские названия заменили польские, и все карты мира стали обозначать эту территорию как Западную Россию или западные губернии.

* Дэвис неточен. На медали была выбита предельно циничная надпись — «Отторгнуто силой, возвращено любовью». — *Прим. ред.*

Старое название Литва было запрещено. Белую Рутению переименовали в Белую Россию. Международным соглашением делалась попытка запретить и название Польши. В этот первый колониальный период административная реформа включала в себя и создание так называемой «черты еврейской оседлости» в 1791 году. «Еврейская черта» установила четкую границу района проживания евреев — это земли оккупированных россиянами Польши и Литвы. В результате бывшие земли ВКЛ вместе с австрийской Галицией и Королевством Польша, восстановленным в автономии в рамках Российской империи на Конгрессе в Вене (*после победы над Наполеоном в 1815 году. – Пер.*), стали той частью Европы, где процент евреев по отношению к основному населению был самым высоким.

Законы ВКЛ были слишком обширны и слишком прочны, чтобы их заменить все и сразу. Российские декреты вводились постепенно. В городах и весях бывшего ВКЛ литвинский Статут 1588 года сохранял юридическую силу еще несколько десятилетий. Что поменялось достаточно быстро, так это положение шляхты. В Польше и Литве шляхта выбирала себе монарха, управляла регионами страны через региональные ассамблеи, имела право на собственные земли и даже армию. Эти «золотые вольности» были невообразимы при царизме, так что уже в 1790-е годы привилегии и права шляхты были отменены. Было позволено сохранить шляхетский статус только тем родам, кто смог представить документы, доказывающие его права и льготы. Но в то время такие документы не оформлялись достаточно регулярно и систематически ни в Польше, ни в Литве. Потому более 80 % существующей шляхты ВКЛ было поставлено в состояние правовой неопределенности, лишено официальных прав на свои имения и земли, а также права назначения на государственные должности.

В 1806 году армия французского императора Наполеона продвинулась на восток Европы, и в польских землях, ранее доставшихся Пруссии, было организовано подконтрольное французам Варшавское Герцогство. То было время, когда появилась пламенная надежда, что Наполеон освободит население всей бывшей Речи Посполитой от социального и политического гнета. На практике этого сделано так и не было, но, тем не менее, много польских войск влилось в «Великую армию» Наполеона.

Мирные переговоры Наполеона и царя Александра I в 1807 году лишь отсрочили войну между их государствами, и летом 1812 года Наполеон переправил свои войска через Неман.

Эту войну Бонапарт назвал «Второй польской войной» и планировал частично восстановить Великое Княжество. «Великая армия» перешла Неман у города Ковно (ныне Каунас) и вошла в Вильню в субботу 28-го июля. Польский офицер наполеоновской армии писал в дневнике:

> «Наш приход в город был триумфальным, улицы... были полны людей. Во всех окнах виднелось множество женщин, громкими криками выражавших бешеный энтузиазм... Польские патриоты Вильни отслужили молебен в кафедральном костеле, последовавший за церемонией восстановления Литвы и Польши...»

Неизвестный местный обыватель вспоминал:

> «Все люди, и в хуторах, и в деревнях жили в предвкушении будущей битвы за Польшу, в Гродно французские войска были встречены процессией, несущей иконы и свечи, с песнопениями хора. В Минске... *Te Deum («Тебя, Бога, хвалим», христианский гимн IV века. – Пер.)* был исполнен с благодарностью Богу за освобождение. Во всем великолепии своего мундира генерал Груши персонально держал чашу во время мессы, но на другом конце города его кирасиры врывались в магазины и склады... Как только они [местные крестьяне] увидели, как ведут себя французы, то сразу убежали со своим скарбом в лес»...

«Французы пришли скинуть с нас оковы, – сказал один крестьянин, – но взяли и мои сапоги».

С небольшой отсрочкой (Наполеон первоначально планировал окончить войну в Витебске. – *Пер.*), французы двинулись к Москве. Битва на Бородинском поле была первой битвой Наполеона на земле самой России. Москва сожжена. Отступление Наполеона, начавшееся в ноябре, проходило по той разоренной дороге, по которой он шел вперед. Легендарный переход «Великой армии» через Березину вернул ее в пределы Великого Княжества*. Казаки нападали на замерзшие колонны французов, пока те плелись по заснеженным дорогам к миражу спасения. Задолго до того, как наступила весна, стало ясно, что все надежды на восстановление Речи Посполитой потеряны.

На Конгрессе в Вене 1815 года победа Российской империи нашла отражение в политическом переустройстве ее западных границ. К ней отошло все Варшавское Герцогство – до Первой мировой войны. После войны с Наполеоном, учтя горькие польские уроки, царь утвердил под российской короной автономное Королевство Польское, королем которого стал он сам, но бывшее Великое Княжество никакой автономии не получило.

В последующие три или четыре поколения поляки, летувисы, рутены и евреи являлись объектом безжалостной кампании по обращению их в личное имущество царя. До разделов каждый избранный монарх Речи Посполитой носил двойной титул «короля Польши» и «великого князя Литвы». После 1795 года, когда эти титулы стали вакантными, их приклеили на мантию царя. С 1815 года все Романовы принимали тройной титул «императора и самодержца всея Руси», «царя (иногда короля) Польши» и «великого князя Финляндии». Литва, в отличие от Финляндии, так и не появилась в этом кратком титуле, являясь, согласно царской идеологии, частью той самой «всея Руси»**.

---

* Дэвис ошибочно полагает, что Березина разделяет Россию и Беларусь. На Березине Наполеон оторвался от преследования, но сама река – это центр Беларуси. – *Пер.*

** Дэвис здесь ссылается на книгу N. Riazanovsky – A History of Russia (New York, 1963) и допускает ошибку вслед за Рязановским. На самом деле в титулах Романовых обязательно фигурировал «Великий Князь Литовский» в отношении земель Минщины, Гродненщины, Виленщины и Гомельщины, а на большом гербе Российской империи это было отражено гербом ВКЛ «Погоня». Аналогично в отношении Жемойтии-Самогитии (нынешней Республики Летува), российский император имел титул «Князь Самогитский», а на большом гербе империи княжество летувисов представлял их герб «Медведь». Отдельно в его титуле были: «Князь Полоцкий», «Князь Витебский», «Князь Белостокский», эти три титула тоже имели герб «Погоня». – *Пер.*

В XIX веке часть наиболее богатых и более влиятельных землевладельцев бывшего ВКЛ получила возможность подтвердить свое шляхетство в Геральдической комиссии в Санкт-Петербурге. Не удивительно, что среди них в первую очередь оказались Радзивиллы. Но царские чиновники придерживались жестких политических взглядов, и отказы в подтверждениях дворянского происхождения были достаточно частыми в то время. Даже имели место конфискации имущества. Немало имений и доходных зданий в городах присвоили российские государственные служащие, а также авантюристы и проходимцы.

В числе таковых нужно прежде всего упомянуть генерала Александра Римского-Корсакова (1753–1840), который жил в экстравагантном имении Тускуланай под Вильней, и генерала Михаила Муравьева (1796–1866), позже известного как Муравьев-вешатель, который занимал много высоких государственных постов и жестоко подавлял местное сопротивление. Муравьев однажды сказал: «То, что русский штык не завершил, завершат русские школы».

Во времена Муравьева самой острой проблемой в российском обществе было крепостное право /попросту рабовладение. – *Ред.*/. В годы Наполеоновских войн этот вопрос ушел на второй план. Но при царе Александре II по прозвищу «Освободитель» (правил в 1855–1881 гг.) эту волнующую всех тему вновь подняли. Вместе с другими частями царской империи крепостное право в бывшем ВКЛ отменили в 1861 году*. Крестьянство освободилось от феодальных оков, но не от нищеты и отсталости.

Отмена крепостного права означала, что бывшие крепостные крестьяне теперь сами должны искать себе способы заработка, в том числе в других сферах экономики, приобретать новые навыки, открывать свое дело. Но в реальной жизни все шло слишком медленно. Тем временем народное образование стало полем битвы различных взглядов и подходов. Царский официоз видел будущее обустройство государства в дальнейшей русификации, которая включала бы не только обучение языку Великороссии (Московии), но также преклонение перед особой царя и широчайшее распространение Русской православной церкви.

Люди бывшего Великого Княжества Литовского исчезли из поля зрения в самом конце XVIII века, с кратким возвращением в годы Русской Революции, и вновь появились на поверхности лишь в конце XX века.

В 1989–91 годах мир встрепенулся от сенсационной новости, что западный регион СССР вовсе не является Россией. Новые государства, такие как Латвия, Летува, Беларусь и Украина появились словно ниоткуда. Политические комментаторы начали объяснять, откуда же они все взялись.

16. «О, Литва! Отчизна моя!»

Для людей многочисленных провинций Империи стало проблемой то, как учить детей в школе, чтобы не запятнать его амбициями российского государства. Как поляки, так и евреи открывали свои собственные школы, и с 1840-х годов католические ксендзы Вильни спонсировали начальные классы для литовскоговорящих детей (*тут Дэвис имеет в виду не беларусов, а летувисов. – Пер.*).

---

* Прямой причиной для отмены рабства крестьян стало жестокое поражение России в Крымской войне 1853–56 гг. – *Прим. ред.*

Ожесточенные баталии развернулись вокруг судьбы Белой Рутении, чей язык рассматривался как русский диалект и чья православная религия использовалась как главный аргумент. Полный результат всеобщей русификации сложно измерить. Количество русских, конечно, при этом намного возросло, как и возросло число двуязычных людей.

Одна из групп, которую планировали подвергнуть основательной русификации, принадлежала к еврейской коммуне, где русский язык стал заменять родной идиш. Этих людей называли *литваками*, что значит «еврей Литвы – Великого Княжества». Выбор русского языка этими людьми часто оправдывался стремлением уйти из традиционной еврейской коммуны. Эти евреи составили основную часть первой волны еврейских эмигрантов. Религия евреев, тем не менее, оставалась звеном, связывающим этот народ с его корнями, несмотря на то, что многие евреи того времени предпочитали светский образ жизни.

В России не наблюдалась тенденция к закрытию костёлов или синагог. Нетерпение царизма проявлялось лишь в отношении рутенского (*беларуского и украинского. – Пер.*) Греко-Католического Униатства, которое у самих рутенов считалось национальным достоянием и главным отличием от других народов. Декрет от 1839 года и вновь изданный в 1876 году запрещал Греко-Католичество и обязывал его паству перейти в Русское православие. В ответ на эти меры против своей религии многие униаты уехали в Галицию, находящуюся под властью Австро-Венгрии, где подобные религиозные реформы не проводились. Несмотря на это, основная масса осталась *in situ* (*лат. «на месте». – Пер.*).

Первые два-три поколения литвинов под властью России можно характеризовать как пассивных борцов с российскими порядками, хотя порой этот пассив становился весьма активным. Следующие три или четыре поколения жителей бывшего Великого Княжества были глубоко охвачены новыми политическими и национальными движениями.

Вплоть до 1864 года чувства разочарования усиливала горечь трех проигранных восстаний – в 1812 году, в 1830–31 и 1863–64 годах. И в каждом из них погибали лучшие из лучших, сражавшиеся с надеждой на то, что Речь Посполитая возродится. Увы, все выходило наоборот – восстания подавлялись, репрессии прокатывались по беларуским городам и весям, а царизм лишь укреплял свои позиции.

В бывших землях ВКЛ появлялись выдающиеся лидеры. Ромуальд Траугут (1826–1864), глава тайного национального правительства, собравшегося в Варшаве во время январского восстания 1863 года, был сыном мелкопоместного литвинского шляхтича из Брестского воеводства. Якуб Гейштор (1827–1897), польский шляхтич, который дал вольную своим литвинским крестьянам, полагал, что восстание обречено, но все же примкнул к нему. Антон Мацкевич (1828–1863), позже записанный в литовские (*летувисские. – Пер.*) националисты, сражался за возрождение Великого Княжества. Зигмунд Сераковский (1826–1864) руководил группой партизан в Самогитии. Кастусь Калиновский (1838–1864), ныне считающийся пионером беларуской самоидентификации, выпускал нелегальную газету, поднимая на борьбу население Беларуси. Все они сражались напрасно. Траугут был казнен за Варшавой, в российской крепости. Сераковский и Калиновский были казнены в Вильне.

Их мечты о восстановлении Великого Княжества умерли вместе с ними самими. В эту эпоху волнений и бунтов поэт Адам Мицкевич (1798–1855), рожденный и выросший в Новогрудке, в местах, где само название Литва и появилось впервые, посвятил горестные и красноречивые строки почившему ВКЛ. Его эпическая поэма «Пан Тадеуш» (1834 г.) имела подзаголовок «Последний приезд в Литву» и описывала жизнь села во время войны 1812 года. В колоритных красках поэт передает традиции прошлого своей родины, эпоху надежд на свободу. Адам Мицкевич писал по-польски и начинал поэму «Пан Тадеуш» строками, ставшими знаменитыми:

O Litwo! Ojczyzno moja, Ty jesteś jako zdrowie.
Ile Cię cenić trzeba, ten tylko się dowie,
Kto Cię stracił. Dziś piękność Twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po Tobie.

(«О, Литва! Отчизна моя, Ты как здоровье.
Как оценить тебя, только тот знает,
кто утратил тебя. Сегодня я всю полноту твоей красы
вижу и описываю, потому что скучаю по Тебе»).

Вот уж ирония: «польский национальный бард» не уроженец Польши, не поляк. Это как Вильям Шекспир, живший в Дублине (*Шекспир никогда не говрил, что он ирландец, а Мицкевич кричал о своем литвинизме. – Пер.*). Но вот современные литовцы (*летувисы. – Пер.*) считают «Адомаса Мицкевичюса» своим, тогда как беларусы считают Адама Мицкевича беларуским поэтом, вынужденным писать по-польски.

Миллионы людей, которые все еще читают эту поэзию, переводят ее, учат наизусть или изучают в школах, тем самым увековечивают наследие Великого Княжества.

17. Поле битвы — Беларусь

Оппозиция царизму после 1864 года пошла уже по другому пути. Анархисты, к примеру, делали ставку на террор. Организация «Народная Воля» привлекала добровольцев со всей Российской Империи. Но человек, который бросил бомбу и убил царя Александра II в 1881 году, был из разоренных шляхтичей из-под Бобруйска Игнатий Гриневецкий (1856–1881).

Социалисты долгое время выглядели незаметно на фоне более активных анархистов, до конца XIX века они были неотличимы и от демократов, и от не демократов. Юзеф Пилсудский (1867–1935), происходивший из семьи небогатого землевладельца из-под Вильни (*западный беларус. – Пер.*), стал лидером нелегальной Польской Социалистической Партии (PPS), провел пять лет в ссылке в Сибири. В 1918 году он же стал первым главой восстановленной независимой Польши. Пилсудский стремился воссоздать Речь Посполитую на старой многонациональной основе сотрудничества поляков, беларусов, летувисов и евреев. Достаточно символично то, что происхождение Пилсудского, его национальность были такими же, как у Игнатия Гриневецкого, убившего царя Александра II и как у главного советского чекиста Феликса Дзержинского.

В конце XIX – начале XX века подъем национального движения происходил практически повсюду в Европе. Национальные партии и общества, особенно меньшинства, боролись за свой язык, за легализацию своей национальной истории, за свою литературу. Затем они требовали уже политической автономии. И в конце концов – создания своего государства.

Минск в XIX веке

В этом контексте бывшее Великое Княжество представляло собой арену бурной и насыщенной событиями политической борьбы. Брутальный царский режим вызвал сильное сопротивление себе и широкое подполье. Но в результате роста сопротивления возникло острое соперничество не только между официальной властью и оппозицией бывших граждан ВКЛ, но и соперничество между самими оппозиционерами, между националистами и социалистами, а также национальным движением возрождения. Спектр различных национальных идей оказался столь разнообразен и противоречив, что не мог удовлетворить оппонентов таким образом, чтобы не вызвать конфликт между ними.

Ну, а Москва и Санкт-Петербург выращивали своих собственных русских государственных националистов, рассылая их по непокорным провинциям. Поляки казались царю врагом номер один как титульная нация Речи Посполитой. Летувисов (пусть даже католиков) и евреев царизм рассматривал в качестве предполагаемых союзников в борьбе с поляками.

Рутены вообще классифицировались как русские. Жители Белой Рутении были уже полностью свободными от крепостного права, против которого часто восставали, и сейчас обладали уже зачатками национального самосознания. После всех реформ, экзекуций и переименований нации литвинов, на вопрос, кто они по национальности, сельские беларусы могли ответить, что они «тутэйшие», т. е. местные, здешние. Тем не менее, они были глубоко обижены на режим из-за насильственных методов перевода их из униатства в Русскую православную церковь и выказывали больше расположения к активистам, собиравшим и публиковавшим беларуский фольклор, ратовавшим за обучение в школах на беларуском языке.

Вопреки некоторым заблуждениям, беларусы никогда не стремились к объединению с Украиной. Напротив, некоторые из них больше тянулись к польской культуре. Ян Чечот (1796–1847), поляк, считается пионером беларуской самоидентификации. Винцент Дунин-Марцинкевич (1807–1884) инициировал беларускую литературную традицию переводом «Пана Тадеуша». Аналогично и летувисы все начинали с нуля. Лишь через шесть лет упорной борьбы с режимом летувисы обрели право использовать свой латинский алфавит.

В 1800 году еврейская диаспора бывшего ВКЛ определялась исключительно по религии. Лишь в 1900 году, после ряда печально знаменитых погромов, (организованных явно правительством руками русских националистов), последовавших за национально-освободительным движением евреев, их признали-таки как отдельную национальность.

Тогда же из еврейской культуры и движения за «возрождение иврита» вырос сионизм. Второй Сионистский Конгресс, проходивший в Минске в 1902 году, показал, что в стране существует и еврейский национализм. Его главной целью было выделить евреев из других национальностей, поощрять иммиграцию в Палестину, и, как все националисты мира, жаловаться на дискриминацию и преследования (достаточно оправданные претензии в связи с дискриминационными законами, принятыми в мае 1882 года). Это несколько противоречило политике *Бунда*, созданного в 1897 году, который, напротив, сводил евреев вместе с соседями в борьбе за лучший мир. Таким образом, к 1914 году политическая арена сплошь состояла из экстремистских движений.

Летувисские националисты называли Вильню Вильнюсом, столицей ВКЛ, а само средневековое Княжество Литовское они рассматривали как независимое летувисское государство.

Беларуские национальные активисты тоже считали ВКЛ своим государством, видели себя его прямыми наследниками и утверждали, что Вильня – их столица. В отличие от летувисов они ратовали за возрождение польско-литовского Содружества. Беларуская идея начала серьезно противостоять имперской идее Западной России. В Вильне беларуские публицисты были гораздо популярнее летувисских. В Виленской области беларусы составляли более половины населения. Первая влиятельная беларуская газета «Наша Нива» появилась в 1906 году.

Поляки в Виленском районе тоже консолидировались. Несмотря на серию дискриминационных законов поляки все еще владели большинством земель и являлись частью населения всех больших городов бывшего ВКЛ. Ассимиляция населения с поляками виделась не столь уж для них важной, в отличие от вопроса объединения национальных разрозненных польских групп. Ну а Великое Княжество представлялось им самой прекрасной частью польского наследия... В начале XX века эти политические взгляды восприняли федеративная структура патриотической социалистической партии и ее лидер Юзеф Пилсудский.

Евреи тоже претендовали на свой «кусок пирога» в разделе наследия ВКЛ. Проживая здесь более 400 лет, они составляли 40 % городских жителей городов бывшей Литвы и три четверти торгового сектора. Литва (Беларусь) имела такие города, населенные евреями, как Пинск (74 % жителей), Гомель (55 %), Минск (51 %), Витебск (51 %)... Витебск хорошо известен миру тем, что здесь жил один из знаменитейших евреев планеты художник Марк Шагал (1887–1985).

Во время Первой мировой войны (1914–1918) жестокие бои между Россией и Германией опять-таки проходили на территории Беларуси, а после русской революции вспыхнула Гражданская война, в годы которой Беларусь превратилась в объект целой серии политических экспериментов. В марте 1918 года в Бресте (который поляки называли Бжесц-Литевски, а немцы – Брест-Литовск), Лев Троцкий подписал с Германией мирный договор, по которому немцам от-

ходил огромный кусок земли уже мертвой Российской Империи, включавший земли бывшего ВКЛ.

Республика Летува, провозглашенная при поддержке Германии в 1917 году в Каунасе (Ковно), не смогла осуществить свои требования передать ей Вильню. За город развязался жаркий спор между ними и поляками, вылившийся во вражду и военные действия*.

Беларуская Народная Республика, созданная местными активистами в Минске, существовала лишь две недели**. Ее заменила вначале Белорусская Советская Республика со столицей в Смоленске, организованная коммунистами, а затем Литовско-Беларуская Республика (Лит-Бел), очередной эксперимент большевиков, существовавший около года.

В 1919—1920 годах польская армия Пилсудского установила примерный баланс в распределении сил в этом регионе. После победы в Польско-советской войне 1919—1920 годов Польша разделила территорию Беларуси с большевиками по Рижскому договору 1921 года. Город Вильня вернулся к польскому варианту названия — Вильно. За время этой войны Республика Летува утратила свою демократию, её сменил режим диктатора Антанаса Сметоны (1874–1944), в то время как разделенная Беларусь потеряла всякую надежду на независимость. Западная Беларусь под властью Польши оставалась провинциальным краем, хотя её проблемы не шли в сравнение с тем, что творилось за советской границей.

Белорусская ССР — восточная Беларусь — на официальном уровне узаконила беларуский язык и номинальные черты автономного администрирования в Минске. Но в реальности республика управлялась из Москвы через железный диктат коммунистической партии.

Униатская церковь, которая восстановила свой прежний статус во время немецкой оккупации в последние годы Первой мировой войны, была сметена куда более жестоко, чем в царские времена.

При Сталине молодая беларуская интеллигенция, получившая национальное образование в 1920-е годы, была почти полностью репрессирована, а лидеры беларуского национального движения — казнены. Все независимые крестьянские хозяйства уничтожили в годы коллективизации сельского хозяйства. Еврейская коммуна была нашпигована просоветскими элементами, организованными всемогущей организацией еврейских коммунистов «Евсекция». Много лет спустя в Куропатском лесу под Минском найдут массовое захоронение сотен тысяч жертв сталинского «большого террора».

Во Вторую мировую войну бывшее Великое Княжество вновь стало ареной жестокой битвы с начала и до конца войны, по своей жестокости не имеющей аналогов в Европе. Как Западная Беларусь, так и Летува по нацистско-советскому пакту отошли к СССР. Совместный немецко-советский парад в Бресте в

* Дивизия беларусов-католиков в составе Войска Польского выбила летувисов с Виленщины, а ее командир генерал Л. Желиговский провозгласил здесь в 1921 году государство Средняя Литва, которое позже присоединилось к Польше. — *Пер.*

** Грубая ошибка Дэвиса. Структуры БНР действовали на территории Беларуси около 8 месяцев, с конца марта по середину ноября 1918 г. — *Прим. ред.*

сентябре 1939 года закрепил сделку. Летува была захвачена Сталиным в июне 1940 года. Первая советская оккупация ознаменовалась массовыми арестами, депортациями и репрессиями.

Но затем последовала операция «Барбаросса», когда немцы перешли советскую границу в июне 1941 года. Захваченные Сталиным страны восприняли немцев как освободителей. Уже первый беглый взгляд на карту боевых действий того нелегкого времени показывает, что главная тяжесть войны легла на нерусские республики. (Немецкая версия оформления западных советских республик *Reichskommissariat Ostland* совпадала с границами ВКЛ 1569 года).

Год 1941-й также сигнализировал о двух самых больших преступлениях нацистов: Холокост («Катастрофа», полное уничтожение евреев) и ликвидация советских военнопленных голодом. В 1944 году огромной ценой человеческих жизней Красная Армия одержала победу над нацистами. Отступавшие немецкие войска реализовывали стратегию «выжженной земли» и «последнего рубежа», сражаясь до конца.

Операция «Багратион», отбросившая линию фронта до реки Вислы, позволила советскому маршалу Рокоссовскому вновь занять всю Беларусь и разбить здесь более 50 германских дивизий. В результате всех этих военных действий Минск и несколько других беларуских городов оказались полностью разрушенными с большим числом человеческих жертв среди мирного населения. Затем беспрецедентная сталинская машина убийств, НКВД, снова принялась за фильтрацию, аресты, пытки, расстрелы и депортацию выживших. Казалось, что эта страна уже никогда не будет прежней.

Летува тоже сурово пострадала от советских войск в 1940 – 1941 и в 1944–1945 годах. Поляки прошли сквозь казни частично советской, частично немецкой оккупации, а частью и через депортации в 1940 – 1941 годах.

Евреи во время Холокоста (*унесшего жизни, по разным оценкам, от 750 тысяч до миллиона беларуских евреев. – Пер.*) были в большинстве своем истреблены. Беларуси досталось со всех сторон. К 1945 году потери Беларуси составили 25 % от всего населения. Никакая другая часть Европы – ни Польша, ни прибалтийские страны, ни Украина, ни Россия – не имели такой ужасной пропорции в погибших*.

На протяжении 46 лет после войны Беларусь и Летува продолжали трудиться на благо Советского Союза, где вопрос их реинтеграции даже не обсуждался. Они не просто оказались за «железным занавесом», но и отрезанными даже от стран социалистического блока. Политически и экономически они полностью зависели от политики компартии, централизованного плана ведения экономики.

В социальном плане эти страны могли минимально использовать свой автономный статус республик – только на культурно-языковом уровне. В Литовской ССР летувисский язык был восстановлен как основной язык общения, на нем

* Дэвис дает ссылку на книгу: Timothy Snyder, Bloodlands (New Haven, 2010). Эти подсчеты неточные. До войны в Беларуси проживало 9 миллионов человек, а после войны (в 1950 г.) – 7,7 миллионов. В потери БССР ошибочно записали погибших военнопленных из других республик СССР, и жителей БССР, находившихся в эвакуации по состоянию на лето – осень 1944 года (таковых вместе с призванными в армию было около 1,5 млн). – *Пер.*

велось преподавание в школах, он использовался в деловых документах. Летувисские коммунисты республиканской элиты с трудом говорили на русском. К концу XX века 80 % жителей страны говорили на летувисском языке, считая себя летувисами. Как только Советский Союз начался расшатываться, Летува стала первым кандидатом на выход из его состава, а в 1991 году первой и осуществила провозглашение независимости.

БССР была менее выражена в своей национальной форме и куда больше колебалась в предпочтениях. Она так и не восстановилась полностью после военной разрухи. Большой наплыв русских, особенно на руководящие посты, спровоцировал русофильские настроения, пришедшие с этой волной переселенцев. Большая часть населения жила бедно, в новом крепостном праве коллективной системы, практически ничего не зная о своей истории и культуре великих предков. Религия была отделена от государства, униатство так и осталось не восстановленным, а большинство костёлов стояло закрытыми после 1920 года. Беларуский язык, использующий кириллицу, был весьма редок в употреблении, а граница с родственной Польшей надежно охранялась. И когда произошел распад Советского Союза, коммунистическая партия Беларуси не дрогнула.

Но 9 декабря 1991 года в Беловежской пуще, в бывшей царской охотничьей резиденции Вискули, представители России, Беларуси и Украины подписали декларацию об окончательном роспуске Советского Союза. Крупнейшее в мире государство умерло быстро и безболезненно. Оно встретило куда как более легкую смерть, чем Великое Княжество Литовское двумя веками раньше.

18. Сломанные представления

Архивы в каком-то смысле — это пыль и пепел мертвого государства. В них записи монархов, которые правили, органов власти, которые работали, и жизней, прожитых когда-то. Как коробка с семейными бумагами, пылящаяся на чердаке, архивы являются необходимой помощью для восстановления памяти и истинной истории страны.

Состояние архивов дает хороший показатель силы такой памяти и реабилитации исторических книг. Если архивы хорошо хранятся, в определенном порядке, то любой может заключить, что наследие прошлых эпох здесь уважают, а если нет, то история здесь никого не интересует... В случае с Великим Княжеством Литовским большая часть архивов полностью исчезла.

«Метрика Литовская» (или «Литовский Регистр») есть общее название для оригинального индекса архивной инвентаризации Великого Княжества. С тех пор как этот регистр существует не в одном месте, сложно сказать, каков его настоящий объем. Как минимум, он состоит из тысячи огромных пергаментных книг и содержит 6 главных разделов: 1) книги законов и декретов; 2) книги «публичных дел» (записи кабинета канцлера); 3) *Sigillata* (копии документов с печатью Великого Княжества); 4) книги судопроизводства; 5) книги учета земель; 6) книги дипломатические и иностранных дел. Время их производства охватывает период с XIII до конца XVIII столетия. Основные языки этих книг: руский (старобеларуский), латинский и польский.

Хранение и реконструкция «Метрики Литовской» требуют современной технологии и академических знаний. Таковые меры долгое время откладывались частично из-за того, что не было заинтересованной стороны, частично из-за политики царской России, а потом и Советского Союза.

История распределения всех записей ВКЛ имеет девять или десять этапов.

В 1572 году, в период заключения Унии с Польшей, главная часть документов была собрана последним до Союза канцлером ВКЛ Николаем Радзивиллом «Рыжим», эти документы хранились в Несвиже. С 1572 по 1740 годы архивы хранились в Вильне. Во время войны Польши со Швецией 1655–56 годов основная часть документов была вывезена в Стокгольм. Часть из них была возвращена по Оливскому мирному договору 1660 года, но некоторые важные документы так и остались в Швеции.

Документация ВКЛ велась, как сказано, на руском (старобеларуском) языке. Но когда большинство чиновников стало польскоязычными, они не смогли больше использовать кириллицу, стали добавляться польские тексты. Затем было решено начать огромный проект: перевести все руские тексты на латиницу (т.е. на беларускую «мову» с латинским алфавитом). А в XIX веке Российский имперский архив прекратил польско-литвинскую практику записей, начав свой собственный учет.

Но даже тщательная реконструкция архивов не расскажет нам всю историю страны ВКЛ. Для полного понимания и ощущения этой удивительной страны нужно изучать не только архивы, но и вещи неосязаемые: мифы, легенды, историю, литературу. Одно из популярных литературных выражений XX века утверждает, что современный мир «строился на куче сломанных представлений».

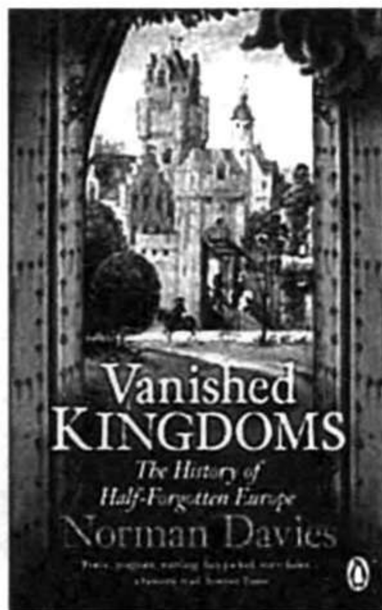
Великое Княжество остается одним из таких бесчисленных «сломанных образов» и поздних искажений. Но без ВКЛ невозможно в полной мере понять историю европейской цивилизации.

АНГЛИЙСКИЕ ДРУЗЬЯ БЕЛАРУСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

Максим Петров

Во второй половине 2011 года на прилавках книжных магазинов Лондона появились сразу две книги, которые вызвали переполох... в Вильнюсе. Первая из них называется «Исчезнувшие королевства: История полузабытой Европы» (автор Норман Дэвис), название второй – «Беларусь: Последняя европейская диктатура» (автор Эндрю Уилсон)*.

Чем же так взволновали летувисов эти работы? А тем, что британские авторы проводят в них – ни много, ни мало – «пробеларускую точку зрения» на историю Великого Княжества Литовского (ВКЛ). И это – вместо «единственно правильной» концепции, старательно разрабатываемой вот уже четвертым поколением летувисских сказочников.

Такой «подлянки» от западных европейцев летувисы не ожидали. Их огорчение было столь велико, что посольство Республики Летува срочно выделило деньги на организацию в Лондоне круглого стола с участием обеих заинтересованных сторон. «З англійскага боку» – возмутители спокойствия Норман Дэвис и Эндрю Уилсон (а также известный знаток беларуской литературы Джон Дингли в качестве арбитра), «з боку Летувы» – двое командированных профессоров – Зенонас Норкус и Гинтавтас Слесарунас.

И что же? В ходе дискуссии, состоявшейся 19 марта 2012 года, и нашедшей освещение в средствах массовой информации Соединенного Королевства, летувисы получили полный «отлуп» по всем пунктам их возражений. Как заявил Норман Дэвис в заключительном выступлении, «я еще раз убедился в полной своей правоте». Пришлось им возвращаться в Вильню, (которую их деды 73 года тому назад переименовали в Вильнюс) «несолоно хлебавши», как принято говорить в таких случаях.

Тут, естественно, возникает вопрос об упомянутых авторах. Норман Дэвис известен нам своей книгой «Белый орёл, красная звезда», изданной ровно 40 лет назад – в 1972 году. Она была посвящена войне между РСФСР и Польшей,

* 1) Vanished Kingdoms: The History of Half-Forgotten Europe by Norman Davies; 2) Belarus: The Last European Dictatorship by Andrew Wilson.

происходившей в 1919–20 гг. В третьем выпуске альманаха «Деды» (с. 102–106) была перепечатана рецензия на нее, написанная профессором Алесем Смоленчуком из Гродно. Тогда английский историк основательно рассмотрел все аспекты упомянутой войны, но при этом прекрасно обошелся без Беларуси и беларусов. Именно за это Смоленчук его упрекал:

> «...в этой книге Беларуси просто нет. Она не существует ни как объект исторического исследования, ни как субъект исторического процесса».

Норман Дэвис (Norman Davies)

С тех пор Н. Дэвис «исправился». Не знаем, что на него так повлияло, но в нынешнем его исследовании Беларусь не просто присутствует, но является и объектом, и субъектом исторических событий, связанных с ВКЛ. При этом – главным объектом и главным субъектом. А Жамойтия помещена на то место, где она действительно находилась – на задний двор Великого Княжества.

Как видим, все течет и меняется в этом лучшем из миров. Меняется в полном соответствии со словами из одной революционной песни: «Эту правду не задушишь, не убьешь!»

В подтверждение нашей мысли приведем недавнее интервью (сентябрь 2012 г.) еще с одним ученым летувисом, обладателем труднопроизносимой фамилии Бумблаускас. Профессор исторического факультета Вильнюсского университета Альфредас Бумблаускас заявил, что пока в Летуве ведут дискуссии о более широком использовании исторического флага с изображением Витиса*, этот символ может вернуть себе Беларусь, режим которой все больше поворачивается в сторону наследия ВКЛ.

Альфредас Бумблаускас

«Конечно», – так историк ответил на вопрос о том, может ли в скором будущем на гербе Беларуси появиться Витис. Далее Бумблаускас сказал:

> «Есть беларусы, которые считают, что Летува долго вела себя неблагодарно по отношению к беларусам. Некоторые из них, даже друзья Летувы, оставляют за бортом наших авторов-академиков. Они считают, что летувисы натравили академиков на беларусов для того, чтобы умалить Беларусь, поскольку роль беларусов в ВКЛ была более значимой, чем изображают летувисы».

По словам Бумблаускаса, роль беларусов в Великом Княжестве Литовском оценена недостаточно: «летувисы смотрят на историю ВКЛ одним, а не двумя глазами», забывая, к примеру, что «половина Вильнюса была беларуской». С дру-

* Vitis (витязь) – так летувисы называют «прихватизированную» ими «Погоню».

гой стороны, «Беларусь перегибает палку в другую сторону», историей Литвы называет лишь историю Жамойтии*. Бумблаускас продолжил:

«Представьте, если когда-нибудь Беларуская Рада соберется и объявит, что они не Беларусь, а Литва. И что тогда будет делать Летува? И что будут делать те, кто сейчас против Витиса /«Погони» – *П.М.*/ как герба ВКЛ? Представьте – беларусы назовутся Литвой и скажут: вы украли наше имя».

«Многие /граждане Летувы/ возмущаются, зачем нужен исторический флаг, он ведь красный. С другой стороны, как еще показать связь /Летувы/ с ВКЛ? Если возмущаемся этим, то отвергаем и ВКЛ, ведь так?».

Джим Дингли (Jim Dingley)

Витис как национальный герб Беларуси был упразднен референдумом 1995 года, который инициировал Александр Лукашенко, когда пришел к власти. Однако в последнее время режим Лукашенко меняет свое отношение к ВКЛ, сказал Бумблаускас. Профессор заявил:

«Я бы сказал, что 4 из каждых 5 /беларуских/ историков убеждены, что ВКЛ – беларуское государство. Долго казалось, что Лукашенко против этого. Но сейчас эта концепция представлена и в официозных газетах Беларуси. Таковы тенденции. Лукашенко ведь все может, когда ему нужно, он может вооружиться этой концепцией.

В XIV веке в годы правления князя Альгирдаса /так летувисские фантазеры называют великого князя Альгерда – *П.М.*/ ВКЛ простерлось до Черного моря. Литва охватывала тогда этнические языческие земли летувисов и православные земли русинов. На этих землях со временем сформировался народ, отдельный от «московских русских», который дал начало нынешним беларусам и украинцам. Кроме того, на завоеванных землях летувисы нашли письменность, которой у них не было и в ВКЛ стали использовать ее»**.

Эндрю Уилсон (Andrew Wilson)

* Видите, что их возмущает? А ведь Жамойтия (Жемайтия, Жмудь, Самогития) стала частью ВКЛ только в 1410 году, когда Великое Княжество существовало уже 160 лет! – *Авт.*

** Ни в одном подлинном документе ВКЛ, а их сохранилось много, нет таких имен как Миндаугас, Гедиминас, Альгирдас или Витаутас. Там есть Мендовг, Гедимин, Альгерд и Витовт. Но летувисы давно всех и всё переименовали на свой лад – людей, реки, озера, деревни, города, сражения. В том числе Грюнвальд. На их языке он превратился в Жальгирис!

А теперь они бесятся из-за того, что правда открылась. Так мы им напомним еще и то, что на поле под Грюнвальдом в бой с Тевтонским орденом вступили 93 хоругви. Из них польских – 38, литвинских (беларуских) – 31, русинских (украинских) – 14, чешских – 3, татарских – 2, из Новгорода – 1, смешанная польско-литвинская – 1, и жамойтских 3 (3,2 %). Вот таков истинный вклад предков нынешних летувисов в победу над Тевтонским орденом 600 лет назад. Тем не менее, они и эту победу присвоили себе!

Летувисы любят называть себя маленьким, зато гордым народом. На наш взгляд, народ они хоть и маленький, зато их «интеллектуалы» – воры и наглецы очень большие! – *Авт.*

Британцы — за Беларусь!

19 марта (2012 г.) в Университетском колледже Лондона произошло обсуждение новой книги известного британского историка Нормана Дэвиса, один из разделов которой посвящен истории Великого Княжества Литовского.

Корреспондент «Здесь и теперь» присутствовал на дискуссии, участие в которой приняли литовские историки и представители беларуской общины Великобритании.

Беларусоцентричная модель ВКЛ

Новая книга авторитетного британского историка Нормана Дэвиса «Исчезнувшие королевства. История полузабытой Европы» увидела свет осенью. Толстенный том повествует о 15 государствах, существовавших в Европе на разных этапах истории, но затем проигравших в борьбе за выживание: от Королевства вестготов на юге Франции (V век н.э.) до Советского Союза.

Отдельная глава книги посвящена истории и наследию Великого Княжества Литовского, а также судьбам наций, которые из него вышли. При этом, в отличие от большинства зарубежных историков, которые десятилетиями игнорировали беларуский компонент княжества, Дэвисова модель ВКЛ — беларусоцентричная.

Вот что сказал автор:

> «Почему при рассмотрении ВКЛ я взял за основу современных беларусов? Прежде всего потому, что беларуские земли составляли основу княжества. Кроме того я хотел заинтересовать читателей, которые привыкли видеть знак равенства между исторической Литвой и современной, а это не так».

Дэвис называет ВКЛ «демократическим европейским государством» относительно понятий того времени, а также соглашается с мнением, что зажиточных и образованных жителей «государства от Черного до Балтийского моря» можно назвать политической нацией. При этом те, кто считали себя литвинами, могли иметь разное этническое происхождение, говорить на разных языках. Когда в XVIII–XX веках начали формироваться современные нации, из колыбели ВКЛ (которая на то время уже исчезла в объятиях Российской империи) возникли пять национальных движений: летувисское, беларуское, украинское, польское и еврейское. Сегодня, по мнению Дэвиса, четыре страны могут считать себя преемниками ВКЛ: это Беларусь, Летува, Украина и Польша.

Советы запрещали беларусам то, что позволяли литовцам

Дискуссионную часть начал многолетний председатель Англо-беларуского общества Джим Дингли, который не является профессиональные историком, но прекрасно знает беларуский контекст, как исторический, так и современный*.

Чтобы объяснить отношение властей Беларуси (и коренное отличие от Летувы) к предмету разговора, Дингли процитировал отрывок из недавнего вы-

* Д. Дингли (1942 г.р.) — профессор кафедры славистики Лондонского университета. Президент Англо-беларуского общества (с 1989), вице-президент Международной ассоциации беларусистов (с 1991).

ступления в Минске заместителя директора Информационно-аналитического центра при администрации Лукашенко профессора Льва Криштаповича:

> «...в нашу беларускую культуру тянут Радзивиллов, Сапег, Огинских как представителей беларуских шляхетских родов. Эти имена принадлежат другой культуре, другой ментальности... Попытки вывести беларускую идентичность из так называемого Великого Княжества Литовского лежат в стороне от реального процесса нашего духовного становления и развития».

Дингли напомнил, что в начале 1990-х годов беларуские и литовские ученые планировали создать общую историю ВКЛ, однако до реализации этого плана дело не дошло. Тем временем по ряду принципиальных вопросов они до сих пор высказывают концептуальные расхождения. В числе таких вопросов президент Англо-беларуского общества напомнил о судьбе Вильни, которую Сталин отдал летувисам в 1939-м году взамен на размещение в Летуве советских военных баз.

Рассуждая о том, почему летувисская историография опередила беларускую, Дингли отметил, что в советское время летувисы свободно изучали историю ВКЛ и писали об этом, тогда как в БССР упоминать княжество можно было лишь вскользь и притом исключительно в негативном контексте.

Литовцы доминировали в политике, беларусы – в культуре

Литовские историки профессор Зенонас Норкус (Виленский университет) и доктор Гинтавтас Слесарунас (Литовский институт истории) предложили отойти от «паневропейской с легким беларуским уклоном» концепции Дэвиса и взглянуть глубже.

Они перевели разговор в узкую историческую плоскость, сосредоточив внимание на специфических процессах и деталях, непонятных для 95 % присутствующих в зале. Звучали известные тезисы о балтском происхождении термина «Литва», о нахождении Вильни на этнической балтской территории и др. При этом летувисы подчеркнуто пользовались беларускими историческими картами, оперировали информацией из беларуских изданий и отрицали свою причастность к «летувисской националистической историографии».

Зенонас Норкус

Среди прочего, из уст Слесарунаса прозвучало, что в ВКЛ балты доминировали в политике, а предки нынешних беларусов – в культуре.

Из заполненного зала их спрашивали о ДНК потомков ВКЛ, о старобеларуском языке как официальном, и об отношении летувисов к беларуской «Погоне». Зенонас Норкус сказал:

> «Напомню, изменение символики в 1995-м было инициативой Лукашенко, а не Литвы. Если беларуский народ сочтет нужным опять вернуть исторические символы, мы точно не будем против».

При этом он пошутил, что поскольку гербы у нас могут оказаться похожими, Литва предусмотрительно избрала своим флагом триколор: «Знамя ВКЛ – свободно».

Запад делает работу Беларуси

В течение десятилетий беларуские и летувисские историки боролись между собой за право преемственности в отношении наследия ВКЛ. Еще в конце XIX века летувисы, которые опередили беларусов с национальным возрождением, получили поддержку российских имперских, а потом и советских идеологов, благодаря чему им удалось распространить собственную трактовку истории.

Первым этот миф пошатнул для западного мира американский историк Тимоти Снайдер. В своей книге «Реконструкция наций: Польша, Украина, Летува, Беларусь. 1569–1999» он по-научному бесстрастно отразил место и роль беларусов в ВКЛ, пояснил причины, почему беларусы проиграли летувисам идеологическую битву за наследие княжества.

Осенью 2011 года наряду с работой Дэвиса вышла книга другого британского историка Эндрю Уилсона «Беларусь: последняя европейская диктатура», в которой тоже отражена значительная роль предков современных беларусов в истории ВКЛ.

Следует напомнить еще англоязычные исследования по истории ВКЛ преподавателя Садертонского университета (Стокгольм) Андрея Котлярчука, прибывшего туда из Беларуси, чтобы прийти к выводу: пока беларуское государство борется с инакомыслящими, западные исследователи популяризируют его историческое наследие. За 20 лет независимости Институт истории Беларуси НАН так и не сумел издать академическую «Историю Беларуси» по-английски.

Кстати говоря, дискуссия в Лондоне происходила на английском языке, без какого-либо перевода. Организаторами мероприятия выступила Школа славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона и посольство Летувы в Великобритании. Представители официального Минска на мероприятии замечены не были.

(по материалам Константина Лашкевича)

Часть III

КАМЕНЬ В ВЕРОВАНИХ И ПРЕДАНИЯХ БЕЛАРУСА

Михаил Мелешко

Вступление

Очерк «Камень в верованиях и преданиях Беларуса» был написан мной в начале 1923 года и прочитан тогда же в «Обществе истории и древностей» при Беларуском государственном университете.

Согласно высказанным замечаниям членов Общества я использовал еще несколько новых источников к этому вопросу, а также составил специальную анкету-программу для сбора сообщений о каменных памятниках беларуской старины. Анкета эта сначала была напечатана в сборнике «Віцебшчына» (Витебск, 1925 г.), а потом в журнале «Наш Край» (1926 г., № 2). Однако новых интересных данных нашлось мало. Несколько статей местных краеведов были помещены в газете «Савецкая Беларусь» и других изданиях.

Источники, из которых я брал нужные сообщения, были самые разнородные. В этнографической литературе данные о камнях распылены, разбросаны мелкими записками по разным изданиям, поэтому обнаружить их, при отсутствии во многих изданиях алфавитных указателей, было трудно. С сожалением должен отметить, что мной не использованы полностью материалы из «Губернских Ведомостей» и «Епархиальных Ведомостей». Сведений о некоторых бывших беларуских губерниях и приходах я в упомянутых изданиях в Минске не нашел. Ко всем им, за исключением указателя Евдокима Романова к «Могилевским Губернским Ведомостям», отсутствуют указатели помещенных статей, без которых этот огромный материал является почти недоступным исследователю.

В большинстве своем каменные памятники, указанные как в этнографической литературе, так и в археологической, не имеют точных описаний и указания размеров. Даже на археологических картах Виленской и Гродненской губерний Ф. Покровского не указаны точные размеры и местонахождение тех памятников, которые приводятся мной в этом очерке из упомянутых книг. Лично я не имел возможности сам осмотреть все приведенные в очерке памятники и сделать описание, обмеры и рисунки с них. Потому и в моем очерке в большинстве случаев отсутствуют размеры камней, а о некоторых дается весьма скромное описание.

Некоторые данные я не мог совсем использовать из-за неточностиі сообщений о них. Правда, детальные обмеры не обязательно знать, чтобы проследить возникновение и эволюцию преданий и верований, связанных с камнем, но в некоторых случаях величина камня и его форма помогли бы читателю более наглядно представить те основания, на которых возникло предание и верование.

То же самое приходится говорить и о рисунках. Не все виды памятников, которые рассматриваются в очерке, показаны в рисунках. Ко многим любопытным памятникам нет рисунков, так как достать их не было никакой возможности. Из приведенных рисунков некоторые (8 рисунков) были уже напечатаны в разных изданиях и они приведены с указанием автора, у которого заимствованы. Остальные рисунки приводятся в очерке впервые и между прочих впервые появляются в печати «каменные бабы» на Беларуси.

I. Камень в веровании первобытного человека. Предания о появлении камней

В представлении и веровании беларуса камень занимал интересное место. Для дикого и полудикого человека камень представлял тайную силу, которую он не мог разгадать. При ударе камень о камень человек не мог без ужаса видеть, как из камня сыпались искры огня, – этой грозной и опасной силы, от которой погибали леса, его имущество и т. п. Последнее на нашего пращура должно было оказывать сильное впечатление.

Непонятное в камне позже стало им объясняться пребыванием хороших и злых духов, от которых могла зависеть судьба и сама жизнь человека. Человек стал верить, что возле больших камней живут огневые змеи. Сложились представления о змеиных кладбищах и т. п. Кроме того, камень в бытовой жизни первобытного человека, как инструмент, занимал видное место: из камня он добывал огонь, камень служил ему инструментом в борьбе за свое существование, был ему оружием в защите от врагов и др. Не удивительно, что человек стал придавать камню не меньшее значение в своем веровании, чем другим проявлениям природы, которые его окружали и среди которых он жил.

На камне первобытный человек приносил жертвы богам, справлял на них похоронные тризны. На месте великих событий человек ставил камень. В каменных гробах (дольменах) хоронил покойников, а над могилами складывал каменные курганы. Как отзвук этого еще и теперь человек на кладбищах кладет камень.

Камню придавался облик тех богов, которых представлял себе человек того времени. Во время болезни к камню обращались в поисках помощи; камешки носили сами как амулеты и привязывали скотине. Великих грешников бог превращал в камни; во время грозы метал на землю с неба каменные громовые стрелы.

Человек в историческом круговороте, в своем постепенном культурном развитии делал новые изобретения, заменял одни инструменты в своем быту другими, более совершенными. Век камня сменился веком металла и человек давно забыл о прежних примитивных каменных инструментах, о своей первобытной жизни, но в его мировоззрении, в его представлении еще долго жил камень, окутаный туманом седой, дикой старины.

Верования и представления, связанные с камнем на заре жизни человека, оставили свой след в Святом писании. В книге Иисуса Навина (V, 2) говорится, что Иегова приказал Иисусу сделать три каменных ножа и обрезать ими во второй раз сыновей Израилевых. В переводе этой же книги Семидесятью Переводчиками (Кн. 1. Н. XXIV, 29 и 30) читаем такое предание: «И в могилу, в которую опустили его (Иисуса Навина), положили каменные ножи, которыми он обрезал детей Израилевых в Галгалах, после вывода их из Египта, по приказу Иеговы и они (те ножи) там до настоящего времени».

Как свидетельствуют Геродот (Кн. II, ч. 86) и Диодор Сицилийский (Кн. 1, II) египетские бальзамировщики мумий вскрывали покойников ножами, сделанными из кремня, либо вообще из камня. Тит Ливий (1, 24) говорит, что у римлян заведующий обществом официалов, так сказать «pater patratus», во время примирения закалывал жертвенного поросенка кремневым ножом. Вымерший народ этрусков носил кремневые стрелы на шее, которые считались у них главным украшением среди дорогих золотых четок. У египтян, фригийцев, греков имелись каменные ножи и топоры с вырезанными на них иероглифами, рисунками божьих эмблем и свидетельствами. Подобные вещи многие народы, которые уже имели богатый металлический инструмент, клали покойникам в могилы при похоронах [1].

Культ камня не принадлежал исключительно какому-либо одному народу. В преданиях разных народов встречаются разные суеверия, связанные с камнем. Но представление о камне у разных народов принимало свои особые формы. Вот как представляли происхождение камней эстонцы. П. Шейн приводит из книги «Wedemann. Aus dem mueren und ausseren

Велик-камень у деревни Мишуты

Велик-камень (он же Чертов), самый большой Беларуси (ок. 1 тыс. т) /Шумилинский р-н Витебской обл./

Велик-камень в деревне Камено

Чертов камень в Дзержинском районе

leben der Ehsten» (стр. 388 и 457) интересный рассказ об этом. В нем говорится, что когда Моисей у Синайской горы разбил таблицы Закона, то ветер разметал их пыль по всей земле, а из каждой пылинки вырос камень, и на каждом камне написаны закон и судьба людей [3].

У беларусов имеется немало своих преданий, в которых объясняется появление на земле камней. Согласно одному из них камни появились на земле по такой причине: нечистая сила в небе воспротивилась богу, захотев стать сама равной богу. Разгневавшись, бог сбросил нечистиков на землю и превратил их в камни. И вот теперь там, где большой камень – это был большой черт, меньшие же камни представляют собой малых бесенят. А для того, чтобы превращенные в камни черти не росли и не умножались, бог, сбрасывая их на землю, проклял [4].

Камни, по некоторым представлениям беларуского народа, есть не что иное, как заколдованные – земля, люди, скотина, пни деревьев, печеный хлеб и т. п. Это объясняют тем, что камни сохраняют форму вещей и что всякий камень пережженный в бане и в овине, или в печи, или на костре, рассыпается в труху, а потом, постепенно мельчая, соединяется с землей, своим первоначальным источником.

Камни растут, как только в церкви послышится первый псалм «Христос Воскресе» и пока не будет вымолвлено последнее слово псалма. Рост этот настолько мал и незаметен, что, прожив тысячу лет, человек увидел бы, что камень вырос только на толщину «ногтя мизинца» на руке человеческой [5].

Камни растут из земли, как грибы, имеют детей, которые часто бывают приросшими к большим камням. Если бы бог не проклял камней, они бы так разрослись на земле, что не только не было места пахать землю и сеять зерно, но не было бы где пройти человеку. Каждый поднятый и брошенный камень начинает расти. Встарь камни росли, но во времена Христа они перестали расти. Случилась это так: ходил Христос по свету и, как-то раз идя по дороге, он больно ударил пальцами ноги о камень и за это проклял камни, чтобы они больше не росли [6].

Предание, близкое к этому, записано Николаем Никифоровским. Камни росли до того времени, пока мать божья не побила о них до крови босую ногу, спеша к распятому сыну своему. Разгневавшись, она прокляла только тот камень, о который побила ногу. Но из-за того, что камни лежали «сцепившись», это проклятие перешло и на другие камни и распространилось на все камни [7]. Перестали камни расти еще и потому, что хитрый человек разгадал божьи тайны, которые были вложены в камни, и из-за этого бог остановил рост камней. По всему небу тоже рассыпаны камни, которые грешники сносят в одно место. Когда камней наберется так много, что они могут проломить небо, и причинить людям незаслуженную беду, тогда другие грешники разбрасывают снова камни по небу. От этого и происходит гром. Случается, что грешный мученик неумело бросит и тогда камень этот летит на землю [8].

Безусловно, что богатая фантазия беларуского народа создала больше рассказов о причинах появлении камней на земле, но, как замечает Павел Шейн, беларуская этнография поныне мало обращала внимания на этот вопрос.

II. Поклонение камням. Камни-помощники. Верования, связанные с разными камнями. Камень в народной медицине. Вредные для человека камни

Постоянно видя перед собой непонятные формы и свойства камня, человек не мог удержаться от того, чтобы не сделать камень объектом своего поклонения.

Среди беларуского народа встречается много вариантов поклонения камням. Человек иногда придавал разные формы камням, которым поклонялся, но в большинстве случаев не нарушал их природную форму, имевшую иногда фантастический вид. Поклонение камням связано, главным образом, с целью получить помощь от болезни и помощь в разных несчастных случаях.

Камни – объекты поклонения находятся по всей Беларуси. Около деревни Пережары (Игуменский уезд Минской губернии), шагов на 200 друг от друга лежат два камня. Один из них народ называет «Демьян», а другой «Марья». Эти камни одно время славились чудесной силой. С Витебщины, Могилевщины, Виленщины и даже Псковщины собирались к ним люди, больные параличом, глухотой, хромотой, и другими болезнями, ища выздоровления [9].

Около деревни Рудобелки (Бобруйский уезд) находится камень, который по народному преданию помогает от болезни глаз [10]. При церкви в деревне Горки (Деравенская волость Слонимского уезда Гродненской губернии) когда-то стоял большой камень, вроде колонны. Этот камень расщепился натрое. Верхняя часть, зацепившись за свою основу, другим концом опёрлась на землю так, что под камнем образовался проход, через который встарь мог легко проходить человек. Камень этот в народе считается священным и некоторые люди на коленях проходили под ним, веря, что камень даст им желанную помощь [11].

Чрезвычайно интересный камень этой группы находится около местечка Погост на Случи (Слуцкий уезд, Дорогинский приход), в бывшем Мордвиловском лесу. Этот огромный валун имеет форму усеченной пирамиды, площадка пирамиды имеет до 4 метров в квадрате. Посредине этой площадки через небольшое отверстие бьет фонтаном холодная родниковая вода. На «Макавея» около камня происходит собрание народа, который приходит поклониться камню, – целуют его и пьют воду. Во время последней войны /1914–18 гг. – *Ред.*/один военный инженер вознамерился взорвать его, но народ, собравшись, упросил не трогать камня [12].

Также на Случчине, в деревне Мокраны Куцевщина (Киявицкая волость) находится камень с рисунком стопы ноги и руки человека. Крестьяне на «Девятника» ходили к этому памятнику с процессией, молились и целовали камень [13].

На Червенщине (прежней Игуменщине), возле местечка Смиловичи есть «Святая гора», на которой находится камень со знаком, похожим на след человеческий. Этот след долго был объектом поклонения, а потом над ним поставили церковь. Легенда говорит, что шли когда-то три богородицы, ища себе место, где бы им объявиться. Одна из них пошла в Дудичи, другая в Новосёлки,

а третья в Ляды. Лядянская остановилась отдохнуть на этой горе, где и оставила свой след на камне. Первым чудом было здесь выздоровление какого-то совсем слепого пана.

Около Новогрудка находится камень, на котором виден какой-то след, будто пятки и пальцев. По народному преданию пальцы — это следы богородицы, а пятка является следом черта, который гнался за богородицей, но не мог догнать, она укрылась в монастыре и стала совершать чудеса. К этому камню крестьяне идут на поклонение, кладут деньги, воск, лён и т. п., молятся и целуют «след богородицы», а на «след черта» плюют, причем происходят ошибки — «след черта» целуют, а на «след богородицы» плюют. Другие иначе объясняют знаки на этом камне: будто во время шведской войны компания шведских солдат оставила этот знак, надо полагать, чтобы показать, куда направились шведы [14].

О святости камня поется в духовных стихотворениях так называемой «Голубиной книги»:

А какой камень всем камням мать?
Латыр камень всем камням мать.
Отчего латыр камень всем камням мать?
Потому латыр камень всем камням мать,
Что из его в Русалиме граде храм явился [15]

На высоких местах, где собирались кривичи для обсуждения своих дел, приносили они богам в жертву зверей, птиц и камни [16]. На берегу Вилии недалеко от деревни Тупальщина, около каменного порога «Ошмянец» находится камень, на котором, по мнению Тышкевича, горел в праздники негасимый огонь [17].

Боги беларуса языческих времен не требовали, видимо, от него только жалоб и покаяния, как христианская вера. Он чтил своих богов играми и веселыми забавами. Как видно из приведенных ниже сообщений, камню в подобных играх уделялось немалое внимание.

Валун «Дед» на месте бывшего капища в Минске, на берегу Свислочи

На Игуменщине около Гародни, на правом берегу реки Березы в лесу на холме находится камень. Около этого камня на Купалье собирается народ и проводит вечер в играх и песнях [18].

Сохранилось предание о камне, который будто бы лежал на горе Марьина Горка возле Новосёлок на Червенщине. На этой горе на камне происходили тризны и игры в языческие времена, пока один духовник, увидев это, не окропил его святой водой, после чего гора расщепилась, а камень провалился [19].

В древние времена, когда наши реки являлись главными торговыми путями, камни, лежавшие на речном дне, были

очень опасны во время переезда через них. О такие камни и каменные пороги («заборы») часто разбивались челны и в реке гибли товары. При таких условиях у торговцев и плотогонов, что плавали по беларуским рекам с грузами, надо думать, в очень далекой древности сложилось поклонение таким камням. Так, например, по реке Вилии выше Жодишек находится каменный порог, который называется «Прывітальня». Встарь, как только струг приближался к этому порогу, кормчий (кормщик) бросал в воду кусок хлеба с солью и говорил: «Витаю тебя хлебом солью, хлеб соль прими и меня пропусти». От этого и пошло название «Прывітальня».

Святой камень у деревни Кудиновичи

Жертвенник святого камня в Кудиновичах

Древний каменный жертвенник в Щучине (Гродненская обл.)

Ниже Жодишек около деревни Тупальщина находится каменный порог «Ошмянец», о котором в народе живет представление, что камни этого порога появились от того, что чертям не понравилось строительство костёла в Жодишках и они свезенные иезуитами камни на костёл снесли в реку. Разбросанные ниже по этой же реке камни с такими названиями, как «Стук-Баба», «Вол», «Разбойник», «Гончар», «Червинец», «Свинья» и др., указывают на легендарное происхождение этих названий, которые, как можно думать, возникли в связи с верой в живых существ, заключенных в камне [20].

Камень не остался незамеченным и в медицине беларуского народа. Известно, что многие народные лекарства имеют свой смысл и значение, но большинство их не имеет никакого значения и существует только благодаря народной темноте и суеверию. К числу последних относится употребление камня в народной медицине. Страдание заставляло человека искать любые средства спасения.

Как было сказано, не все камни помогали за то, что им поклонялись. Установлено немало случаев, когда камень помогал только тогда, когда человек потреблял его внутрь. Так, возле деревни Ременники (Трабская волость Ошмянского уезда Виленской губернии) находится камень, с которого народ скоблил порошок, веря, что если при болезни принять этот порошок, то больному наступит облегчение [21]. На Кричевских полях, около Турова, лежат каменные кресты, которые, как говорит народ, привезены сюда в началах христианства. Народ

почитал их и при болезни тоже скоблил с них порошок и принимал как лекарство [22].

Широко использовались как лекарственное средство и найденные каменные инструменты. Так, например, через дырку каменных молотков переливали чистую воду, после чего употребляли ее как лекарство. Также и кремневые наконечники стрел, которые в Беларуси называют «перуновыми стрелами», употребляются в народной медицине, — их прикладывают к больному месту и т. д.

В народных заговорах камень часто упоминается для усиления заговора:

На моры на кіяні,
на вострові на Буяні
ляжыць белы камень»...

На моры на кіяні
сядзіць старая на камні
с вогнівцом, с крамянцом;
суроцы, уроцы отсякала,
отбірала и на мора отсылала...

Ляжыць на сінім моры сіні камень,
на том камні сядзяць дзве дзявіцы...

На моры на кіяні ляжыць камень Латыр...

На поли на кіяні,
на моры на сіяні
ляжыць камень-латыр...
и т. д. [23]

Известны и такие камни, которые могут не только помочь человеку, но и навредить. Один из таких камней находился в деревне Каменцы по дороге из Себежа в Люцин (Витебская губерния). О происхождении этого камня существует предание: когда во время какой-то войны проходило войско, оно погналось за девушкой. Убегая от солдат, девушка промолвила: «лучше бы я камнем по земле каталась, чем солдатам досталась на издевательство». Сказав так, девушка обернулась в камень. Камень этот называется почему-то «Пестун».

Этот «Пестун» привлекал к себе много людей, которые приносили и клали на камень жертвы. Почитание камня еще более усилилось после происшествия, в котором «Пестун» проявил себя вредным камнем. Какой-то пан взял его, привез в свой двор и положил под сараем. С этого времени пану перестало везти. Он и жена его стали часто болеть, а хозяйство совсем извелось. Увидев во сне, что плохо ему стало за неуважение к камню, пан снова отвез камень на старое место [24].

Евдоким Романов записал здесь сообщения о двух камнях. Один из них — «Пестун», а другой — «Бабка». По записям Е. Романова оба камня — окаменевшие люди, первый — девушка, другой — женщина с малым ребенком. Причина окаменелости та же. В качестве жертв на камень клали хлеб, деньги, полотно, ягоды, ленты и т. п. [25] Похожий вредный камень находится в деревне Кукарево (Игуменщина). Он тоже называется «Пестун». Если, проходя, камень заце-

пить, то можно ослепнуть. Вокруг деревни, где находится этот камень, много могильников языческих и христианских времен, на которых имеются каменные кресты [26].

III. Окаменелости живых существ. Камни-кравцы (портные) и сапожники

Предания об окаменелости человека и скотины встречаются довольно часто и имеют много вариантов.

Камень возле местечка Куренец (Вилейский уезд Виленской губ.) возник по такому случаю. На этом месте жил когда-то сапожник Гомсин, который не верил в бога. Один раз на Великдень (Пасху) все пошли в церковь молиться, а Гомсин взялся шить сапоги. Сразу же поднялась туча, загремел гром, ударила молния, которая убила сапожника и сожгла дом. На месте, где жил сапожник, люди увидели этот камень. Если в Пасху наклониться к камню, то слышно, как поет петух и мастерит сапожник [27].

Змеев камень (берег Лукомского озера в Витебской обл.)

Во дворе Клесин (Вилейский уезд Виленской губ.) лежит камень, который образовался из человека и пары волов, потому что человек вышел пахать на святого Бориса [28].

Возле Несвижа, недалеко от фольварка Лазовичи, лежат три камня. Один торчит из земли и хотя слабо, но напоминает фигуру человека, а два лежат неподалёку от первого. Предание говорит следующее: жил князь, который не боялся бога, мучил народ и заставлял ходить на работу в великие праздники. Один раз приказал князь людям на Пасху идти на работу, а кто ослушается, тому угрожал вырезать на плечах три полосы кожи. Пошли люди на поле, запрягли волов, но пахать не начинают. Бьет войт батогом непослушных, а люди не берутся за работу. Приехал на поле сам князь. Войт перед князем взял сам соху и стал пахать. Но не дошел он и до половины борозды, как ударил гром с неба и войт с волами окаменели [29].

Так же за работу на Пасху окаменел человек с волами на Борисовщине, около деревни Пустой. В пригороде Вильни, в околице Снипишки, на правой стороне Вилькомирской дороги, на поле лежат несколько камней, о которых в народе сохранилось предание, что камнями этими являются молодые и их гости, которые бесстыдно, не по-людски, справляли свадьбу. За это бог всех их превратил в камни [30].

Похожее на это предание о камнях существует в местечке Деречин (Гродненская губерния). Здесь находились шесть камней в одном месте и седьмой чуть поодаль. На камнях можно было разобрать черты человеческого облика, на одном одеяние, словно у невесты перед свадьбой. В народе держится легенда, что эта свадьба превращенная колдуном в камни за то, что встретившись с ним,

не уважили его, не отдав надлежащего приветствия. Седьмой камень, поодаль, это будто музыкант, который ехал за свадьбой [31].

Недалеко от деревни Волы (Погоская волость Игуменского уезда), около речки Клевки лежат два равных размерами больших камня друг от друга на расстоянии воловьего ярма. Недалеко от их лежат еще три значительных по величине камня, продолговатая плита и несколько мелких камней. Все эти камни некогда были другими существами, которые окаменели. Один человек захотел убедиться, великий на Пасху день или нет. Для этого он запряг волов и пошел пахать, чтобы посмотреть, сколько вспашет на Пасху земли. Но бог разгневался на него за то, что он в святой день стал пахать. И когда человеку жена принесла в горшочках поесть, а за ней прибежала со двора собака, бог волов, человека с женой и собаку, горшки и полотенце, постланное для еды, обернул в камни. Два камня немного напоминают волов. Еще до недавних пор народ верил здесь, что работающий на Пасху может окаменеть [32].

Идол в Пружанах

Почти аналогичное предание существует о камне, который находится в Мозырском районе, между хутором Нагорные и деревней Бибики. Здесь тоже человек захотел проверить, правда ли, что на Пасху великий день, и чтобы в этом убедиться, пошел пахать. Когда жена, покормив своего мужа в поле полдником, пошла домой и обернулась назад, то увидела что ее муж и волы окаменели. Окаменела тут же и она сама, и горшки, в которых приносила полдник. Камни эти входят постепенно в землю, а когда совсем спрячутся — будет конец света. Если бить камнем по «волам», то из них «течет кровь». Теперь здесь остались только два камня — «каменные волы» и «каменное ярмо» [33].

На Бобруйщине, по дороге из Житина на Осиповичи, возле села Крынки, находится камень, который тоже называют «волами». Рассказывают, что один крестьянин вышел пахать на Пасху и за это окаменел вместе с волами и сохой. Предание это имеет и другие варианты. В камне, не имеющем четкой формы, народ видит фигуру пахаря, волов и др. Тут же находятся другие камни, которые будто бы имеют форму птиц и обладают неизвестной чудесной силой [34].

Идол Мары (Морены) – воплощение демона болезней, мучений, страданий

Около деревни Деревной (Слонимский уезд) находится камень, который прежде выглядел как женщина с малым ребенком на руках и с четками на шее.

Этот камень – окаменевшая женщина. Случилось это так. В одной деревне нищим, которыми были Христос и Апостолы, не дали есть, покормила их только одна баба. Нищие сказали бабе убегать из деревни и не оглядываться. Баба взяла на руку дитя и пошла из деревни, но оглянулась назад. В это время вся деревня превратилась в озеро, а женщина с малым ребенком окаменела [35]. В деревне Рожаны на Случчине есть предание, по которому старичок, когда не пустили его ночевать, всю деревню превратил в камни, которые и теперь лежат в дубраве, а девушку из деревни, которая тихонько принесла старичку хлеба и не послушала деда – убегая, не оглядываться, – превратил в кукушку. Кукушка всё понимает, летает над камнями и плачет, а камни все это слышат, но сказать не могут [36].

Любопытную былинную повесть о том, как перевелись богатыри на Руси, передает В.Ю. Ластовский. Против семерых славянских богатырей явились двое, «силы нездешней», и как богатыри разрубят их надвое, то становится их вдвое больше, и все живые. Наконец получилась из двоих сила несметная:

Спужаліся магуты харобрыя, –
Пабеглі ў камяныя горы, у цёмныя пячэры...
Як дабяжыць магут да гары, – так і скамянее;
Як дабяжыць другі, – так і скамянее;
Як дабяжыць трэці, – так і скамянее...

Из числа старых богатырей не окаменел один святой Меркурий (Смоленский), благодаря покровительству богородицы [37].

Окаменение в большинстве случаев бывает по воле и желанию бога и связано уже с христианскими представлениями о свете и божьей каре. Но, как мы видели, встречаются случаи, когда люди окаменели от колдунов. Преданий об окаменелостях встречается в Беларуси довольно много. Все они, как замечает Николай Янчук, относятся к глубокой древности.

Очень интересными являются предания о камнях-мастерах. Здесь уже человек в камне видит не только фетиши, он замечает в нем, кроме материальной сути, другую суть, живую, подвижную. Камень сближается с человеком, становится ему помощником в работе. Камни начинают шить человеку одежду, обувь. Так в деревне Воронино (Сенненский уезд) был камень, который шил всю одежду, какую надо. Только принеси материал, положи на камень и вместе с ним пять копеек от штуки, и через ночь будет готово. Не надо ни мерить, ни просить. Шил он долго. Но

Идол из Шклова (X век)

один раз принесла баба работу да и говорит: «пошей мне ни то, ни это», он так и сделал. Один рукав вшил в плечо, а другой пришил сзади. После этого случая камень-кравец перестал шить совсем. На этом камне, который оброс мхом, есть углубление, где будто бы сидел портной, когда шил [38].

Другой такой же камень-портной в Сенненском уезде находится около деревни Вирки и называется «Змеев камень». В этом камне жил змей в образе человека и говорил по-человечески. Занесут, бывало, ему сукно шить, подадут через окно и попросят: «мастерок, пошей лишь бы надеть, хотя бы и плохо», и он пошьет так хорошо, как никто на свете. Дадут ему сколько-нибудь денег, а он им готовую сермяжку. А если попросить: «мастерок, пошей мне хорошенько, чтобы было в церковь в чем сходить!», то один рукав вошьет в плечо, а другой пришьет сзади. Змей этот любил девушку из деревни Обозёры. Одного раза, когда он приказал девушке искать /вшей/ в его голове, и уснул, нагрянула туча, загремел гром. Он бросился бежать, а гром в него стал бить и на третий раз убил. Люди его нашли и зарыли [39].

Почти такой же легендарный камень находится на Бобруйщине. Верстах в пяти от Бобруйска, возле Свислочского шляха, между шляхом и железной дорогой, в лесу, на поляне, лежит довольно большой камень потрескавшийся, видимо, от молнии. Камень этот в народе называется «кравцом» (портным). О нем имеется у местных жителей предание, интересное по своему содержанию. Там, где теперь лежит этот камень, жил когда-то портной. Портной этот был такой, что его не надо было ни просить, ни показывать, как шить. Один раз принесла к нему шить брачный наряд девушка-колдунья и стала объяснять, как сделать. За это портной не сделал всего нужного ей. Колдунья оскорбилась и дом вместе с портным превратила в камень. Портной и после этого долго не прекращал свою работу. Надо было только положить полотно на камень, чтобы на другой день найти нужную одежду. Как доказательство того, что камень этот раньше был хатой, народ показывает на место в камне, которое формой сродни окну. Держится предание, что если разбить камень, то внутри его нашелся бы портной [40].

Похожий камень-кравец находится около застенка Замостье Дисненского уезда при дороге из деревни Старый Погост. В камне будто было оконце, в которое если положить ткань и сказать, что пошить, то на другой день найдешь сшитое. Делалось это до тех пор, пока какая-то баба не набросала в оконце навоза, сказав пошить ей ботинки. Бабу эту на месте скрючило, оконце закрылось и никто больше не видел его.

Наряду с этой легендой существует другая о том же камне, из которой видно, что камень-кравец ходил по свету. Где-то в каком-то городе строили церковь и что люди за день навозят, то черт за ночь перекинет на другой берег. Когда узнал об этом пройдохе-черте портной, то превратился из камня в великана и пошел на то место, где черт бузил. И вот, как черт перебросит через реку камень, так он ему назад бросит два камня. Черт сколько ни старался, не мог осилить портного и наконец сдался. От этой игры собралось там, где нужно было, столько камня, что из него и построили церковь [41].

Камень-кравец был около деревни Краснолуцк на Борисовщине. Портной, который был в этом камне, никогда ни с кем не говорил. Шил он непрерывно и

очень способно, но никогда его не надо было просить, а то резал на куски материал и бросал. За работу ему приносили еду [42].

Такую же портняжную способность имел камень в Высоком Городце в Сенненском уезде, на котором в 1886 г. Е. Романов нашел надписи, которые дают возможность присоединить его к так называемым Борисовым камням. Вечером этому камню приносили материал и просили: «Степан, пошей мне жупан!» и утром получали готовую одежду. Долго так шил камень и получил название «кравец». Но однажды пьяная женщина захотела посмеяться над камнем. Принеся вечером сукно, она положила его на камень и сказала: «Степан, пошей мне ни то ни сё!» Утром она нашла одежду испорченной – один рукав был вшит в подол, и другой не на своем месте. С этого времени портной перестал шить [43].

Такие же мотивы передаются в предании о портном «Степан-камне», который находится у истоков реки Вилии. За какой-то поступок бог превратил портного в камень. Но портной Степан, когда клали на этот камень полотно, – шил и на этот заработок жила его жена Ульяна. Однажды какой-то шутник попросил его пошить «ни то, ни сё» и камень Степан шить перестал. Ульяна, узнав об этом, утром пришла к камню, обняла его своими руками и горько плакала так долго, что от слёз ее образовалась река, которая стала называться «Ульяной» или Вяльей (Вилией) [44].

Возле Смургоней на Ошмянщине Виленской губернии лежит большой камень. Неподалеку от камня находится местечко, которое называется Камень. В народе осталось предание, что встарь, если на камень этот положить два злотых, то, вернувшись к дому, найдешь сапоги, которые неизвестно откуда появлялись [45].

IV. Камни с выбитыми знаками и легенды о них

Кажется, что больше других видов камней, которые отражаются в народных верованиях и преданиях, распространены на Беларуси камни с разными знаками, и особенно со стопой босой ноги человека. В местечке Вызна на Случчине лежит камень, который называется «Божья ножка». На этом камне четко виден отпечаток человеческой стопы. Над камнем построена часовня [46].

В Беларучской волости на Минщине, недалеко от деревни Мачаны, около городища, находится камень с вырубленной на нем подковой. Рассказывают, что здесь были спрятаны ценные вещи, в знак чего и положен этот камень с отметкой. Такой же камень лежал возле Сёмкова Городка [47].

Камень с отпечатком стопы ноги находится возле реки Двины, при Пушкарских порогах, в Велижском уезде. О камне рассказывают легенду, что здесь жила девушка-великанша, которая одним шагом переступала всю реку Двину. Только раз она споткнулась и наступила на этот огромный камень, на котором остался отпечаток ее ноги [48].

Камень со знаком, похожим на след человека, имеется еще на полпути из Слуцка в местечко Грозово, этот след будто остался от св. Николая, который шел в ближайшую церковь показывать чудеса [49].

В Вилейском уезде Виленской губернии есть камень, на котором видят отпечаток человеческой ноги. В Ошмянском уезде, при гостинце (дороге) из Трок

в Ошмяны, тоже есть камень с отпечатком человеческой ноги. Во дворе Юзефово, в поле, у деревни Мейры Лидского уезда на большом камне виден отпечаток человеческой ноги; в народе говорят, что это след богородицы. В Троцком уезде, во дворе Миткишки Казакиского прихода, на правом берегу реки Вилии находится такой же камень, который называется следом матери божьей [50].

В местечке Перебродье и в деревне Мурашки, Перебродской волости Дисненского уезда Виленской губернии находятся камни со следами ног. В этом же уезде на луге застенка Заплисье, на камне выбита сабля. Во дворе Каменополье Миорской волости (Дисненский уезд Виленской губернии), в месте, называемом «Святая воля», был камень, на котором имелся отпечаток пистолета и подковы. В местечке Погост, тоже Дисненского уезда, есть камни с выбитыми на них мисками и подковами [51].

Недалеко от деревни Кивачино Пружанского уезда (в Гродненской губернии) был большой круглый камень, на ровном месте которого видны были два углубления, похожие на отпечатки человеческих ног и ямка, которая будто осталась от того, что кто-то сидел на камне. Эти следы, по народному верованию, оставлены св. девой Марией, когда она шла в Иерусалим с младенцем Христом на руках и отдыхала на камне. Дождевая вода на камне будто бы никогда не высыхает в его ямках и хорошо помогает от колик, если ею умыться [52].

В фольварке Лосёвка Погоской волости Игуменского уезда находятся два камня, один из которых, больший, имеет форму седла. На обоих очень четко высечено по одному следу босой человеческой ноги.

Камни с выбитыми на них знаками имеются на могильнике деревни Азяты Азяцкой волости (Кобринский уезд Гродненской губернии). Хотя вокруг верст на 10–30 нигде нет камней, на этом могильнике находятся несколько больших камней с рисунками: на одном камне, например, выбиты молоток и клещи, на двух других камнях – ножницы и прочее. Когда, ради чего высекали эти знаки – неизвестно. В местечке Немиров Александровской волости Бельского уезда Гродненской губернии на древнем могильнике были плиты с выбитыми на них рисунками: топоры, пилы, сапоги, ножницы и пр.

Недалеко от деревни Скалимово Малешевской волости (Бельский уезд Гродненской губернии) лежит камень, который называется «Божья стопа». На этом камне выбит след левой человеческой ноги и рисунок луны в форме серпа. Народ считает это следом богородицы. В Жировичах (Жировичская волость, Слонимский уезд) имеется камень с отпечатком руки [53].

Недалеко от корчмы Росальщина Трабской волости (Ошмянский уезд Виленской губернии) есть камень с отпечатком левой человеческой ноги в чулке и внутри – четырехконечный крестик. Как отмечает Ф. Покровский, Теодор Нарбут в «Dzieje narodu Litowskiego» (т. VII), видимо имел в виду этот самый камень, о котором говорил, что на камне есть очерк татарской басмы*. По народной легенде след этот оставил черт, которого св. Илья гнал с земли [54].

Н.П. Авенариус, исследуя курганы в Дрогичине над Бугом Гродненской губернии среди бурьяна и кустов нашел камень длиной 2,5 аршина (1,78 м) и 1,5 аршина шириной (1,07 м), на котором по обеим сторонам выбитого восьмико-

* Басма (тюрк.) – тонкий лист металла с тисненым узором или рисунком. – *Прим. ред.*

нечного креста были вырезаны словно два топорика, сходных с найденными в могильниках. Старые люди ему рассказывали, что на могильнике прежде были камни с выбитыми на них разными вещами: топорами, скрипками, подковами и другими предметами [55].

В Лидском уезде Виленской губернии, возле деревни Костенево Василишской волости в поле, на месте называемом «Бамбизовщина», на горе, было городище круглой формы, которое занимало около десятины земли. На городище — могильник. На этом могильнике находилось много интересных камней. Имели они самую разную форму и всевозможные углубления. Лежали они в некотором симметричном порядке, будто покойники, похороненные в один ряд. На этих обросших мхом камнях можно было рассмотреть нечто похожее на рисунки зверей, птиц, и вообще какие-то непонятные странные знаки. Форма некоторых камней была настолько оригинальна, что их можно было считать фетишами [56].

Возле местечка Петровичи в Климовичском уезде находился камень с фигурами и буквами. Раньше этот камень лежал на другом плоском камне, а на верху его был еще третий, меньший камень [57].

Крестьяне рассказывали П.М. Шпилевскому, что недалеко от Логойска в Лопанецком лесу, на высокой горе, находится большой камень, который весь покрыт высеченными на нем фигурками [58].

Некоторые камни со знаками стопы человека, как было отмечено раньше, являются по народному преданию, чудодейственными, и народ обращается к ним за помощью. О других же таких камнях сложились только легендарные представления, которые стремятся объяснить появление знака на камне.

Камень из Столина

Камень из деревни Плебан

Валун в Уручье (Минск)

Для чего эти знаки высекались на камнях в Беларуси, кем и когда, ни в этнографической, ни в археологической литературе о Беларуси нам найти не довелось. Федор Покровский (1855–1903) отмечал, что знаки эти могли выбивать жерносеки просто в шутку, и они, таким образом, являются /творением/ недавних времен*. Безусловно, с таким взглядом Ф. Покровского согласиться нельзя.

Мы здесь остановились только на тех камнях со знаками, которые по нашему мнению отражают культовые суеверия беларуского народа. Правда, мы упомянули несколько камней с такими знаками, например с подковой, саблей, пистолетом, которые скорее всего, не были культовыми, а имели другое предназначение – указывали место какого-то происшествия и т. п. Также следует отметить, что здесь опущены камни с надписями, такие как Борисовы камни, камень Рогволода и другие. Таких «писаных» камней в Беларуси очень много и о них нужен отдельный очерк, тем более, что они интереснее со стороны эпиграфики, чем в плане культа.

Среди камней с надписями не все еще разобраны и разгаданы. Такие надписи, как на камне, который был найден Дундуковым-Корсаковым на Могилевщине в местечке Романово [59], как камень из местечка Погост на Игуменщине, который теперь находится в Беларуском государственном музее в Минске, как камень с надписью, буквы которой похожий на птичьи лапки [60] – до сего времени остаются никем не разгаданными.

Может быть, следовало бы на этих камнях несколько остановиться и в этом очерке. Возможно, что эти надписи являются руническими знаками, высеченными жрецами в давно прошедшие языческие времена. Также возможно, что надписи эти высекали в глубокой древности далекие иноземцы (как надгробные надписи или др.), которые вели через Беларусь торговлю по Великому водному пути. Пока эти памятники старины еще не изучены, об их значении приходится только гадать.

V. Камни, которые изображают разные фигуры. Каменные бабы. Каменные кресты

В народных верованиях и представлениях беларуса отразились камни, изображающие разные фигуры. Одни из этих камней, видимо, своей природной формой напоминали какое-либо живое существо, другие же получили ту или другую форму от руки человека. О камнях с природной формой сложилось больше верований и преданий, чем о камнях с фигурами, сделанными рукой человека. О последних, которые безусловно делали с культовыми целями, в литературе нет народных преданий.

Казалось бы, что камень с четкими формами должен был дать беларусу больше оснований для возникновения легендарных представлений, чем простой камень или с каким-нибудь знаком. Между тем преданий о них нет. Чем это объясняется, сказать трудно. Можно думать, что бесформенные камни «объявились» своей «чудесной силой» и породили, таким образом, легендарные пред-

* Жерносеки – каменотесы, делавшие из камней жернова. – *Прим. ред.*

ставления. Высеченные же рукой человека камни, также как и различные каменные инструменты того времени, должны были механически «исполнять» свои обязанности перед человеком после принесения им жертв и других /ритуальных действий/. Постепенно отмирая, верования и обрядности, связанные с этими камнями, начинали отягощать человека и не оставили никаких преданий. Но вопрос этот еще только в догадках. Нам здесь важно отметить лишь то, что этим камням человек некогда поклонялся.

Камни с различными изобразительными формами встречаются в Беларуси часто и относятся к самым разным видам живых существ.

Так, о камне Рогволода на Оршанщине, который находится недалеко от Коханово, возле деревни Листиново, в народе держалось предание, что камень этот стоял на четырех ногах и с какой-то головой. Но якобы некий мельник отсек голову и ноги камню и сделал из них жернова. За такую дерзость мельник с мельницей сгорел. По просьбе листиновских крестьян, обожествлявших этот камень, в 1805 г. над камнем была сделана часовенка [61]. Дезидерий Ришардо, когда в 1818 г. писал об этом камне графу Румянцеву, тоже добавлял со слов старых людей, что камень держался на столбах и под ним могли играть дети [62]. Стоял ли этот камень когда-то на опорах и с «головой», либо это результат народной фантазии – сказать трудно.

По течению рек Случь, Береза и Припять в лесу находились каменные столбы с высеченным лицом человека [63]. Генрик Татур (1846–1907) также отмечает камень на Червенщине (прежняя Игуменщина), имевший форму столба, а наверху обозначалось лицо человека. Камень этот в народе назывался «Царь Давид». Также Татур говорит, что по течению рек Лань и Случь имеются камни в форме столбов*.

Шпилевский сообщал, что в Бресте, в Кобринском предместье, на правом берегу Мухавца был огромный курган, окруженный насыпными капцами (холмами) и камнями странной формы. По народному преданию этот курган является остатком языческого капища богини Мажанны (Мечты) у литовцев или ятвягов, имя которой, как говорит Шпилевский, упоминается в народных песнях Гродненщины. Около кургана якобы были разбросаны отесанные камни с вырезанными фигурками, обрызганные кровью (?). Когда вырубили лес около кургана, народ собрал все эти камни и сложил их в одно место, там, где было капище Мажанны. Шпилевский сделал попытку проверить это предание, но камней не нашел. Говорят, будто они лежат в середине кургана [64].

---

* *Примечание.* Каменные столбы на берегах рек и другие с изображением на верху облика человека, очень похожи на те столбы с изображением человеческого лица в Итиле (Астрахань), о которых повествует арабский писатель Ибн Фадлан (20-е годы X века.). Он пишет: «...В то время когда приплывают их (русов) суда к якорному месту, каждый из них выходил, имея с собой хлеб, мясо, молоко, лук и горячий напиток, подходит к высоко поставленному столбу, который имел лицо, похожее на человека, а вокруг его малые изображения; сзади этих изображений поставлены в земле высокие столбы. Он же подходит к большему изображению, ложится вниз (простирается) перед ними и говорит: о господине, я пришел издалека, со мной девушек столько-то и столько голов скота, соболей – столько и столько-то кож, пока не помянет все, что он привез с собой из своего товара...»

Не говорит ли это о том, что с Птичи беларусы торговали в хазарской столице Итиль? Как известно русы в Итиле вели оживленную торговлю, имели там свою колонию и представителя в местном суде. (А.Гаркави. Сказание мусульманских писателей о славянах и русах. С.-Петербург, 1870, с. 95–96).

В Бобруйщине на берегу реки Птичь имеются два камня совсем непонятной формы. Один из них народ называет «волк», а другой — «гусь» [65]. Владимир Завитневич (1853–1927) отмечает, что на Минщине находятся каменные изображения различных живых существ. Лично ему приходилось видеть каменную змею и гуся [66]. Камень, на котором высечен змей, находился в Литве около местечка Рогово Ковенской губернии, он называется Zaltis [67].

Николаю Янчуку во время его путешествия 1886 года на Минщине говорили о камне возле деревни Крынки по дороге из Житина в Осиповичи на Бобруйщине, который будто бы имел форму утки и обладал какой-то непонятной силой [68].

Интересное место занимают так называемые «каменные бабы». На Беларуси есть несколько каменных баб. Каменная баба, довольно грубо обработанная, имеется в Витебском государственном музее. Лицо ее невыразительно. Руки сложены на животе. На руках обозначаются браслеты. Ноги бесформенные. С плеч на голову поднимается какое-то убранство. Величиной в рост небольшого человека [69]. Каменная баба была и на Бобруйщине в местечке Любоничи, сейчас она перевезена в Беларуский госмузей, другая каменная баба на Бобруйщине находится недалеко от Днепра по дороге из Речицы в Бобруйск. Эта баба имеет четырехугольную форму [70].

Каменная баба имеется и в Минском государственном музее, привезенная с Оршанщины, из поместья Смоляны, куда ее привезли из поместья Дедилово. Ф. Покровский говорит, что каменные бабы находятся в деревне Межевичи на Слонимщине, но описания их не дает [71]. Две каменные бабы есть в Гомельском парке, предположительно, их привез некогда князь Паскевич с юга и поставил в парке возле своего дворца. Вероятно, много похожих памятников еще не найдено. Многие лежат на дне озёр и рек, куда их бросили при введении христианства.

На острове озера Богино (Дисненский уезд) стоит каменная человекообразная фигура из серого гранита в половину человеческого роста, со сложенными на груди руками, с отрубленной головой. Фигуру эту называют «Идол» [72]. В Олизаровичах (Речицкий уезд) на кладбище в часовне есть каменная баба [73].

Вопрос о каменных бабах вобще очень сложен. В литературе этому вопросу было уделено довольно много внимания, но суть происхождения каменных баб остается темной. Теперь, когда эти памятники старины сдвинуты со своих мест, выяснение этого вопроса еще более усложняется. Нет никаких сообщений, где находились в Беларуси каменные бабы: были они поставлены на кладбищах или на капищах, либо где-то в другом месте. Возможно также, что некоторые из них /действительно/ привезены к нам с юга, этот вопрос частично прояснится после изучения породы камня, из которого сделаны эти статуи. Неизвестно также, какие из них изображают мужчин, а какие — женщин. Но независимо от этого можно с уверенностью сказать, что в своих верованиях беларус знал каменные человекообразные статуи.

Николай Веселовский (1848–1918) думал, что каменные бабы принадлежали турецкому народу в пору его шаманского верования, что они изображали врага, который погиб от руки героя, на могиле которого и ставили каменную статую [74].

С принятием на Беларуси христианства камень не утратил уважения к себе. Поклонение камням сохранялось еще очень долго. В некоторых же случаях вместо каменных богов, которые были объявлены «погаными», народ стал на камне высекать христианские эмблемы. Там, где раньше стояли камни с языческими богами, постепенно стали появляться каменные кресты и т. д. Каменных крестов на Беларуси осталось довольно много. Мне лично приходилось видеть каменные кресты на Витебщине, неподалеку от Тадулинского монастыря, на Лосинском кладбище в Селюцкой волости, которые, видимо, поставлены здесь уже позже и сдвинуты со своих первоначальных мест. Часто встречаются огромные кресты на Полотчине вдоль старинных шляхов.

Между прочим, на Полотчине известны так называемые «жальные кресты» — два в Якимани около церкви и один возле деревни Ксты, неподалеку от Полоцка. На последнем есть надпись: «сто вьхрь станько...» Первый Якиманский крест стоит в 275 шагах от Западной Двины, на высоком кургане, имеющем около 360 шагов вокруг внизу и около 150 — в верхней части. Высота креста 64 дюйма (162,5 см); ширина перекладины 34 дюйма (86,3 см), а толщина 9,5 дюймов. Второй Якиманский крест меньше; высота его 44 дюйма (112 см), ширина 30 дюймов (76 см). Он сдвинут со своего первого места и поставлен на церковном кладбище. Третий крест с надписями находится около деревни Ксты. По типу он одинаков с предыдущими. Высота его около 54 дюймов (137 см), ширина в верхней части 30 дюймов, толщина 10 дюймов. Название деревни «Ксты» /«Кресты»/ показывает, что здесь раньше был не один такой крест.

Туровским каменным крестам люди поклоняются и сегодня

Что означает надпись, которая сохранилась на этом кресте, сказать трудно потому, что часть ее выветрилась. Н. Кайгородов думает, что Кстовский крест поставлен на братской могиле во время войн Ивана Грозного со Стефаном Баторием. Стоит этот крест не на старом своем месте, а переставлен на новое [75]. Во время своих археологических поисков на Полотчине в 1852 году Ксенофонт Говорский упоминал об этом кресте в деревне Ксты и привел его надпись в таком виде: «Сть вь хра нько». Писал он и о каменном кресте в Бездедовичах, который перенесен сюда со старинного кладбища; на этом кресте Говорский разобрал такую надпись, написанную славянскими буквами: «Во.мя.ца н сына н светого духо аминь. Сия паметь поставлена по рабе божiим хау став а поставил сынь по тiц ахл». Около деревни Ветрино им найдено несколько каменных крестов, на одном из них можно было прочесть «Іоанко Неманушкевичь»... другие буквы стёрлись [76].

Камень с выбитым на нем крестом лежит на Дисненщине, около деревни Луцки [77]. Такой же камень находится возле деревни Яваро, в местности Каменица Рогатнянской волости на Слонимщине. С обеих сторон креста была надпись, которая стерлась так, что нельзя ничего разобрать. Там же в деревне Рудник Берковской волости тоже имеется камень с выбитым крестом. В народе сохраняется предание, что около этого места был бой со шведами [78].

Как известно, на всех так называемых «борисовых камнях» и на камне Рогволода выбиты кресты. Любопытные кресты, о которых упоминалось выше, находятся на Туровщине, Здесь известны каменные кресты: один в Турове в Борисо-Глебской церкви, другой в Кричеве, третий в Погосте и два в деревне Радиловичи Туровского района. Каждый крест будет до сажени высотой [79].

Интересный каменный памятник под названием «Федьков крест», находится недалеко от Заславля. Если смотреть на него со стороны Заславля, камень имеет вид креста, а с противоположной стороны — фигуру человека. Предание говорит, что на этом месте лет 100–150 тому назад разбойники убили Федьку и отобрали деньги, которые он получил за проданную корову. Федьку похоронили, а на месте убийства его родные поставили крест [80]. Много каменных крестов стоит вдоль дорог в Чечеринской волости на Бобруйщине. Один из таких крестов стоит на пересечении дорог из деревни Цеплух на Деравцы и из деревни Протасевичи в Осиповичи.

Встречаются /также/ каменные кресты в тех концах деревень, к которым, по старому обычаю, жители деревни проводят покойника [81].

Каменный крест стоит при дороге на Оршанщине во дворе Галошево Кохановской волости. В Смоленске в Тенишевском музее находится каменный крест, найденный С.М. Соколовским в деревне Коровники и доставленный им в упомянутый музей. Похожий на него крест имеется в музее Рославля.

VI. Заключение

Нельзя сказать, какому собственно народу принадлежит первое запечатление культа камня. Можно только говорить о первых замеченных проявлениях этого культа у того или другого народа. Нельзя сказать, что культ камня в прошлом беларуского народа является оригинальным явлением, как и нельзя сказать, что он заимствован от других народов. Он вынесен им из седой исконности, от своих пращуров и держался вплоть до наших дней, подвергаясь разным изменениям, так что многое из первобытных верований и предоставлений беларус позабыл и образовал новые мотивы.

Возможно, что некоторые мотивы, близкие к верованиям и взглядам беларуса, были заимствованы от соседних народов, также как могли их позаимствовать у беларуса его соседи. Вера в камни вырастала органично тысячелетиями у всего человечества. Прывыкнув издревле к постоянным взглядам и верованиям, беларус держался их, так как они соответствовали его культурным достижениям. Последнее подтверждается тем, что замена дохристианской религии на христианство не изменила его древних языческих взглядов, которые поныне еще в значительной мере сохраняются в мировоззрении части населения нашего края, наиболее близкого к природе.

В беларуских предоставлениях о происхождении камня проявляется человек – исследователь природы. Он берет формы камня и сравнивает их с другими вещами: с хлебом, пнями, животными, людьми, землей и др. Он замечает, что пережженный камень рассыпается, мельчает и соединяется с землей и проводит аналогию камня с землей. Известно, что фантазия беларуса не ограничивалась только таким сравнением и нашла здесь себе богатую почву для разных легендарных преданий.

Высеченный из камня огонь в значительной мере привлекал внимание человека к камню, вызывал в нем чувство страха и побуждал к поклонению камню. Человек, который жил за тысячи лет до нас, не мог дать истинного объяснения природным явлениям и, приписывая их разной неизвестной ему силе, в которой он по-своему убеждался, обожествлял камень и поклонялся ему. Здесь трудно разграничить, где камень был только фетишем, а где человек наблюдал в камне бытность духов – анимизм.

Культ камня создал самые разные виды поклонения камню, вызвал разные новые верования, которые, как видим, были широко распространены. Мы видели, что даже с Псковщины приезжали на Минщину на поклонение «Демьяну» и «Марье». Это свидетельствует о том, что культ камня в Беларуси прочно сохранялся до самого последнего времени, причем были камни, которые далеко славились своей магической силой.

Постепенно, с развитием верований о происхождении камней складываются легенды об окаменелых людях, скотине и разных вещах. Представления эти, видимо, имеют глубокую древность, ибо легенда об окаменении жены Лота записана уже в Библии. Последний мотив между беларусами значительно распространен, возможно, что свои основания он имеет в геологических окаменелостях. Когда возникло верование о возможности превращения человека в камень, то появились представления и об окаменелостях, которые приписываются определенным событиям.

Здесь, с одной стороны, мы видим, что наше историческое прошлое наложило отпечаток на эти верования. Сказывается трагическое положение нашего народа во времена нашествий на Беларусь вооруженных иноземцев. С другой стороны представления об окаменелости людей окружены христианскими взглядами, что иной раз не позволяет увидеть первоначальную основу этих представлений.

После того как возникло верование в окаменение людей, которые во время своего земного бытия имели те или другие способности к работе, появилось уже основание, чтобы эти окаменевшие люди не прекращали своей работы.

В богатырском эпосе, кроме приведенных выше преданий, известны еще и такие легендарные предания, например, чтобы победить бабу-Югу и ее войско, великану Василию Васильевичу нужна каменная стрела, которую он пускает в бабу-Югу и загоняет ее этим в подземелье [82]. Среди сказочных силачей Ивана Златоуста, Ирвидуба, Вернигора значится и Каменник [83]. В первом случае камень является только средством для победы над бабой-Югой, а в другом – камень олицетворяется только как сила.

Следует также остановиться на очень распространенном в Беларуси явлении, это на камнях с отпечатком стопы, в большинстве босой, ноги человека. Ф. По-

кровский, как мы видели, приписывает появление таких знаков забаве жерносеков. Между тем знаки эти на камнях, по моему мнению, являются чрезвычайно любопытными для изучения культовых пережитков беларуса. Следы эти свидетельствуют о жившем некогда у беларусов веровании, что душа человека после смерти долго ходит, встречая разные преграды, пока не найдет успокоение. Для подкрепления этой мысли можно сослаться на следующие факты. Еще на нашей памяти встречались иногда кладки на тропинках, через ручьи, с вырезанной на них стопой ноги человека, которая, по народному верованию, должна показывать душе покойника, которая ходит по земле, ища рай, что по кладке она может перейти ручеёк.

Вацлав Ластовский рассказывал мне, как он, будучи еще мальчуганом, сам помогал старому родственнику ходить в лес за деревом и ложить кладку с вырезанным следом через ручей на помин души умерших людей. Такие кладки на Дисенщине около Погоста и Германович встречаются часто. Кто проходил через кладку со следом, должен был сказать «Помоги Боже» в адрес того человека, для чьей души положена была кладка.

Надо думать, что след на кладке имеет связь со следом на камнях. Из приведенных выше преданий об этих камнях нельзя увидеть ничего подобного; предания говорят совсем о другом. Но это не значит еще, что высказанный мной взгляд этим опровергается. Почти все предания об этих камнях имеют христианские мотивы. Между тем такие мотивы не дают никакого основания для объяснения появления знаков на камнях – все они приписывают их деятельности божьей, или же нечистой силе. Но сами камни свидетельствуют, что знаки – дело рук человека. Камней с такими знаками у нас много, они встречаются повсюду на всем пространстве Беларуси. Значит, делали эти следы не просто так, а с какой-то неизвестной нам целью.

Приходится лишь предполагать, что было когда-то такое время, когда человек вырубал след стопы ноги в результате своих культовых взглядов. На основе таких суждений можно допустить, что знаки эти высечены в очень глубокую старину. Последнее подтверждается и тем, что еще до времени введения христианства соответствующее верование стало терять свой прежний смысл, в результате чего перестали вырубать след на камне и потихоньку забыли об этих знаках, так же как человек забыл о своих каменных инструментах. Когда же стало появляться христианское вероисповедание со своими легендарными представлениями, беларус, видя уже непонятные ему следы на камнях, стал создавать о них легенды с христианскими мотивами.

Таким образом, камни со следами, разбросанные у дорог и на полях Беларуси, являются интересными памятниками прошлого в одной из ветвей верований беларуса – о жизни души человека на «том свете». При изучении древней культуры беларуса исследователь вынужден будет обращаться не раз к этим памятникам, которые остаются сейчас без всякого внимания.

Мы видели, какое большое значение камня было в культовом быту беларуса в так называемые языческие времена. Когда христианская религия, благодаря своему официальному положению, стала решительно вытеснять языческие верования, то и поклонение камням у беларусов получило некоторые новые формы. Там, где раньше человек в большинстве случаев останавливался на при-

родном виде камня, и особенно если он напоминал человеку какую-то фигуру, во времена укрепившегося уже христианства человек вырубает на камне, или придает камню вид христианских эмблем. Он высекает из больших валунов кресты, которые ставит на кладбищах, при дорогах, которые, видимо, должны были оберегать путников, и в концах деревень, где в последний раз провожали всей деревней покойника. Все это свидетельствует, что суть верования в камень остается той же, что и до христианской поры.

Как было уже отмечено выше, камень в этих случаях не был только материалом. Человеку много легче было поставить при дороге, возле деревни и на кладбище деревянный крест. Следовательно, камень сам по себе являлся для человека обожествленной частью природы. Сделанные из него культовые вещи приобретали особую святость и, таким образом, большую силу своего влияния.

Литература

1. Городцов В. Первобытная археологія. Москва, 1908, с. 15.

2. Этнографическое обозрение. 1893, № 1, с. 155.

3. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПБ: АН, 1893. Том II, с. 697.

4. Ibid., с. 697.

5. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск, 1897, с. 210–211.

6. Романов Е.Р. Белорусский Сборник. Витебск 1891. Выпуск IV, с. 170. Сравни у Шейна. Материалы.... том II. с. 697.

7. «Крывіч», 1926, № 11, с. 69. (Рукописи Н.Я. Никифоровского не допускала к печати царская цензура).

8. Никифоровский Н. Простонародные приметы и поверья, с. 211.

9. Шейн П.В. Материалы, том II, с. 438.

10. Ксцов. Пресвятой камень (Минские губернские ведомости, 1868, № 50).

11. Михайловский Е. Археологические очерки Слонимского уезда Гродненск. губ. (Труды Виленск. Отд. Москов. предвар. К-та по устройству в Вильне IX арх. съезда). Вильно, 1893. Отд. 2, с. 184, замечание.

12. Сообщение студента БГУ Хлебцевича (1923 г.), записал студент Ил. Барашко.

13. Сообщение студента БГУ Коптика (1923 г.), записал ст. Ил. Барашко.

14. Янчук Н. По Минской губернии (Записки из поездки в 1886 г. Труды Этнографического отдела О-ва любителей естественной антрополог. и этнографии, кн. IX, вып. 1, с. 73.

15. Романов Е. Белорусский Сборник. Выпуск V, с. 297–298. О «Голубиной книге» см. у Карского Е. «Белорусы», т. III, кн. 1, с. 502–503.

16. Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Петербург, 1858, с. 96.

17. K. Tyszkiewicz. Wilja i jej brzegi. Drezno,1871, s. 115–116, 120.

18. Шпилевский. Путешествие..., с. 229.

19. Ibidem, с. 236.

20. Tyszkiewicz K., Wilja i ej brzegi, стр. 103-105, 119 и др. О том же: Материалы по истории и географии Дисненского и Виленского у. у. Виленской губ. Изд. А. Сапунова и В. Друцкого-Любецкого, Витебск 1896, с. 25–29. В этой же книге в замечаниях на

стр. 94 сказано, что обычай бросать хлеб-соль при каменных порогах ведется и на Западной Двине.

21. Покровский Ф. Археологическая карта Виленской губ., с. 92.

22. Киркор А. Поселения в Белорусском Полесье. Живописная Россия. 1882, том III, с. 379.

23. Романов Е. Белорусский сборник; Выпуск V, с. 12, 149, 161. 173, 184,185. О Латыр-камне смотри у Карского «Белорусы» том III, книга 1, с. 81 и 503-504. Стоит отметить, что рыбаки с озера Мядель на Виленщине называют латырем камень, вплетенный лыком в кольцо из лозового дубца, которое служит грузилом для неводов.

Об использовании камня в народной медицине и поклонении ему на Кавказе, приводит интересные заметки д-р И. Минкевич в своем очерке «Камни как медицинское средство и как предмет обожания на Кавказе» в «Протоколах Заседаний Кавказского Медицинского Общества» 1893, № 13. Среди описанных им разных видов употребления камня находятся некоторые общие черты с белорусскими верованиями.

24. Анимиле Н. Быт белорусских крестьян (Этнограф. сборник имп. русск. Географ. О-ва. Петербург, 1854, Выпуск II, с. 267.

25. Романов Е., Белорусский сборник. Выпуск IV, с. 172.

26. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. /Под ред. В.П. Семенова/ СПб., 1905, том IX, с. 526.

27. Киркор А. Этнографический взгляд на Вилен. губ. // Этнограф. сборник, в. III, с. 179. Этот кравец Гомсин у Киркора назван «философом».

28. Ibid, с. 180.

29. Богданович А. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895, с. 2425. Ср.: Киркор «Этнограф. взгляд на Віл. губ.», с. 180, примечание.

30. Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губ., с. 180.

31. Шейн П. Материалы..., II, с. 439.

32. Со слов Драко-Дракона М.Ф., местечко Погост.

33. Крукоўскі А. Камянныя валы. // «Наш Край», 1926, № 45, с. 53–54.

34. Янчук Н. По Минской губ. (Заметки из поездки в 1886 г.) Труды Этнографич. отд. О-ва любит. естествознания, антропологии и этнографии. Кн. IX. вып. 1, стр. 75.

35. Шейн П.В. Материалы..., том II, с. 434.

36. Сержпутоўскі А. Казкі і апавяданни Беларусі з Слуцкага павета. Мн., 1926, с. 174.

37. Ластоўскі В. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926, с. 61.

38. Романов Е. Белорусский сборник, вып. IV, с. 172.

39. Романов Е. Бел. Сб. IV, с. 170–171.

40. Со слов Ю.Я. Бибилы. (Бел. Гос. Библиотека).

41. В-т. Аб камянёх-краўцох. // «Крывіч». Коўна, 1926, № 6, с. 46–47.

42. Шейн П. Материалы, II, 437.

43. Романов Е. Древние лапидарные памятники Западнорусского края. // Записки Сев.-Зап. Отд. Геогр. О-ва. Вильна, 1912, кн. III, с. 66.

44. Материалы по истории и географии Дисненского и Виленского у. у. Вил. губ. Замечания, с. 91.

45. Киркор А. Этнограф. взгляд на Вилен. губ., с. 180.

46. Сообщение студента БГУ Циминского (1923 г.), записал студент Ил. Барашко.

47. Матусевич А. // «Сав. Бел.», 1923, № 192.

48. Сообщил Я.Т. Дадон, г. Велиж.

49. Янчук Н. По Минской губерии, с. 73.

50. Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губ., стр. 180.

51. Покровский Ф.В. Археологическая карта Виленской губ., с. 12.

52. Шейн П. Материалы..., том II, с. 442.

53. Покровский Ф.В. Археологическая карта Гродненской губ., Вильна, 1895, с. 19.

54. Покровский Ф.В. Археологическая карта Виленской губ., с. 92.

55. Авенариус Н. Дрогичин Надбужский и его древности (Древности Сев.-Зап. края. СПБ, 1890, т. 1, в. 1, с. 36).

56. Покровский Ф.В. Археологическая карта Виленской губ., с. 98.

57. Фурсов. Дневник раскопок в Могилевской губ. Могилев. 1892, с. 28.

58. Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому Краю, с. 173-174.

59. Дандуков-Корсаков А. Древний памятник «Волчьего Хвоста» в стране Родимичей (Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. кн. III, с. 35).

60. Масальская-Сурина. Памятники Старины. (Минская Старина, 1909. вып. 1, с. 94).

61. Шпилевский П. Путешествие..., с. 185.

Ёсьць яшчэ адна цікаўная легенда аб мельніку, якая, відаць, мае некаторую сувязь з заснаваньнем г. Менску. Легенда гэтая апавядае, што на беразе Сьвіслачы пасяліўся магутчараўнік па прозьвішчы Менеск, які пабудаваў на Сьвіслачы каменны млын, і які малоў муку не са збожжа, а з камянёў. (Шпілеўскі, там жа, с. 124-125).

62. Северная Почта, 1818, №№ 74, 89.

63. Масальская-Сурина. Памятники старины (Минская Старина; вып. 1, с. 94).

64. Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю, с. 22.

65. Татур Х. Очерк Археологических памятников на пространстве Минской губ., с. 34–37.

66. Завитневич В. Вторая Археологическая экскурсия в Припятское Полесье. Киев, 1891, с. 21.

67. Древности. 1867 г. Май-Июнь. Археологический Вестник, с. 137.

68. Янчук Н. По Минской губернии..., с. 75.

69. Эта каменная баба привезена мной в 1921 г. в Витебский музей из местечка Крынки.

70. Срезневский. Збручский истукан Краковского музея (Записки Имп. Археологического о-ва, 1853. т. V, с. 181).

71. Покровский Ф.В. Археологическая карта Гродненской губ., с. 34.

72. Из рассказа М. Рудака, жителя города Дисна.

73. Из архива Бел. Гос. Музея в Минске.

74. Веселовский Н. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах», Одесса, 1915, с. 24. Здесь же дан обзор литературы по этому вопросу и приложены 63 иллюстрации каменных баб.

75. Кайгородов Н. Екиманские древности. Из поездок по Витебской Белоруссии. Археологическая заметка (Оттиск из 12 книги «Светоч» за 1912 г.).

76. Говорский К. Археологические розыскания в окрестностях Полоцка. Вестник Юго-Зап. и Западной России. Киев, 1863 г. Август; с. 135–137. Н. Кайгородов видимо не знал этой статьи при изучении Якиманских древностей.

77. Покровский Ф.В. Археологическая карта Виленской губ., стр. 7.

78. Покровский Ф.В. Археологическая карта Гродненской губ., с. 14 и 19. 3) Настаўнік. Архэолёгічные помнікі Тураўшчыны // «Савецкая Беларусь», 1923, № 66.

79. Ляўданскі А. Архэолёгічныя раскопкі ў Заслаўі. Працы і Матар'ялы Архэолёгічнаіі Камісіі. Менск, 1928, малюнак 25. А.Н. Ляўданскі любезно дал мне для моего очерка рисунок этого креста.

Об этом же Федьковом Кресте см. в «Сав. Бел.» за 1923 г. № 66 ст. В. Дружчица: «Заслаўль сівой старасьветчыны».

80. Рынейскі А. Матар'ялы па гісторыі, этнографіі і археолёгіі Бабруйскага пав. // «Сав. Бел». 1923, № 122.

81. Кроме каменных крестов из камня иногда делали небольшие образки. А. Сементовский в своей книге «Белорусские древности» (СПБ, 1890) на с. 130 приводит рисунок и описание такого образка, найденного в Витебске в 1737 г.

82. Романов Е., Бел. Сб., III, с. 99.

83. Ibid. 7. Запіскі аддзэлу гуманітарных навук. Працы катэдры этнографіі. Т. 1., Кн. 4., Менск, 1928.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Михаил Мелешко (Мялешка; 1892–1941) — беларуский историк, этнограф, писатель, публицист, общественный деятель. Родился в деревне Скары нынешнего Мядельского района. В 1911–14 гг. жил в Петербурге, работал на фабриках. В 1914–18 гг. служил в российской армии. В 1917 - 18 гг. член Беларуской социалистической громады. В 1918–22 гг. жил в Витебске, работал в различных учреждениях. Одновременно в 1918–21 гг. учился в Витебском отделении Московского археологического института.

С ноября 1922 г. жил в Минске, работал в архивных учреждениях и одновременно в Инбелкульте (позже — АН БССР). Занимался этнографией, краеведением и архивным делом. В 1923–24 учебном году читал курс лекций по беларуской этнографии в Витебском пединституте. В 1926–28 гг. преподавал историю Беларуси в Комвузе в Минске.

С 1913 г. писал стихи и рассказы, которые публиковали газеты «Наша ніва», «Вольны сцяг», «Дзянніца», «Савецкая Беларусь».

В июле 1930 г. арестован по делу «Союза освобождения Белоруссии», сфабрикованному органами ГПУ. Постановлением коллегии ОГПУ от 10 апреля 1931 г. выслан на 5 лет в Самару. Работал здесь экономистом в областном исполкоме.

В феврале 1938 г. арестован Куйбышевским УНКВД «как участник контрреволюционной эсеро-меньшевистской опрганизации». Однако постановлением Особого совещания НКВД СССР от 4 марта 1940 г. освобожден. Через год умер в Куйбышеве (быв. Самаре) в возрасте 49 лет. Столь ранняя смерть стала результатом пыток и тяжелых условий содержания в следственной тюрьме. По первому приговору реабилитирован в 1957 г., по второму — в 1962 г.

ЦВЕТА СТОРОН СВЕТА
(ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ РУСЬ БЕЛАЯ, ЧЕРНАЯ И КРАСНАЯ)

Язеп Павлович

До сих пор периодически возникают дискуссии о происхождении названия нашей страны. К сожалению, выяснению истинных источников его происхождения мешает очень много обстоятельств.

Во-первых (пожалуй, это главное): вопрос весьма идеологизирован. В этом смысле проблему происхождения названия «Белая Русь» (Беларусь) можно поставить в один ряд с вопросом о едином праславянском языке, «пра-народе на пра-родине» и сути «славянского единства». Соответственно: почему и по какому поводу мы стали называться «беларусами» — рассуждения на эту тему широко и постоянно используются современными политиками (и публицистами).

Во-вторых: у историков существуют устойчивые, наработанные десятилетиями, подходы к методике исследований, сложились определенные картины исторического развития и соотношения событий. Потому исследователи могут полностью игнорировать факторы, которые не укладываются в их видение исторических фактов, «не нравятся» им. Или же противоречат современному состоянию общества (и, соответственно, самосознанию исследователей).

Вполне понятно и желание «сгладить углы» чтобы не нажить неприятностей. Например, в книге «Хронология истории Белоруссии» (серия «Энциклопедическая библиотечка «Белоруссия»), изданной еще в советское время, есть только короткая запись: «...XIV век. — Впервые использован термин «Белая Русь» применительно к западнорусским землям...». Понимай как хочешь.

На мой взгляд, логично вопрос поставить несколько иначе: а отчего наша «Русь» — белая? Это позволяет оставить ряд вопросов без внимания и сосредоточиться на поиске источников происхождения прилагательного «белый», не обращая внимание на этимологию названия «Русь» как такового.

Если посмотреть на старые карты, например немецкую карту «Польша под Сигизмундом-Августом в 1572 г.» (Карта № 26 в книге «Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах» Е. Ширяев), то там есть не только Белая Русь, но также Русь Черная и Красная (Weiss Russland, Schwarz Russland, Roth Russland).

К тому же эти разноцветные «Руси» на картах каждого времени можно найти в разных местах. Это содержательно показано в этой работе Е. Ширяева.

И, наверно, разные народы можно было бы назвать в соответствующие времена «беларусами», «чернорусами» или «червонорусами»? Назвать-то можно, только эти названия никогда не были самоназваниями народов, а употреблялись только применительно к географическому пространству. Ни одно из этих названий не было аутентичным (исключением является название Беларусь, став-

шее самоназванием нашего народа лишь в XX веке)! Но Е. Ширяев в своем анализе высказывает сомнения в таком положении вещей:

> «...если опираться формально на данные упомянутых карт без их всестороннего анализа, возникает вывод о том, что надписи «Русь Белая» и «Русь Черная» на раннем историческом этапе не были названиями, характеризующими одну определенную группу населения, потому что относились к разным славянским племенам, которые исторически не в одинаковой степени подверглись ассимиляции с угро-финскими и балтскими племенами.
>
> Однако такой вывод был бы поспешным и не совсем верным. Прежде всего надо учесть точность карт до появления картографических проекций Меркатора (примерно до XVII века) и уровень коммуникативности информации того времени. Необходимо учесть и то, что в название «Russia Alba» разными авторами вкладывались разные смыслы» (Стр. 9)

Можно понять его позицию, если исходить из представления, что название Белая Русь должно иметь уникальную и постоянную локализацию. А было ли так на самом деле? Ответить на этот вопрос посредством только картографического материала невозможно.

Если же обратиться к работам историков, которые основываются на летописных и археологических материалах, то рисунок более конкретизируется. Например, Язеп Юхо в своей книге «Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі» (1992 г.) про историю возникновения названия «Белая Русь» приводит следующие сведения:

> «...Название «Белая Русь появляется в XII веке применительно к Ростовско-Суздальской Руси. Первые летописные сообщения есть под 1135 годом в Раскольницком и Ростовском манускриптах. Позже так называется княжество Владимирское. В летописях великий князь Андрей Юрьевич (Боголюбский) с 1157 года называется уже князем Белой Руси (Ростовско-Суздальского, а позже и Владимирского княжества).
>
> После возникновения централизованного Московского государства в XV веке, название «Белая Русь» имело то же самое значение, что и Великая Русь.
>
> Позже под «Белой Русью» понимали украинские земли, подвластные Богдану Хмельницкому.
>
> Первое же употребление прилагательного «белорусский» относится к 1675 году, когда православный епископ Феодосий, архимандрит Слуцкого монастыря, получил подтвердительный привилей на епископство могилевское. В этой привилее епископ Феодосий был впервые титулован как «беларусский», что послужило началом официального принятия этого термина к определению территорий нашей страны со стороны Московского царства. После включения наших земель в состав России в 1772 году, это именование приобрело географическо-административное значение».

В самом деле, рассматривать этимологию названия нашей страны — Беларусь (Белая Русь) в отрыве от перечисленных историко-географических фактов невозможно. Таким образом, за 540 лет это название «передвинулось» более чем на 600 километров из региона Ростова (Великого) — Суздаля до линии Витебск — Орша — Могилёв.

Далее же на юго-запад начинаются земли Черной Руси — Волковысск, Гродно, Новогрудок, Слоним, Несвиж, Туринск. И уже совсем на юг от нас, возле Карпат, на Галичине историки помещают Русь Красную. Также следует упомянуть ареал,

который во II–IV веках нашей эры занимали готы, и те земли, где найдены археологические памятники культуры Банцеровичи – Тушемля, главное поселение которой скорее всего находилось возле нынешнего Смоленска (район могильников Гнездово). В этом же ареале ученые отмечают зону влияния гуннов в IV–V веках.

Если верить Википедии, Красная (или Червоная) Русь впервые упомянута в летописи под 981 годом. Это запись о присоединении ее к Киевской Руси князем Владимиром Святославичем (Святым или Крестителем).

Готский король Германарих (350–376 гг.) ликует со своими воинами после победы над антами. Держава готов находилась в Северном Причерноморье. Некоторые ученые называют ее «Русью Первой» (она же — «Красная»).

В 1018 году Красная Русь отошла к Польскому королевству. С 1031 она – часть Галицко-Волынского Великого Княжества. С 1340 года – снова в составе Польши как воеводство Русское (вплоть до разделов Речи Посполитой)

Подведем итог. Любая теория происхождения названия Белая Русь должно дать ответ на вопросы:

1) Почему где-то с конца X века существовали Руси Белая, Черная и Красная, но не было, скажем, зеленой или желтой?

2) Почему название Белая Русь «переехало» от Рязани – Владимира далеко на запад, аж за Могилёв?

3) Почему эти названия не являются аутентичными?

Рассматривать отдельно происхождение названий Белая Русь, Черная Русь и Красная Русь в отрыве от этимологии других географических названий является методологической ошибкой. Если выделить из всего топонимического комплекса названий на картах современного мира те, что содержат прилагательные цвета, то наиболее распространенными являются названия со словами черный, красный, золотой (желтый), голубой (синий), белый, зеленый.

Таким образом мы получаем определенный массив географических названий. Большую распространенность, практически вездесущность и в то же время однообразие никак нельзя истолковать стечением обстоятельств либо своеволием людей. Такое положение вещей могло сложиться только если существовал какой-то общий принцип, определенный системный подход к образования этого ряда географических названий. Должна быть какая-то причина, обусловившая общий подход к образованию названий географических особенностей.

Наиболее интересным для нас является генезис названия Беларусь. И, пожалуй, наиболее важным слагаемым, который может помочь определить источник его происхождения, является миграция этого названия с востока на запад.

Чтобы определить причины, которые послужили основанием для перемещения названия Белая Русь от Владимира до Могилева, надо обратиться к цепи событий, составлявших «историческое тело» этого процесса.

Если кратко перечислить исторические события на восток от нашей страны в этот период, то мы получим следующую хронологическую цепь, стержнем которой является судьба княжества Владимирского:

Владимир становится «стольным градом» с 20 марта 1169, когда Андрей Боголюбский отрекся от киевского «стола» и перенес туда столицу своих владений.

1223 – Первое вооруженное столкновение с монголами (битва на Калке).

1239 – 1240 – Захват Батыем Руси и формирование Золотой орды.

С 1263 г. – Владимир – номинальная столица. Резиденции великих князей находились в их вотчинах. Великое Княжество Владимирское добровольно признало верховенство Золотой Орды по воле своего князя Александра Ярославича (Невского).

В середине XIV века на Северо-Западе наиболее сильными были четыре княжества: Московское, Суздальско-Нижегородское, Тверское и Рязанское. В них происходило усиление великокняжеской власти. В политическом смысле главным в Северо-Восточной Руси считался великий князь Владимирский. Им становился тот, кто получал в Орде ярлык на великое княжение. Обладатель ярлыка имел ряд политических и экономических льгот.

Но уже с первой половины XIV века Владимир начинает отдавать свое первенство Москве, оставаясь столицей «де-юре». Еще при Иване Калите кафедра митрополита (одно из важнейших преимуществ столицы) была перенесена в Москву. А в 1432 году Владимир окончательно утратил свой статус. Василий выиграл в Орде спор со своим дядей Юрием Галицким. Царевич Мансыр-Улан привез его в Москву и «посадил на великокняжеский стол» в храме Божьей Матери у Золотых ворот.

В 1480 году произошел набег Менгли-Гирея, союзника Ивана III, на Литву. Осенью того же года (с 8 по 28 октября) на реке Угре стояли, не отваживаясь атаковать, войска Ахмад-Хана против войск Ивана III. Они разошлись, так и не вступив в битву. (6 января 1481 года Ахмад-Хан был убит во время набега тюменского хана). Известный «евразиец», лингвист и философ Н.С. Трубецкой так трактовал «стояние на Угре» в 1480 году: «...произошла замена ордынского хана московским царем с переносом ханской ставки в Москву».

Отсюда видно, что Суздаль-Ростов были названы летописцем Белой Русью почти за 80 лет до появления «татаро-монголов» в этих местах и напрямую эти явления не связаны. Тогда и название Черная Русь, как смысловой антагонизм «Белой Руси» никак не может быть связано с присутствием этих или других захватчиков и подавно – «Русь Красная» (кстати, владетелем там был упомянутый выше Юрий Галицкий).

Но нельзя отрицать наличие определенной синхронизации появления «татаро-монголов» и увеличения влияния Чингизидов с соответствующим продвижением дальше на запад названия «Белая Русь».

Также видно, что географически этот процесс шел от верхней Волги и по междуречью Двины и Днепра, что совпадает с основными транспортными путями того времени.

Разветвленная система рек на восточно-европейской равнине всегда давала возможность разных комбинаций направлений движения, издревле использовалась разными племенами и народами. Она имела исключительное значение как транспортная система вплоть до конца XVIII века, когда по планете начала распространяться железная дорога и стали двигаться машины, двигавшиеся посредством сжатого водяного пара. Так, известное странствование купца Афанасия Никитина началось от Твери по Волге, а вернулся он Днепром через Смоленск. Одним из первых подробных изображений этой системы водных путей, сохранившихся до нашего времени, является карта С. Герберштейна.

Наша культура и первые государства нашего народа тоже строились на реках и волоках. Именно за ключевые волоки и пересечение транспортных путей бились между собой князья, чтобы расширить свое влияние и мощь своих государств.

Варяги-русы приходили с Севера, то есть с «Черной» стороны света

Надо отметить, что наши предки были мобильнее, чем мы. Сегодняшних границ с плотным контролем тогда не существовало, да и населения было значительно меньше. Чтобы жить комфортно и эффективно противостоять вызовам окружающего мира, человечество почти с самого начала своего появления изобрело обмен между поселениями и племенами изделиями через естественную специализацию. Такая специализация проистекала из доступных источников сырья природного окружения и возможностей производства изделий специально для последующего обмена на другие же продукты. Это способствовало также постоянному обмену информацией и идеями, развивало языки и способности к коммуникации. Со временем складывались определенные группы людей, профессионально занимавшихся перевозкой товаров по рекам и караванным дорогам. Степные же кочевые племена («номады») странствовали извечно и периодические переходы в местах без заметных ориентиров были их обычным образом жизни.

Должен напомнить, что Вселенная наших предков было принципиально иной, но по своему психофизическому развитию и мыслительным способностям они не уступали нам. Земля была слабо населенной, а потому не загрязнена отбросами и мусором как сейчас. Можно утверждать, что все вещества, которые они потребляли были «естественными», а способ существования был «гармоничным» и созвучным окружающей среде обитания.

Наши предки воспринимали собственное окружение непосредственно не только всеми своими «рецепторами чувств», но и взаимодействовали с Вселенной на всех уровнях построения структур собственно человеческого тела. Такое

«непосредственное восприятие» есть результат взаимодействия двух сверхсложных систем: «Человек» и «Окружающая среда». Это взаимодействие отражалось в человеческом сознании, трансформируя внешние причины иногда в антропоморфные персонофицированные образы. В литературе можно встретить термин «мифологическое сознание», он мне не нравится, так как сильно упрощает ситуацию, вульгаризируя ее. Но именно этот механизм является почвой, корнем первобытных религий, анимизма и язычества. Так и первые христиане были «гностиками» — познающими Вселенную через непосредственное восприятие на пути Христа.

Нашим предкам надо было не только хорошо ориентироваться, иногда в совершенно незнакомой обстановке, но и уметь описывать свои пути. Ориентироваться же в мире по особенностям окрестности, ее цветам было естественно для человека изначально. В этом ему иногда помогало звездное небо, но в первую очередь — Солнце. Солнце своим светом дает краски и тепло нашему земному существованию.

В нашем, северном, полушарии Земного шара ежедневно тени от предметов падают на север от линии «восток — запад», а в астрономический полдень — точно на север. Потому этот край — «сторону тени», оттуда надвигается ночная мгла логично назвать черным.

При своих путешествиях на большие расстояния люди также не могли не заметить, что чем дальше в эту сторону движешься, тем холоднее становится климат. При странствовании же в обратном направлении климат ощутимо теплеет и становится даже чрезмерно горячим в зоне пустынь. Вполне логично было истолковать такое положение вещей через нахождение в той стороне источника «космического огня» — это подсказывает наш быт и опыт обхождения с костром. Красные же восходы и закаты солнца поддерживают такую идею. В полдень Солнце заливает все своим золотистым светом и делает окрестность желтоватой.

Компаса в пользовании тогда не было. Потому было логично эту схему окраски окружающего мира использовать, чтобы описывать свой путь другим людям. Так должны были закрепиться названия сторон первобытной Вселенной в восприятии человека. Север там был связан с черным цветом, южное направление — с красным, середина — с желтым. По моему мнению, оттуда пошло обыкновение придавать географическим особенностям названия цвета в зависимости от того в каком направлении Вселенной от пути путешественника они находятся.

Потом к этой системе описания сторон света добавились определенные натурфилософские идеи. В результате сложилась единая для всего «странствующего сообщества» картина устройства Вселенной. К тому же она позволяла пользоваться другим людям минимумом слов и понятий. Это очень важно, когда надо договориться с человеком, который не владеет вашим языком.

С появлением компаса и дальнейшим развитием человеческой цивилизации эта система сохранилась как комплекс фрагментов первоначальных знаний и как средство для шифровки информации о дорогах от «профанов».

В самом деле, надо хорошо знать эту систему, чтобы понять, например, что путь «через Черную гору» лежит на юг от нее (а сама гора может быть зеленой!)

и т.д. Эта система дошла до нас в виде «осколков употребления», то есть — то, что и кем использовалось, то там и сохранилось. Сейчас наиболее полно эта система знаний о направлениях и энергетических циклах является сохранившейся в восточных натурфилософских системах, например в китайском «Гунь фу»:

Соотношения-соответствия:

Цвет	Синий	Красный	Желтый	Белый	Черный
Стороны света	Восток	Юг	Центр	Запад	Север
Стихии	Дерево	Огонь	Земля	Металл	Вода

Итак, мы имеем пять цветов, с помощью которых наши далекие предки описывали направления в своей Вселенной, так что топонимические названия с этими прилагательными можно считать следами торговых путей Человечества на планете.

Остальные краски в топонимических прилагательных не являются «цветами Вселенной», их появление объясняется цветом самого объекта (как Зеленый Бор), либо другими причинами. Естественно, что это правило не является абсолютным и часть географических названий с прилагательными: черный, белый, красный, синий, желтый (золотой) образовались на другой почве, нежели ориентирование в пути.

Если речь идет о древних путях на территории современной Беларуси, то говорят обычно о пути «из варяг в греки». Но эпоха викингов («варягов») длилась только с VIII по XI век, а люди странствовали всегда. Обратимся к картам. Нельзя не заметить, что Беларусь лежит между двумя речными «магистралями».

Первая — река Волга от Каспия с разветвленными притоками к истокам, так что через систему протоков она связана как со Скандинавией, так и с бассейнами Днепра и Западной Двины. Есть предание, что в «нулевой» век Один (еще до «висения на дереве») провел свой народ — «асов» от Асгарда (возле нынешнего Ашхабада) на Север именно этим путем. Как раз от этого «Пути Одина» и двигалась к нам «Белая Русь».

На юго-запад и почти параллельно ему лежит другой древний путь: от Черного моря по Днепру через Припять, Буг и Вислу к Балтике. Путь через Днестр в Вислу является более коротким, но и более трудным, ибо пролегает через гористую местность. Вместе они создавали определенный «транспортный коридор» по которому древние люди относительно комфортно могли странствовать между Балтикой и Черным морем.

Именно этими местами странствовали готы в своем постепенном продвижении от побережья Балтики в причерноморские степи. Естественно, что при описании своего пути по этому «коридору», путешественники именовали географические особенности (каждый на своем языке) к северу от него с прилагательным «черный», а к югу — «красный». Именно этим можно объяснить появление названий Черная и Красная Русь с обеих сторон «Готского коридора». Из этого следует, что на запад от этих мест может находиться еще один ареал географических названий со слагаемым «белая». Но так оно и есть: дальше на запад

можно найти Бельск-Подлясский, Белосток и т.д. Кстати, как и Белая Вежа (Башня) в Каменце — только она на самом деле белая!

Возникает еще один вопрос: если система географических названий существовала едва ли не изначально, почему «Белая Русь» не появилась раньше? Наиболее логичным ответом на этот вопрос кажется то, что раньше просто не было никакой «Руси». К тому же, название «Русь Красная» упомянуто в летописях, что дошли до нас, более чем на 150 лет раньше чем «Русь Белая». Потому можно сделать вывод, что процесс появления «руси» был направлен с запада на восток. Как мы выяснили, захватчики здесь не при чем. Можно только высказать мнение, что «Русь» своим возникновением как-то связана с окончанием влияния норманнов-викингов. Что же до татаро-монголов, то они как раз и были тем «мотором», который передвинул название «Белая Русь» на территорию нашей страны, тогда еще Великого Княжества Литовского.

Кстати, в свете вышесказанного, название «Золотая Орда» должно обозначать «срединную», главную Орду. С постепенной деградацией этой квазистраны, более молодая часть элиты государства Чингизидов переселилась в западный улус — Московское княжество. Они же и принесли с собой старое натурфилософское представление о Вселенной.

Как реликты этих названий в современном русском языке остались эпитеты города Москвы. Она не только «белокаменная», но и «златоглавая». Конечно, речь идет в первую очередь о церквах, но они только помогли долгожительству этих идиом. Генерировали же их появление как раз проникновение на запад влияния основателей Золотой Орды и ее постепенная интеграция в московский этно-лингвистический контекст с сохранением аутентичной семантики.

Великий шелковый путь

Итак, подведем итог:

Возникновение в период с конца X по начало XII веков названий Белой, Черной и Красной «Русей» связано с появлением самого термина «Русь» и по времени совпадает с ослаблением экспансии «норманнов», угасанием эпохи викингов.

Механизм образования названий Белая, Черная и Красная Русь является общим для топонимики и основывается на закреплении за каждым направлением горизонта отдельного цвета, что было удобно для описания путей при ориентировании по солнцу в отсутствие компаса.

А что с остальными «цветами Вселенной» и Русью? Про Синюю Русь ничего не известно, возможно потому, что «Первоначальная Русь» не селилась на востоке от основных торговых путей — двигалась же она с запада. Так сложилась историко-географическая конфигурация — поздние расширения ареала заселения уже не породили новых названий.

Желтой же (золотой) «Руси» возможно не было потому, что никогда не было единой «срединной русской земли», как никогда не существовало единого «праславянского языка» и «единого народа». Хотя кандидатов на такую роль всегда хватает. Но возможно, что ее не могло быть по определению, ведь «золотая середина Вселенной» находится там, где пребывает сам путешественник. Так что, если он сам себя считает «русью», неужели он и есть «Русь золотая?!»

Эта ситуация не исключительна, ибо наша историческая судьба — только часть всеобщего движения Человечества через Время по путям Пространства. Самым великим и значительным среди них есть Великий Шелковый Путь, пролегавший от равнин Китая через горные системы Азии до Пальмиры, где его рукава уже расходились в Европу и Африку.

Сама Пальмира лежит как раз между Красным морем на юге и Черным на севере. Если двигаться от нее на восток, то с северной стороны древний путешественник мог увидеть и Карадагское («Черногорское») ханство в Азербайджане, и пройти вдоль «Черных песков» Каракума, и гор Каракорума. В переводе с тюркских языков «Кара» — черный.

Имеет место также чередование слогов кар — хар. Так что к этому списку «северных» названий можно добавить не только древнюю монгольскую столицу Великих Моголов — город Каракорум, но и другие среднеазиатские места с названиями на «кар» или «хар-» (Хартум и т.д.).

Родиться же эта система ориентирования могла и в долине Желтой Реки, где на востоке синеет своими водами Тихий Океан, а на западе белеют горные вершины Тибетского нагорья. Возможно, она появилась впервые в верховьях Нила, где сливаются в единый поток Белый — западный и Синий — восточный Нил. Впрочем, и само название Нил переводится как «черный» и течет эта река далее на север. Создание системы «Цветов Вселенной» было общей работой путешественников на общем Пути. Возможно, мы так никогда и не узнаем, где же впервые возникла эта система ориентации, но это уже не так и важно.

ПОТРЕБНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ДЛЯ БЕЛАРУСОВ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДА

Фабиан Шантырь

От переводчика

Переводить и редактировать текст Ф. Шантыря было трудно.

Во-первых, его «мова» весьма архаична. Уже давно никто у нас так не пишет. Во-вторых, раздражают характерные для того времени высокопарные трескучие фразы крайне туманного содержания. В-третьих, автор ярый приверженец социалистических идей – со всей их примитивностью, фантастичностью и, разумеется, ненавистью к «князьям» и «панам». В-четвертых, познания автора в истории – с высоты сегодняшних знаний – ниже всякой критики.

Так зачем я перевел и публикую этот текст? Потому, что он является любопытным документом ушедшей эпохи. К тому же, автор заплатил за него своей жизнью.

А. Тарас

I

Как ни горько и ни смешно, когда мы начинаем говорить о возрождении беларуского народа, о потребности его в национальной и политической жизни, нам задают вопрос, действительно ли мы, беларусы, являемся живым народом, нет ли у нас намерения создать какую-то искусственную нацию и искусственную политическую формацию?

Хотя каждый хорошо знает, что нация – это не продукт человеческого творчества, а продукт творчества природы, что искусственно ни язык, ни психофизический тип человека никто не может создать, и что нормальная политическая формация может быть только там, где есть масса, однородная по своему бытовому, культурному и гражданскому укладу, – но видимо судьба наша, беларусов, такова, что когда разговор идет о том, имеет ли беларус право жить, то все законы идут «шиворот-навыворот».

Кратко рассмотрим почву того пути, по которому идет возрождение и самоопределение беларуского народа и, может быть, не только дадим ответ «друзьям» и врагам нашим что беспрестанно твердят нам «мементо мори»

(латин. – помни о смерти!), но хоть немного просветим и тех наших братьев, что все еще бродят во мраке невежества и темнотою своею помогают злодеям и дегенератам копать могилу Отчизне...

Прежде всего рассмотрим те основы, которые подтверждают, что беларуский народ как нация – это живой индивидуальный тип, а не что-то придуманное.

II

Итак, каждый народ, стремящийся к политическому самоопределению, имеет свое имя, свое историко-политическое прошлое, свой язык, обычай и господствующую веру; все эти кардинальные стороны бытия имеет и беларуский народ.

Рассмотрим их по порядку.

III

Минуя наше собственное имя «Беларусы», о принадлежности которого нам никто не спорит, и которое мы встречаем в исторических источниках уже в XII и XIII веках, – перейдем сразу к обзору нашего историко-политического прошлого.

Хотя национальная жизнь иногда идет независимо от жизни политической, но подобное явление совершенно ненормально, – о пагубности его мы скажем ниже, – все же в начале своего бытия каждый народ имел свою политическую самостоятельность, что и было важным, фундаментальным условием национального, т. е. культурно-поступательного развития данного народа.

Историко-политическое прошлое беларуского народа настолько богато, что умри сейчас беларуский народ как нация, ему остался бы такой огромный памятник, тень которого еще много веков напоминала бы о себе. Теперь же, когда мы начали пробуждаться, памятник прошлого будет для нас нашим лучшим свидетелем права народа на самоопределение.

Несколько слов об этом прошлом.

В глубине веков, в незапамятные времена наши пращуры поселились на родной нашей земле, где живем теперь мы, 10-миллионный беларуский народ. Пришли они на эту землю с Дуная отдельным племенем, раньше других славянских племен, в какое время, история пока не установила. На заре же политического бытия, т. е. в то время когда человеческая память уже могла быть удостоверена записками историков, мы встречаем наш народ на достаточно высоком уровне гражданского и экономического развития по сравнению с окружавшими его народами.

Народ наш в это время почти весь назывался одним именем Кривичского; позже в него влилось славянское племя дреговичское, жившее на юго-запад от него. Политическим центром Кривичского племени был Полоцк. Это была метрополия всей тогдашней земли беларуской. А земля беларуская встречается в истории простертой с Юга на Север от реки Припяти до Балтийского моря и с Востока на Запад – от Днепра до верховьев Западного Буга и устья Немана.

Всю эту обширную территорию занимал не один только наш народ: в одном месте он встречался с другими племенами, а в другом — входил в их среду как колонизатор и строил центры торговой жизни, т. е. города. Наш народ в доисторические времена и в начале письменной истории большей частью встречался в жизни с дикими неславянскими племенами, как то: Ятвяжскими, Литовскими, Латышскими и другими. С одними из них (Ятвяжскими) он вел непрерывную борьбу, а с другими (Литовскими) — роднился, влиял на них силой своей тогдашней цивилизации, делал их искренними защитниками своего края и равноправными гражданами своих вече.

Пока вся руководящая сила политической жизни исходила из одного центра — Полоцка и пока степень развития других народов стояла ниже Кривичского, территория Беларуского государства расширялась и богатела. С ростом же тогдашней цивилизации у соседних народов, находившихся под политическим и экономическим господством беларусов (кривичей), а также с появлением других торговых и политических центров на окраинах беларуской территории, эти окраины отрывались от центра, от своей метрополии, становились самостоятельными и независимыми. И чем более независимыми от метрополии они становились, тем более их экономические интересы шли вразрез с центром, и тем более нарастала борьба окраин и центра, который никак не мог забыть о том богатстве, которое ему давали окраины. Это сражение и борьба способствовали переходу политической власти от вече к князьям, которые к экономической борьбе самостоятельных частей Беларуской земли присоединяли еще и свои династические интересы.

Исторический фактор — укрепление княжеской власти над народом — погубил беларуский народ. Ослабленная борьбой отдельных своих княжеств, беларуская земля все более и более слабела экономически, а с этим и политически. Экономическая борьба окраин и центра уступила место династической борьбе князей. Домашние ссоры князей, кончавшиеся в большинстве случаев самоистреблением и погромами одним княжеством другого, быстро довели Беларускую землю до упадка. Разрушенная междоусобицами десятков своих владетелей, Беларуская земля совсем ослабла, и не могла защищаться от нападения других народов. Первые века истории приносят нам кровавую борьбу беларусов с немцами, которые все больше и больше захватывали под свою власть Прусов и Летиголу и оттесняли беларусов от Балтийского моря. Едва кончилась эта борьба, как вспыхнула борьба с южными славянскими племенами /с Киевским и Галицким княжествами. — *Ред.*/, которые вели такую же захватническую войну. Война с этими последними продолжалась в течение нескольких веков. Но вот новый исторический фактор положил конец этой кровавой борьбе.

В то время, как беларусы безмерно расширяли свою землю и, разделившись на малые отдельные княжества, пошли на убыль, в это время рядом и в нашей земле дорос до тогдашней цивилизации Литовский народ.

Подвижные, восприимчивые, энергичные литвины, вызванные нашим народом (который в незапамятные времена вследствие колонизации перемешался с ними и основал в их земле все пункты городской жизни) к политической жизни из лесов, где они вели полуоседлый-полукочевой образ жизни, скоро

сравнялись с беларусами и, воспользовавшись их упадком и раздорами, начали захватывать их под свою власть.

Живя рядом, вперемешку с нашим народом, литовцы перенимали от него язык, обычай, порядок самоуправления и если Полоцкая земля пришла в упадок, то это была не вся Полоцкая земля в целом, ибо та ее часть, где кривичи были смешаны с Литвою, росла и крепла, хотя это все делалось под именем Литвы. Литва, или вернее общее Беларуско-Литовское княжество, вскоре стало захватывать под свою власть бывшую метрополию Полоцк и выделившиеся из него княжества. В этом захвате оно даже находило себе опору, ибо народ, который погибал и разрушался от частых ссор своих князей, рад был отдохнуть и пожить спокойно под властью сильного покровителя. Да и по существу это не было настоящим завоеванием одним народом другого, а скорее была замена одной династии князей на другую. Влив в себя громадную мощь кривичского народа, тогда как оно и так было уже наполовину, а может и больше, разбавлено Кривичским народом, Литовское княжество стало совсем кривичским, или Беларуским.

Фабиан Шантырь

С этих времен начинается история совместной жизни Беларуско-Литовского народа не только частной, как было до сих пор, но также исторической и политической. Литовский народ, спокойный, влюбленный в свои пущи, все больше и больше подпадал под влияние своих друзей кривичей, полюбил их и жил с ними в великом согласии на всем протяжении истории. Да и не удивительно, что при численном большинстве беларуского народа, при его более высокой цивилизации и преобладании в Беларуско-Литовском княжестве, язык, власть и вся официальная сторона жизни были беларуские.

Это был один из лучших периодов развития беларуской культуры. Беларуская литература, стоявшая в то время на высшей ступени развития чем другие, была передовым руководителем; беларуская юрисдикция могла по простоте своих знаменитых Статутов, их полноте и всесторонней глубине охваченного быта поспорить со знаменитой в то время римской юрисдикцией. Просвещение тоже начинало становиться доступным не только для «привилегированных».

Так жилось до времен соединения Беларуско-Литовского княжества с Польшей. Соединение это не было в подлинном смысле соединением народов, а только королей, не по воле и согласию народов, отчего оно и не дало пользы, как оно дало пользу беларускому и литовскому народам от их совместного соединения, без чуждой для народа политики олигархии.

Этот исторический акт стал роковым для Беларуско-Литовского народа и, как увидим далее, несчастные массы этих народов он отбросил на сотни лет в ночь жизни национальной несознательности.

После соединения Беларуско-Литовского князя с Польской королевой, правительство польское сразу начало свою политику по полонизации беларуско-литовского народа. Путем подкупов, раздачи привилегий высшему классу, колонизации, насаждения иезуитства и наконец принуждения, польская политика добилась того, что через сотню с лишним лет весь высший слой, или аристократия, отделился от своей почвы низших классов, называемых в то время «черным» и «поспольством» и, переняв польский язык и культуру, причислил себя к польской национальности.

Немалую помощь в таком перевороте оказало и тогдашнее олигархическое польское правительство, которое пришлось весьма по вкусу нашим магнатам.

В то время, как наши высшие общественные классы отделились от народа и, приобщившись к польской олигархии, пошли той дорогою, которой шла эта последняя, трудовой наш народ, не участвовавший тогда в политической жизни, потеряв своих культурно-национальных вождей, частью пошел за неученым низшим духовенством, стоявшим на защите беларуской народности, а частью стал просто зрителем своего политического бездорожья и национального сиротства. Вообще же, весь несчастный народ замкнулся в себе, в своем национальном «я»; он как бы замер на той ступени развития, на какой история загнала его в тупик, и таким он остался на сотни лет, до наших дней...

История шла вперед, политические формы нашей жизни менялись, а народ наш все не выходил из своей внутренней замкнутости и так жил, пока эта замкнутость не перешла в тяжелый, долгий исторический сон национальной несознательности.

Беларуские крестьяне периода 1915–1919 гг.

Шли годы, десятки, сотни лет такого сна его несознательности, переплетенного с черным издевательством над ним, с кровавой борьбой за его национальную душу, за его народность, а он все спал, ибо был одинок, и не имел руководителей и защитников своего духовно-национального быта, которые пробудили бы его от сна несознательности и ввели в царство света и уважения своего природного человеческого имени. Сам же он оставался сиротой, а его собственные силы не доросли до возможности пробуждения себя. Но все же это был духовно-национальный сон народной несознательности, а не его смерть. Живой народ не мог умереть в своем индивидуальном национальном «я», так как это «я» было его животным инстинктом, который сам собой вытекал уже из самого факта бытия народа.

Не в меньшем сне, или скорее заблуждении, находились и шли через все историческое прошлое наши высшие классы

общества. Отрекшись от своей народности, приняв польский язык и чисто внешний лоск польской культуры, они постоянно ощущали себя чужими польской народности, ибо в них говорил собственный национальный инстинкт, который невозможно заглушить никакими привилегиями. Причисляя себя к полякам, все же они хорошо знали, что настоящими поляками не могут быть, поэтому называли себя, в отличие от первых, «литовскими поляками», которых история никогда не имела, и которых они создали сами из себя. Будучи слепыми к фактам истории, к окружающей их жизни того народа, который кормил их хлебом и давал им всё, они создали в Беларуском государстве какое-то полупольское панство и слепо, фанатично его поддерживали, высмеивая родной язык, воюя с родной народностью.

Странным и непонятным казался наш край при такой разности одного и того же народа. Вот в каких красках вырисовывается картина общей ситуации в нашем обществе: тогда как несчастный народ, замкнувшись в себе, бессознательно сновал нить своего национального бытия, то высший класс окутался полономанией, которой он отчасти заразил и средний класс, так называемую фольварочную и застенковую шляхту, ту самую шляхту, что через всю историю тянулась хвостами за великим панством, стояла за креслами магнатов и по наказам этих же магнатов шумела на сеймиках, часто не понимая — кто она и за что шумит.

Характерным в истории полонизации нашего края есть то, что наши высшие общественные классы, считая наш край Польшей, польский язык и культуру, поскольку она смогла внешне привиться к ним, принимали только для себя, как и те привилегии, что давало им польское правительство. Считая этот язык «панским», они косо смотрели на мелкую шляхту, когда эта заблудшая овца иногда, хотя бы в «праздник» или «при гостях» претендовала на польский язык, как на признак и своей принадлежности к «деликатному», «панскому» классу.

Так шло до времени раздела Польши, когда наш край подпал под власть Российского правительства.

Российское правительство долгое время после захвата нашего края считало нас поляками. Это объясняется слабым развитием этнографическо-филологической науки в России в то время — с одной стороны, и племенным отличием нашего народа в сравнении с великорусским — с другой. В первые десятилетия нашего захвата Российское правительство не только не отличало нас от поляков, но даже помогало польским и ополяченным беларуским группам проводить в жизнь их полонизаторскую работу. Полонизация края Беларуского в это время дошла до высшего предела. Никогда прежде так не господствовало на Беларуси польско-иезуитское просвещение, как во время 1810–1840 годов. Это наилучшим образом свидетельствует, что политика Российская никогда не руководствовалась при захвате нашего края желанием «освободить угнетенных братьев от польского ига», как это объясняли российские историки, а только империалистическими целями.

Так продолжалось до времени польского восстания 1863 года в нашем крае, когда наше крестьянство не только не пошло за восставшими «панами», но даже отнеслось к восстанию с неприязнью.

После этого Российское правительство сообразило, что наш темный народ может служить для него хорошим материалом в деле русификации и своего засилья как в нашем крае, который он все еще считал польским, так и в примыкающей к нему настоящей Польше.

С этих времен началась в нашем крае полицейско-русификаторская работа Российского правительства. Была послана в наш край целая армия всяких чиновников, которые с помощью казачьих нагаек должны были наш край «исконно русский», как они говорили, все же почему-то переделывать в «русский». Беларуский народ, как говорится, попал из огня да в полымя. Все свое родное было задушено, забыто.

Поляки называли наш язык «простым», русские же назвали его «искусственной смесью польского и русского языка», забыв о том, что наш язык при Иване Грозном дал им первую письменность и начала просвещения. Наш родной язык и народность были запрещены в обиходе; любая наша печать подавлялась. Но что хуже всего, началась русификация наших детей: был создан в известных семинариях особый тип просвещенческого чиновничества, который стал самым верным проводников русификаторской работы в нашем крае.

Один из столпов, на которых держался Российский царизм – «разделяй и властвуй», свил себе на Беларуси самое прочное гнездо: он детей одной матери Беларуси поделил на два враждебных друг другу лагеря и приказал православным называться – русскими, а католикам – поляками, натравливая и провоцируя одних против других.

Какова была на Беларуси русификаторская работа верных холопов и прислужников московско-татарских тиранов короне Российских царей все хорошо помнят, так как следы ее еще очень свежи. Но сухая крепостная работа чиновников и полицейских над нашим народом ничего не ускоряла – живой народ беларуский остался тем, кем он был много сотен веков тому назад.

Беларуские крестьяне периода 1915–1919 гг.

Таким манером жизнь нашего края шло до начала XX века, когда налетевшая общая гроза революционного движения в России сокрушила и снесла много старых, гнилых запоров и волной пробуждения пронеслась и по нашему краю.

Народ наш, пребывая долгое время в полусне национальной бессознательности, не отказывался от своего собственного имени, своего духовного бытия, хотя конкретно не проявлял всего этого, живя им внутренне в своей серой будничной

жизни, не отказывался от своих сказок, обычаев, языка. В том, что беларуский народ хорошо понимал свою национальную особенность и инстинктивно отделял себя от других народов, хотя и не знал своего национального имени, нас убеждает его твердая постоянная приверженность к «своему». Если бы могли спросить беларуса под конец захвата Россией Польши кто он, то услышали бы твердый его ответ, что он «тутэйшы» («здешний»); такой ответ можно только услышать от него и теперь. «Тутэйшы», это значит что он не поляк, не русский, не украинец, а сын своих родных полей и лесов, деревень и местечек, сын того народа, который говорит «простым», «здешним» языком, сын всего того, что дало основу его психическому складу, на чем он вырос.

Беларуские крестьяне периода 1915–1919 гг.

Живя внутренне своей национальной жизнью, забыв под давлением исторических обстоятельств свое национальное имя, беларуский народ в целом не перестал быть самим собой, народом со своим историческим прошлым, со своим собственным именем.

IV

Беларуский язык. Понятный, ясный, полный красоты и прелести родной язык. А сколько презрения и плевков он претерпел не только от иноземцев, но и от тех предателей и дегенератов беларуского народа, которых матери самих вырастили в этом языке. И каких только нападок и сплетен он на себе не вынес. Как ему только ни копали могилу полонизаторы и русификаторы, а он все живет, по-прежнему объединяет десятимиллионный беларуский народ.

Но рассмотрим эти нападки и дадим ответ.

Прежде всего отметим ту важную черту, что среди всех лиц, нападающих на наш язык, никто не решился сказать что нет беларуского народа как особого славянского племени: либо признавая беларуский народ, либо обходя этот вопрос молчанием, они отделяют от беларуского народа его язык. Такое положение само по себе уже спорно, ибо каждый знает, что любое племя, как и отдельный индивид, всегда имеет свою собственную психофизическую структуру, которая складывается из составных частей, в том числе языка. Язык есть не искусственное дополнение человеческой натуры, а тот фактор, что берет свое начало из основ человеческого бытия, которые вскормили его дух и тело, проще говоря – из самой природы.

Нас уверяют, что язык наш является не отдельным от других, а наречием одного и того же народа русского, с дополнением польских слов, – если это гово-

рит россиянин (или, точнее, друг либо враг из лагеря московской ориентации), – и «стала польска мова, пжез час гисторыи запсута домешкем москевских слув», если то же самое утверждает лицо, зачисляющее себя в лагерь поляков.

Есть еще взгляд, что наш язык сформировался из языков украинского, польского и русского благодаря стыку этих трех народов на нашей территории.

И, наконец, не признают нашего языка потому, что на нем до сих пор не создано выдающихся литературных произведений, иначе говоря потому, что он как бы беден духовно.

Вот те доводы, какие твердят нам враги беларуского языка. Под направлением этих ошибочных взглядов часто находились искренние патриоты нашей сторонки, не умея вести борьбу против длительного похода на беларуский язык, как например Сырокомля, начавший писать по по-беларуски*.

Неприемлемость, ошибочность и спорность этих заблуждений более чем очевидна. В первую очередь бросается в глаза то, что два столь разных по языку и культуре народа, как польский и великорусский, причисляют нас каждый к своей нации и основу нашего языка выводят из своего. Правда, хорошо образованный великоросс, или поляк этого не скажет, но это не мешает врагам мутить воду среди малосознательной массы.

Указанная спорность объясняет нам, что корень нашего языка не великорусский и не польский, а свой собственный, ибо уже в глубине истории наш язык был письменным, тогда как польская, а тем более великорусская письменность только начинали свою жизнь. То, что наш язык как славянский имеет сходство с другими языками наций славянского корня, то из этого еще не надо делать вывод, что он произошел от польского или великорусского, ведь тогда то же самое можно было бы утверждать обо всех славянских языках, что каждый из них сформировался от другого, а не развивался отдельно, на основе законов бытия нации.

Не имеет никакого убедительного смысла и тот взгляд, что наш язык сформировался на основе польского, великорусского и украинского.

Чтобы какой-нибудь язык сформировался из других языков, чего, надо сказать никогда в истории не было, он не должен иметь в себе самом никакой основы, т. е. языка, которым бы данный народ пользовался первоначально, независимо от тех языков, из которых под давлением исторических факторов мог сформироваться искусственный язык. С нашим языком совсем не так. Давление исторических факторов, как то полонизация и русификация в политически-гражданской жизни пришло к нам тогда, когда мы уже имели не только развитый собственный язык, но также собственную культуру и цивилизацию, стоявшие в то время выше, чем у соседних народов...

Убеждать в том, что наш язык имеет свою национальную и самобытную индивидуальность, органически соединенную с бытом нашего народа, это значит ломиться в открытую дверь, и только из-за ужасной нашей участи приходится это делать.

* Владислав Сырокомля (наст. Людвик Кондратович; 1823–1862) – поэт, переводчик, критик, краевед. Родился в фольварке Смольгово (ныне в Любанском районе), учился в Несвиже и Новогрудке. Изучал и популяризировал беларуский фольклор и народные песни. Писал в основном на польском языке, и только отдельные стихи на беларуском. – *Прим. ред.*

Еще вопрос: отчего наш язык не богат литературой и духовным содержанием. Ответ на это прост: любой язык растет духовно постольку, поскольку духовно развивается данная нация. Любой язык тесно, органически соединен с эволюцией природного творчества народа и в этом он всегда разделяет судьбу этого народа. Обращаясь к беларускому языку, мы видим, что он разделял во всем судьбу беларуского народа. Беларуский язык сохранился в массах несчастного народа на той ступени развития, на какой этот народ сотни лет тому назад остановился в своем духовном продвижении, вследствие предательства своей интеллигенции. С того времени наш народ духовно не развивался, не рос, не мог развиваться, расти и его язык.

Но народ беларуский, как цельная нация, не изменившая основных законов своего быта, не мог умереть, поэтому не мог превратиться в другой и умереть его язык. Он разделяет судьбу беларуского народа до времени воскрешения его, когда и он, убранный в светлую одежду, займет почетное место в семье славянских языков. В основе своей наш язык имеет столько волшебной простоты и прелести, что не пройдет и нескольких десятков лет, как он не только сравняется с другими цивилизованными языками, но и покажет ту мистическую глубину беларуского народа, которая до сих пор не понята в Мицкевиче и Достоевском.

Перевоз на реке

Заканчивая, надо добавить, что язык — это тот цемент, который скрепляет народ и дает ему мощь бытия, и что бездолье беларусов во многим зависело от осиротевшего их языка.

V

Бросим беглый взгляд еще на одну национальную частность беларуса, на его обычай, как проявление духовного творчества.

Обычай беларуса во многом отличается от обычая народов смежных наций. Сохраняя в глубине себя полный поэзии мистицизм, который является неотъемлемой потребностью быта беларуса, потребностью реализации абстрактных проявлений природы в связи с собственным чувством и психикой, внешне — он полон простоты и наивности, и понятен только тому, кто хорошо знает душу беларуса. Только в обычае беларуса так ярко индивидуально воплощается вечный поиск рока, как непознанной, неразгаданной силы бытия. Извечность таинственного и простота будней, два разных пути, в обычае беларуса сходятся в одно, которое ведет его то на кладбище с глубокой печалью справлять Деды, то на веселье со смехом ткать радость бытия.

Обычай беларуса — это культ его национальной души, вязанка его чистой народной поэзии, вечное устремление в серых буднях несчастной жизни в сторону неоткрытого... Это не одно только наследие пращуров: это конкретное проявление бытия беларуса; он создается и растет с творчеством и ростом души беларуса, но в основе своей он неизменен — это все то же мистическое служение року.

Беларуские горожане периода 1915–1919 гг.

Обычай беларуса, как его духовное творчество, большей частью проявляется в сказке и песне, как потребности морали и красоты. Сказка и песня беларуса — это критерий его духовного бытия, это его психически чувственный облик. Говоря о сказке и песни беларуса, мы не ошибемся, если скажем, что это — путь исторических переживаний беларуской нации, что это — неписаная история беларуского народа.

Не имея отражения своей жизни в творчестве, воплощенном в литературные формы, сверху от своей интеллигенции, народ создал это себе сам, беря материал из целины своего быта. Творя, он дал такое искреннее и правдоподобное в отражении своей жизни творчество, что, рассматривая сказку и песню беларуса, охватываешься удивлением, как неученый народ, народ-сирота, забытый в царстве мира и культуры, мог так правдиво проникнуть в каждую черту своего духовного содержания. И если бы мы могли собрать всю ту мораль, которая рассеяна по сказкам беларуса, все те чувства, которыми переполнены его песни, — то перед нами вырисовался бы облик человека с огромным богатством здравого смысла и глубиной прекраснейшего чувства, и в то же время несчастный.

Обычай беларуса, проявляясь в его духовном творчестве, как нельзя лучше рисует рельефно самобытность и индивидуальность народа.

VI

Кратко мы в общих чертах рассмотрели важнейшие из кардинальных особенностей беларуской нации, которые дают ей право идти в истории собственным путем, не будучи ничьим слугой. Говорить о том, что беларуская нация — это живая нация, имеющая свое историческое собственное имя, это среди белого дня зажигать лучину; а все же в нашей страшной неустроенности и это делать приходится, ибо, к большой обиде здравого смысла, есть еще такие люди и, что больнее всего, не среди варягов, а среди друзей и братьев, которые видят нас оторванным куском, заблудившимся бродягой.

Добраться до чувства и ума таких людей, а также до тех братьев, что получив свет науки, спят в лени либо блуждают в царстве химеричных идей – вот цель моей работы.

Если хотя бы одного из их мне удастся пробудить к великой горячей любви к забытому обездоленному краю, призвать к искренней работе на национальной пашне ради света, ради лучшего будущего несчастных братьев – я буду счастлив от сделанного.

VII

Теперь мы рассмотрим вопрос о том, что понимаем под нацией и под той слитностью, которая является фундаментом существования любой нации.

Нация – это совокупность (синтез) проявлений бытия группы однородных лиц, творящий собой так называемую «душу народа», которая в целом есть «самобытное существо», имеющее свои неизменные законы бытия, основанные на прочном фундаменте природы. Законы эти – язык, обычай, а отчасти историческое прошлое и вера данного народа; природа – ландшафт, климат и отчасти давление соседних народов. Первое вытекает из второго и творит цельность бытия народа независимо от его воли. Эта цельность бытия и является ведущим (господствующим) национальным инстинктом, который руководит жизнью нации.

Инстинкт национальный, это та сила единства нации, которая заставляет каждого человека с неосознаваемой силой тянуться к «своему», к тому «своему», с которым он связан невидимыми нитями национального инстинкта.

Нет на свете ни одного, нормального в проявлении бытия человека, который бы сознательно или бессознательно не имел бы в себе национального инстинкта, скрытого в глубине себя стремления ко всему «своему», по канве которого узором ткется его духовно-телесный быт, под воздействием которого сложился его человеческий облик.

У людей малосознательных национальный инстинкт, или стремление к своему собственному, родному, проявляется в независимом от воли группировании там, где есть это «свое», «родное», проще говоря, какая-то внутренняя сила (национальный инстинкт) связывает его со всем тем, где он родился, вырос, где живут подобные ему по духу и телу, язык которых он хорошо понимает, которому научила его мать; где он слышит, что со всем окружающим он связан не только словами, но и самой общностью быта, где к каждому окружающему его образу из его сердца и души тянутся невидимые нити и соединяют его с ними крепче железных цепей. Для людей же сознательных национальный инстинкт выражается в осмысленной беспредельной любви к этому «своему»; в потребности, вытекающей из чувства и понимания, работы для счастья и славы этого «своего», т.е. в настоящем высшем патриотизме. Как у сознательного, так и несознательного человека все это проявляется независимо от степени их понимания, из самого факта бытия.

Из изложенного можно сделать вывод, что национальность – это природа бытия народов, совершенно независимая от их воли и понимания.

Нация, имеющая под собой неизменную почву, о которой говорилось выше, до тех пор, пока эта почва не изменилась, не может превратиться в другую хоть бы по своей воле, хоть бы над этим работал кто-то чужой, — изменить свой облик, или вымереть.

Почва эта тесно связана с жизнью и ростом национального «я» народа: изменись она в том или другом направлении, в том же направлении изменится и это «я». Иногда, когда возникает угроза неизменности почвы нации не из естества природы, а от случайных влияний, как то захват в неволю одной нации другой, это рождает борьбу за сохранение ее первооснов.

Таким образом, как отдельная личность, так и целый народ, будь то сознательно или несознательно, живут той национальной жизнью, какая черпается из окружающей их природы — с одной стороны, и из тех основ физической своей организации, которые положены в начало их племени — с другой. Да иначе и быть не может: как каждая частица природы имеет свои собственные законы бытия, так же имеет эти законы и человек. Главнейшим среди этих законов является закон национальной жизни. Национальная жизнь, это жизнь имеющая для роста человеческого духа истинную дорогу естества, которая одна только может довести его до высшего уровня развития, дать ему для этого развития здоровую нужную пищу. Вне этой дороги развития человеческий дух, как и всё вне нормы, вырастет калекой.

Подводя итоги изложенному, поставим вопрос: какая польза человеку жить национальной жизнью сознательно, по убеждению, и жить будучи несознательным относительно своего национального «я». В первом случае — это плодовитость, приносящая богатый урожай света и культуры на родной ниве, охраняющая первоосновы своего индивидуального «я» от вредных влияний; в другом — замкнутый ящик, ключ от которого потерян, полный богатств, от которых никому нет пользы; жизнь склонная к вредным влияниям, — вплоть до умаления и полного уничтожения своих духовных богатств.

Потребность национально-сознательной жизни не только есть потребность, вытекающая из факта самого бытия человеческого, т. е. потребность, вытекающая из законов природы, но для того, чтобы это бытие было достойно своего человеческого имени, она должна быть еще и потребностью, вытекающей из здорового логического понимания, — ведь только народ, сознающий свою душу, свое национальное «я», свое народное имя становится равноправным членом в семье народов мира.

Народ же не сознающий себя, не заботящийся о повышении своего духовного «я», такой народ в большинстве случаев идет на поводу у других народов как невольник и часто становится жертвой кровавой борьбы других народов за его национальную одежду — за его землю, за плоды его труда. Такой народ, будучи слугою других, не только ничего не дает в мировую сокровищницу культуры, но даже стараясь своим потом и кровью для славы своих властелинов с одной стороны, в то же самое время трудится над своим национальным уничтожением (или даже скорее духовным) — с другой.

Осознание своего края, всего своего родного, осознание развития своего национального «я», это важнейшая потребность всего народа, это тот ежедневный

его духовный хлеб, без которого он, как народ, достойно жить не может. Такое осознание ведет к миру и благополучию народа не в ущерб для других народов.

Все великие люди всех народов и всех времен в своей жизни руководствовались одним неизменным принципом национальной сознательности – это работа над постепенным ростом национальной души своего народа, овеянная любовью ко всему родному.

VIII

Далее рассмотрим, насколько тесно связана потребность национальной жизни с потребностью политического самоопределения.

Как мы видели, для нормального поступательного развития своего духа, человек должен жить национальной жизнью. Чтобы уяснить насколько неразрывно идет национальная жизнь с жизнью политической, обратим внимание на кардинальные стороны этой жизни.

Прежде всего просвещение: истинное просвещение, ведущее человека к высшим идеалам, чтобы оно было полезным для него, должно преподаваться на родном языке, быть независимым от всех и свободным и иметь экономические условия для существования. Как первое, так и второе, и третье всецело зависит от того порядка самоуправления, какой установлен у данного народа. Если народ сознает себя и не зависит ни от кого, то и его просвещение не будет слугой тех, кто господствует над народом, помогая им в закабалении народа, а будет ясным путем к истине и красоте.

Пан и паненки (ополяченные беларусы)

Далее: постепенный рост народа в сторону культуры и цивилизации на девять десятых зависит от экономического богатства и социальных порядков данного народа. И кому же не ведомо, что как экономические богатства, так и полезные для народа социальные порядки данный народ, как нация, сможет добыть и установить только тогда, когда он сам себе господин, сам себя сознает, независим от других народов. Под какой бы культурной опекой народ ни был, но если эта опека будет, то она никогда не даст ему пользы и, в конце концов, приведет его к полному упадку.

Приведенных двух примеров достаточно, чтобы ясно видеть, что национальная жизнь тесно соединена с жизнью политической в ее самостоятельной и независимой форме.

Выдвинутый демократией во время этой кровавой войны /1914–1918 гг. – *Ред.*/ лозунг самоопределения каждого народа, более чем когда нужен теперь для проведения его в жизнь. История хорошо научила народы, что большинство

войн ведется и велось за насильственное приобщение под свою власть одним народом другого; и что народ, насильно приобщив под свою власть более слабый народ, тем самым копает себе могилу. Ибо всякий народ может развиваться в направлении к благополучию только тогда, когда он состоит из однородных гармоничных элементов, а всякая противоречивость рано или поздно доведет его до полного развала, чему история не раз учила и что мы теперь видим с Россией. Так и насильственное присоединение одним народом другого не оправдывает своей более важной цели – экономического обогащения. Ведь до сих пор мы видели, что народ, насильно приобщив под свою власть другие народы, большую часть своих сил тратит на то, чтобы удержать в покорности эти подчиненные им народы, которые никогда не перестают рваться к свободе, к самоопределению.

Самоопределение любого народа не только полезно для него одного, так как ведет его по истинной дороге цивилизации, культуры и благополучия, но так же полезно и для всех народов, ибо своей жизнью – не чиня никаких преград на пути роста человеческого духа, обретения экономических богатств и улучшения социальных условий жизни – приближает в своей части все человечество к великим идеалам свободы, братства, любви.

IX

Для нас, беларусов, потребность национальной жизни и самоопределения народа – это потребность всего нашего бытия.

Ни один народ не стоит в таком жутком тупике национально-духовной жизни и политического бесправия как мы, беларусы. Сотни лет весь наш народ без света, без своего человеческого имени бродит во тьме национального забвения, а из-за этого служит жертвой глумления и презрения.

Не сознавая своего национального имени, не используя творческих даров природы в свете своей собственной души, он не может выйти на путь истинного продвижения к культуре, не может идти вместе с другими нациями к общечеловеческим идеалам, а стоит одинокий, сиротливый, отгороженный великой китайской стеною от цивилизации, не имея возможности извлечь те великие клады духа, которые носит в себе.

Через чужой язык, культуру, через чужую народность ни один народ не может придти к общечеловеческим идеалам равноправным членом; если он утратил свой язык, народность, свою национальную душу и пойдет по пути культуры, то с учетом, что в данном случае он будет только простым слугою того, под чьим именем будет идти, – он придет не к культуре, а к своей национальной смерти, которая выльется в тяжелый вековой летаргический сон.

Просвещение и культура на нашем языке, в духе нашей нации и нашей народности нужны нам теперь как никогда. Они дадут нам возможность подняться из той вековой пропасти, в которой находится наш народ до сих пор; они из беларуса – покорного слуги всех, сделают равноправного гражданина, без ошибок способного ковать свое счастье, свою судьбу; они воскресят его к творческой государственной работе под собственным национальным знаменем; они заста-

вят другие народы уважать имя беларуса, а не смотреть на него как на нечто мертвое, а иногда и с улыбкой...

Десятимиллионный трудовой беларуский народ, что ткет свою судьбу по убогим деревням и местечкам, долгие годы ждет света истины во тьме своей несознательности, стонет и мучится под навалом ее, отдавая свой ум, чувство на пользу иноземцам, и, теперь, во время небывалой ломки и кризиса государств и народов, он стоит почти забытый на перепутье дорог, гадая какие новые цепи принесет ему завтрашний день. Теперь как никогда должны придти к нему его лучшие сыновья, которых он вскормил, которым дал возможность увидеть в мире красоту и тьму, распознать правду и кривду, — должны прийти вождями и повести свой народ к национальному самоопределению.

Труднейшее время переживает сейчас беларуский народ. Кровавыми слезами пишет он теперь свою историю, стоя над разрушенным своим отечеством...

Только теперь, во время смерти и воскрешения, чтобы наш народ снова не остался на долгие годы невольником и жертвой издевательств, мы должны пробудить его от сна несознательности к разумному национальному быту, строительству своего отечества на основе нашей народности. Пока наш народ не будет разбужен от сна национальной несознательности, пока он не станет полностью сознавать свое «я», свое собственное имя, уважать свое человеческое достоинство, пока его ум и дух не встанут на прочное национальное основание, мы будем оставаться презренными слугами. Поэтому мы, просвещенные дети своего народа, должны работать и работать не покладая рук, ибо если будут снова надеты на народ кандалы несознательности и национальной смерти, то виною тому будем мы, и проклятие истории падет на нас.

К работе нас должно поощрять и подгонять понимание того, что счастье нашего народа — это счастье всех нас, а настоящее счастье есть только там, где есть свет, культура, свобода. Все же это можно добыть только на ниве общества, сознающего себя, свое национальное имя.

Мы должны помнить, что пробудить народ к национальному сознанию, это не значит создать какую-то идею воскрешения умирающей нации и дать ее народу как нечто новое, это — осветить светом нашего знания дорогу блуждающему во тьме исторического тупика народу беларускому, поделиться с ним, во имя справедливости, своим знанием; воплотить скрытые в глубине народа желания в конкретные формы, к которым он рано или поздно должен прийти сам.

Пробудить беларуский народ, это значит проявить его национальную душу, его национальное «я» к творческому сознательному самобытию на пользу великим идеалам человечества, дать ему возможность пользоваться скрытыми богатствами своей натуры.

Пробудить беларуса к культурно-национальной жизни, это значит начать для него новую эру истории, эру не сна, глумления, презрения, оторванности от всего светлого, а эру великого общественного бытия, цель которого — искренняя слитность всех народов, увенчанная истинно человеческой любовью.

Мы должны помнить, что живой народ, имея под собой неизменные основы своего национального быта, не умрет, а рано или поздно возродится и сам найдет свое имя.

Не умрет и беларуский народ.

Сотни лет он находился в забытье несознательности, а все же он живая нация, имеющая свой собственный быт. Рано или поздно наш народ пробудится от национального сна, но какой страшный суд свершит над нами история, каким гнусным именем она нас заклеймит, если мы не приложим теперь труда к пробуждению нашего народа, к выводу его из тьмы несознательности к свету.

Здравое суждение говорит нам, чтобы мы, все те, кто живет не только для себя, но и для края, для кого «народ», «отечество» не пустые слова, чтобы все мы не были безвольными свидетелями в это кровавое время разрухи и недоли, свидетелями горя своего народа; не смотрели молча как струится кровь из ран отечества, а были искренними работниками на родной ниве, истинными детьми своего батьки-народа, готовыми принести ему в жертву и ум, и душу, и даже, в случае необходимости, жизнь.

Работать над пробуждением своего народа, работать над восстановлением свободного отечества Беларуси, работать в пользу того, чтобы она не была предметом презрения других, а мы не были рабами своей тьмы, но равными друзьями другим народам, великими своими культурой — какая это замечательная судьба для нас!.. Как мы должны быть горды тем, что история возлагает на нас эту великую и святую работу.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Фабиан Шантырь родился 4 февраля 1887 года в Слуцке. Казнен 29 мая 1920 года в Новозыбкове.

О чем думает человек в 33 года перед расстрелом? На этот вопрос мог бы ответить он, Фабиан. Переехав из Смоленска, где только что была провозглашена БССР, в Минск, ее правительство заняло на площади Свободы бывшую резиденцию российского генерал-губернатора и первым делом распространило в городе свой манифест. В нем сообщалось, что все указы и постановления Рады БНР отныне считаются недействительными, а сама Рада с ее «министрами» (это слово было взято в кавычки) объявляется вне закона. Дальнейшие события показали, что в положении «вне закона» оказались и авторы этого манифеста. Ярким подтверждением тому стала судьба Фабиана Шантыря.

Будущий политик и писатель родился в свободолюбивом Слуцке. За свою короткую жизнь он успел побывать домашним учителем, каменщиком, адвокатом, военным писарем, бухгалтером... Шантырь печатал в «Нашей Ниве» романтические «импрессии», посещал известный минский клуб «Беларуская хатка». Там он познакомился с молодой писательницей Зоськой Верас (Людвика Сивицкая, 1882–1991), которая стала его женой.

На Первом Всебеларуском съезде в 1917 году Фабиан, руководивший левой фракцией, стремился к паритетному соглашению с большевиками. Они этого не забыли и в первом правительстве БССР дали ему портфель наркома по национальным делам. Однако — всего на несколько недель. Уже в феврале того же 1919 года Шантыря бросили в тюрьму. А через год он был снова арестован, обвинен в «национальной контрреволюции» и расстрелян.

Фабиан Шантырь стал первой жертвой большевистского террора как в беларуской политике, так и в беларуской литературе.

Владимир Орлов

ФОТОВЫСТАВКА «НАШ РОДОВОД»

6 сентября 2012 г. в Национальном историческом музее открылась выставка фотохудожника из Гомеля Олега Белоусова «Родословная. Воспоминание о Великом Княжестве Литовском».

В экспозиции — 47 цветных снимков с авторскими текстами, которые воссоздают образы исторических лиц XIV–XVII веков, в том числе Витовта, Андрея Полоцкого, Барбары Радзивилл, Софьи Гольшанской и Льва Сапеги. Фотохудожник представил не только портреты князей и рыцарей, но и простых горожан, крестьян, музыкантов. Съемки имитируют стилистику портретной живописи XVI века, напоминая знаменитый «сарматский» портрет.

Художественный проект готовился в течение 2006–09 годов. В фотосъемках участвовали члены клубов исторической реконструкции из Гомеля («Старая Башня» и «Гридни Мстислава Глебовича»), а также из Минска («Княжий Гуф», «Алтын Тумен», «Корона Запада»). Исторические образы воплощали известные отечественные музыканты, исследователи беларуской истории и фольклора Дмитрий Сосновский, Александр Чумаков, Александр Сурба и Юрий Панкевич, а также музыканты школьного ансабля «Гасцінец».

Кроме того, в экспозицию вошли художественные снимки беларуских замков и народных костюмов. Дело в том, что О. Белоусов работает над новым фотопроектом «Беларуские народные костюмы» на основе разработок известного отечественного исследователя национального костюма Михаила Романюка.

Создатель и художественный руководитель группы средневековой беларуской музыки «Старый Ольса» Дмитрий Сосновский отметил, что иметь родословную — большая роскошь:

> «Не каждому это дано. Желание узнать, кто ты, откуда, кем были твои предки, иногда приходит очень поздно, когда живых свидетелей уже нет на этом свете. Повезло тем, кто в круговороте времени не утратил связей с корнями своего родового древа».

По его словам, в экспозиции присутствует элемент мистификации, связанный с тем, каким образом человек начинает ощущать свое единство с той или другой землей и каким образом рождается патриотизм:

> «Когда я 13 лет тому назад встретил Олега Белоусова, это был совсем другой человек. Он жил мечтами о своей родине — Крыме, стремился туда вернуться и вообще не воспринимал Беларусь с нашим природным и историческим наследием. Прошло несколько лет и глаза Олега стали раскрываться через знакомство с беларуской национальной музыкой и людьми, которые восхищаются родной историей. От него услышал: «Я патриот Великого Княжества Литовского — нашей Родины».
>
> Его стали восхищать сначала беларуская природа, потом наши старинные замки и, наконец, выдающиеся фигуры отечественного прошлого. У каждого это мистиче-

Играет «Старый Ольса»

Гости презентации

Слева направо: В. Орлов, Д. Сосновский, О. Белоусов

ское чувство связи с предками проявляется по-разному. Один пишет книги, другой рисует, третий исследует летописи, четвертый играет, а Олег Белоусов снимает и так проявляет свое уважение к беларуской земле».

Ученый секретарь общественного Института беларуской истории и культуры, профессор Анатоль Тарас назвал открытие выставки «настоящим праздником для всех минчан, интересующихся историей нашей страны». По его словам, можно по-разному относиться к прошлому:

«Археологи с интересом изучают каждый найденный артефакт. Но гораздо интереснее любого артефакта старины человек того времени. И когда мы смотрим эту выставку, то видим красивые лица наших предков. И мы начинаем верить, что такими они и были: самыми красивыми, самыми умными и самыми лучшими во всей Европе. Тогда и мы станем такими».

По материалам выставки Институт беларуской истории и культуры запланировал выпуск альбома.

Олег Белоусов родился и вырос в городе Евпатория (Крым). После окончания Московского лесотехнического института в 1987 году приехал по распределению в Беларусь. Живет в Гомеле.

О. Белоусов работает фотокорреспондентом газеты «Гомельская правда». Является членом беларуского общественного объединения «Фотоискусство».

Марат Горевой (газета «Новы час»)
(Выставка работала до 30 сентября 2012 г.).

Воспоминание о родословной

О том, что некогда Великое Княжество Литовское было «от моря и до моря» я еще раз вспомнил, когда узнал о месте рождения фотохудожника Олега Белоусова – Евпатория. Дело в том, что в своей речи на открытии персональной выставки, именно он рассказал – на фотографиях представлены типажи, среди которых, наверно есть и его предки. А сама выставка носит достаточно красноречивое название «Родословная. Воспоминание о Великом Княжестве Литовском».

Подготовительная работа велась с 2006 по 2009 год. В ней приняли участие члены исторических клубов Минска и Гомеля, известные музыканты, исследователи беларуского фольклора и истории, участники школьного ансамбля «Гасцінец».

Слева направо: А. Тарас, В. Яковенко, В. Орлов

Чем-то этот проект напоминает работы Екатерины Рождественской, известные по журналу «Караван историй». Только она заставляет своих персонажей перевоплощаться в знакомые всем образы прошлого знакомых всем современников, а Олег Белоусов сделал акцент на другом – на типажах и стародавней одежде. А авторский текст под каждым снимком напоминает краткое историческое эссе. Словом, это надо было видеть.

Александр Томкович
(газета «Свободные новости +»)

Фото Олега Шагулина

Алена Маковская и А. Тарас

Часть IV

ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИК О БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

А. Кавко, *кандидат исторических наук, доктор филологических наук*

В. Чайчиц, *кандидат политических наук*

XX век принес белорусам восстановление их государственности. Весьма знаменательным событием на этом пути стало 25 марта 1918 года, когда в Минске Народный Секретариат Беларуси, реализуя мандат Первого Всебелорусского съезда (декабрь 1917 г.), в ходе ночных горячих полемик между левыми, правыми и центристами, в присутствии безучастного «болота», к утру провозгласил образование независимой Белорусской Народной Республики.

Декларированная республика существовала недолго – ее сразу же поставили в узкие рамки немецкие войска, оккупировавшие, в соответствии с Брестским мирным договором, большую часть территории края. А без малого год спустя БНР будет низложена большевиками и реализована «пролетарско-классовая» альтернатива – БССР. Историография и политология «советской Белоруссии» в течение последующих десятилетий будут неустанно издеваться над своей предшественницей, всячески эксплуатируя факт немецкой оккупации, в условиях которой пыталось – увы, безуспешно – утвердиться возрождаемое государство.

Но пришли иные времена. На БНР посмотрели по-другому, отвергнув односторонний и предвзятый подход. Ныне воздают должное давнему стремлению белорусского народа к политической независимости, реабилитируют многих, ранее оболганных и репрессированных деятелей и политические партии.

Перед нами капитальный труд, не отягощенный ни изобличительными, ни апологетическими страстями, посвященный первым драматическим шагам становления белорусского государства в XX веке. Впечатляет основательность источниковедческой базы, основанной на архивах БНР, соответствующих мате-

---

Рецензия на книгу Дороты Михалюк «Белорусская Народная Республика 1918–1920. У истоков белорусской государственности». Торунь, Научное издательство университета им. Николая Коперника, 2010. // Dorota Michaluk. Białoruska Republika Ludowa 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. – 597 s. + ilustr.

риалах из белорусских, польских, частично литовских, российских, украинских хранилищ, а также на богатой литературе по данной теме. Можно позавидовать аналитическому таланту, работоспособности доцента Торуньского университета Дороты Михалюк, одолевшей своими стараниями почти «целинный» объем научного пространства, достойного внимания целого коллектива исследователей.

При этом она избежала сомнительной «методы» многих советских и постсоветских предшественников с их заранее заданным отношением к БНР, обусловленным идеологической конъюнктурой, с очевидной подменой, по терминологии Умберто Эко, «кода автора» на «код интерпретатора».

В этом исследовании мы видим удачное сочетание использованных текстов большинства лидеров и идеологов БНР (прежде всего А. Луцкевича, а также П. Бодуновой, И. Воронко, Т. Гриба, В. Довнар-Запольского, К. Дуж-Душевского, В. Ивановского, В. Ластовского, И. Лёсика, Р. Скирмунта, А. Смолича); документов Всебелорусского съезда, Народного Секретариата, затем Рады Республики; их политических оппонентов из большевистской, польской и другой среды, а также — взвешенной интерпретации материала.

Историческая логика, необратимость провозглашения БНР осмыслена в широком контексте государственных традиций Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, национально-освободительного движения, в связи с аналогичными процессами у соседних народов — летувисов, украинцев, поляков — и с общественно-политической мыслью России, ее «западно-русской» составляющей в отношении Беларуси.

Через деятельность политических партий, общественных объединений прослежено эволюционное вызревание государственной («незалежницкой») идеи. Сначала — концепция автономии в составе России или Польши; затем — конфедерация государств от Балтики до Черного моря (Беларусь, Летува, Латвия, Украина); в итоге — Третья Уставная Грамота, провозгласившая независимую Белорусскую Народную Республику.

Автор не навязывает читателю однозначных, а тем более категоричных выводов. Однако развернутой многокрасочной картиной систематизированных фактов, собственных замечаний, суждений оставляет за ним право на самостоятельные выводы из прочитанного — в чем мы видим бесспорное достоинство рассматриваемой работы.

Не претендуя на всеохватывающее рассмотрение книги по структуре ее содержания, попробуем вслед за автором разобраться, в частности, в одном принципиальном, хотя и риторическом вопросе. А именно: почему не состоялось государственное самоутверждение БНР?

Д. Михалюк учитывает неблагоприятное совпадение внешних и внутренних обстоятельств того времени. Это:

— низкий уровень национального самосознания, политическая инертность социальных низов (прежде всего крестьянства);

— политико-идеологический, зачастую персонифицированный разлад между лидерами-государственниками;

— их «левацкий» радикализм, далекий от учета настроений широких слоев горожан, мелкой и средней шляхты, конфессиональной неоднородности белорусского общества;

— направленность исключительно на «строительство одноклассового («крестьянского») государства» (с. 320).

Все оно так, и все эти факторы проанализированы на страницах книги.

Показательны итоги голосования по упоминавшейся Третьей Уставной Грамоте от 25 марта 1918 года: за — 29 (или 31), против — 21, воздержались — 7 (с. 501). Белорусская идея не нашла поддержки у других национальных групп, достаточно влиятельных в крупных городах. Так, против независимости высказались представители еврейских политических партий и группировок (часть из них, правда, воздержалась при голосовании), пророссийски настроенные эсеры и представители Минской управы (городской и губернской), где ощутимы были пропольские ориентации. Одним словом, в отличие от балтийских соседей акт о провозглашении независимости БНР не встретил однозначного понимания.

Первая мировая война и революция в России нарушили геополитическое устройство, сложившееся в Восточной Европе. Провозглашение БНР, считает автор, в определенной степени стало протестом белорусов против:

1) условий Брестского мира, к обсуждению которых белорусскую делегацию, в отличие от украинской, даже не допустили;

2) ответом на возникшие в связи с провозглашением независимости Летувы, Украины и других соседей опасения дальнейшего расчленения белорусских земель (с. 499).

В этнически неоднородном приграничье возникло множество административных и политических структур — польских, литовских, украинских и большевистских (автор справедливо не отождествляет их с русскими). Этнические границы белорусских земель, как их представляло себе руководство БНР, были указаны на карте, которая с учетом необходимости их обсуждения и закрепления на международных форумах специально издали на белорусском и других языках*.

Стоит, однако, выделить решающую роль оккупационного фактора в драматическом финале БНР, хотя автор и уравновешивает влияние внешних и внутренних обстоятельств (с. 524). Не прекращавшаяся в 1918–1920 г.г. оккупация Беларуси немецкими, польскими, большевистскими войсками не позволила сформировать эффективную административно-управленческую систему провозглашенной республики, как и добиться ее юридического международного признания. Многочисленные демарши представителей БНР перед правительствами других стран остались безрезультатными, хотя консульские точки в ряде

* Речь идет о брошюре профессора М.В. Довнара-Запольского «Основы государственности Беларуси», отпечатанной в Гродно весной 1919 года. Она была издана на русском, белорусском, польском, французском, немецком и английском языках. — *Прим. ред.*

городов Европы способствовали консолидации, защите гражданских прав белорусов, особенно беженцев (свыше 2 млн. человек на тогдашних российско-украинских просторах) и военнопленных.

Читателя не оставит равнодушным цветное факсимиле паспорта БНР, размещенное в книге вместе с другими уникальными фотоиллюстрациями (государственные символы, печати, почтовые марки, географические карты, фотографии деятелей БНР).

В работе анализируется, насколько эффективными были четыре правительства БНР (Иосифа Воронко, Романа Скирмунта, Ивана Середы и Антона Луцкевича), было ли это государство или «бумажная республика», как утверждают некоторые критики.

О признании БНР де-факто говорят контакты на правительственном уровне с Украиной, Германией, Польшей, Чехословакией, Летувой, Латвией, Эстонией, Финляндией, а также работа миссий и бюро БНР в Берлине, Риге, Ревеле, Либаве, Варшаве, Ковно, Киеве, Одессе по подтверждению белорусского гражданства и выдаче паспортов.

Вместе с тем, отсутствуют письменные подтверждения о поддержке БНР со стороны иностранных правительств. Основная трудность БНР состояла в том, что ее не признали главные политические игроки того времени в Европе – Великобритания, Франция и США, поддержкой которых тщетно пыталась заручиться белорусская делегация во главе с А. Луцкевичем на Парижской мирной конференции в 1919 году. Представления руководства этих государств о Беларуси как о самостоятельном субъекте истории и международной политики были на ту пору весьма призрачными или вовсе отсутствовали. Об осторожных попытках втянуть Беларусь в зону британского влияния через Прибалтику говорится в одном из подразделов книги. Но ориентация на Антанту возникла слишком поздно, когда стало ясно, что БНР не будет признана Германией.

Не удалось найти общего языка ни с польской, ни с российской сторонами, которые традиционно рассматривали белорусские земли в качестве своих окраин. Автор отмечает, что независимой Беларуси не хотели ни администрация А.В. Колчака, ни большевистское правительство В.И. Ленина (с. 512). Не дали практических результатов и контакты с Донской Республикой, с которой был установлен «политический союз» (с. 509).

Отношение польских властей к белорусам автор мягко называет непоследовательным. Аресты ряда деятелей БНР и жесткий надзор за белорусским движением толкнули многих его деятелей к эмиграции в БССР, продекларировавшей линию строительства государственного «белорусского дома» и белорусизацию общественно-культурной жизни республики (завершившуюся в начале 1930-х репрессиями в отношении едва ли не всех наиболее значимых, национально ангажированных деятелей, творческих работников этой самой «белорусизации»).

Особые надежды и ставка на Берлин были бесперспективны, поскольку немцы, по мнению Д. Михалюк, не видели потребности в создании белорусского государства и не поддерживали правительство БНР, хотя и позволили в 1918 году напечатать в Берлине первые паспорта БНР. Немцы воспринимали Народный Секретариат БНР скорее представительством народа (не государства) на оккупированной территории и использовали его как посредника

для проведения своей политики среди местного населения, исключая Западное Полесье, которое было подчинено администрации в Киеве (с. 503).

В целом, отчаянные попытки деятелей БНР заручиться пониманием, а то и поддержкой со стороны оккупантов, не исключая «федеративных» предложений сторонников «пропольской» или «пророссийской» ориентаций — всего лишь парадоксально горькие последствия непреодоленной ими первопричины их поражения. У наших «безнадежных националистов», как в свое время иронически заметил Николай Улащик, не нашлось даже винтовки для обороны*. Но и белорусское войско, появись такое (безуспешные усилия по его формированию исследованы автором), не смогло бы предотвратить драматическую развязку. Как и в случае соседней Украины, чье «незалежницкое» сопротивление оккупантам было намного сильнее белорусского. Принципиально иной выглядела ситуация с государственным самоопределением прибалтийских стран, с чем вынуждены были смириться и Германия, и РСФСР.

Штурмовой путь «всемирной революции» с Востока (основной из решающих факторов) проходил на Запад через Беларусь, хотя и «притормозился» — ценой отторжения едва ли не половины ее территории (Рижский договор 1921 г.). Это, в конце концов, и перечеркнуло демократическо-государственные усилия БНР, исход которой, однако, завершился вооруженным порывом слуцких повстанцев. На счет белорусского антибольшевистского сопротивления можно записать и «полесский» поход дивизии генерала Булак-Булаховича, действовавшей в составе польского войска, партизанские выступления «зеленодубовцев», но это уже за пределами хроники БНР.

И все же, в трагическом звучании Белорусской освободительной симфонии (подобное символическое название напрашивается после прочтения книги) не умолк оптимистичный мотив. Имеем в виду позитивные результаты деятельности БНР — опять же, скрупулезно подытоженные автором. Это:

— научное обоснование исторической правомочности независимого белорусского государства;

— органичности его этнических границ (в то время изрядно ущемленных соседями со всех сторон);

— государственная легитимация веками притеснявшегося, принижавшегося белорусского языка;

— принятие национально-государственной символики — бело-красно-белого флага и герба «Погоня»;

— налаживание национальной системы образования, издательств, культурно-образовательных учреждений;

— наконец, международная легализация до этого времени практически неизвестного в широком мире «белорусского вопроса».

Вот те живительные зёрна, проросшие на трагическом «желтом песочке» (метафора Василя Быкова) белорусской почвы, которым наречено колосить и плодоносить до тех пор, пока живет Беларусь.

Так что и «историческое величие белорусской государственности в форме БНР», предшественницы современной Республики Беларусь*, определяется не

* Казаў Улашчык // Каўка А. Будзем жыць! Мн.-М., 1998, с. 140.

просто идеей, но и ценным, жизненно-«материальным» наполнением ее, которое надо уважать и активно приумножать современным последователям жертвенных творцов первой Белорусской Республики. К чему, между прочим, деликатно и призывает эта содержательная и привлекательная книга — с цветным гербом БНР на обложке.

Отдельно хочется сказать о разделе, посвященном политическим деятелям БНР и их дальнейшей трагичной (как и создателей БССР) судьбе. При всех своих недостатках, заблуждениях и ошибках эти люди заслуживают того, чтобы их помнили и почитали как созидателей основ национального государства, как истинных патриотов, которые в сложнейших геополитических условиях попытались найти для Беларуси достойное место на карте Европы. Объективным ходом истории, многими исследованиями доказано, что без их самоотверженного труда не возникли бы ни БССР, ни современная Республика Беларусь.

Несколько уточняющих замечаний.

Воздавая должное источниковедческой основательности труда Д. Михалюк, отметим все же оказавшийся за скобками весьма ценный для темы исследования материал. Прежде всего, политическую публицистику рассматриваемых 1918–1920 годов Янки Купалы — к тому времени широко признанного в белорусском обществе поэта-мыслителя, неформального «властителя дум». Одни заглавия его полемических статей — «Независимость», «Белорусское войско», «Дело независимости Беларуси за прошедший [1919] год» (и других) говорят о многом**.

Показательны в этом же плане соответствующие тексты других белорусских писателей, публицистов — Максима Горецкого, Змитрока Бедули, тех же Вацлава Ластовского и Язепа Лёсика, создавших вместе с Янкой Купалой, Якубом Коласом, Максимом Богдановичем не только панорамно-художественный образ своей Родины, но и обосновавших ее национально-государственную идею, подхваченную и развитую далее политиками-практиками.

Бронислав Эпимах-Шипило упоминается в качестве члена общества беженцев в Петрограде (кстати, Я. Купала в нем не участвовал, — с. 149). Между тем, роль этого деятеля-просветителя в национально-духовном становлении белорусских государственников намного значительнее и до настоящего времени не оценена надлежащим образом. Весьма вероятно соавторство Б. Эпимах-Шипилы в подготовке декларации на международном форуме национальностей в Швейцарии в 1916 году — первой белорусской заявки на собственную независимость; к слову, его франкоязычный вариант и был озвучен белорусской делегацией***.

Автором первой публикации архивного документа о смерти Антона Луцкевича в «гулаговском» Актарске (с. 518) является исследовательница из Санкт-Петербурга, его родственница Маргарита Перова.

---

* Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці XX стагоддзя. Мінск, 2008, с. 803.

** См.: Купала Я. Молодая Беларусь. М., 2008, с. 270–294.

*** Mémoire des Représentants de la Ruthénie Blanche á la III Conférence des Nationalités. Lausanne, 27 Juin, 1916. Отдел рукописей ЦНБ Летувы. F. 21-2281.

Представляется спорным утверждение автора о том, что Финляндия была единственной страной, которая признала БНР де-факто и де-юре (с. 509 и с. 524). По вопросу международного признания БНР вообще нет единого мнения. Да и сама Д. Михалюк, говоря о попытках БНР добиться такого признания, подчеркивает сложность и неоднозначность этого процесса.

Она делает вывод, что в понимании международного права составные элементы оценки эффективности правительства (способность контролировать страну, наличие поддержки со стороны населения, готовности выполнять международные договоры и обязательства) со временем эволюционировали. Появилось много примеров, когда правительства создавались при участии, вмешательстве или опеке со стороны иностранного государства — вспомним ту же БССР, недавний пример — Косово или даже СССР, правительство которого также некоторое время не признавалось в мире (с. 500). Этим странам выпала более счастливая судьба в силу иных, более благоприятных внешних и внутренних факторов.

Несмотря на, казалось бы, всеобъемлющий характер книги, можно (и нужно) продолжить исследование темы БНР. В частности, в направлении контактов представителей БНР с Москвой. Как утверждал белорусский историк Виталий Скалабан, в архивах имеются свидетельства того, что в ноябре 1918 года состоялась поездка А. Луцкевича в Москву. Историки спорят, вел ли он переговоры с Лениным и была ли достигнута договоренность по поводу нового правительства БНР, которое осталось бы в Минске после прихода Красной Армии*.

Книга Дороты Михалюк пока неизвестна российским и белорусским читателям, хотя и поступила в Государственную публичную историческую библиотеку России. С учетом всего сказанного полагаем, что перевод книги этого автора на русский язык — сыщись заинтересованный издатель — был бы очень кстати*.

Примечание редактора:
Книга Д. Михалюк уже переведена на беларуский язык и подготовлена к изданию Институтом беларусистики в Вильне.

---

* БНР: поверх барьеров. «Советская Белоруссия», 22.03.2008.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВЛАДИМИРА СЕДУРО

Судьба Владимира Седуро (литературный псевдоним — Глыбінны) — типичная и в то же время особая страница в истории национально сознательной беларуской интеллигенции XX века. Его мировоззрение формировалось под воздействием литературно-просветительской и научно-гуманитарной волны беларуского возрождения, характерной для 1920-х гг.

В начале 30-х гг., когда произошел большевистский погром беларуской национальной элиты, Седуро — политический узник сталинского режима (с повторением этого урока в первые дни войны в июне 1941 г.).

Во время немецкой оккупации он активно занимался литературной и журналистской деятельностью. В Риге издавал журнал «Новы Шлях», на страницах которого нередко печатал авторов оппозиционно настроенных к оккупантам (таких как Владимир Дудицкий, Лариса Гениуш, Валентин Тавлай...). По словам самого Седуро: «...сам жанр чистой лирики, которая одна только и печаталась в «Новом Шляху», был направлен против попыток немецкой пропаганды подчинить себе литературу».

На основе своих публикаций в периодике Седуро подготовил к изданию три своих книги: «Жыве Беларусь!» (Да здравствует Беларусь!), «Гісторыя беларускага тэатру» и «Беларускае мастацтва», но военные события лета 1944 г. помешали их выходу в свет.

После вынужденной эмиграции в Германию, где литератор прожил почти 9 лет, Седуро в 1953 г. переехал в США. В 1955 г. с помощью Беларуско-Американского литературного общества он издал на английском языке главный труд своей жизни — книгу «Беларуский театр и драма» («The Byelorussian Theater and Drama»), высоко оцененную иностранными исследователями и учеными.

Надо также отметить работу Седуро по изучению творчества Фёдора Достоевского. В том же 1955 г. вышла его книга на русском языке «Достоевсковедение в СССР», которая получила высокую оценку западных специалистов и вызвала широкую полемику со стороны советских знатоков творчества великого русского писателя (кстати, имевшего беларуские корни). Писал он и художественную прозу, среди которой наиболее известен роман «Великие пути» о судьбе беларуской интеллигенции.

Умер Владимир Седуро 14 апреля 1994 года в городе Трой (штат Нью-Йорк).

Ниже мы публикуем автобиографию ученого и писателя, посланную им в декабре 1943 года в Беларуский архив, находившийся в Праге.

Какой разительный контраст составляет она бесцветным биографиям большинства нынешних беларуских интеллигентов!

Автобиография литератора Вл. Седуро (Ул. Глыбіннага)

Мать моя, Мария Моисеевна Шабан (девичья фамилия), происходит из бедного безземельного крестьянства деревни Лаговская Слобода Минского уезда. Чтобы избавиться от лишних едоков, часто бедные крестьяне отвозили своих детей – девочек-подростков – в город и отдавали в служанки. Так было и с моей матерью. В 13-летнем возрасте отец привёз ее в город и отдал уборщицей и горничной в еврейский дом. Там она работала почти 8 лет, пока не встретилась с 33-летним минским портным Ильёй Ивановичем Седуро, с которым и обвенчалась в начале 1910 г.

Поселились они сначала на 2-м Семинарском переулке, в доме Пашкевичихи, то есть на Сторожевской окраине Минска. Здесь 11 (24) декабря в 1910 году я и родился. Вскоре родители переехали на Старо-Виленскую ул., № 50/12, кв. 1, в дом Подпеховского-Песлячихи, в котором жили до самой войны 1941 г., когда на третий ее день – 24 июня он сгорел от пожара, что занялся от бомбардировки Минска.

Детские годы прошли очень интересно. Рядом с нашим домом находилась бывшая семинария – несколько больших каменных зданий и площадь, тогда еще обсаженная липами. В этих зданиях располагались разные войсковые части. В моей памяти сохранились немецкие воинские отряды в Минске в 1918 г. К ним в семинарию я ходил за сладким рисовым крупником и от них запомнил первое слово: «Raus!» /Вон!/, которое очень меня напугало, когда однажды я пошел туда с мамой, чтобы добыть чего-нибудь съестного.

Запомнилось, как отец прятался в уборной, когда воинские патрули ходили по городу забирать мужчин на работу, и как однажды на них произвела большое впечатление дружная работа отца с двумя другими сапожниками в мастерской в тот момент, когда они зашли в дом и вместо того, чтобы забрать на работу, сказали «гут, гут, арбайтер, ауф видерзеен!»

Помню, как их обозы уходили из Минска и мешали мне улицей идти в школу и я долго ждал на переходе, пока они проедут. Крупные снежинки не спеша падали на землю и своей неспешностью словно говорили, что никакой войны и не было.

Потом пришли советы, а через какое-то время поляки. Помню, я с матерью собирал траву для кабанчика на татарских огородах, когда вдруг послышались выстрелы. Едва успели мы перебежать через мост, как уже почти за нами бежали первые красноармейцы с запада, что отступали через Людемонт. Мы вскочили в дом и сели в сенях, так как здесь со всех сторон было по две стены и меньше опасность, что пробьёт пуля. Стрельба продолжалась несколько часов. На рассвете мы поняли по куче стреляных гильз, оставшихся под окнами нашего дома, что отсюда (а это было высокое место, откуда видна была дорога с Людемонта на татарский мост), так же как и с высокой площади Троицкой горы, какой-то пулеметчик обстреливал дорогу, по которой отступала Красная армия.

Из журнала «Спадчына» 1997, № 3, с. 160–181. Перевод А.Е. Тараса

Утром, когда мы пошли на мост, увидели на нем и возле реки несколько десятков убитых российских казаков. Кто-то ночью успел уже стащить с некоторых сапоги. Рассказывали, что один недобитый очень просил человека, стягивавшего с него сапоги и долго дергал, тащил за ноги по мосту, потому что слишком долго не мог стащить, чтобы тот сперва добил его, а уже потом снимал эти сапоги.

Другой раз, когда наступали поляки, мы сидели в подвале. Около нас было несколько пушечных взрывов. Вдруг вбегает Адась и просит его спрятать. Он в красноармейской форме, боится, чтобы его в таком виде не схватили поляки. Мы дали ему другую одежду и спрятали на несколько дней в сарайчике. При поляках он тоже служил солдатом, а позже, спрятавшись на время смены власти, опять пошел в Красную армию. Так он и после несколько раз менял свою форму и служил всем, кто бы ни был у власти, а сейчас спокойно живет и служит нынешним хозяевам.

Кроме территории бывшей семинарии, в малолетстве весной и летом я проводил много времени на лоне природы сторожовско-татарского района в Минске вокруг реки Свислочи. Река в моей жизни с раннего детства имела большое значение...

Летом я с раннего утра уже торчал где-нибудь на берегу или по колено в воде с удочкой в руках, ловя рыбу. Это был мой первоначальный промысел, которым я зарабатывал себе на мороженое или на булку, так как в доме всегда была недостача. В реке я купал солдатских коней, чтобы после за это иметь право через весь город, вплоть до загородных казарм, ехать галопом или рысью и вызывать зависть у моих более пугливых однокашников, которые все еще держались материнской юбки и на многое, давно мне доступное, не имели разрешения от родителей. От зари дотемна я проводил время на реке, лазил в чужие сады рвать фрукты, в большие татарские огороды рвать морковь и репу. Без билетов, ныряльщиком через дно реки под дощатым заграждением в воде, пробирался в купальню, что ежегодно строил на Свислочи жид Куська. Халявно качался на качелях Зеленки на татарской стороне за мостом и всегда как-то удачно обходил замах его палки.

Вл. Седуро в 1964 г.

Склонность к рыбалке так привилась, что и позже, уже юношей, я с рыбаком-любителем, соседом по дому, пожилым сапожником Степаном Толстопятовым, называемым нами просто Стёпкой, часто летом выбирался далеко за город — в Ждановичи или Заречье под Ратомкой на ночь ловить рыбу. Ночевали в поле, иногда около костра, а во время сенокоса в копнах душистого сена. Слушал Степановы рассказы о больших щуках и голавлях, которые почему-то всегда, по его словам, срывались у него, если я этого не видел. Я понимал слабость всех охотников и рыбаков к гиперболам и никогда не противоречил.

На территории семинарии много было спортивных снарядов для военных – брусьев, турников, колец, кобыл, трапеций и пр. Здесь я выучил и делал много разных приемов этого спорта: высоко и далеко прыгал, крутил сальто-мортале, вытворял разные скобки, задние подъемы и т. п. Поэтому позже и в школе я был лучшим гимнастом.

Большое и хорошее влияние на меня оказал доступ в бывшей семинарии к газетам, журналам, частые посещения киносеансов и театральных спектаклей для военнослужащих и курсантов военной школы, что помещалась тогда в зданиях семинарии. Там же я увлекся шахматной игрой и другими играми. Тогда же увидел несколько спектаклей Народного театра Голубка.

Позже меня и моих друзей заинтересовало рисование – мы стали целые дни просиживать в библиотеке имени Крупской на бывшей Александровской улице и копировать карандашом разные рисунки из книг. Потом сами стали компоновать, начали писать акварельными красками и достигли здесь немалых успехов. Мои акварельные работы всегда выставлялись на ученических выставках города Минска. Некоторые акварельные пейзажи были настолько хороши, что получили высокую оценку у многих. И я теперь очень жалею, что они в пожар 1941 года сгорели в квартире моих родителей вместе со всей моей библиотекой, собираемой через всю мою жизнь, в которой были почти все издания беларуских книжек за многие годы.

Минск во время Мировой войны

Правда, в конце 1935 г. по возвращении из ссылки я две телеги русских книжек – преимущественно классиков русской литературы – продал библиотеке тогдашнего Минского учительского института национальных меньшинств Беларуси. Тех книг мне не жалко, так как их можно достать в любом российском городе. Но беларуские издания, уничтоженные властями за целое десятилетие, так называемые «нацдемовские», до войны все хранились на квартире у родителей. Когда-то я истратил на них в Минске все свои гонорары и стипендии, любовно выкупал у букинистов, а теперь их нигде не найти. Потому особенно болит по ним сердце и иногда хочется злиться на своих стариков за то, что они в пожар не побеспокоились о книгах, хотя им было тогда не до того. Мне, как беларускому культурнику, потеря собрания беларуских книжек причинила непоправимое горе.

Возвращаясь к своему жизнеописанию, вспоминаю, что меня какое-то время – года два – увлекала игра на струнных музыкальных инструментах. Отец

еще раньше приобрел мне гитару, а потом я купил еще балалайку и другие инструменты.

Вероятно, через любовь к музыке я увлекся радио – начал мастерить самодельные детекторные радиоприёмники и ловить ночью, когда Минск не мешал, передачи европейских станций. Ради этого я выписывал все российские журналы и газеты по радио, изучил в совершенстве технику сборки многоламповых приёмников и был любителем этого дела. По радио изучал язык эсперанто и мечтал о связях с Европой. Однако в Белпедтехникуме этот интерес к технике был вытеснен интересом к литературе. Этот последний стал господствовать над всеми другими и определил окончательно мой жизненный путь.

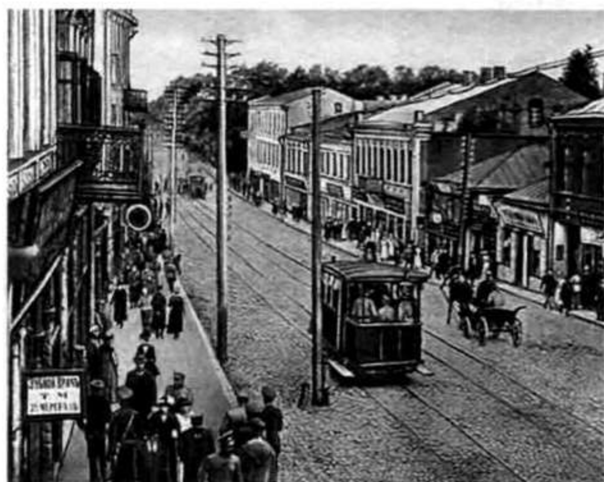
Минск во время Мировой войны

Разноплановость интересов в малолетстве и юношестве, надо полагать, наложили сильный отпечаток на мою интеллектуальную, культурную широту и разноплановость интересов и как литератора, о чем будет далее. Вспомню здесь только то, что, будучи мальчиком, я вместе с соседскими детьми, отец которых работал надзирателем в тюрьме, стал посещать пионерский отряд для детей служащих тюрьмы. Там, в тюремном клубе, нас часто пускали на спектакли, поставленные силами заключенных, среди которых были хорошие артисты и режиссеры. В неплохом художественном исполнении они показывали те же пьесы, что ставились и в Беларуском Государственном Театре. Здесь я увидел почти все тогдашние беларуские драмы и комедии. Под их влиянием мы создали свой пионерский драматический кружок и под руководством режиссера и арестантов сами показали несколько пьес. Я исполнил – с большим успехом у тюремного зрителя – несколько ролей. Режиссер был очень доволен моей игрой и пророчил мне артистическую карьеру. Этого не случилось. Но зато я на всю жизнь вынес отсюда особую любовь к театру.

Учился я сначала в 1-м Минском приходском четырехклассном училище – начальной русской школе на бывшей Александровской улице. Учительница очень старалась переделать нас в русских. На уроках она всегда критиковала наш беларуский акцент, добивалась правильного русского произношения. В 3-м и 4-м классе мы учились по русской книге «Охота пуще неволи», части I и II. Правда, хрестоматия эта была хорошо составлена, давала ученику в доступной форме рассказы из истории (разумеется, российской), природоведения, географии и русской литературы. Это способствовало нашему общему развитию.

И хотя эта учительница ставила немало синяков на руках и спине, когда вызывала к своему столу, а мы от волнения не могли ответить урок, однако сделала нас дисциплинированными и заложила крепкий фундамент начального образо-

вания и грамотности. Это способствовало потом успехам обучения уже в беларуской 15-й Минской семилетней школе, куда я перешел учиться с 1923 г. и которую закончил в 1927 г. Здесь учителем беларуского языка и литературы был сознательный беларус Кузьма Демьянович Стригун, который привил нам беларускую сознательность и интерес к беларуской художественной литературе. Хорошие зерна забросили в наши молодые души другие учителя – господин Поляк, Ефим Кипель, директор Ковпак, учительница русской литературы и языка Ксения Игнатовна и другие... Все они зарождали в наших молодых душах стремление к прекрасному и гуманному. Уже здесь проявилась моя склонность к гуманитарным интересам. Поэтому после окончания семилетки я поступил в 1927 г. в Минский Беларуский педагогический техникум имени Всеволода Игнатовского, в котором учился до 1930 г.

Минск во время польской оккупации

Первые два курса Техникума дали много общеобразовательных знаний. Преподаватель литературы г-н Соколовский пробуждал интерес к мировой литературе. Участие в работе литературного кружка при техникуме и в издании рукописного литературного журнала «Крынiца» окончательно сформировали мои литературные интересы.

Здесь вообще надо отметить огромную роль Минского Беларуского педтехникума в подготовке литературных кадров. Это была своего рода литературная академия, в которой проходили обучение многие беларуские писатели, такие как Андрей Александрович, Алесь Дударь, Максим Лужанин, Павлюк Трус, Григорий Казак, Степан Лиходиевский, Антон Адамович, Сергей Дорожный, Лука Калюга, Сергей Острейко и другие.

На литературные вечеринки и диспуты, устраиваемые литературным кружком, к нам приходили и выступали многие известные писатели и критики. Это особенно подогревало интерес к литературе и побуждало многих молодых студентов браться за перо и испытывать свои литературные таланты. Из Минского Белпедтехникума вышло много молодой беларуской интеллигенции, той элиты, которая позже составляла главную заботу органов НКВД и почти вся была посажена в концлагеря.

В Белпедтехникуме я особенно подружился с молодым одаренным поэтом Сергеем Астрейко, автором замечательной поэмы «Бэнгалія», который позже безвременно умер в Сибирской ссылке.

Летом 1928–1929 гг. в воскресные дни я посещал и окончил специальные курсы краеведения, где читали лекции выдающиеся беларуские ученые-беларусоведы.

Летом 1929 г. я впервые выступил на страницах минской беларуской газеты «Савецкая Беларусь» с рецензиями и статьями о беларуской литературе – под своей фамилией. Помню, что тогда, когда о литературе объединения «Узвышша» писали уже только плохое, называли ее в печати буржуазно-кулацкой, что считалось тогда великим преступлением, я смело написал про один из очередных номеров журнала только положительное, признавая его литературные достижения.

Столь же положительно я писал о произведении Михася Зарецкого «Путешествие на Новую Землю» и других. Это обратило внимание официальных кругов, и когда вскоре партийная газета «Зьвязда» начала ругать Зарецкого за идеализацию в упомянутом произведении «прищеповщины» и хуторского кулацкого хозяйства, мне было отказано в публикациях на страницах «Савецкай Беларусі». Но я нашел уже сторонников в специальном литературном журнале «Маладняк» и стал там помещать статьи и рецензии о беларуской литературе.

Тогда «Маладняк» был литературным журналом, созданным при литературном объединении «Маладняк» так называемой Беларуской Ассоциации Пролетарских Писателей. В 1931 г. я стал членом этой ассоциации и вместе с писателями Борисом Микуличем, Степаном Лиходиевским и другими создал творческую группу молодых писателей.

Правда, кроме общих декларативных заявлений, творчество этой группы было мало объединено общими принципами, ибо каждый творил отдельно, согласно своим интересам и культурному уровню. Вообще, теперь мне представляется напрасной всякая попытка какого-то творческого объединения, так как творческий процесс является исключительно индивидуальным и не терпит никаких ограничений общими принципами.

Беларуский педтехникум в Слуцке

Перед этим в 1930 г. я поступил на литературно-лингвистический факультет Беларуского государственного университета, а в 1932 г., после окончания второго курса, перевелся учиться в Москву.

Дело в том, что я заметил, что за мной и другими студентами, преимущественно молодыми беларускими писателями С. Лиходиевским, Дмитрием Остапенко и другими, начал следить НКВД. Ради этого некоторых студентов вызывали в ГПУ и предлагали исполнять роль информатора. Некоторые слабые поддались давлению и согласились на эту позорную роль. Чистые идеалисты решительно отказывались от таких позорных поручений. Я решил убежать подальше от этой грязи. Тем более что меня не удовлетворяла постановка дела обучения в Минске.

Но и Москва не стала для меня спасением. Попав на глаза ГПУ, я уже везде отслеживался. И когда в Минске началась вторая волна арестов национальных сил, меня из Москвы арестованного привезли в Минское ГПУ и бросили в каменный мешок так называемой «Американки», а затем вместе с другими беларускими писателями осудили на три года концлагеря. Во время допросов я, несмотря на все средства давления со стороны следователей, не стал на путь лживых показаний о какой-то фиктивной контрреволюционной организации так называемых нацдемов, возникшей в их безумных мозгах, не назвал ни одного человека, как это делали другие, играя фактически роли провокаторов и дав тем самым нашим палачам «основания» судить нас за то, в чем мы никогда не были виновны.

Я был молодым идеалистом, верил в справедливость и силу добра, в светлые начала человека и мог раньше представить, что могут без всякой причины осудить совершенно невиновного человека. Я ежедневно ждал освобождения. Только когда мне зачитали постановление Особого Совещания коллегии ГПУ, я немного отрезвел от своего идеализма. Но, уже находясь в концлагере, я все еще пытался писать заявления с просьбой освободить или заменить концлагерь административной ссылкой, доказывая свою невиновность.

За три года лагерей я увидел тысячи несчастных людей, жертв системы лжи и доносов, лживых подтасовок, перепробовал много занятий: от чернорабочего на земляных работах до инспектора по хозяйству. Здесь я познал человеческое горе во всей глубине, но не утратил, однако, веру в человека. Гуманные начала моего мировоззрения переросли окончательно в систему гуманизма, которой я и теперь придерживаюсь в жизни.

Этот гуманизм устремлен в первую очередь к моему обиженному историей беларуского народу. Своей жизнью и деятельностью я хочу служить его Великому Возрождению, чтобы он наконец смог выпрямить плечи и во всю свою силу и способности проявить себя в культурном и государственном строительстве, заявить себя равным среди славянских и всех других народов Европы.

Срок заключения я отбывал сначала в Сибирских лагерях (поначалу в г. Новосибирске, а потом в г. Мариинске), а вторую половину срока в Байкало-Амурских лагерях (в Отдельном Комендантском лагерном пункте в г. Свободном, полном несвободных людей, и в 5-м отделении на станции Тохтамыгда).

Когда в августе 1935 г. был освобожден, то избрал себе местом жительства Крым – г. Симферополь. Но там не смог найти работы и приюта, ночевал в скверах. Потому перебрался в Минск. А здесь нельзя было жить – не прописывали. Остановился на время в Гомеле, работал в Музее, потом учителем в школе. Раскрылась моя ссылка. Уволили. Спасибо Богу, нашелся хороший человек – заведующий горОНО г-н Татарчук, который выдал хорошую справку, что я уволен по собственному желанию. Это открывало возможность работы в другом месте.

Переехал вместе с Дмитрием Остапенко на Кавказ, где после долгих блужданий осели, он – в Новороссийске (работал в школе), а я в Краснодаре, где работал одну зиму преподавателем на курсах. Весной переехал в Ростов-на-Дону, где работал в школе до окончания 1935-36 учебного года. А в августе вместе с Оста-

пенко переехали в Москву, где я поступил учиться, а Остапенко работать. Но опять злая судьба подстерегала беларуского интеллигента. Четвертого ноября 1936 г. Остапенко вместе с поэтом Юлием Таубиным в Москве арестовали и отвезли в Минск, где присоединили к арестованным тогда же в большом количестве беларуским писателям, и, наконец, снова осудили — на долгие годы сибирской каторги.

Надо мной пока что судьба сжалилась, меня до поры не трогали, не знаю почему. Правда, я быстро менял места жительства и в 1938 г. в феврале поехал работать на Кавказ, а летом 1938 г. странствовал по Кавказу и Крыму и только в августе направился уже не в Москву, а в Ленинград. Там я работал в школах и попутно посещал лекции в Университете и в Педагогическом институте имени Герцена. Здесь я сдал экзамены за факультет литературы и языка и экстерном завершил свое образование.

Поэт Дм. Остапенко

После этого еще год работал в Ленинграде в 34-й средней школе преподавателем русского языка и литературы. Но конфликт с евреем-шовинистом, директором школы, вынудил меня уволиться и переехать на работу в город Архангельск Северного края. Там я работал только 2 месяца — апрель и май, завершил учебный год в школе и уехал на каникулы в Ленинград. В августе заехал домой в Минск, а затем направился в Москву искать нового счастья.

Оттуда меня направили на работу преподавателем литературы в Учительский институт в город Глазов Удмуртской Автономной Республики Кировского края. Но, посмотрев на здешнюю дикость, я, не приступая к работе, сбежал оттуда и приехал в Минск. Здесь с большим трудом, под видом студента московского института, приехавшего домой на летний отдых из-за состояния здоровья, мне удалось прописаться. А после этого я поступил научным сотрудником в Институт повышения квалификации кадров народного образования при Наркомпросе БССР. Наконец я нашел работу по вкусу. Здесь я за каких-то четыре месяца написал научные работы «К вопросу о методике преподавания русского языка в нерусских школах Белоруссии» и «Проблемы грамотности».

В феврале 1941 г. ИПКК расформировали, но я перешел на работу в Научно-исследовательский институт школ Белоруссии исполняющим обязанности старшего научного сотрудника. Работа здесь мне понравилась еще больше. Я выбрал себе в институте научную тему «Общее и различное в белорусском и русском языках и методика их преподавания». Работая над этой темой, я стремился, насколько позволяли условия и цензурные возможности, доказать особенность и самобытность беларуского языка как языка совершенно самостоятельного народа. Попутно работал на Высших учительских курсах преподавателем русского языка.

Вместе с тем мне удалось экстерном сдать экзамены за аспирантуру при Беларуской Академии наук и защитить диссертацию на тему «Максим Горький как

историк русской литературы». Это дало мне научную степень кандидата филологических наук, о чем имею соответствующий диплом.

Война полностью переиначила мои занятия. В первый же день войны, вечером 22 июня 1941 г. я был арестован и посажен в тюрьму, а ночью с 24 на 25 июня уже шел в большой колонне заключенных на восток по дороге на Червень и Могилев. Минск в это время горел как свечка. Огромные языки пламени лизали темно-серые тучи и как-то особенно зловеще отсвечивались на небе. Где-то в этом море огня мы покинули в неизвестности о нашей судьбе своих родных, родителей, жён, сестер, братьев и шли в еще большую неизвестность. Но счастливый случай, а также моя находчивость и смелость дали мне возможность в первую же ночь в 20 километрах от Минска убежать, пересидеть у родственников в деревне несколько дней и потом придти целым в Минск.

С неспокойным сердцем входил я в сгоревший город. Живы ли мои старые родители, для которых я был единственной утехой, надеждой и поддержкой. В ушах все время стоял душераздирающий материнский плач, когда меня забирали из дома. Еще издалека с татарского моста я увидел, что на том месте, где стоял на горке деревянный домик, в котором жили мои родители, теперь видно только пепелище, а от домика остались труба да печка. Глубокой болью сжалось сердце. «Боже мой, я остался один», — мелькнула мысль.

Но судьба еще раз сжалилась надо мной. На углу возле бывшего дома я спросил какого-то человека, не видел ли он двух стариков из этого дома и где они могут быть. Тот ничего не знал. Но вдруг с огорода я услышал голос: «Володя!» Это был голос моей матери. О радость, они живы, остальное не важно. Отец сидел на табурете под жестяным навесом и от радости не знал, то ли ему смеяться, то ли плакать. Седая, как лунь, голова, казалось, еще больше побелела, а лицо осунулось от пережитого. И тогда я понял, что уже немного осталось ему гостить в нашем мире. Но сейчас мы все живы и снова вместе.

Я узнал от них, что весь пожар и бой они просидели здесь, на этом холме, когда вокруг около них и над ними свистели пули, а неподалеку рвались бомбы и снаряды, и от взрывов кругом стелился дым и света не было видно. На их глазах отступали Советы, которых обстреливали немецкие мотоциклисты, загорались и останавливались машины, в них горели советские шоферы и т. д. Однако судьба приказала им еще жить и их не тронула ни одна напасть этого ужасного боя. Но после пережитого отец совсем ослабел и 15 октября того же 1941 года умер. Он похоронен на Кальварии, а не на Сторожовке, где похоронены все наши родичи, так как не было уверенности, что последняя /кладбище на Сторожовке. — *Ред.*/ сохранится после превращения Советами кладбища в сквер.

Сразу же после возвращения в Минск я обратился в Минскую городскую управу и вошел в группу деятельных беларусов и вместе с другими учредил издательский отдел, который вскоре начал издавать «Беларускую газэту». Таким образом являюсь, вместе с другими, участником первого совещания 11 июля 1941 г. учредителей «Беларускай газэты», в которой сотрудничаю и теперь как журналист-публицист, литературный, театральный и художественный критик, как историк и т. д.

С лета 1942 г. редактирую беларуский иллюстрированный журнал «Новы шлях» («Новый путь»). За первые два с половиной года написал много статей и исследовательских работ о беларуском искусстве, театре, музыке, истории, беларуских исторических деятелях и т. д. Они составили большую книгу из шести разделов на 30 листов под названием «Живет Беларусь!»*

Главные мои интересы лежат преимущественно в сфере беларуской культуры, во всех ее отраслях.

Я считаю, что политические возможности для Беларуского Движения сильно различаются в разные времена истории Беларуси. Бывают такие времена, когда они совсем узкие. В эти моменты от Движения отходит много его случайных попутчиков, которые искали в нем скорее возможности карьеры и хороших должностей в случая его победы. Но всегда остаются при нем те беларуские идеалисты, которые не личной корысти ищут, мотивами и поступками которых руководит только одно — благо народа и Отечества.

Weissruthenische Zeitung
Bielaruskaja Hazeta
БЕЛАРУСКАЯ ГАЗЭТА
КРЫЗІС ПЕРАМОЖАНЫ
ПРАМОВА ПРАВАДЫРА

Чаще всего их жизнь бывает обездоленной, никаких материальных богатств они в жизни не добывают, живут в бедности и нехватке. Очень часто за свою беларускость они страдают от властей, попадают в тюрьмы, мучаются в ссылках, на каторгах, но нигде и никогда не отрекаются от своей нации и народа. Они высоко держат факел беларуского национального дела и при первой же возможности опять и опять несут свои силы, таланты, ум и чувства на алтарь служения Великому Беларускому Возрождению. Это настоящие апостолы святого для всех нас беларуского дела. Их деятельность и создает основания для неугасимого чувства беларуской национальной гордости.

Примеры их жизни рождают в следующих поколениях беларусов представителей нового беларуского романтизма, сильной могучей веры в силы возрожденного беларуского народа. Они уже никогда не изменят народному делу, даже во времена упадка и национального унижения. И как в XVI веке — начале упадка Беларуского государства — верный сын Беларуси, уроженец Полоцка Франтишек Скорина поднял на соответствующую высоту культурно-просветительскую и издательскую деятельность; как во времена Версальского унижения Беларуси, раскола и ренегатства среди беларуской эмиграции (в результате сокращения для Беларуси возможностей политического рода) выдающийся просветитель, культурник, писатель и ученый Вацлав Ластовский поднял на соответствующую высоту издательскую деятельность, издав ряд ценных литературных, исторических и научно-публицистических произведений и этим не дал угаснуть белару-

* Это 400 страниц в формате дайджеста «Деды». — *Прим. ред.*

ской мысли, так и сейчас нам, культурникам, надо приложить все силы для дела широкой популяризации нашей богатой культуры.

Сегодня Беларусь создается исключительно культурно-просветительским делом, школой, печатью, театром, искусством. Может быть, никогда не ощущалась столь остро нужда в беларуской литературе, печати и школе, как теперь. Через эти институции мы и придем к такому состоянию, что из теперешнего нашего, в массе своей несознательного, народа образуется нация. А будет нация, будет много интеллигенции — будет и все остальное: и своя культура, и самостоятельность, и свое независимое государство. Через культуру и нацию мы придем к своей государственности.

Поэтому те беларуские романтики, которые теперь изо всех сил заботятся о распространении в народе знаний своей культуры, своего прошлого, которые стремятся вызвать среди беларуской интеллигенции глубокое уважение к нашему культурному прошлому, с фанатичной убежденностью отыскивают в прошлом беларуские культурные памятники как свидетельства творческого гения нашего народа, с увлечением и любовью, часто ценой отказа от личной жизни, посвящают все свое время изучению нашей культуры и делятся своими находками с народом через печать в форме литературно-критических и публицистических статей, описаний и т. п., — они делают большое дело, за которое им когда-нибудь будет благодарна история нашего края и народа. Это настоящие современные возрожденцы.

Начав в 1941 г. снова свою журналистскую деятельность, я руководствовался целью возрождения нашего богатого исторического и культурного наследия, чтобы тем самым создать основы для культивирования чувства нашей национальной гордости.

Перво-наперво я взялся за историю Беларуси и оттуда, из глубины веков, вытащил на свет такие славные страницы нашего прошлого, как использование на протяжении нескольких веков беларуского языка как государственного (статья «Беларуский язык в истории Беларуси»), как расцвет беларуской культуры в XVI веке (статья «Золотой век»), как выдающаяся деятельность беларуского государственного мужа, канцлера Великого Литовского княжества Льва Сапеги, как освободительная борьба беларуского народа в XVII — XVIII вв. и т. д. Статья «Смоленщина — извечная беларуская земля» — посвящена историческому и этнографическому обоснованию принадлежности этих земель к Беларуси*.

Много материалов о создании единого Беларуского государства использую в статье «Новогрудок вчера и сегодня». Этот цикл исторических статей дополняет и обобщает моя статья «Борец за свободу народа» о вожде беларуского народа в XIX веке — Константине Калиновском.

* Эта статья Вл. Седуро — на беларуском языке — опубликована в первом выпуске нового издания «Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага». Ее объем — 54.660 знаков, т.е. 18,2 страниц в формате «Дедов». — *Прим. ред.*

Этими и другими историческими статьями я стремился дать беларуской интеллигенции материалы для национально-воспитательской работы, а также учительству материалы для работы в школе с учениками.

Вопросам истории беларуского школьничества и просвещения вообще посвящены мои отдельные статьи «Беларуская школа» и «Беларуский учитель».

Целый цикл небольших статей я написал на темы нынешней Беларуси: «Красивая Беларусь», «Беларуские крестьяне», «Возрождение беларуской национальной одежды», «Богатства Беларуси»... И везде вопреки прежнему нашенивскому прибеднению и унижению, вроде коласовского:

Край наш бедны, край наш родны,
Гразь, балота ды пясок...
Чуць дзе трохі луг прыгодны...
Хвойнік, мох ды верасок.
А туманы, як пялёнка,
Засьцілаюць лес і гай...
Ой, ты бедная старонка!
Ой, забыты Богам край.

я провожу мысль, что вовсе не бедный наш край: он и красивый, и богатый, а народ в нем трудолюбивый, способный ко всякой работе и к творчеству, и к искусству, народ глубоко одаренный разнообразными способностями, народ с прежней славой и силой, которые пусть сейчас и потухли, но не навечно. Проснется Беларусь, ощутит в себе силы и высоко поднимется в творческом взлёте вопреки нашенивскому нудному нытью о сиротской участи края. Я хочу поселить в беларуских душах неиссякаемую веру в могучие силы нашего края и народа, ибо только породив веру в свой народ и край, можно их возродить.

Этой же мысли служат мои работы о беларуских композиторах (Теравском, Туренкове, Щеглове), об особенностях народной песни, о беларуских музыкальных народных инструментах, современном беларуском искусстве (статьи «Беларуское искусство за первые два года войны», «Петр Миранович», «Петр Сергиевич» и др.) и прошлом (Истоки беларуского искусства – о беларуской архитектуре, древней живописи, графике, скульптуре и т. п.)*.

Эти работы составили отдельную книгу «Беларуское искусство» («Беларускае мастацтва»), которую я подготовил к печати с целым рядом интересных иллюстраций, репродукций с икон и др. Этой книгой я доказываю, что у беларусов в прошлом были свои художники, целые художественные школы (Витебская и Могилевская в XVII веке), художественные цехи и направления, что беларуское искусство пользовалось тогда широкой известностью за границей и простиралось своим художественным уровнем далеко за пределы Отечества (роспись беларускими художниками краковских и сандомирских кафедр во времена Ягайлы).

Особенно меня интересует беларуский, да и не только беларуский, театр. Когда я еще учился в Белпедтехникуме в Минске, я любил посещать спектакли Беларуского театра, и каждый вечер в театре был для меня праздником.

* Владислав Теравский (1871–1938), Алексей Туренков (1886–1958) и Николай Щеглов-Куликович (1893–1969) – беларуские музыкальные деятели. – *Прим. ред.*

Позже, когда я жил в Москве и Ленинграде — этих мировых театральных центрах, — все свободные вечера проводил в театрах, выбирая для этого преимущественно классический — западноевропейский и русский — репертуар. Все свои средства — стипендию и заработок — я расходовал на театр. Это был для меня единственный святой храм, в котором я мог просиживать дни и ночи, не чувствуя никакой усталости, наоборот, ощущая радость, эстетическое наслаждение, подъем сил, напряженную работу мысли. Я разделял с героями их переживания, радовался и страдал их удачами и неудачами. Театр был для меня великой школой жизни и лучшим университетом. Наверное, ни одно учебное заведение не дало мне столько знаний, особенно знания человека, его психологии, внутреннего мира и разнообразия человеческих особенностей и характеров, как театр.

Много в Москве и Ленинграде я посмотрел исторических памятников, побывал во всех известных культурному миру московских и ленинградских исторических и художественных музеях, сотни раз стоял возле картин выдающихся российских художников в Третьяковской галерее в Москве или в Русском музее в Ленинграде, удивлялся гениям западноевропейских художников и творцов в Музее изящных искусств имени Пушкина в Москве или в знаменитом Эрмитаже в Ленинграде.

Но часы, проведенные здесь, ни в какое сравнение не могут идти со временем, проведенным в театрах, так как почти не было вечера, чтобы я его провел где-нибудь, кроме театра. В Московском Художественном Академическом театре имени Горького, в Камерном театре, в Театре революции, в Оперном театре имени Станиславского, в Академическом Большом театре и других за время моей жизни в Москве, или в Мариинском Оперном театре, Александринском Драматическом театре, в Театре Комедии, в Драматическом театре имени Горького, в Театре Радлова и других за время моей жизни в Ленинграде, пожалуй, не было ни одного спектакля из классического репертуара, особенно комедий Шекспира и Лопе-де-Вега, драм Шиллера, Островского, Горького, Чехова, инсценировок романов Достоевского, Толстого и других, которых я бы не посмотрел несколько раз. Несмотря на то, что трудно было доставать билеты, и дороговаты были они для меня. Покупал чаще всего самые дешевые, на галерку или задние ряды, и за несколько дней до спектаклей, когда билеты еще не были разобраны. Часто, не имея билета, перед началом спектакля у входа в театр подолгу спрашивал у людей, нет ли лишнего билета. И часто на мою долю у кого-нибудь находился один лишний. С радостью на лице шел я тогда в театр, чтобы опять пережить несколько сладких часов жизни, созданной на сцене.

В Москве и Ленинграде меня всегда возмущало безразличное отношение к театру коренных москвичей и ленинградцев, которые за всю свою жизнь в этих городах не видели и сотой доли театрального репертуара, просмотренного мной за несколько лет. Им было непонятно мое горение интересами театра, а студенты — друзья по общежитию, всегда удивлялись моему ненасытному аппетиту к новым и новым спектаклям. А в годы моей ссылки, наряду с другими болями, мою тоску усиливала еще и разлука с театром, о котором я часто грезил в своих мечтах и воспоминаниях. Все же, если чего-то хочешь и очень сильно, то

оно сбывается. В 1936 году сбылось мое желание опять увидеть московский театр.

Сейчас меня, естественно, интересует беларуский театр. О нем я написал теперь отдельную книгу «Беларускі тэатар». Она состоит из большой работы «Из истории беларуского театра» (на 6 авторских листов*), в которой дается история развития театральной деятельности беларуского народа с древних времен до наших дней. Начиная с характеристики драматического элемента в беларуских народных обрядах, я перехожу к беларуской батлейке, затем даю характеристику школьной драмы и комедии, спектаклю первой беларуской оперы «Крестьянка» (на музыку С. Монюшко) в 1855 году в Минске, попыткам основания беларуского театра во второй половине XIX и начале XX веков. Особенно подробно здесь рассматриваются творческие пути бывших Первого и Второго Беларуских Государственных театров и странствующего театра Вл. Голубка.

Затем в книгу входят несколько статей о спектаклях современного беларуского театра в Минске за первые два года войны. Здесь отдельные отзывы (рецензии) вместе с обобщающими статьями о спектаклях Минского городского беларуского театра дают представление о содержании и стиле работы театра, игре актеров и творческом облике современного беларуского театра.

Как и к книге о беларуском искусстве, к книге «Беларускі тэатар» я подобрал много интересных фотоснимков отдельных сцен, групповых и единичных фотографий беларуских артистов в ролях. Все это вместе должно будет хорошо послужить делу изучения истории беларуского театра и делу его нынешнего Возрождения.

Через всю книгу проходит четкая мысль о больших сценических способностях беларуского народа, которые проявлялись даже в неблагоприятные времена, в обстоятельствах, враждебных чистому искусству, в обстоятельствах борьбы враждебных элементов против истинно национального направления беларуского театра. А это свидетельство возможности великого расцвета беларуского театра в свободной Беларуси, когда развитию беларуского сценического искусства не будут чиниться преграды.

Нехватка богатой литературной жизни теперь в войну не дает мне возможности развернуть как следует талант литературного критика, которым я начинал свой литературный путь еще в 1929–1932 гг. Потому чисто литературных статей у меня за эти годы появилось немного. Лучшими считаю статью о поэзии Владимира Жилки – «Поэт большой культуры» и статью «Вацлав Ластовский как поэт воинствующей националистической мысли». Каждую статью я стремился ковать из чистой стали – глубокой, вдохновленной, полной национального романтизма и веры в народные силы мысли.

* Это 133 страницы машинописного текста по 1800 знаков. – *Прим. ред.*

Много хорошего и приятного мне довелось услышать от разных культурных беларуских деятелей в Минске и Вильне относительно редактируемого мной иллюстрированного беларуского журнала «Новы Шлях». Отмечали, что это первый в истории беларуской печати столь богатый культурным содержанием иллюстрированный журнал и что он хорошо служит делу беларуского возрождения, особенно теперь, когда печать и издательское дело приобретают первостепенное значение, когда, по словам одного уважаемого молодого беларуского возрожденца из Вильни, печатное слово и создаст Беларусь, так как печать в наше время — самое сильное средство распространения национального сознания.

С первого дня, когда я приступил к исполнению обязанностей редактора «Новага Шляху», я вознамерился использовать беларуские страницы журнала для пропаганды нашего национального дела. Правда, делать это было очень трудно в условиях латышского окружения, враждебного к беларусам, которое делало много вреда нашей редакции в Риге — при непонимании со стороны руководства самых элементарных потребностей и интересов Беларуси. Приходилось с большим боем «продавливать» беларуские страницы за счет ненашего пропагандистского материала.

Первый год работа шла плохо. Были часы, когда хотелось бросить эту работу, но жалко было журнал — он совсем бы погиб. Журнал был слишком мало беларуским — больше четырех страниц беларуского материала не позволяли. Остальное заставляли переводить с готовых чуженациональных текстов. И только летом 1943 года произошел перелом, и журнал, благодаря добытому с боем разрешению помещать больше беларуских материалов, стал, наконец, беларуским изданием, хотя и теперь часть материалов на определенные страницы дается принудительно. Большим достижением является и то, что удается делать наши беларуские обложки с типами беларуских крестьян, видами и т. д.

Теперь, наконец, хотя это стоило много здоровья и нервов, хождений и волнений, журнал «Новы Шлях» можно назвать нашим: он неплохо служит нашим культурно-возрожденческим делам.

Трудности непрерывных переездов из Минска в Ригу и обратно по обязанностям редактора отнимают у меня много сил и энергии, и при моем слабом здоровье, подорванном каторгой и бесприютной жизнью, сильно мешают моей творческой работе. А в голове теперь носятся планы написать историческую пьесу из жизни беларуской интеллигенции XVI века — о Франциске Скорине. Еще планирую написать роман о беларуском интеллигенте нашего времени на основе своего богатого жизненного опыта. Много и публицистических тем просится на перо.

Силы будут, будем жить — будем творить и писать на счастье нашему народу во имя его свободы, культуры и независимости.

Да здравствует Беларусь!

Владимир Седуро
(Рига, декабрь 1943 г.)

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В БССР

Максим Петров

Многие наши граждане до сих пор не понимают смысла коммунистического террора в СССР. «Верх» такого непонимания — наивный лепет об «извращениях» ленинского курса. А ведь смысл был откровенно заявлен еще в 1871 году в ритуальной песне коммунистов «Интернационал», сочиненный французом Эженом Потье — уничтожить до основания старый мир и вместо него построить новый — свой, и тогда тот, кто был никем — станет всем.

Старый мир — это люди, носители прежней идеологии, прежних традиций, обладавшие прежней ментальностью. Поэтому их безжалостно уничтожали или, как минимум, «перековывали» — ломали их совесть, ценностные ориентации, идейные воззрения, используя для этого все виды морального и физического насилия.

Массовый террор·выражал саму суть советской власти, был одним из трех главных ее «столпов» наряду с возможностью успешной личной карьеры для отбросов общества («кто был никем — тот станет всем») и лживой демагогической пропагандой. Но за те 70 лет с лишним лет, в течение которых власть на территории бывшей Российской империи находилась в руках организованной преступной группировки, именуемой РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, стратегия и тактика ее террористической политики неоднократно менялись. Апогеем массового террора стали 1937–38 годы, вошедшие в историю под названием «Большой террор».

Долгое время его масштаб, структура и механизмы оставались скрытыми не только для современников (за исключением «авторов» и главных исполнителей террора), но и для историков. Сейчас совокупность рассекреченных источников позволяет ясно видеть общую схему этой бойни*. Общий ход репрессий в период «Большого террора» можно разделить на три периода:

Первый период: октябрь 1936 – февраль 1937 гг. Содержание периода: перестройка карательных органов, установка на чистку партийной, военной и административной элиты от потенциально оппозиционных элементов в условиях угрозы «империалистической агрессии». Увеличение числа арестов по политическим обвинениям.

Второй период: март 1937 – июнь 1937 гг. Содержание периода: декретирование тотальной борьбы с «двурушниками» и «агентами иностранных разведок»; продолжение чистки элиты; планирование и разработка массовых репрессивных операций против «социальной базы» потенциальных агрессоров — кулаков, «бывших людей», представителей национальных диаспор и т.п.

---

* Среди доступных источников наибольшее значение имеют рассекреченные документы ЦК ВКП(б) и НКВД СССР, в первую очередь директивы, регламентировавшие динамику репрессий, их идеологические, количественные и процессуальные параметры.

В январе 1937 года в Москве состоялся процесс по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». А с 23 февраля по 5 марта 1937 года в Москве заседал пленум ЦК ВКП(б), целиком посвященный политическому обоснованию разворачивающихся массовых репрессий.

Пленум обсуждал следующие вопросы: 1) дело Бухарина и Рыкова; 2) «уроки» вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщений; 3) то же самое по НКВД; 4) о политическом воспитании партийных кадров и мерах борьбы с троцкистскими и иными двурушниками в парторганизациях.

Сталин в своем докладе на пленуме 3 марта «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выдвинул принципиальный тезис: беспощадная борьба с «врагами народа» — важнейший приоритет партийной работы. Он заявил, что поскольку троцкисты и иные политические противники превратились «в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующую по заданиям разведывательных органов иностранных государств», в борьбе с ними нужны «не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома».

На Пленуме выступили 73 человека. Отметим попутно, что 56 из них в 1937–1940 гг. были расстреляны (в т.ч. Ежов), а двое кончили жизнь самоубийством.

Постановления этого пленума положили начало кампании «Большого террора». Уже 27 февраля Н.И. Ежов представил на утверждение членам Политбюро первый «список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР». Он включал фамилии 479 человек, которых заранее решили казнить. В следующие полтора года такие списки регулярно подавались из НКВД на утверждение Сталину и его ближайшим сподвижникам — только после их визы дела поступали на рассмотрение в Военную коллегию. Всего в этих 383 списках более 40 тыс. чел. Подавляющее большинство из них были осуждены на смерть.

Третий период: июль 1937 – ноябрь 1938 гг. Содержание периода: декретирование и реализация массовых репрессивных операций — «кулацкой», «национальных», против ЧСИР (членов семей изменников родины); усиление борьбы с «военно-фашистским заговором» в РККА, с «вредительством» в сельском хозяйстве и других отраслях экономики.

В эти два года буквально вся партийно-государственная машина СССР работала в одном направлении — в сторону тюрьмы и кладбища. Почитайте газеты и журналы того времени, любому нормальному человеку станет жутко от одних только людоедских заголовков тогдашних публикаций. Всю огромную страну охватил какой-то массовый психоз!

Завершающий период: ноябрь 1938 – март 1939 гг. С 25 ноября 1938 года, когда Л.П. Берия сменил Н.Н. Ежова на посту наркома внутренних дел СССР, началось сворачивание «Большого террора». Были прекращены массовые операции; отменен «списочный» («альбомный») принцип арестов; упразднены чрезвычайные органы внесудебной расправы («тройки» и «двойки»), освобождена часть арестованных; началось уничтожение «ежовских» кадров в НКВД.

Статистические итоги «Большого террора» в СССР за период с октября 1936 по ноябрь 1938 гг., выглядят следующим образом.

По тем делам, которые вели органы госбезопасности (органы ГУГБ НКВД) было арестовано не менее 1 млн 710 тыс. чел., в том числе 818 тыс. чел. (47,83 % общего числа арестованных) в рамках «кулацкой» операции.

Из всех арестованных было осуждено не менее 1 млн 440 тыс. чел. (84,2 % от общего числа арестованных). В том числе приговорены к смертной казни не менее 725 тыс. чел. (50,3 % от числа осужденных).

Из 725 тыс. чел., приговоренных к смертной казни были осуждены:

1) «тройками» по «кулацкой операции» – не менее 436 тыс. чел. (53,3 % всех арестованных «кулаков»);

2) «тройками» и «двойками» НКВД по «национальным операциям» – не менее 247 тысяч человек*;

3) Военной коллегией Верховного суда СССР, спецколлегиями областных судов, военными трибуналами (по делам о «повстанцах», «террористах», «шпионах», «диверсантах»)– не менее 41 тысячи человек*.

Кроме того за июль 1937 – ноябрь 1938 гг. были отправлены в ссылку или депортированы по политическим мотивам, но в административном порядке – не менее 200 тысяч человек**.

Таким образом, общее число людей, репрессированных в СССР за 26 месяцев (с октября 1936 по ноябрь 1938 гг.) по обвинениям политического характера (арестован-

Рисунки Данцига Балдаева

* В «двойку» входил представитель органов НКВД и прокурор; в «тройку», кроме них, еще и представитель партийных органов.

** Эти и другие данные приведены в статистическом исследовании Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского, имеющемся в Интернете.

ных, осужденных и высланных) составило свыше 1 млн 910 тыс. чел. Это на 370 тысяч больше, чем всё население современной Эстонии (1,54 млн) и почти столько же, сколько живет в Словении (1,97 млн). Целая страна!

При этом «пик» массовых убийств, совершавшихся сталинскими палачами по всей стране, пришелся на 16 месяцев – с июля 1937 по ноябрь 1938 года.

Попутно надо сказать несколько слов о пытках. Некоторые публицисты пишут о «следователях-садистах». Такие статьи создают ложное впечатление, будто бы зверские избиения и другие методы физического воздействия являлись своего рода «самодеятельностью» отдельных представителей органов внутренних дел. Это абсолютно не соответствует реальности.

Впервые применение пыток к лицам, обвиняемым в совершении политических преступлений, было официально санкционировано в СССР в декабре 1934 года – вскоре после убийства С.М. Кирова, совершенного (как доказано к настоящему времени) по приказу Сталина. Тогда из Москвы во все республиканские наркоматы и региональные управления НКВД была послана телеграмма соответствующего содержания, разумеется, с грифом «совершенно секретно». Правда, в ней было отмечено, что это якобы «временная мера» и она должна применяться «в исключительных случаях». В начале лета 1937 года телеграмма примерно такого же содержания была разослана еще раз.

А 10 января 1939 г. секретариат Сталина разослал всем региональным руководителям ВКП(б) и НКВД телеграмму за подписью вождя. В ней было сказано:

> «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов – крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. (...) ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь (...) в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Кампания «Большого теророра» в БССР

Сталин и его приверженцы сначала (в 1929–33 гг.) уничтожили традиционный уклад жизни беларусов (единоличные крестьянские хозяйства) путем ликвидации рыночных отношений и коллективизации с одновременным разгромом хозяйств, дававших основную массу товарной сельхозпродукции (именно их называли «кулацкими»).

После этого (в 1933–36 гг.) они устранили из активной жизни (арестовали, бросили в лагеря, отправили в ссылку, частью казнили) беларускую национально-демократическую интеллигенцию – «мозг нации». Жертвами репрессий в этот период стали более 90 % национальных деятелей первой четверти XX века.

Затем наступила короткая передышка перед «решающим штурмом» — «Большим террором».

В 1937–38 гг. в огромных масштабах производились аресты «правотроцкистов», «национал-фашистов», «иностранных шпионов» и прочих «врагов народа». Их обвиняли в участии в контрреволюционных, антисоветских, диверсионных, шпионско-террористических и повстанческих организациях.

Например, число так называемых «врагов народа» и «вредителей», исключенных из компартии БССР составило в 1934 — 1936 годах 10.831 человек. А в 1937 — 38 гг. число исключенных из компартии превысило 40 тысяч человек!

Коммунисты-патриоты национальных регионов больше не требовались Москве. Их объявляли «врагами», «национал-фашистами» и безжалостно уничтожали. «Местное руководство» в союзных и автономных республиках Москва теперь формировала частью из «пришлых», частью из местных денационализированных люмпенов. На высокие должности взлетали малограмотные люди. К XVIII съезду ВКП(б), состоявшемуся в марте 1939 года, три четверти всех партийно-советских руководителей БССР имели только начальное образование!

Понятно, что такие «пролетарские» кадры являлись преданными рабами своих хозяев и жестокими палачами собственного народа. Они до конца жизни были благодарны «сталинской партии», открывшей им путь к господству и привилегиям.

Упомянем теперь о делах «Объединенного антисоветского подполья» в БССР. Это общее название целого ряда дел по разгрому «антисоветских диверсионно-вредитель-

Рисунки Данцига Балдаева

ских, шпионских, террористических и повстанческих организаций», придуманных в 1937–38 гг. сотрудниками управления госбезопасности НКВД БССР. Объединенное антисоветское подполье (ОАП) якобы включало в себя 13 автономных организаций:

Антисоветская националистическая организация «Белорусская национальная самопомощь»
Антисоветская террористическая организация «Союз борьбы за освобождение Белоруссии»
Белорусская автокефальная церковь
Бундовско-сионистская организация
Контрреволюционная организация «Культурная помощь деревне»
Контрреволюционная антисоветская организация «Белорусское отделение крестьянского бюро меньшевиков»
Организация правых
Национал-фашистская организация
Сионистская контрреволюционная организация «Левый Гехалуц»
Сионистская молодежная организация
Троцкистско-террористическая организация
Шпионско-повстанческая организация
Эсеровская организация

Начальник 4-го отдела УГБ НКВД БССР в справке от 1 июня 1938 г., представленной в ЦК КПБ, подвел итоги «разгрома антисоветского подполья в БССР»:

«Всего по БССР арестовано и разоблачено в 1937–1938 гг. 2580 участников ОАП, из них: троцкистов и зиновьевцев – 376 человек, правых – 177, национал-фашистов – 138, эсеров – 585, бундовцев – 198, меньшевиков – 7, сионистов – 27, церковников и сектантов – 1015, клерикалов – 57».

«Руководителей» и «активистов» этих мифических организаций органы внесудебной расправы приговаривали к смертной казни, остальных – к заключению в трудовые лагеря. В числе осужденных были 23 члена ЦК КПБ и ЦК комсомола, 40 народных комиссаров и их заместителей, 24 секретаря окружных, городских и районных комитетов КПБ, 20 председателей окружных, городских и районных исполнительных комитетов советов, 25 академиков и научных сотрудников АН БССР, 20 писателей.

Другим «направлением деятельности» органов НКВД в период «большого террора», кроме «подпольных организаций», являлось выявление «иностранной агентуры». Об этом свидетельствует справка «Об итогах операции по польской, немецкой и латвийской агентуре в БССР, в период с августа 1937 по сентябрь 1938 г.» Вот сведения из нее, касающиеся рассмотрения дел одних только польских «шпионов» и «диверсантов» в НКВД СССР и Особой тройкой НКВД БССР:

«Из общего числа 15.747 арестованных осуждены решением НКВД СССР и Прокуратуры СССР на смертную казнь – 14.037 человек. Плюс к тому Особой тройкой НКВД БССР осуждены 6770 человек, в том числе к ВМН – 4650. Т.е. из 22.517 человек приговорили к смерти и казнили 18.687 (83 %)!»

Еще большее число людей попало в жернова террора вне этих двух «направлений».

В качестве конкретного примера того, как «вращались» эти «жернова», рассмотрим судьбу высшего партийного руководства БССР в указанное время.

С 10 по 19 июня 1937 года в Минске проходил XVI съезд КПБ(б)Б. Его лозунгами были «мобилизация большевиков Белоруссии на очистку своих рядов от всякого рода двурушников, троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских бандитов, национал-фашистов и агентов германо-японо-польского фашизма» и «сплочение КП(б)Б вокруг ЦК ВКП(б), вокруг товарища Сталина».

Делегаты съезда единогласно (!) одобрили арест командующего Белорусским военным округом командарма 1-го ранга Иеронима Уборевича. Между прочим, И.П. Уборевич был награжден за революционные заслуги тремя орденами Красного Знамени (в то время – высшая награда) и Почетным революционным оружием! Еще 9 делегатов, в том числе Николай Голодед, были лишены мандатов и арестованы уже в ходе съезда*. Член Бюро ЦК КПБ, Председатель ЦИК Советов БССР Александр Червяков 16 июня во время перерыва между заседаниями съезда застрелился прямо в служебном кабинете.

Коммунистический «пейзаж»: одно из тысячи «учреждений» ГУЛАГа

Из избранных съездом 64 членов ЦК КП(б)Б вскоре были арестованы 34 (53 %), а из 21 кандидата в члены ЦК чекисты арестовали 8 (38 %).

Было избрано бюро ЦК в составе 11 человек. В ближайшие полтора года их всех арестовали. Пофамильно, это Б. Берман, И. Белов, Д. Валкович, А. Ворonченко, М. Денискевич, И. Журавлёв, А. Мезис, М. Низовцев, В. Потапейко, М. Стакун, В. Шарангович.

Кандидатами в члены бюро избрали 8 человек. Это А. Августайтис, Ф. Войнович, Л. Готфрид, И.Жабров, Н. Литвин, Р. Рубинштейн, И. Сурта, Д. Юрков. И этих тоже вскоре арестовали.

27 июля 1937 года ЦК ВКП(б) принял постановление о руководстве ЦК КП(б)Б. От занимаемых должностей освободили первого и второго секретарей ЦК КП(б)Б Василия Шаранговича и Николая Денискевича, а их дела как «врагов народа» передали в органы НКВД**.

28 июля состоялось заседание бюро ЦК КП(б)Б с участием заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Георгия Маленкова (1902–1988) и заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК

---

* Н.М. Голодеда арестовали 14 июня 1937 г. в Москве и отправили в Минск. Здесь он 21 июня во время очередного допроса выбросился через окно с пятого этажа здания НКВД и разбился насмерть.

** Денискевича расстреляли 29 октября 1937 г. Шаранговича – 15 марта 1938 г. Шаранговича чекисты изобразили руководителем «банды польских шпионов, вредителей, диверсантов», а также главой «белорусской подпольной организации заговорщиков».

ВКП(б), заведующего сельхозотделом ЦК Якова Яковлева (Эпштейна). Ранее Я. Яковлев возглавлял комиссию, которая проверяла беларускую партийную организацию и готовила погромное постановление ЦК ВКП(б) от 27 июля о руководстве ЦК КП(б)Б.

29 июля прошел пленум ЦК КП(б)Б с приглашением на него всех секретарей городских и районных комитетов партии БССР. В работе пленума участвовали Г. Маленков и Я. Яковлев. Основным докладчиком был Яковлев. «Гости» из Москвы поименно приглашали участников пленума выступить, учиняли им формальный допрос и тут же отбирали партийные билеты. Из 24 выступавших 20 были арестованы и вскоре расстреляны. В связи с тем, что КП(б)Б оказалось без руководства, до 11 августа «республиканским отрядом» единолично командовал Я. Яковлев*.

Урочище Куропаты (Броды) сегодня

Следующий XVIII съезд КП(б)Б состоялся через год — с 10 по 18 июня 1938 года. Из доклада исполняющего обязанности первого секретаря ЦК Алексея Волкова следовало, что 1938 год должен стать годом «нового выкорчевывания врагов». Однако приехавший на съезд из Москвы секретарь ЦК ВКП(б)Б Андрей Андреев (1895–1971) заявил, что Волков с обязанностями не справляется и «рекомендовал» избрать первым секретарем 36-летнего Пантелеймона Пономаренко, заместителя Георгия Маленкова в отделе руководящих органов ЦК ВКП(б)**.

Членами бюро ЦК КП(б) на этот раз стали 9 человек: А. Ананьев, П. Голиков, А. Кузнецов, М. Кузнецов, А. Левицкий, А. Наседкин, Н. Наталевич, П. Пономаренко, М. Рапинский. Троих из них позже тоже арестовали — А. Ананьева (в 1940 г.), А. Кузнецова (в 1939 г.) и А. Наседкина (в 1939 г.)

Точные сведения о том, насколько сократился за прошедшие 12 месяцев «белорусский отряд большевиков», отсутствуют. По сведениям справочника «Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах, 1918–1988». (2-е изд., Минск, 1988), на 2225 человек (с 33.828 до 31.603). По данным «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (том 6, книга II, с. 200; том 6, книга I, с. 285) — на 15,5 тысяч человек (с 47 тысяч до 31.526).

* Яковлев-Эпштейн тоже разделил участь своих жертв, надо признать — вполне заслуженно. Его расстреляли 29 июля 1938 г. Однако у этого сталинского палача нашлись заступники, изображающие его «белым и пушистым». Например, некий Эдуард Корнилович посвятил ему хвалебный очерк в сборнике «Люди революционного подвига», изданном в Минске в 1985 г.

** А.А. Волков (1890–1941) исполнял обязанности первого секретаря ЦК КПБ с 11 августа 1937 по 17 июня 1938 г. С июля 1938 он занимал посты первого секретаря Чувашского обкома партии и, одновременно, председателя Совнаркома Чувашской АССР. В мае 1940 был освобожден и от этих должностей, в конце года арестован, в 1941 расстрелян.

Большего доверия заслуживают сведения Ростислава Платонова в «ЭГБ», так как они более поздние и не подвергались цензуре. К тому же цифры на 1938 год в обоих источниках почти совпадают (у Платонова меньше всего на 77 человек)*.

Очередной съезд (XIX) был созван почти через два года – в мае 1940. Поскольку масштабы террора к тому времени резко сократились, партия значительно увеличила свой численный состав, но вопрос о том, был ли это качественный рост, является чисто риторическим.

Некоторые итоги «Большого террора» в БССР

Академия наук БССР оказалась практически разгромленной. С января 1937 года по декабрь 1938 она потеряла более 100 ученых. Осталось всего-навсего 6 (4,32 %) аспирантов из 139, которые имелись в 1934 году. Институты философии и экономики в 1938 г. вообще закрыли. Для замены репрессированных ученых и преподавателей ВУЗов пришлось срочно присылать выходцев из России.

Еще в 1934 году вместо свободных литературных объединений («Маладняк», «Узвышша», «Полымя») был создан единый Союз советских писателей Беларуси. С той же целью позже учредили союзы композиторов, художников, архитекторов. С самого начала в них воцарилась тяжелая атмосфера взаимных обвинений и доносов. Историческую и фольклорную тематику объявили националистической. Требовали хвалить «счастливую социалистическую действительность» и «славное революционное прошлое». До 1940 года были репрессированы свыше 60 % членов Союза писателей БССР состава 1935 года – 238 человек! Из них выжили лишь 20 (8,4 %).

Памятная доска в Куропатах

Большевики закрыли Гомельский драматический театр, его руководителя, артиста, режиссера и драматурга Владислава Голубка, первого народного артиста БССР, расстреляли. Та же судьба постигла создателя Первого беларуского драмтеатра (БДТ-1) Флориана Ждановича и художественного руководителя еврейского театра Михаила Рафальского. Погибли композитор и дирижер Владислав Теравский, собиратель народных песен Антон Гриневич.

По официальным данным, за период 1929 – 1935 гг. в БССР было репрессировано около 46 тысяч человек, из них свыше 13 тысяч (около 28,3 %) приняли

* Такое расхождение в официальных данных наглядно показывает, что официальной статистике доверять нельзя. Разница в числе членов республиканской парторганизации почти на 14 тысяч человек далеко не мелочь!

смерть. А в 1936–38 гг. репрессиям подверглись 86.168 граждан БССР, причем 25.425 человек (29,5 %) из них были казнены. Как видим, интенсивность террора возросла в 4,37 раза. Если в предыдущие 7 лет среднегодовой показатель жертв репрессий составлял 6572 человека, то в следующие три года – 28.722 человека.

Но это – официальные данные. По подсчетам же независимых историков, жертвами репрессий в БССР в 1936–38 гг. стали свыше 300 тысяч человек, из которых было казнено не менее 40 тысяч. В период с июля 1937 по ноябрь 1938 года только в Минске сталинские палачи убили свыше 10 тысяч человек. Это время писатель Леонид Моряков назвал «кровавым туннелем смерти». Были ночи, когда расстреливали по 200–250 человек.

Плакат общества «Мемориал»

Чекисты убили в БССР за 1937–38 гг. около 4 тысяч учителей, более тысячи врачей, свыше 400 православных и католических священников, а также пятерых архиепископов и митрополита Ф. Раменского. От 1445 действующих православных церквей дореволюционного Северо-Западного края к сентябрю 1938 года в БССР остались только две – в Орше и Мозыре.

Семьи арестованных тоже становились жертвами репрессий. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло 5 июля 1937 года специальное постановление (разумеется, секретное) «О женах осужденных изменников родины», согласно которому «все жены изобличенных изменников родины подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5–8 лет», а дети – помещению в детские дома и закрытые интернаты.

На основе этого постановления женщины получали 8 лет лагерей (их отправляли в АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен измеников родины); дети старше 18 лет – 5 лет лагерей (с той же формулировкой, либо «за антисоветскую деятельность»); детей в возрасте до 5–6 лет отправляли в детские приюты (меняя им фамилии), остальных – в специальные детские дома для ЧСИР («членов семей изменников родины»). Большевикам мало было оклеветать и убить ни в чем не повинного человека, они стремились уничтожить и его семью!

Оперативным приказом наркома внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», изданным 31 июля 1937 г. и утвержденным в Политбюро ЦК ВКП(б), были установлены количественные «лимиты» по первой (расстрел) и второй (заключение в лагерь) категориям для каждого региона СССР. Приговоры выносились заочно, т.е. без вызова обвиняемого, а также без участия защиты и обвинения, обжалованию приговоры не подлежали.

Специально указывалось, что расстрелы должны производиться «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места». Коммунисты и без

этого приказа всегда скрывали места массовых казней, убийства они производили тайно, по ночам. Установлено, что до войны людей, осужденных на смерть в Минске, убивали в пригородах – в Лошице, Тростенце, Степянке и, особенно, в урочище Броды (Куропаты). Только в Куропатах в 1937–39 гг. расстреляли не менее 30 тысяч жителей Беларуси и перебежчиков из Западной Беларуси. Но такие Куропаты были возле каждого города БССР, где имелась тюрьма ГПУ или НКВД.

Всего же за период с 1921 по 1953 год репрессиям большевиков (коммунистов) в БССР подверглись от 650 тысяч человек (по официальным данным) до более чем 1 млн (по подсчетам независимых исследователей).

Во-первых, это свыше 300 тысяч крестьян, объявленных «кулаками» либо «вредителями», лишенных всего имущества и частью казненных, частью сосланных на Север, в Сибирь, Казахстан.

Во-вторых, это 250.449 лиц, осужденных «тройками» и «двойками», особыми совещаниями, коллегиями ГПУ, НКВД, МГБ, а частично и судами по политическим обвинениям – как троцкисты, национал-фашисты, контрреволюционеры, повстанцы, либо как агенты иностранных разведок – шпионы и диверсанты.

В-третьих, более 100 тысяч жителей западных областей республики, репрессированных в административном порядке (без рассмотрения персональных дел) в 1939–41 и 1944–53 гг.

Всеобъемлющий свирепый террор коммунистов прервал духовную связь между поколениями и в огромной степени помешал формированию национального самосознания нашего народа. Он отбросил советское общество далеко назад во всех сферах жизни – вопреки официальным заявлениям властей о «небывалом расцвете» науки, культуры, промышленности, сельского хозяйства, о «неуклонном росте» благосостояния трудящихся.

В 90-е годы XX века всем советским гражданам вдруг открылось истинное место общества «развитого социализма». Название ему – тупик мировой цивилизации. А одна из главных причин убогой жизни в этом тупике – коммунистический террор.

КПБ — РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОТРЯД НОВОГО КЛАССА

Анатоль Великий

Что такое новый класс

Сначала надо объяснить, что такое «новый класс» в СССР. С этой целью я кратко охарактеризую концепции М. Джиласа и М. Восленского.

Милован Джилас (1911–1995) долгое время был одним из руководителей компартии в Югославии. С 1940 по 1954 год являлся членом Политбюро ЦК КПЮ, занимал руководящие должности в правительстве и парламенте, имел чин генерал-лейтенанта, звание Народного героя. Но в 1954 году за антипартийные взгляды прежние «товарищи по партии» сняли его со всех постов. С 1956 по 1966 год он трижды отбывал заключение в югославских тюрьмах. Автор знаменитой книги «Новый класс», изданной в 1957 году на Западе и переведенной на все основные языки мира.

По Джиласу, «новый класс» в социалистическом обществе — это партийно-бюрократический аппарат. Другие названия — «номенклатура», «правящий слой компартии», «партийная каста».

Формально провозглашая построение бесклассового общества как свою конечную цель, коммунисты после захвата политической власти всегда и везде создают собственное классовое общество. В этом обществе привилегированным является только один класс — «номенклатура». Этот «новый класс» обладает следующими характеристиками:

— монопольной политической властью, ничем и никем не контролируемой;

— использованием особых привилегий в силу осуществления властных функций;

— коллективной собственностью на средства производства и естественные ресурсы (формально — «народные» или «государственные»);

— самочинным присвоением себе произвольно определяемой доли общественного богатства;

— фактическим пребыванием за пределами юрисдикции государственных органов.

По Джиласу, как идеология, так и экономика являются для коммунистов только средствами осуществления монопольной власти. Они всячески противятся тому, чтобы эти сферы были свободными организмами, развивающимися по своим законам. Но по мере разложения коммунистической идеологии «новый класс» и созданная им политическая система закономерно приходят к краху.

---

* Из книги «Таталітырызм» (Мінск, 2007, с. 67–87). Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Михаил Восленский (1920–1997) являлся сотрудником аппарата ЦК КПСС. Бежал на Запад. Ряд лет возглавлял в Бонне (ФРГ) Институт по изучению советской действительности. Автор книги «Номенклатура», изданной в 1980 году и переведенной на 14 языков.

По мнению Восленского, в результате ноябрьской 1917 года революции и трехлетней гражданской войны в бывшей Российской империи была полностью разрушена прежняя система организации общества. Но взамен ее новая власть создала новый господствующий класс – номенклатуру.

Именно номенклатура (а не пролетариат) была подлинно господствующим классом социалистического общества и в качестве такового являлась коллективным собственником всех средств и орудий производства, всех естественных богатств страны. Социалистическая собственность, по Восленскому, это в действительности безраздельная собственность класса номенклатуры.

За исключением минимальной личной собственности граждан, всю иную собственность ранее существовавших классов, социальных групп и частных лиц присвоила себе номенклатура. При этом для маскировки реального положения вещей она всемерно распространяла мифы о государственной, общенародной, колхозно-кооперативной и прочих формах собственности, якобы существовавших при социализме.

Но, присвоив себе все виды собственности, номенклатура запустила в действие «экономически бессмысленную» машину для получения прибавочной стоимости сразу всеми известными в истории видами эксплуатации. Вследствие этого экономический крах СССР стал неизбежен и являлся исключительно вопросом времени.

(А. Тарас)

Высшие партийные органы: Бюро, Секретариат, аппарат ЦК КПБ

В ответе на вопрос о характере власти в советской России – и, разумеется, в Беларуси, ныне едины уже все историки: власть в бывшем СССР принадлежала РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, а в БССР – КП(б)Б – КПБ*. Партия подменила собой все органы государственного управления. Опираясь на репрессивный аппарат, на общественно-политические организации, созданные ею, она стояла над государством и обществом.

Принципиальным здесь является вопрос о формах и методах партийного руководства.

Партийные структуры охватывали и пронизывали все общество. Верховный Совет лишь нарицательно был высшим органом управления, а всю реальную государственную власть сосредоточил в себе Центральный комитет (ЦК) КПБ, высшими органами которого являлись Бюро и Секретариат. Последние подчи-

* Далее в тексте используется аббревиатура КПБ, без форманта (б) – большевиков.

нялись только первому секретарю ЦК, а тот, в свою очередь, только Политбюро и Генеральному секретарю ЦК КПСС.

Как постоянно действующий партийный орган Центральное бюро (с 1924 года просто – Бюро) было создано уже на первом сьезде КПБ (30–31 декабря 1918 года). Поскольку Беларусь в 1918–20 годах оказалась в сложной ситуации, обусловленной российско-польской войной, а также непродолжительным существованием Лит-Бел ССР, до формирования постоянных партийных органов дело не дошло. К этому вопросу беларуские большевики вернулись только после вторичного провозглашения ССРБ (июль 1920 г.).

На 3-м съезде КПБ (22–26 ноября 1920 г.) было принято решение об избрании ЦБ в составе 9 членов и 4 кандидатов в члены. Для организации руководства и ведения текущей работы ЦБ организовал также Секретариат в составе трех ответственных секретарей – членов ЦБ. В ЦБ создали 5 отделов: агитационно-пропагандистский; организационно-инструкторский; учетно-информационно-статистический; общий; отдел по работе в деревне и среди женщин, плюс к ним еврейские секции.

А еще 3-й съезд определил, что «КП(б)Б – это областная организация РКП», которая проводит в жизнь принципы и тактику РКП и управляется директивами ЦК РКП (большевиков). Таким образом, с самого начала своего существования компартия Беларуси самостоятельного значения не имела и фактически являлась территориальной единицей Российской компартии.

До середины 20-х годов высший орган КПБ неоднократно менял свои названия:

1) Центральное Бюро (31 декабря 1918 – 6 марта 1919 г.);
2) ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии (6 марта – 13 апреля 1919 г.);
3) Политическое и организационное Бюро (13 апреля – 16 июня 1919 г.);
4) Бюро (16 июня – 13 ноября 1919 г.);
5) Президиум (13 ноября 1919 – сентябрь 1920 г.);
6) ЦБ КПБ;
7) Президиум (сентябрь 1920 – февраль 1924 г.);
8) Временное Беларуское Бюро ЦК РКП (февраль 1924 – май 1924 г.)

На 8-м съезде КПБ (12 – 14 мая 1924 г.) был избран ЦК партии, который на своем первом Пленуме (15 мая) избрал Бюро ЦК. Этот партийный орган существовал до 1962 года.

18 декабря 1962 года ЦК КПБ взамен Бюро создал Президиум ЦК и два отраслевых Бюро – для руководства сельским хозяйство, а также промышленностью и строительством.

Наконец, Пленум ЦК КПБ от 24–25 июня 1966 года переименовал Президиум в Бюро ЦК КПБ, которое существовало до кончины КПБ в 1991 году.

В системе распределения властных функций в БССР существовали некоторые отличия от союзных. Так, Секретариат ЦК КПБ играл значительно меньшую роль по сравнению с Секретариатом ЦК КПСС. Высшим органом являлось Бюро, в которое входила вся партийная и государственная верхушка республики.

В начале 20-х годов определился регламент работы Бюро и Секретариата, который далее не менялся до конца существования КПБ. Установился также по-

рядок подготовки документов к заседаниям этих органов, который с незначительными изменениями тоже существовал до 1991 года. Все это свидетельствует о том, что с самого начала КПБ формировалась как бюрократическая машина со строго регламентированными отношениями и четко обозначенной иерархией.

Весьма существенно и то, что с самого начала деятельность Бюро и Секретариата была секретной, неизвестной не только рядовым гражданам, но и абсолютному большинству членов партии. Практически все заседания Бюро и Секретариата, протоколы и материалы к ним рассматривались и хранились под грифами «Секретно», «Совершенно секретно», «Особая папка».

В середине 20-х годов Секретариат ЦК утвердил инструкцию «Порядок хранения, ознакомления и обращения протоколов заседаний ЦК КП(б)Б», определившую круг лиц, которым разрешалось посылать секретные документы. Инструкция категорически запрещала «копировать, делать выписки, а также устно или письменно ссылаться на протоколы ЦК в открытой печати, а также в советском делопроизводстве». Документы с указанными выше грифами отправлялись отдельно от других документов — по реестрам установленной формы и только через сотрудников фельдъегерской службы, либо специальной связью Наркомата (Министерства) связи БССР.

Вопросы, которые рассматривались на Бюро и получали гриф «Особая папка», были самые разные, они затрагивали практически все сферы жизни общества и партии. Например, одна из «Особых папок» содержит Постановление Бюро ЦК от 20 мая 1937 года «О доме отдыха Слепянка», в котором рассматриваются вопросы работы названного Дома отдыха для ответственных партийных и государственных работников. «Особым папкам» иногда придавалась такая секрет-

ность, что в протоколах Бюро – особенно в послевоенное время – не указан даже обсуждавшийся вопрос. Отмечен только его порядковый номер.

Говоря о «секретности», надо отметить, что она превратилась в принцип жизни и деятельности высшего партийного руководства. Обособляясь от общества, партия и ее структуры превращались в объединение кастового типа – со своими внутренними законами, своими тайнами, секретными постановлениями, информационными сводками. Навязчивая секретность, которая иногда принимала формы паранойи, – это не «перегиб». По своей сути она связана со стремлением к установлению всеохватной, или тоталитарной власти.

Следует согласиться со словами выдающейся американской исследовательницы Ханны Арендт: «Реальная власть начинается там, где начинается секретность». И эту реальную власть партия (конкретно в БССР – Бюро ЦК) не только имела, но и стремилась распространить на все, даже самые незначительные, сегменты жизни. Всеохватность партийной власти впечатляет.

Всеохватная власть

Формально, согласно партийному Уставу, Бюро ЦК КПБ было исполнительной структурой ЦК, избранной для ведения политической работы и подотчетной ЦК.

Но на деле Бюро являлось высшим органом власти в БССР. Именно оно определяло все направления развития республики (а также рассматривало множество мелких и второстепенных вопросов), выступало как главный арбитр при решении возникающих межведомственных противоречий, непосредственно организовывало исполнение своих поручений и постановлений, держало под контролем всю систему власти.

Значительное число важных решений и предложений, формально исходивших от разных государственных органов (Верховный Совет, Совнарком или Совмин БССР), на самом деле были результатом деятельности Бюро ЦК. Обязательному утверждению Бюро подлежали все более-менее значительные инициативы партийных, государственных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций.

Необыкновенная многочисленность и разноплановость вопросов, которые подлежали рассмотрению или просто утверждению Бюро и Секретариата, обусловливают определенные трудности при их классификации. Тем не менее, можно указать восемь крупных блоков вопросов, которые постоянно контролировали высшие органы партии.

1. В компетенции Бюро и Секретариата находилось практически все, что касалось партийной жизни и партийной работы. Основу этой работы составляло рассмотрение и утверждение кандидатов на все руководящие должности: от секретаря райкома партии до секретаря ЦК КПБ. К заседанию Бюро готовились справка-объективка, краткая партхарактеристика, анкета, автобиография, копии документов об образовании, которые предварительно рассматривались в соответствующих отделах ЦК, в отделе оргпартработы и секретарями ЦК. Накануне утверждения с кандидатом обязательно проводилась беседа в профиль-

ных отделах (например, в отделе агитации и пропаганды, сельскохозяйственном, промышленности и т.д.) и с кем-либо из секретарей ЦК.

2. На Бюро рассматривали персональные дела коммунистов — об участии в антипартийных группировках; об аморальном поведении; аппеляции и т.д.

3. Бюро утверждало списки слушателей Высшей партийной школы, кандидатуры на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Через утверждение Бюро проходила вся организационная работа партии — открытие парткомов; укрупнение парторганизаций; разрешение на проведение городских, районных, областных партконференций. По решениям Бюро назначались проверки партийных органов и организаций, принимались решения о возведении зданий для партийных структур, о прохождении курсов повышения квалификации партработников и т.д.

4. В поле зрения Бюро и Секретариата постоянно находилась пресса. Утверждались тиражи газет и журналов, принимались решения об издании сочинений Ленина, Сталина а также республиканских «вождей» на беларуском языке, об изменении названий газет, переводе их на беларуский либо русский языки, о выступлениях ведущих работников в прессе и другие.

При этом надо обратить внимание на одно весьма существенное обстоятельство. Несмотря на то, что Бюро рассматривало все упомянутые вопросы, окончательное решение принималось в абсолютном большинстве случаев только после разрешения из ЦК КПСС. Так, Бюро не могло самостоятельно принять решение об открытии партийного комитета, о реорганизации партийной структуры, даже об изменении тиража районных газет. На меры такого формата требовалось разрешение Политбюро либо Секретариата ЦК КПСС!

5. Под бдительным надзором Бюро находились все вопросы так называемой «советской работы». Это проведение сессий Верховного Совета; вопросы строительства на территории Беларуси предприятий; постановления о переводе городов по обеспечению продуктами и товарами из одной группы в другую; переименование городов и деревень; изменения административно-территориального деления республики; предложения о награждении орденами и медалями граждан БССР...

6. В поле внимания Бюро всегда находились вопросы науки и культуры (литература, искусство, музыка и т.д.). Решения Бюро по этим вопросам практически всегда содержали прямые указания по поводу тех или других художественных произведений, статей, фильмов, картин...

Одним из первых красноречивых фактов работы в этом направлении явилось Постановление ЦБ от 7 сентября 1922 года, когда на его заседании был рассмотрен вопрос «О выселении профессоров и обществоведов за пределы Беларуси» (на основании подготовленного ГПУ БССР «Списка антисоветской профессуры»). В результате обсуждения Бюро приняло Постановление:

> «а) признать необходимым выслать из Минска гр. Я. Гурвич; б) назначить к выселению: Ярошевича, Скандракова, Мицкевича, Живина, Савича, Федюшина, Маслаковец, Каравайчика и Рабиновича; в) поручить ГПУ (Беларуси) установить наблюдение за гр. Сироткиным, Вознесенским и Якуниным; г) Поручить т. Игнатовскому и Каценбогену подыскать, кем заменить Якунина, после чего Якунина выслать».

В конце 20-х годов Бюро активно вмешалось в ход театральной дискуссии, предпринятой группой беларуских литераторов и общественных деятелей (А. Адамович, А. Александрович, А. Вольный, А. Дударь, М. Зарецкий, В. Ластовский, И. Цвикевич), выступивших против «разносных» рецензий официальных печатных органов ЦК КПБ — «Звязды» и «Чырвонай Змены» — на постановки Второго Беларуского государственного театра. 17 сентября 1928 года Бюро приняло специальное Постановление о дискуссии по театральным вопросам, в котором сказано, что в дискуссии ярко проявились национал-демократические тенденции. Это, дескать, сигнализирует о наличии правого уклона в культурном строительстве и мерах по «отграничению беларуской культуры от культур других национальностей СССР, в первую очередь, от российской культуры...».

Не изменилась ситуация и после Великой Отечественной войны. Так, в июле 1947 года Бюро ЦК заслушало вопрос «О работе Союза советских писателей и редколлегий литературно-художественных журналов БССР по выполнению постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». В принятом Постановлении жестко критиковалось состояние беларуской литературы, указывалось на то, что за послевоенный период не было создано крупного произведения о наиболее важных событиях современной жизни.

В многочисленных статьях в печати, отражавших официальные взгляды, позорились беларуские литераторы. В частности, такая судьба постигла поэтессу Эдди Огнецвет, которую обвинили в том, что ее стихотворения во многом «перекликаются с мещанско-салонной лирикой Ахматовой», что они рассчитаны «на подогревание мещанско-обывательских вкусов и враждебных устремлений нашей молодежи».

Новая волна вмешательства в литературное творчество началась с проведением кампании борьбы против «национализма» в начале 50-х годов. В республике объектом критики стал сборник стихотворений «Рассвет» старой поэтессы (печаталась с 1909 г.), активной участницы национально-возрожденческого движения Констанции Буйло. Ее обвинили в национализме, ибо в одном из стихов она посмела назвать Беларусь «самой красивой» и «самой дорогой» частицей земли. Сборники стихотворений Максима Лужанина «Широкое поле войны» и «Поступь» критиковали за то, что в них «мало или совсем нет самых характерных черт нашей советской действительности».

7. С выходом БССР после Второй мировой войны на международную арену под пристальный контроль Бюро попали международная деятельность и международные связи республики. Бюро утверждало списки делегаций, которые направлялись за границу для участия в заседаниях ООН и других международных организаций, в научных конференциях, конгрессах, симпозиумах. Культурный, спортивный обмен тоже находился в поле зрения Бюро. Даже туристический обмен контролировался через созданную и действовавшую на постоянной основе Комиссией по выездам за границу при Бюро ЦК КПБ. Что касается выезда в капиталистические страны, на это требовалось разрешение Секретариата ЦК КПСС — его международного отдела.

Характерным примером полной подчиненности КПБ внешнеполитической доктрине Москвы является ситуация, связанная с передачей Польше в 1944 году Белостокской области.

На Тегеранской конференции 1943 года руководители СССР, США, Великобритании признали линию Керзона (1919 г.) в качестве советско-польской границы. В своем заявлении от 11 января 1944 года Совнарком СССР высказал готовность внести изменения в границы 1939 года в пользу Польши в районах с перевесом польского населения. Это значило, что значительная территория Беларуси должна была отойти к Польше.

А что же БССР? В марте 1944 года на 6-й сессии Верховного Совета БССР Председатель Президиума ВС Нічипор Наталевич в докладе, посвященном созданию наркоматов обороны и иностранных дел БССР коснулся этого вопроса. Он отметил, что в соответствии с заявлением от 11 января о признании линии Керзона, к Польше должно отойти большинство районов Белостокской области.

В этой связи Наталевич обратился к Верховному Совету БССР с предложением рассмотреть вопрос о границах. Он также попросил Совнарком СССР при определении новой линии границы учесть законное и справедливое желание беларуского народа объединить все исконные беларуские земли в едином Беларуском государстве. Но это обращение не было учтено ни руководством СССР, ни Верховным Советом БССР, который даже не рассматривал вопрос об определении границ.

То же самое произошло с предложением США об установлении прямых дипломатических отношений с БССР. Начало 50-х годов – время напряженных отношений между СССР и США, известное как «холодная война». Однако именно тогда Палата представителей Конгресса США сделала попытку установить дипломатические отношения с двумя советскими республиками – Беларусью и Украиной. В феврале 1953 года Палата представителей внесла на рассмотрение Конгресса и Госдепартамента США резолюцию № 58, предлагавшую установить дипломатические отношения с БССР.

Несмотря на тот факт, что материалы относительно этого предложения фигурируют в протоколах Бюро ЦК КПБ, Бюро не обсуждало его. Предложение не только не опубликовали, но и засекретили.

8. Бюро контролировало деятельность общественных организаций. Как правило, через конкретные указания ЦС профсоюзов, ЦК комсомола, пионерской

организации, добровольным обществам по проведению массовой работы среди своих членов. Бюро утверждало даты проведения съездов, пленумов; направляло делегации; осуществляло оргнаборы молодежи на комсомольские стройки и т.д.

Очевидно, что контролировать столь большой круг вопросов было трудно, поэтому Бюро имело многочисленные рабочие органы – комиссии. Большинство их создавалось для разработки отдельных проектов решений на основании обсуждения той или другой проблемы на заседании Бюро. Комиссии работали от нескольких дней до нескольких месяцев.

Постоянные комиссии появлялись достаточно редко, тогда как образование временных комиссий для разработки и решения отдельных вопросов практиковалось очень часто. Создавались, например, комиссии по военным вопросам, по работе в деревне, по вопросам кооперации, для развития промышленности, транспорта, строительства, торговли и т.д. Решения, которые вырабатывали комиссии, утверждало Бюро. В отдельных случаях комиссиям давалось право принятия окончательного решения от имени Бюро.

Очень важную роль в структуре партийных органов играли отделы ЦК, осуществлявшие контроль за кадровой политикой и работой партийных комитетов, советских органов, республиканских министерств, ведомств, общественных организаций. Важнейшими среди них являлись отделы организационно-партийной и кадровой работы и идеологический. Отдел оргпартработы (партийный «отдел кадров») был самым крупным в аппарате ЦК. Так, в 1990 году в нем числились 37 сотрудников.

Знаменитые «подбор, воспитание и расстановка кадров» осуществлялись именно через этот отдел. Ни одно назначение на ответственные руководящие должности в республике не могло произойти без участия оргпартотдела. Он курировал работу обкомов, горкомов и райкомов КПБ; аппарат Президиума Верховного Совета; аппарат Совета Министров; облисполкомы, рай- и горисполкомы, Белсовпроф; ЦК ЛКСМБ; Комитет народного контроля; Минскую партшколу; Совет женщин; Белорусскую организацию ветеранов войны и труда.

Вторым по важности и значению являлся идеологический отдел (ранее – отдел пропаганды и агитации), в котором работал 21 человек. Он непосредственно контролировал работу 41 учреждения: министерств, ведомств, общественных объединений! В частности, курировал три министерства (иностранных дел, культуры, образования); государственные комитеты по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, физкультуры и спорта; Академию наук; телеграфное агентство (БелТА); Главлит (орган цензуры в печати); редакции ВСЕХ журналов и газет; союзы писателей, композиторов, кинематографистов, журналистов, художников, и т.д.

Как и предыдущий отдел, его создали еще в 1920 году для координации деятельности по оболваниванию населения республики коммунистической идеологией. Эту пропаганду он вел планово, целенаправленно, с учетом изменяющихся обстоятельств.

Надо признать, что партийной пропагандистской машине удалось в значительной мере достичь идеологической мотивации поведения людей. Достаточно напомнить о массовых кампаниях в СССР против всевозможных врагов: сначала классовых — кулаков; потом — идеологических (троцкистов, национал-демократов, левых и правых уклонистов...). После войны идеологический отдел (тогда он назывался отдел пропаганды и агитации, сокращенно — агитпроп), являлся организатором и вдохновителем борьбы с «безродными космополитами» и «сионистами», позже — с «американским империализмом, главным врагом всего прогрессивного человечества».

Значительная часть беларуского общества поддавалась влиянию этой идеологической обработки и участвовала в массовых акциях — то протеста, то поддержки решений партии и правительства. Вот почему деятельности агитпропа придавалось очень большое значение, и всегда те секретари, которые курировали отделы агитпропа и оргработы, входили в состав Бюро ЦК. Остальные могли меняться, эти — никогда.

Бюро и Секретариат ассоциировались в то время с высшей властью. Однако на самом деле связанные партийной дисциплиной, партийными постановлениями, директивами, инструкциями, Бюро и Секретариат ЦК КПБ всегда были послушными исполнителями тех решений, которые принимались в Москве.

Партийная номенклатура в БССР

Следующий вопрос касается механизма формирования и осуществления власти. Самое существенное здесь — система партийной номенклатуры.

Известный российский ученый, правозащитник Андрей Сахаров отмечал:

> «Хотя соответствующие социологические исследования в стране либо не проводились, либо были засекречены, однако можно утверждать, что уже в 20-е — 30-е годы и окончательно в послевоенные годы в нашей стране сформировалась и выделилась отдельная партийно-бюрократическая прослойка — «номенклатура» — как они себя называли, «новый класс» — как называл их Джилас».

По существу номенклатура возникла из системы кадровой работы, которая уже в 20-е годы являлась важнейшей в системе деятельности высшего партийного руководства, в первую очередь — Политбюро (ПБ) и Секретариата ЦК ВКП(б). В партийной лексике эта работа называлась «подбором, воспитанием и расстановкой кадров».

Формально номенклатура складывалась из ряда «наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются, утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т.д.)».

Однако если вначале номенклатурный принцип подбора и расстановки кадров распространялся только на партработников, то уже на 12-м съезде ВКП(б) (апрель 1923 г.) в резолюции «По организационному вопросу» подчеркивалось, что вместе с подбором партийных кадров съезд признает очередной задачей партии подбор «руководителей советских, в частности, хозяйственных и других органов...».

На этом же съезде Сталин определил качества, которыми должны обладать номенклатурные работники. Ими должны быть люди, «способные понимать директивы, способные принять эти директивы как свои собственные и способные проводить их в жизнь. В ином случае политика теряет смысл и превращается в махание руками».

В 1925 году Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло положение «О порядке подбора и назначения работников», на основании которого началось составление списков, содержавших перечень определенного количества номенклатурных должностей. С 1932 года эти списки стали сверхсекретными. Практика составления их и утверждения существовала до 90-х годов.

Начало 1920-х годов — время, когда в ЦК РКП(б), губернских комитетах и ЦК компартий национальных республик создаются учетно-распределительные отделы, специально занимавшиеся подбором, подготовкой и перемещением ответственных партийных работников. Отметим, что чрезвычайно важную роль работе этих органов придавал Сталин, о чем свидетельствует его высказывание на том же 12-м съезде РКП(б):

> «До настоящего времени дело велось таким образом, что работа учетно-распределительного отдела ограничивалась только учетом и распределением товарищей по укомам и губкомам. Сейчас учетраспредотдел не может замыкаться в границах укомов и губкомов партии. Необходимо охватить все без исключения отрасли руководства».

С этого времени партийное руководство, декларируя на словах приверженность принципу выборности партийного аппарата, в действительности начало придерживаться совсем другого принципа, который обеспечивает ему возможность осуществлять власть совершенно бесконтрольно.

Факт разделения партии на «низы» и «верхи» и то, что партией начал управлять аппарат, заметили и рядовые партийцы. Например, рабочий Вайман, выступая на общегородской конференции Борисовской парторганизации (1920 г.), отметил:

> «В наших условиях назначенчество процветало. На предыдущей конференции т. Нодель /Вульф Нодель — член Центрального бюро ЦК, редактор «Звязды»/ приехал с тов. Гутниным и предложил избрать его первым секретарем укома, также и т. Бенек предложен ЦБ. Но это же не выборы!»

В том же году рядовой коммунист Талапыла, выступая на собрании Ляховичской парторганизации, заявил:

> «Партия разделилась на верхи и низы. Верхи в результате объективных причин отошли от массы. Советский и партийный аппарат бюрократизирован. На ячейках обсуждаются предварительно предложенные райкомом партии вопросы».

Отметим, что в начале 1920-х годов внутрипартийная демократия, если вообще термин «демократия» здесь уместен, все же еще позволяла выступать на собраниях с подобными заявлениями и даже принимать соответствующие резолюции. Однако попытки ограничить господство партийного аппарата, которое все усиливалось, не давали никакого результата. Рядовых партийцев в скором времени просто «отлучили» от процедуры избрания партийных секретарей на всех уровнях.

Определяющим в формировании номенклатурной системы в республике стал 1926 год. В августе этого года ЦК КПБ, рассмотрев работу учетраспредотдела, принял Постановление «О организации учетно-распределительной работы». Оно предписывало

> «...детальное изучение и подбор людей на номенклатурные должности; подготовку резервов по отдельным отраслям; систематическое изучение процесса выделения... партийной прослойки..., регулярное руководство учетраспредработой ведомств и местных парткомов».

По существу, Постановление свидетельствовало о том, что в стране произошла «бюрократическая революция».

Как же выглядела партийная номенклатура?

С момента создания партийная номенклатура — своеобразная коммунистическая «табель о рангах» — подразделялась на распределительную (или № 1) и учетно-резервную (или № 2). Немного позже к ним добавилась ещё и ведомственная (или № 3).

Распределительная представляла собой перечень ответственных должностей, назначение работников на которые проводилось исключительно по Постановлению Бюро, либо Секретариата ЦК КПБ и ЦК ВКП(б).

Учетно-резервная имела целью выявление кадров и создание резерва для распределительной номенклатуры.

Ведомственная номенклатура определяла круг кандидатов на руководящие должности ведомств, министерств, учреждений, организаций.

Номенклатура № 1 разбивалась на 14 групп. Например, в группу «Партийные кадры» входили должности всех наиболее ответственных партийных чиновников: секретарей ЦК, заведующих отделами, секторами и т.д. В группу «Советские кадры» включались 13 ответственных должностей чиновников государственного аппарата: Председатели ЦИК, Председатели СНК и его заместители, нарком внутренних дел и его заместители, председатели окружных исполкомов, представитель БССР при правительстве СССР, управляющий делами СНК и т.д.

К номенклатуре № 2 относились должности, назначение на которые происходило только

после предыдущего согласования с учетраспредотделом ЦК КПБ. Всего номенклатура № 2 включала 42 должности.

Аналогичные номенклатуры вводились в окружкомах, райкомах и горкомах партии. Структура номенклатуры райкома, горкома строилась по образцу предыдущих номенклатур, но число групп, на которые она разделялась, а также должностей, была меньше.

В целом система номенклатуры строилась как иерархическая вертикаль с жестким подчинением «сверху-вниз». Всех секретарей райкомов, например, утверждали не только в райкоме, но также в обкоме и ЦК КП(б)Б. По тому же принципу происходило утверждение кандидатов и на более высокие должности в партийной иерархии.

Таким образом, в конце 1920-х – начале 1930-х годов партия превратилась в закрытую бюрократическую систему военного типа со всеми присущими такой системе элементами (жесткой иерархией властных функций, субординацией деятельности, подачей команд «сверху-вниз» и т.д.).

Через систему номенклатуры партийные органы контролировали фактически все сферы государственной и общественной жизни. Они подчинили себе правительство, профсоюзы, молодёжные организации, образовательные и культурные учреждения. В результате все государственные учреждения стали исполнительными органами партии.

На вершине пирамиды этой власти находилось Бюро ЦК. Именно оно назначало секретарей и заведующих отделами ЦК, секретарей и заведующих отделами окружкомов, наркомов и т.д. На долю же Секретариата приходилось утверждение заместителей заведующих отделов, инструкторов, лекторов, а также прочей партийной «челяди».

В свою очередь, республиканская партийная структура находилась под пристальным контролем Москвы. Назначая на должности «своих людей», Москва пристально следила за их «неприкосновенностью» и жестко контролировала, чтобы без ее ведома никакой республиканский орган не мог переместить партработника, ею утвержденного. Об этом свидетельствует, например, Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О посылке выписок из постановлений крайкомов, обкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий» от 5 мая 1935 г. Оно обязывало информировать Москву о всех перестановках номенклатурных работников в национальных республиках.

С целью усиления контроля за деятельностью республиканских парторганизаций на 17-м съезде ВКП(б) (1934 г.) был создан институт уполномоченных ЦК ВКП(б). Они работали в обкомах, крайкомах и при ЦК компартий союзных республик. Главной задачей уполномоченных являлся контроль за исполнением директив Москвы.

Чем более партия узурпировала власть, тем больше должностей включалось в номенклатуру. Так, если в 1923 году в номенклатуру ЦК КПБ входили 963 ответственные должности, то в конце 1925 года на учете в распредотделе ЦК находились уже 1447 ответственных работников, в 1931 году – 5527. К 1941 году эта цифра возросла до 17 тысяч человек! Напомним, что накануне войны число членов КП(б)Б составило свыше 72 тысяч человек. Таким образом, почти каждого пятого члена партии утверждал на должность тот или другой высший партийный органм, а значит, этот «член» находился под его непосредственным и пристальным контролем.

Как следует из приведенных цифр, общая тенденция развития партийной номенклатуры в период с 1920 до 1941 года – ее стремительный рост. Совсем не случайно стремительный рост номенклатуры совпал с массовыми репрессиями, созданием ГУЛАГа, принудительной коллективизацией и индустриализацией, в ходе осуществления которых погибли миллионы людей.

Подбор и расстановка партийных кадров производились согласно точно определенным критериям и целям. Что это за критерии, если для установления своей власти и приближения «светлого будущего» номенклатуры пришлось принести в жертву миллионы человеческих жизней, – догадаться не трудно.

Первые послевоенные годы не принесли кардинальных изменений в номенклатурную систему. Вместе с тем, в послевоенный период внутри номенклатуры происходили заметные процессы. Среди существенных событий, повлиявшие на них, – война и победа в войне, смерть Сталина, осуждение «культа личности», хрущевская «оттепель» и брежневская «стабилизация».

Два периода эволюции партийной номенклатуры

Характерными чертами первого периода (1945 – конец 50-х гг.) являлись резкое сокращение номенклатурных должностей; частые перемещения номенклатурных работников; существенные изменения национального состава в среднем и высшем республиканском партийном и государственном руководстве.

Сокращение номенклатурных должностей в первое послевоенное десятилетие частично объясняется тем, что разросшийся до огромных размеров партийный бюрократический аппарат просто не справлялся с рассмотрением и утверждением большого количества номенклатурных работников. Так, отдел кадров ЦК КПБ сразу же после войны в справке «О номенклатуре ЦК КПБ» отмечал:

> «Отдел кадров имеет в виду установить определенное количество должностей, работники которых будут утверждаться с вызовом на Бюро ЦК, а все остальные без вызова, однако с предыдущей беседой в отделе кадров ЦК. Это обусловлено тем, что 7780 номенклатурных работников физически не могут быть утверждены с вызовом на Бюро ЦК даже в течение года».

Москва, тоже понимая невозможность тотального контроля всех сторон жизни республики, резко сократила число второстепенных должностей, которые она держала под своим контролем, и передала их в компетенцию ЦК КПБ. Среди других причин частичного ослабления номенклатурного пресса можно отметить также некоторые изменения, произошедшие в послевоенный период во внутриполитической и внешнеполитической ситуации. Партия чувствовала

себя победителем в войне. А это создавало иллюзию непоколебимости коммунистической власти.

Постепенно место борьбы против «внутреннего врага» начала занимать идеологическая борьба с «врагом внешним». Послевоенные годы — время коммунистической экспансии и одновременно «холодной войны». Идеологические ресурсы партии и номенклатуры частично перераспределялись и направлялись на создание коммунистического блока в Восточной Европе, на противостояние «империалистической угрозе», обеспечение военной мощи СССР.

Изменение национального состава номенклатуры

Этому процессу в наибольшей мере способствовали война и победа в войне. Интернациональное по своему составу высшее кремлевское руководство, мобилизуя «советский народ» на победу в войне, реанимировало ряд традиционных великодержавных стереотипов, например, о непобедимости «русского солдата», его исключительной стойкости и прежней воинской славе Российской империи.

После Второй мировой войны эти стереотипы способствовали определенной трансформации понятия «советский народ». Основу его теперь составлял «великий русский народ — первый среди равных народов» СССР. Дальнейшая эволюция этой концепции происходила в направлении негласного разделения остальных народов СССР на благонадежные и не вполне надежные. Говоря условно, в послевоенные годы сложилась своего рода «номенклатурная иерархия» советских народов.

Сразу же после войны Беларусь испытала довольно существенный процесс российской миграции — номенклатурного чиновничества, представителей технической и гуманитарной интеллигенции, а также квалифицированных рабочих. В учебниках истории КПСС этот процесс получил название «братской помощи великого русского народа разрушенному войной беларускому народному хозяйству».

О сильном притоке русских на высшие партийные должности свидетельствуют следующие данные. Первыми секретарями ЦК КПБ являлись русские: с 1944 до 1947 гг. — Петр Пономаренко (1902–1984); с марта 1947 до мая 1950 г. — Николай Гусаров (1905–1985); с июля 1950 до июля 1956 г. — Николай Патоличев (1908–1989).

В 1946 году в аппарате ЦК КПБ среди заведующих отделами беларусов было 44,4 %, и ровно столько же русских. Кстати, с 1944 по 1988 год число русских среди заведующих отделами не «опускалось» ниже 35,7 %, за исключением 1971 года, когда их численность упала до 25,0%.

Среди заместителей заведующих отделами русские составили 35 %, беларусы — 45 %. Не меньшим было представительство русских и среди секретарей областных комитетов КПБ. Так, по состоянию на 1.01.1946 года 40 % работников этого уровня были русские, 53,3 % — беларусы. Впечатляет и состав высшего государственного аппарата: в 1951 году в правительстве БССР из 33 человек

были 22 русских (66,7 %), 9 беларусов (27,3 %), 1 еврей, 1 грузин (министр госбезопасности).

Подлежали замене представители неблагонадежных народов, в первую очередь – евреи и частично беларусы. (Неблагонадежность беларусов объяснялась фактом их пребывания во время войны на оккупированной территории.) Отметим, что до войны евреи занимали заметное место в партийных структурах. Национальный состав секретарей райкомов и горкомов партии в 1939 году был таков: 196 беларусов (70,3 %), 47 евреев (16,8 %), 36 русских (12,9 %). Как видим, евреи занимали тогда второе место среди секретарей райкомов и горкомов партии.

Ситуация коренным образом изменилась после войны. Так, после выборов партийных органов в 1946–47 гг. среди первых секретарей РК и ГК осталось всего 2 еврея (1,1%), вторых секретарей – 8 (4,2%). Далее замена евреев продолжилась. По результатам выборов в районные и городские партийные организации 1955 года среди секретарей не оказалось ни одного еврея. Эта практика распространилась и на последующие годы. Например, в графе «национальность» справочника для служебного пользования «Данные о составе партийных кадров» вплоть до момента запрета деятельности структур КПБ-КПСС на территории Беларуси среди секретарей горкомов и райкомов партии нет ни одного еврея.

Каковы же были причины вытеснения евреев-партийцев? Помимо того, что сказано выше об изменениях в концепции «советского народа», имелись и более конкретные причины.

Во-первых, вскоре после войны по инициативе Сталина началась кампания борьбы с «безродными космополитами». Острие ее было направлено не только против представителей творческой интеллигенции, но и против партийных работников-евреев.

Во-вторых, к власти в республиканские партийные структуры разных уровней пришла значительная группа россиян, о чем уже сказано выше. Многим из них были присущи стереотипы традиционного великодержавного шовинизма – с соответствующим отношением к «инородцам».

В-третьих, во время войны выделилась группа влиятельных, амбициозных работников-беларусов, действовавших на оккупированной территории: командиры и комиссары партизанских отрядов, соединений, партизанских бригад. Они считали, что проведя всю войну на оккупированной территории, получив высокие правительственные награды, имеют право и впредь определять судьбу республики.

«Партизаны» — так условно можно назвать эту группировку — заняли должности практически во всех партийных структурах — от горкомов и райкомов партии до ЦК КПБ. Достаточно вспомнить несколько фамилий, чтобы понять, кто пришел к власти: Василий Козлов (1903–1967), Иван Климов (1903–1991), Владимир Лобанок (1907–1984), Роман Мочульский (1903–1990).

Правда, наиболее сильными их позиции были в Минске. «Партизаны» не претендовали на партийную независмость от Москвы. Однако «партизанская» корпоративность срабатывала. Например, на июньском (1953 г.) Пленуме ЦК КПБ минская группировка «партизан» не согласилась с позицией Москвы, попытавшейся заменить Н. Патоличева на свою креатуру — Михаила Зимянина (1914–1995).

О том, насколько сильно звучали корпоративные «голоса» секретарей обкомов партии, среди которых было много «партизан», свидетельствует тот факт, что они фактически определили судьбу П.М. Машерова. Приехав в Минск в марте 1965 года проводить организационный пленум ЦК, Кирилл Мазуров имел «рекомендацию» на избрание первым секретарем ЦК КПБ Тихона Киселева (1917–1983). Однако накануне пленума он встретился с первыми секретарями обкомов партии, чтобы «посоветоваться и обсудить» этот вопрос. В ходе «обсуждения» секретари всех обкомов партии единогласно высказались за кандидатуру Машерова, который и стал первым секретарем ЦК КПБ.

Надо отметить, что Машеров как номенклатурщик № 1 республики полностью подчинялся той системе, какой он преданно служил, являясь многолетним кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Об его приверженности этой системе свидетельствует и тот факт, что коммунистические идеи и интересы он ставил выше национальных.

Поэтому, когда в исторической литературе или в мемуарах идет речь о Машерове как «славном сыне беларуского народа», более верно говорить об этом человеке как «славном сыне коммунистической партии», а не народа, ибо «партия» это не только не народ, но и злейший враг народа. Пример деятельности Машерова как номенклатурщика № 1 в БССР по практической реализации бредовой идеи о создании нового сообщества людей («советского народа») и по проведению тотальной русификации наглядно показывает противоположность понятий «интересы партии» и «интересы народа».

Национальность первых секретарей ЦК КПБ

Александр Мясников (1917–19), армянин
Викентий Мицкевич-Капсукас (1919–20), летувис
Вильгельм Кнорин (1920–22), латыш
Вацлав Богуцкий (1922–24), поляк
Александр Асаткин-Владимирский (1924), русский
Александр Криницкий (1924–27), русский
Ян Гамарник (1928–29), еврей
Константин Гей (1930–32), эстонец
Николай Гикало (1932–1937), беларус
Василий Шарангович (1937), беларус
Алексей Волков (1937–38), русский
Пантелеймон Пономаренко (1938–47), русский

Николай Гусаров (1947–50), русский
Николай Патоличев (1950–56), русский
Кирилл Мазуров (1956–65), беларус
Петр Машеров (1965–80), беларус
Тихон Киселев (1980–83), беларус
Николай Слюньков (1983–87), беларус
Ефрем Соколов (1987–90), беларус
Анатолий Малофеев (1990–93), беларус

Второй период, середина 60-х – конец 80-х годов (до 1982 г.) – можно характеризовать как брежневский. Он определялся стабильностью, значительно меньшими изменениями и численно меньшим перераспределением номенклатурных должностей в пределах номенклатурных групп. Например, если с 1943 по 1964 год первыми секретарями Минского обкома КПБ работали 9 человек и более 3–4 лет не задерживались на этой должности, то с 1964 года срок «сидения» на должностях первых секретарей обкомов партии резко возрос.

Например, возглавив в декабре 1964 года Минский обком, Иван Поляков работал в качестве первого секретаря до января 1977 года. Заменивший его Микулич «руководил» с марта 1977 до января 1985 года, а с марта 1985 и до избрания первым секретарем республиканского ЦК (1990 г.) столичную парторганизацию возглавлял Анатолий Малофеев. Такая же стабильность характерна и для других областей БССР.

Анализируя историю БССР советского периода, отношения Центра и национальной республики, надо, прежде всего, учитывать тот факт, что наиболее важным элементом этих взаимоотношений являлась система номенклатуры – закрытой, корпоративной системы власти с жесткой иерархической подчиненностью, исключавшей какое-либо проявление самостоятельности и инициативы.

Принципы построения партийной номенклатуры республики и Центра мало различались. Национальные особенности беларуской номенклатуры незаметны. Ее «национальные интересы» проявились разве что в довольно успешном процессе советской модернизации беларуской экономики. Но эти «интересы» никак не противоречили интересам Москвы. Согласно советской доктрине, БССР – форпост советской системы, соответственно, Беларусь должна была демонстрировать «преимущества» социалистического образа жизни и социалистической экономики.

На протяжении всего периода существования партийной номенклатуры Москва, декларируя принцип «свободного развития» Беларуси, тем не менее, никогда ей не доверяла. Это видно хотя бы по тому, что все без исключения назначения на высшие республиканские партийные, государственные, профсоюзные, комсомольские и другие должности осуществлялись исключительно по указаниям Москвы. Через эти назначения она фактически контролировала все стороны жизни беларуского общества, что означало отсутствие реального суверенитета республики и во внутренних, и в международных делах.

Характерной особенностью номенклатуры – как общесоюзной, так и республиканской – являлась ее изначальная нелегитимность. Ни в одном законодательном документе или нормативном акте СССР и БССР не было даже намека

на тот реальный факт, что работник, который входит в номенклатуру, назначается на должность только с санкции партийного органа. Из этого следует, что принцип корпоративного назначения на государственные должности (равно на профсоюзные, комсомольские и другие) противоречил конституционным нормам СССР и БССР о выборности власти.

Распад номенклатуры происходил в несколько этапов: в 1989 году Комиссия ЦК КПСС по вопросам партийного строительства и кадровой политики приняла решение о ликвидации «учетно-контрольной номенклатуры», а в августе 1990 года Секретариат ЦК КПСС решил «ликвидировать номенклатуру должностей ЦК КПСС».

Еще через год высшая партократия навсегда утратила власть.

НАЧАЛЬСТВУ МОЖНО ВСЁ...

Евгений Жирнов

В 1945 году завершилось разбирательство по делу о раздаче партийно-советским чиновникам в Минске товаров, предназначенных для пострадавшего населения. Но белорусское руководство и после этого продолжало обустраивать свой личный быт за казенный счет.

Проверкой установлены серьезные злоупотребления

Вот что писал в 1947 году министр совхозов Белорусской ССР И. Крупеня о материальном положении рабочих многочисленных советских хозяйств республики:

> «Материальный уровень рабочих очень низкий. Многие рабочие... живут в землянках, испытывают недостаток питания. В ряде совхозов положение с одеждой и обувью настолько тяжелое, что отдельные рабочие избегают встреч с посторонними людьми... Землянки пришли в ветхость, в отдельных случаях грозят обвалом, заливаются водой, и это приводит к серьезным заболеваниям рабочих».

В 1947 году похожие трудности переживала вся страна. Однако прославленный партизанский край находился на особом положении. Начиная с осени 1944 года газеты не переставали писать о широкомасштабной помощи, которую все советские республики оказывали своей наиболее пострадавшей от гитлеровских оккупантов сестре — Белоруссии. А документы свидетельствуют о том, что запросы республики в ЦК и правительстве считались наиболее важными после потребностей действующей армии.

Гораздо меньше писалось и говорилось о помощи Международного Красного Креста и американских благотворительных организаций, представители которых были потрясены разрушениями, увиденными в Минске и других городах и селах республики, и организовали срочную доставку в Белоруссию эшелонов с обувью, одеждой и другими вещами, необходимыми обездоленным людям.

Представитель ЦК ВКП (б) в Минске Дмитрий Филимонов (1903–1978) докладывал в ноябре 1944 года секретарю ЦК ВКП (б) Георгию Маленкову:

> «В Белорусское общество «Красный крест и Красный полумесяц» за последнее время поступает большое количество промышленных товаров, вещей-подарков из заграницы. Эти товары должны несколько смягчить трудности снабжения разоренного прошедшей немецкой оккупацией населения Белорусской ССР, ощущающего сейчас большую нужду в одежде... На центральную базу «Красный крест» в город

Статья была опубликована в журнале «Военно-исторический архив» (Москва), 2012, №№ 10, 11, под названием «В разбазаривании государственного имущества и излишествах повинны руководители Белоруссии». Перепечатывается с разрешения редактора журнала В.С. Ешенко.

Минск вещи-подарки стали поступать с 3 октября, в плотно упакованных тюках. Всего вещей в таком виде поступило в количестве 20 вагонов общим весом 250 тонн. Сейчас в пути находится еще 30 вагонов».

Вот только из полученных вещей самые нуждающиеся жители Белоруссии не получили практически ничего.

Далее Д.Ф. Филимонов отметил:

«Мы проверили порядок распределения в республиканском обществе «Красный крест» поступающих к нему товаров и как эти товары доходят до особо нуждающегося населения. Проверкой установлены серьезные злоупотребления... На месте с самого начала к учету и хранению поступающих вещей подошли безответственно. Собрали из разных учреждений 11 человек второстепенных работников, в том числе 8 продавцов горпищеторга, назвали всех «Правительственной комиссией» и возглавлять ее поручили начальнику спецотдела Наркомфина — члену ВЛКСМ т. Бондаренко. *В составе этой комиссии не было ни одного члена партии.*

Работой «Правительственной комиссии» никто не интересовался, в помощь ей рабочих не выделили, и роль комиссии в связи с этим вместо контроля за учетом вещей и правильным их распределением свелась к работе по распаковке вещей, которые зав. складом без составления каждый раз акта приема забирал из-под рук комиссии к себе на склад. На месте с учетом и распределением вещей настолько затянули, что спустя месяц после прибытия вещей, по состоянию на 5 ноября с. г., оставалось еще не распакованными 8 вагонов вещей. Все это серьезно затормозило отправку вещей по областям и районам для раздачи особо нуждающемуся населению».

Ходили по заваленным, скомканным вещам

Как выяснила проверка Филимонова, задержка в отправке вещей населению тут же была обращена на благо ответственных работников разного уровня:

«Вместо принятия мер по улучшению дела на месте незаконно стали раздавать вещи прямо с центральной базы отдельным лицам без определения их степени нуждаемости, из чувства благотворительности. Подобная практика приняла настолько широкие размеры, что на центральной базе «Красный крест» незаконно был организован специальный склад, куда отбирались наиболее ценные вещи для раздачи их по запискам и устным указаниям. Записки писали по своему почину почти все руководящие работники республики (в количестве 11 человек), распоряжались вещами и второстепенные работники.

Так, например, давал указание об отпуске вещей с базы «Красный крест» инструктор военного отдела ЦК КП(б)Б т. Ахрамович, пом. заместителя Председателя Совнаркома БССР т. Невядомский, начальник Глававтотехснаба и многие другие. Некоторые из них, не считаясь ни с чем, выписывали вещи и для себя лично. Так, в ходе проверки нами было задержано исполнением письмо управделами Президиума Верховного Совета БССР т. Стронгина следующего содержания: «Прошу отпустить из базы Красного креста для меня и помощника Председателя Президиума Верховного Совета БССР т. Вольфсона...» — и далее идет перечисление 60 вещей, среди них 6 пальто, костюмы, обувь, головные уборы, пижамы и прочее».

Оказалось, что количество выдаваемых вещей никто не учитывает и не контролирует. А потому руководящие товарищи, позабыв о голом и босом народе, занялись, как тогда говорилось, усиленным самоснабжением и снабжением друзей и близких:

«Выдача вещей председателем Красного креста т. Водневым была целиком передоверена своему заместителю т. Новодворец, который, пользуясь бесконтрольностью, отпускал вещи по своему личному усмотрению, без всякой проверки нуждаемости и не только в угоду, но и по знакомству. В результате всего этого многие члены партии – руководящие работники вели себя неподобающе, не в интересах дела партии, старались вещи получить в первую очередь для себя и в нескольких местах.

Так, например, зав. Минским горОНО т. Новодворец получил по указанию своего родственника – зам. председателя Красного креста т. Новодворца 6 вещей на центральной базе «Красный крест», получил вещи для себя в Наркомпросе, а затем и в горсовете. Всего им было таким образом получено 25 вещей, в том числе 3 мужских пальто. Получил для себя в разных местах 35 вещей помощник зам. Председателя Совнаркома БССР т. Невядомский. В двух местах получил 31 вещь, 3 метра сукна и 5 метров тканей председатель Минского горисполкома т. Бударин, а заведующий Минским горздравотделом т. Шуба получил в разных местах 50 вещей.

Особенно недопустимо вел себя председатель Сталинского райисполкома т. Левин. В течение октября с. г. он три раза получал вещи на центральной базе «Красный крест», четвертый раз получил вещи в своем райисполкоме, и после этого там же получила вещи еще и жена его. Всего им было получено 87 вещей и, кроме того, 13,5 метра сукна и 12 метров тканей. Среди полученных вещей было 3 костюма, 5 платьев, 9 различных пальто и другое.

Главными получателями гуманитарной помощи, поступавшей в БССР, были жены высшего начальства

Эти факты противозаконного и чрезмерного получения вещей не единичны. Всего таким образом в течение октября с. г. с центральной базы Красного креста было роздано 3134 вещи».

Круг получателей руководителями среднего звена не ограничивался. Филимонов обнаружил, что одной из самых активных посетительниц склада Красного Креста оказалась жена главы республики – председателя Президиума Верховного совета Белорусской ССР Никифора Наталевича.

Однако самое печальное заключалось в том, что привилегированные получатели зарубежных товаров, выбирая для себя лучшие вещи, портили все остальные:

«Незаконная выдача вещей на центральной базе серьезно затормозила работу базы по учету и подбору вещей для отправки в районы, и кроме того, получатели по запискам вещей при примерке их подняли базу вверх дном и в момент нашей проверки ходили по заваленным сплошь на метр, скомканным вещам».

Получил с центральной базы 152 разные вещи

При этом, как докладывал в Москву Филимонов, люди, действительно нуждавшиеся в самом необходимом, практически ничего не получали:

«При проверке нами было обнаружено в ЦК «Красный крест» 413 заявлений, из которых 210 не были даже зарегистрированы и в беспорядке лежали на окне у технического секретаря «Красный крест». Никто этих заявлений не рассматривал, и о них председателю «Красный крест» т. Водневу ничего известно не было. Между тем многие из этих заявлений поступили из Совнаркома БССР с указанием о немедленном рассмотрении и представлении проектов постановлений Совнаркома об оказании помощи семьям бывших партизан, инвалидам Отечественной войны, детям-сиротам.

Нами было взято выборочно одно из нерассмотренных заявлений на проверку. Это заявление Сеньковой Ю.Ф., которая обратилась к товарищу Берия Л.П с просьбой об оказании ей помощи. Заявление ее 28 сентября с. г. через НКВД БССР было переадресовано в Совнарком БССР и оттуда поступило в «Красный крест» с предложением зам. Председателя Совнаркома БССР т. Киселева об оказании помощи. На это руководством «Красный крест» внимание обращено не было, и заявление пролежало 20 дней без движения до момента нашего вмешательства.

При посещении нами т. Сеньковой и в разговоре с ее соседями было установлено, что у т. Сеньковой погибли два сына-партизана, немцы убили ее мужа и разграбили квартиру. Сейчас она осталась с тремя маленькими детьми и взрослой дочерью, тоже бывшей партизанкой. Все они полураздеты. За помощью она несколько раз обращалась в «Красный крест», ходила ко многим руководителям. Была у заместителей Председателя Совнаркома БССР т.т. Киселева и Шаврова, все ей обещали помочь, но никто у нее не был, и никакой помощи она не дождалась (сейчас т. Сеньковой помощь оказана)».

А в городах и районах Белоруссии, куда с центрального склада все-таки доставляли какие-то вещи, наблюдалась картина, совершенно аналогичная минской:

«Не интересуясь поступающими заявлениями, ЦК общества «Красный крест» никакого интереса не проявлял и к работе своих областных и районных организаций. Работники республиканского общества «Красный крест» не только не выезжали на места, но даже не инструктировали своих областных и районных руководителей о порядке распределения вещей-подарков. Полученная по этому вопросу от ЦК союза обществ «Красный крест и Красный полумесяц СССР» инструкция не была даже разослана на места. При проверке раздачи вещей-подарков в ряде районов и центральных учреждений республики нами были также установлены серьезные недостатки и злоупотребления, но до республиканского общества «Красный крест» они не доходили, и все это проходило безнаказанно».

В Москве собрались было наказать зарвавшихся белорусских чиновников, но в Минске, опережая события, приняли ряд мер, вполне удовлетворивших руководителей партии и правительства. Так, по постановлению Совнаркома БССР в области республики без промедления отправили 115 тыс. предметов одежды и обуви со строгим указанием оставить в областных городах 5 % из них, в районных центрах – 10 %, а 85 % доставить в села и колхозы.

Председатель президиума Верховного Совета БССР Н. Наталевич неоднократно присваивал вещи, присланные обществом «Красный Крест» для нуждающегося населения

А затем, естественно, наказали виновных, которыми оказались руководители и работники склада Красного Креста, а вместе с ними председатель правительственной комиссии – не имевший никакого реального влияния на распределение помощи комсомолец Бондаренко. А из всех получателей вещей наказание за использование служебного положения получил лишь председатель райисполкома Левин, которому объявили строгий выговор и сняли с работы.

Легким испугом отделался и Наталевич*. Его, правда, вызвали в Москву к заместителю председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Матвею Шкирятову, который докладывал о проведенной беседе Маленкову:

«В своей записке т. Филимонов писал, что в ходе проверки им было установлено, что т. Наталевич (председатель Президиума Верховного Совета БССР) также получил с центральной базы 152 разные вещи и 148 метров ткани и что его жена несколько раз приезжала на базу для обмена взятых вещей на лучшие, при этом устраивала там скандалы. По этому вопросу я говорил с т. Наталевичем, и он дал свои объ-

* Н.Я. Наталевич (1900–1964), уроженец Орши, с 1919 по 1937 год служил в РККА, в 1934 окончил Военно-политическую академию. Завершил службу начальником политотдела дивизии. С ноября 1937 по декабрь 1947 занимал пост председателя Президиума Верховного Совета БССР (т.е. был президентом республики!). После «разбора полетов» на основании доклада Филимонова в Москву с 1948 по 1956 год был понижен в ранге: работал на руководящих постах в Пензенской области РСФСР. В 1956–60 гг. находился на хозяйственной работе в Минске, Барановичах, Бресте. – *Прим. ред.*

яснения. Факт получения указанного количества вещей и ткани он признает, но объясняет это очень плохим материальным положением его большой семьи, состоящей из 12 человек, после того как его в 1943 г. обворовали. Относительно того, что жена его устраивала скандалы на базе, отрицает, заявляя, что это неправда. Признает, что, несмотря на материальные затруднения, он допустил большую ошибку, обращаясь за помощью на базу Красного Креста, и что эта ошибка послужит для него уроком в дальнейшей работе».

В итоге в Москве сочли, что можно ограничиться мерами, принятыми в Минске. Правда, очень скоро выяснилось, что, пока шли эти разбирательства и беседы, белорусские руководители продолжали масштабное самоснабжение.

Игнорируются элементарные правила учета

В отличие от Никифора Наталевича, Пантелеймон Пономаренко (1902–1984) был не формальным, а реальным руководителем Белоруссии, возглавляя одновременно правительство и ЦК республики. Соответственно, и масштабы самоснабжения у него, как выяснила проверка Министерства госконтроля, начавшаяся в июле 1946 года, оказались совершенно иными.

Контролеры прибыли в Минск, чтобы проверить состояние дел в Белглавснабе. Эта организация распределяла получаемые республикой материальные ценности, в том числе трофеи и товары, произведенные в советской оккупационной зоне Германии и отправляемые в СССР по репарациям в качестве компенсации за ущерб, нанесенный во время войны. Кроме того, Белглавснаб отвечал за распределение помощи, поступавшей по линии ЮНРРА (UNRRA, United Nations Relief And Rehabilitation Administration – Администрация помощи и восстановления ООН)*.

Результаты проверки состояния дел на складах Белглавснаба, о которых министр госконтроля Лев Мехлис доложил Сталину, оказались удручающими: ма-

---

* В июне 1945 года Беларусь вошла в число стран – основателей ООН и начала получать серьезную помощь от ЮНРРА. Основной задачей ЮНРРА являлась поставка продуктов питания, промышленного, сельскохозяйственного оборудования, медикаментов, одежды странам, определенным ООН.

Еще до официального учреждения ООН, в январе 1945 года в Вашингтоне было подписано соглашение между ЮНРРА и правительством БССР о поставках продуктов питания, лекарств, одежды и обуви, промышленного оборудования на сумму 61 млн. долларов в течение 1945–46 гг. Помощь была весьма существенной. Например, только продуктов питания в республику поступило свыше 100 тысяч тонн. Бюро ЦК КПБ на своих заседаниях регулярно обсуждало количество полученных грузов, распределяло их между областями, городами и категориями населения.

Однако эту гуманную деятельность международного сообщества по воле партийных олигархов не просто скрыли, ее вообще стерли из памяти беларуского народа. В январе 1946 года Бюро ЦК приняло Постановление, которое запрещало «ответственным партийным и советским работникам в своих докладах и беседах приводить какие-либо цифры по поставкам ЮНРРА и ссылаться на вопросы помощи со стороны ЮНРРА».

Почему так произошло? Потому, что мнению идеологов компартии не могло быть речи ни о признании решающей роли военно-технической помощи западных союзников («ленд-лиз») в самый трудный период войны, ни о гуманитарной помощи голодающему народу, прозябавшему в трущобах, ходившему в обносках и страдавшему от болезней.

териалы и оборудование, которые БССР получала в первоочередном порядке, гнили и приходили в негодность:

«Проверкой складского хозяйства и выборочной инвентаризацией товарно-материальных ценностей, хранящихся на центральной базе Белглавснаба в г. Минске, установлено, что начальником Белглавснаба Смирновым А.Н. и руководством центральной базы игнорируются элементарные правила учета и хранения государственного имущества. Во дворе центральной базы под открытым небом хранятся 957 ящиков с деталями и 1914 совершенно неукрытых единиц энергетического, станочного, сельскохозяйственного и другого трофейного оборудования, 10.802 кв. м дубовой и буковой фанеры и 293 шт. чертежных досок. Часть этого оборудования, значительное количество фанеры и все чертежные доски уже пришли в полную негодность. К тому же все оборудование, за исключением 642 единиц, даже не оприходовано.

Под открытым небом с апреля по август 1946 г. хранились также 187 т брезента, поступившего по линии ЮНРРА. Этот брезент в течение 32 дней подвергался воздействию дождей и был убран в склад только во время ревизии. По двору базы беспорядочно разбросано большое количество кабеля электропровода, радиотелефонной аппаратуры и т. д. В складе № 3 радиотелефонная аппаратура хранится навалом, причем значительная часть этой аппаратуры и других материалов ни по складу, ни по бухгалтерии базы не оприходована. В складе № 1 не оприходованы 1,5 т шерсти-полуфабриката и 123 ящика с сантехническим оборудованием; в складе № 4-а не оприходованы 614 одеял, 8 кусков шерстяных тканей и т. д.».

Пантелеймон Пономаренко (слева) и его помощник Петр Абрасимов (1912–2009) занимались самообеспечением серьезно, с большевистским размахом

Ситуация в Белглавснабе оказалась до боли похожей на то, что происходило на складах белорусского Красного Креста в 1944 году:

«Поступившие на центральную базу в январе-июле 1946 г. по линии ЮНРРА американские подарки (одежда и обувь) в количестве 8560 тюков не рассортированы и не оприходованы по номенклатуре. Несмотря на это, распределение и отпуск указанных вещей производится не только тюками, но также по весу и поштучно. Последнее настолько запутало учет американских подарков, что установить, соответствуют ли натурные остатки бухгалтерским данным, не представляется возможным. Запущенность учета и наличие большого количества не оприходованных грузов создали на центральной базе благоприятные условия для расхищения государственного имущества... Финансовое хозяйство Белглавснаба доведено до состояния развала».

Трофейные предметы систематически разбазаривались

Понятно, что путаницу в учете использовало в своих интересах прежде всего руководство Белглавснаба:

«Начальник отдела заготовок Белглавснаба Суслов в справке Министерству Государственного Контроля Союза ССР от 8 августа с. г. пишет: «Прибывающий груз разный (трофейный) нач. Главного управления Смирнов брал обязательно образцы, как приносят эти образцы, так и обратно они не поступают на склад, а уходят неизвестно куда. Приносили: часы, пишущие машинки, радиоприемники, отрезы разные, трикотаж...».

Однако главными потребителями этих товаров оказались не начальники Белглавснаба, а советские и партийные работники во главе с первым лицом республики — Пономаренко:

«Ревизией установлено, что поступавшие на центральную базу Белглавснаба трофейные предметы широкого потребления, музыкальные инструменты и промышленные товары, поставляемые в порядке репараций, систематически разбазаривались. По предварительным данным, в течение 1945 г. и 7 месяцев 1946 г. из числа указанных материальных ценностей было бесплатно роздано и разослано в виде подарков руководящим республиканским, областным, районным партийным и советским работникам и прочим лицам шерстяных тканей, радиоприемников и других промышленных товаров на сумму 831.580 руб., в том числе по постановлениям Совета Министров БССР, подписанным Пономаренко П.К., и его письменным и устным распоряжениям — на 813.437 руб.».

Тканями и приемниками руководители республики не ограничивались. Госконтроль свидетельствовал:

«В постановлении Совета Министров БССР от 6 июля 1945 г. за № 970, подписанном т. Пономаренко, говорилось: «Выделить со складов Белглавснаба при СНК БССР музыкальные инструменты в личное пользование руководящим работникам БССР, согласно приложению». К этому постановлению был приложен список 17 лиц «на получение трофейных музыкальных инструментов (пианино) в личное пользование».

Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что получали для себя лично Пономаренко и другие секретари белорусского ЦК. Мехлис писал:

«О посещениях складов центральной базы женами руководителей Белорусской ССР сообщает в справке Министерству Государственного Контроля Союза ССР от 19 августа с. г. и начальник Белглавснаба Смирнов А.Н. Он пишет по этому поводу следующее:

При получении первых эшелонов с трофейным имуществом в 1945 г. с грузами, как-то: мебель мягкая, жесткая, буфеты, разные столы, а также бывшие в употреблении носильные вещи, я помню, что несколько раз приезжала жена т. Пономаренко с т. Крайновым Я.И. и Абрасимовым П.А. по вопросу отбора домашнего оборудования и носильных вещей, в каком количестве было отобрано, мне на память указать трудно...

Мебель и оборудование, предназначенные для восстановления здания ЦК партии, оказались в личном пользовании у руководителей «белорусского отряда большевиков»

По вопросу полученного трикотажа на сумму около 10 тыс. руб. – приезжала жена т. Пономаренко П.К. с первым помощником председателя Совета министров БССР т. Абрасимовым П.А. Последний заявил мне, что по поручению т. Пономаренко П.К. нужно отобрать трикотажа, и т. Абрасимов П.А. с женой т. Пономаренко П.К. произвели отбор и получили...

По вопросу приезда жен руководящих работников, как-то: СНК БССР и ЦК КП(б)Б, на базе Белглавснаба были случаи; припоминаю, что, согласно постановлению СНК БССР, было выписано 10 или 15 сервизов (что можно установить), а посуда была сборная, поэтому они и приезжали сами подобрать».

На самолете доставлены из Германии 1600 кг ковров

Однако и это было сущей мелочью по сравнению с расходами бюджета республики и ЦК на устройство быта белорусского руководства:

«В процессе встречных проверок дебиторской задолженности, числящейся, по бухгалтерским данным Белглавснаба, за Управлением делами Совета Министров БССР и Управлением делами ЦК КП(б) Белоруссии, контролерами установлено, что Управлением делами ЦК КП(б)Б незаконно закуплено в комиссионных магазинах г. Москвы и Литовской ССР большое количество мебели для личных нужд Пономаренко П.К., Киселева К.В. и других руководящих партийных работников Белорусской ССР. По предварительным данным, на указанные цели в общей сложности израсходовано 779.578 руб.

Из этой суммы 126.816 руб. израсходовано управлением делами ЦК КП(б)Б на приобретение для дачи Пономаренко П.К. «Дрозды» 8 хрустальных и фарфоровых сервизов, насчитывающих в общей сложности 1015 предметов, салонной обстановки

из 25 предметов, гостиной красного дерева из 10 предметов, гостиной ясеневого дерева из 10 предметов, буфета, 2 хрустальных люстр и т.д. и 110.700 руб. — на покупку спальни красного дерева из 6 предметов для оборудования комнат руководства республики в санатории «Белоруссия» в г. Сочи».

Но и этим список излишеств не ограничивался. Контролеры установили:

«Встречной проверкой Минского аэропорта установлено, что для ряда руководящих работников Белорусской ССР трофейное имущество в большом количестве доставлялось непосредственно из Германии и Польши, для этой цели широко использовались рейсовые самолеты Белорусского управления гражданского воздушного флота и самолет типа СИ-47 за № 927, предназначенный для обслуживания Пономаренко П.К. и фактически находившийся в бесконтрольном распоряжении его помощника Абрасимова П.А.

Рейсовыми самолетами Белорусского управления ГВФ за 1945 год и январь – июль 1946 года было в общей сложности перевезено из Берлина в Минск 126 пассажиров с личным багажом в 12.175 кг. Самолетом № 927 в течение 1945 года за 12 самолеторейсов было доставлено из Польши и Германии в Минск 24 пассажира с 20.571 кг грузов, преимущественно ковров и другого бытового трофейного имущества, которое ни на центральную, ни на периферийные базы Белглавснаба не поступило.

На этом самолете были дважды доставлены из Германии в Минск Абрасимов П.А. с 1600 кг ковров и 2000 кг других бытовых вещей, начальник оперативной группы при Совете Министров БССР Горелик – с 2000 кг бытовых вещей и 1500 кг других грузов и в марте 1945 года перелетая из Бромберга в Минск заместитель председателя Совета Министров БССР Эйдинов Г.Б.– с 500 кг личных вещей. На этом же самолете в конце апреля 1946 г. была доставлена в Минск из Германии для Эйдинова Г.Б. автомашина «Опель».

Перевозки указанных пассажиров и вещей производились за счет государства. На эти цели за 1945 год и январь-июль 1946 года Белглавснабом израсходовано 417.800 руб. и Советом Министров БССР – 189.700 руб. государственных средств, причем Белглавснаб к перечисленным поездкам и доставленным вещам отношения не имеет».

Как установили контролеры, примеры начальственного самоснабжения все множились и множились:

«В ходе встречной проверки установлено также, что на Бобруйском лесозаводе Министерства лесной промышленности БССР, выпускающем пиломатериалы, в апреле – мае 1946 года в порядке индивидуальных заказов изготовлены 2 деревянных дома: двухэтажный 8-ми комнатный стоимостью 50.200 руб. и одноэтажный 4-х комнатный стоимостью около 15.000 руб. Двухэтажный дом отгружен на станцию Железнодорожная Горьковской железной дороги для строительства собственной дачи т. Пономаренко П.К., а одноэтажный дом – в г. Минск для управляющего делами ЦК КП(б) Белоруссии Фадеева А.Г. При этом т. Пономаренко уплачено заводу наличными за изготовление дома лишь 18 тыс. руб., а Фадеевым – только 5 тыс. руб.».

Мехлис констатировал:

«Считаю необходимым доложить, что в систематическом разбазаривании государственного имущества и излишествах повинны руководители Совета Министров БССР и ЦК КП(б) Белоруссии».

На фоне того, что простые жители Белоруссии ютились в ветхих обваливающихся землянках, излишества руководства выглядели особенно цинично. Поэтому после проверки Госконтроля в республику отправились новые комиссии, установившие не менее поразительные факты.

Производили массовую покупку по спекулятивным ценам

Не успела завершиться проверка Белглавснаба, как в том же 1946 году высокопоставленные партийные хозяйственники и финансисты из управления делами ЦК ВКП(б) начали ревизию в Управлении делами ЦК КП(б)Б.

Среди прочих выявленных недостатков – от бесконтрольного сбора партийных взносов до отсутствия элементарной бухгалтерской дисциплины в Управлении делами ЦК КП(б)Б – наибольшее впечатление на проверяющих произвели огромный перерасход средств, допускавшийся белорусскими партийными хозяйственниками, и то, на что тратились эти деньги. Особенно эффектно это выглядело на фоне того, что республика продолжала лежать в руинах, ее жители обитали в землянках, зарплата неквалифицированного рабочего не превышала 400 рублей в месяц, а колхозники наличных денег не видели вовсе. В отчете о проверке говорилось:

«При исполнении расходной части бюджета допускаются перерасходы на административно-хозяйственные нужды... В 1945 году ЦК КП(б)Б перерасходовал 1602,7 тыс. руб. и в первом полугодии 1946 года – 323,4 тыс. руб.

Особая бесхозяйственность допущена ЦК КП(б) Белоруссии в деле покупки инвентаря и оборудования. На протяжении 1944, 1945 и 1946 годов агенты управления делами (Самуйлова, Фридлянд и др.) производили массовую покупку разного имущества по спекулятивным ценам на рынках и в комиссионных магазинах Москвы и Вильнюса. При этом действия агентов никем не контролировались и они имели возможность представлять ЦК КП(б) Белоруссии отчеты с любыми ценами на закупаемое имущество. Законными документами эти покупки, как правило, не подтверждены, и поэтому судить, что действительно уплачено, а что пошло в карманы агентов, нет никаких оснований. Тем более, что иногда дело доходило до прямого разбазаривания средств.

Агент Управления делами ЦК КП(б) Белоруссии Самуйлова, имевшая в своем распоряжении от ЦК КП(б) Белоруссии более чем полумиллионный аванс наличными, выдала в Москве некой Хейфец Ф. аванс в сумме 5 тыс. руб. на покупку у нее кабинетной мебели для ЦК КП(б) Белоруссии. Хейфец не продала Самуйловой никакой мебели и не возвратила полученный от Самуйловой задаток. Эта сумма списана в расход ЦК КП(б) Белоруссии. Практиковались и такие случаи, что вещи покупались у спекулянтов, а счета для придания законной видимости оформлялись в комиссионных магазинах, хотя известно, что эти магазины кишат спекулянтами и подставными лицами.

В то время как райкомы и горкомы партии, а также отделы ЦК КП(б) Белоруссии оборудованы крайне бедно, ЦК КП(б) Белоруссии израсходовал на покупку дорогостоящей стильной мебели, сервизов и хрусталя 892 тыс. руб., что составляет 44,2 % стоимости всего инвентаря, имеющегося в ЦК КП(б) Белоруссии. В числе купленного имущества в комиссионных магазинах и на рынках: гостиная мебель стоимостью

149,6 тыс. руб., столовая мебель — 140,3 тыс. руб., кабинетная мебель — 275,6 тыс. руб., спальная мебель — 110,7 тыс. руб. и др.

Значительная часть купленного имущества на частном рынке и в комиссионных магазинах находится на квартирах секретарей ЦК КП(б) Белоруссии: т. Пономаренко — 131 тыс. руб., т. Киселева — 265 тыс. руб. (в момент обследования т. Киселев предложил убрать из своей квартиры имущество на 233 тыс. руб.), т. Малина — 97 тыс. руб., т. Авхимовича — 13 тыс. руб. и т. Горбунова — 9,7 тыс. руб. Из 2 млн. руб. всего имущества ЦК КП(б) Белоруссии находится в личном пользовании на 779 тыс. руб. или 38 %, причем на 112 тыс. руб. находится на квартирах лиц, которые не работают в аппарате ЦК КП(б) Белоруссии. Имущество, находящееся в личном пользовании, в течение двух с половиной лет не инвентаризировалось, и каково его состояние, никому не известно»*.

При этом, как выяснила проверка, суммы, сопоставимые с потраченными на мебель и предметы интерьера, исчезли без всякого следа:

«В ЦК КП(б)Б не соблюдался установленный законом порядок в выдаче авансов под отчет. Вследствие этого большие суммы из партбюджета выдаются часто без всякой необходимости и без представления отчетов по ранее взятым авансам. Авансы наличными иногда выдавались в размере по несколько сот тысяч рублей (Самуйловой — 662 тыс. руб.). Это привело к тому, что на 1 июля сего года образовалась задолженность за 990 подотчетными лицами в размере 454,6 тыс. руб., причем в большинстве это уже безнадежная задолженность. Главный бухгалтер т. Кравцов так это и расценил и, никого не спрашивая, начал списывать эту задолженность».

Но и этим список выявленных нарушений не исчерпывался.

«Неправильно используется в ЦК КП(б) Белоруссии и легковой автотранспорт. Из 38 исправных машин 34 закреплено за секретарями и зав. отделами и только 4 машины общего пользования. Секретари ЦК КП(б) Белоруссии тт. Малин, Авхимович, Горбунов имеют по 3 машины. Такое же положение и в обкомах КП(б)Б, где секретари имеют по 2-3 машины (Полоцкий, Брестский обкомы)».

Обкомы и райкомы компартии Белоруссии равнялись на свой ЦК и в деле нецелевого использования средств:

«Республиканская ревкомиссия КП(б) Белоруссии проводит ревизии нерегулярно, качество ревизий низкое, ревизионная комиссия в своих актах обходила факты разбазаривания средств и бесхозяйственности в ЦК КП(б) Белоруссии. В результате недостаточного контроля в ряде парторганизаций имеют место растраты партийных средств. В первом полугодии 1946 г. допущены растраты в 9 райкомах и горкомах партии на 79 тыс. руб., из которых 68 тыс. руб. не возмещены в партийную кассу».

Причем нарушения эти, как установили проверяющие, происходили с ведома и едва ли не с благословения руководства:

* Николай Авхимович (1907–1996) в 1940–47 гг. секретарь ЦК КПБ по кадрам;

Тимофей Горбунов (1904–1969) в 1941–47 гг. секретарь ЦК;

Кузьма Киселев (1903–1977) в 1943–58 гг. первый зам. председателя Совета Министров БССР и, одновременно, министр иностранных дел;

Владимир Малин (1906–1982) в 1939–47 секретарь ЦК по агитации и пропаганде, затем по промышленности, одновременно член Бюро ЦК. — *Прим. ред.*

«Многие из указанных фактов бесхозяйственности делались с ведома и разрешения управляющего делами ЦК КП(б) Белоруссии т. Фадеева и главного бухгалтера т. Кравцова. Тов. Фадеев, кроме того, допускает излишества и для себя: имеет персональную дачу, две автомашины, хотя другие зав. отделами ЦК КП(б)Б этого не имеют».

По итогам проверки управляющий делами ЦК ВКП(б) Крупин предложил снять с работы Фадеева и Кравцова. А председателя ревизионной комиссии ЦК КП(б)Б вызвать с отчетом в Москву, на Старую площадь. При этом ни о каких санкциях в отношении секретарей белорусского ЦК речь не шла. А вопрос о жилье руководителей республики упоминался в отчете вскользь, и внимание на нем особо не акцентировалось:

Задачей № 1 в деле восстановления разрушенного Минска стало возведение уютных коттеджей для партийно-советского руководства республики

«На восстановление зданий и жилищное строительство по партийному и республиканскому бюджетам за 1945–46 годы ассигновано 11,4 млн. руб., израсходовано из них 6956,1 тыс. руб. Строительство проводилось беспланово и бесконтрольно. Утвержденных титульных списков нет, смет, а также актов приемки законченных объектов строительства в ЦК и обкомах КП(б) Белоруссии нет. В результате этого имели место такие затраты, как расход 558,3 тыс. руб. на освоение площадки для дома т. Пономаренко, 97 тыс. руб. на постройку второго коттеджа для первого секретаря Полоцкого обкома партии т. Клещева. На 6 дач для руководящих работников ЦК КП(б) Белоруссии затрачено более 1200 тыс. рублей»*.

Однако месяц спустя жилищный вопрос белорусского руководства стал предметом особого рассмотрения.

Дачи по площади действительно большие

В октябре 1946 года в редакцию главной газеты страны, «Правды», пришло анонимное письмо из Белоруссии о злоупотреблениях в жилищном вопросе со стороны первого секретаря ЦК КП(б)Б Пантелеймона Пономаренко и командования Белорусского военного округа:

* Т.е. на подготовку одной площадки, строительство коттеджа и 6 дач ушло 1855,3 тыс. руб., или 16,27 % всех средств, израсходованных в БССР за 2 года на восстановление зданий и жилищное строительство! — *Прим. ред.*

«Отечественная война закончилась. Народ Советской страны по-ударному работает над восстановлением разрушенных немцами городов, сел, заводов и колхозов. Рабочие и крестьяне соревнуются за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития советского хозяйства. Этим стремлением охвачены руководители гражданских и военных учреждений, но среди них есть и такие, которые стремятся улучшить только свое личное положение, а не коллектива.

Именно: Пономаренко в Минске строит себе квартиры и дачи на усадьбе в 20 га с большим садом, на перевозку которого из Логойска в Минск работало 50 автомашин 30 дней; генерал Хрюкин в Бобруйске построил себе виллу на усадьбе в 8 га и сад; генералы Рожков, Слуянов, Родин и другие тоже построили себе особняки. В Минске генералам Трофименко, Бабийчуку, Иванову строят двухэтажные особняки и за городом дачи, расходуется основная рабочая сила, и материалы, и миллионы рублей государственных средств, в то время как большая масса офицеров и служащих не имеют вовсе квартир».

Как оказалось при проверке, наученный опытом предыдущих ревизий Пономаренко к тому времени уже отказался от планов строительства особняка в Минске и дачи под Москвой.

«При проверке этого вопроса выяснилось, что в начале 1945 г. Управление делами ЦК КП(б) Белоруссии предполагало начать строительство жилого дома в г. Минске для секретарей ЦК КП(б)Б. Был подобран большой участок по Подгорному переулку, где имеется сохранившаяся коробка трехэтажного дома. Затем, по заявлению управляющего делами ЦК КП)б)Б т. Фадеева, на этом участке намечали построить служебное здание для устройства приемов Председателем Совета Министров БССР.

Окончательного решения, что строить, принято не было, но на участке, который занимает целый квартал, были проведены подготовительные работы: расчищены завалы и фундаменты разрушенных зданий, проведено благоустройство участка, посажены деревья и кустарники, и в нескольких местах начато строительство кирпичной ограды. На все эти работы затрачено 588 тыс. руб. В марте 1946 г. строительные работы были прекращены, а земельный участок передан под строительство дома ученых. В настоящее время на этом участке никаких работ не производится.

В отношении строительства дачи выяснилось следующее. В начале 1946 г. для т. Пономаренко начали строить собственную дачу под Москвой на ст. Кучино Московско-Курской ж. д. На дачный участок из Белоруссии был завезен сруб и стройматериалы, из Минска были командированы 18 рабочих и руководитель строительства, прораб Управления делами ЦК КП(б)Б т. Горячко. 5 июля 1946 г. постпред Белорусской ССР при Совете Министров СССР т. Абрасимов, согласно указанию т. Пономаренко, дал распоряжение, чтобы т. Биюл, ведающий строительством дома Постпредства в Москве, принял от прораба т. Горячко строительство дачи в Кучино как переданное Постпредству... Следует отметить, что распоряжение Совета министров БССР, разрешающее Постпредству строительство дачи, было издано только 23 сентября 1946 г. На основании этого распоряжения Постпредству было отпущено на строительство дачи 100 тыс. рублей».

А вот командующий округом генерал-полковник Трофименко и его главный политработник, член военного совета округа генерал-майор Бабийчук, проверкой жилищных дел оказались застигнутыми врасплох. Ведь для командующего, члена Военного совета и начальника штаба округа строили двухэтажные особняки в Минске жилой площадью 318 кв. м, а кроме того, дачи для Трофименко жилой площадью 550 кв. м., а для Бабийчука – 335 кв. м. Для сравнения: восьми-

квартирный жилой дом для старших офицеров БелВО имел жилую площадь 321 кв. м /по 40 м на квартиру/. Так что военачальники вынуждены были оправдываться и срочно предлагать меры для ликвидации излишеств. В декабре 1946 г. Бабийчук писал заместителю министра Вооруженных сил генералу армии Н.А. Булганину:

«По Вашему приказанию докладываю:

1. Для генералов управления округа в Минске строятся 15 рубленых одноэтажных с мансардами домов по 5 комнат каждый, три из коих расположены внизу и две летнего типа размещены наверху. Жилая площадь каждого дома 124 кв. метра. Дома строятся по типовому проекту. Титулы на строительство были утверждены весной 1946 года. Около каждого дома предусмотрено строительство сарая с гаражом на одну машину (личную).

2. Дачи Командующего и Члена военного Совета строятся из готовых срубов, сделанных зимой 1945–1946 гг. Дачи построены только вчерне, по площади действительно большие.

Предложение. В связи с тем, что на изменение типа постройки нужны незначительные затраты, произвести переделку, сделав нормальные постройки в 4–5 комнат.

3. Дома руководящих работников округа запроектированы и утверждены строительством весной 1946 года стоимостью 330 тысяч каждый. Дома большие, для одной семьи такая площадь излишняя. При перестройке в каждом доме можно сделать две квартиры. Запроектирован и гараж около каждого дома.

Предложение. В связи с тем, что округ к 10 января закончит переезд из Бобруйска в Минск, а квартир Командующий округом, Член Военного Совета и Начальник штаба других не имеют, разрешить до конца 1947 года жить в этих домах, в 1947 г. построить нормальную жилую площадь – 4-5 комнат на каждого. Существующие дома после освобождения переделать под двухквартирные жилые дома для генеральского состава. Прекратить строительство гаражей около этих домов. Дом для Командующего Воздушной Армией переделать в нормальный двухквартирный дом.

4. У командующего округом, Члена Военного совета имеется по 4 легковых машины и Начальника Штаба округа – 3.

Предложение. Военному Совету округа подработать вопрос о сокращении нештатных машин. Оставить в пользовании Командующего, Члена Военного совета и Начальника Штаба округа по две легковых машины, остальные сдать».

Генерал-полковник Сергей Трофименко в 1946–49 гг. командовал войсками БВО. Используя служебное положение, он построил себе за государственный счет дом площадью 318 кв. м.

Однако самым замечательным оказалось то, что проверка в Минске выявила факты, о которых в анонимном письме в «Правду» ничего не говорилось. Партийные контролеры обнаружили частные дома высокопоставленных белорусских чиновников, построенные на государственные средства.

Строят для себя за счет министерств

Зампред Комиссии партийного контроля Матвей Шкирятов в январе 1947 года докладывал секретарю ЦК ВКП(б) Алексею Кузнецову:

«Выяснилось, что Министр лесной промышленности БССР т. Пыж, Министр промышленности стройматериалов т. Байдаков и Министр местной топливной промышленности т. Хотько, не считаясь с острым недостатком жилплощади для населения, строят для себя за счет министерств отдельные дома, расходуя на это государственные средства, фондовые материалы и рабочую силу строительных организаций министерств. В то же время планы строительства жилищ для рабочих и служащих не выполняются.

Неправильность поведения тт. Пыжа, Байдакова и Хотько заключается и в том, что строительство этих домов они производят на земельных участках, отведенных им Минским горисполкомом под индивидуальное строительство. Получив земельные участки, они вместо строительства индивидуальных домов за свой счет начали строить для себя особняки на государственные средства, включив это строительство в титульные списки министерств.

Министерством лесной промышленности в данное время заканчивается строительство двух кирпичных домов площадью 119 кв. метров каждый: один дом для т. Пыжа, а другой для зам. Председателя Совета министров БССР т. Лахтанова (ранее работал Министром лесной промышленности). На строительство этих особняков из 700 тыс. руб., ассигнованных на жилищное строительство министерства, за 10 месяцев 1946 г. израсходовано 188 тыс. руб., а на остальное строительство только 151 тыс. руб. Министр промышленности стройматериалов БССР т. Байдаков строит для себя кирпичный дом размером 149,5 кв. метров. На 1 ноября 1946 г. на это строительство затрачено 100 тыс. руб., а всего было намечено израсходовать 160 тыс. руб. Министр местной топливной промышленности БССР т. Хотько построил для себя за счет министерства кирпичный дом площадью 120 кв. метров, затратив на это 110 тыс. рублей.

Проверкой также установлено, что заместители Министра промышленности строительных материалов тт. Тарасов, Шевелько и Овсянников, зам. Министра лесной промышленности т. Кудрявцев при проведении строительства собственных небольших домов использовали свое служебное положение: незаконно получали фондовые строительные материалы и пользовались рабочей силой строительных организаций министерства. Хотя они за это платили личные средства, но, получая фондовые стройматериалы и рабочую силу, они наносили этим ущерб ходу строительства ведомственных домов.

Все эти факты строительства руководителями министерств индивидуальных домов при большом недостатке в Минске жилищ вызывают справедливые нарекания со стороны населения».

Казалось бы, по совокупности многочисленных проверок и выявленных фактов следовало делать, как тогда говорили, организационные выводы и укреплять руководящие кадры республики, что на обычном языке значило менять ее руководство. Однако в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе ЦК П(б) Белоруссии» основной упор делался на ускорение восстановления разрушенного хозяйства республики, а также подвергались острой критике «мелкобуржуазные проявления со стороны отдельных руководящих работников республики, выразив-

шиеся в строительстве собственных домов – часто в ущерб строительству жилых домов для колхозников, проживающих в землянках».

Некоторые из министров и руководителей среднего звена потеряли должности. А вот первый секретарь белорусского ЦК в следующем, 1948 году получил повышение – стал секретарем ЦК ВКП(б).

Но в том же году во время пленума ЦК КП(б)Б, на котором рассматривался ход выполнения решений по ликвидации болезненных мелкобуржуазных явлений, разразился скандал. Как оказалось, строительство собственных домов за государственный счет не только не прекратилось, но ширилось и набирало обороты. Один из участников пленума, Я. Сторожев, писал в ЦК ВКП(б) в марте 1948 года:

> «Ущерб интересам государства наносит строительство руководящими работниками собственных домов. По имеющимся в ЦК КП(б)Б данным, за последние два года построили дома 168 партийных и советских работников Полесской области, 171 в городе Гомеле, 28 в г. Бобруйске и т.д. Значительная часть этих работников при строительстве домов пользовалась рабочей силой, стройматериалами и транспортом предприятий и госучреждений. Так, 60 руководящих работников Белорусской железной дороги построили себе дома, используя рабочую силу и стройматериалы дороги, а затраты в сумме 250 тысяч рублей списали за счет премиального фонда.
>
> В Пуховичском районе Минской области за прошлый год построено всего 700 домов, из них около 300 построили руководящие и другие партийные, советские и земельные работники. То же время в этом районе до сих проживают в землянках 216 семей инвалидов Отечественной войны и партизан. В городе Осиповичи Бобруйской области за 1947 год было построено лишь два небольших коммунальных дома. За то

Министр лесной промышленности БССР Пыж (в центре, небольшого роста) построил себе дом за государственный счет

же время 10 руководящих работников во главе с председателем исполкома горсовета т. Борозна построили собственные дома».

Проверка партийных следователей показала, что масштабы подобного строительства гораздо шире, чем писал Сторожев:

«При проверке в г. Минске установлено, что ряд партийных, советских и хозяйственных руководящих работников действительно занимались строительством собственных домов, а часть из них построили. Так, в г. Минске выстроили собственные дома 110 руководящих работников республики, области и города, в том числе: 17 работников Министерства лесной промышленности, 12 работников Министерства лесного хозяйства, 6 работников Совета министров БССР, 5 работников Минского облисполкома и обкома партии и др.».

Коров просто забирали с колхозных ферм

Одновременно в ходе того же скандала возникло, если можно так сказать, «коровье дело». Сейчас оно выглядит мелким и малозначительным. Но во второй половине 1940-годов в условиях послевоенной разрухи корова была подлинным источником благополучия.

В том же письме в ЦК ВКП(б) Я. Сторожев писал:

«Большинство руководящих работников получили коров бесплатно в 1945 году из числа поступившего трофейного крупного рогатого скота. Тогда было роздано 27 тысяч коров, из них несколько тысяч получили руководящие партийные, советские и хозяйственные работники.

Трофейные коровы предназначались особо нуждавшимся работникам, семьям погибших воинов и партизан. Но в ряде случаев коров раздавали не по признаку нуждаемости, а по занимаемым постам. Так, например, бывший нарком земледелия БССР, ныне министр совхозов т. Крупеня своим распоряжением выдал 82 коровы работникам ЦК КП(б) Белоруссии и наркомата. Зам. председателя Минского облисполкома т. Радюк распорядился выдать 26 племенных коров, предназначенных для колхозных ферм, работникам Минского обкома партии и облисполкома.

Но не все работники получили коров из числа трофейных, имеются факты когда коров просто забирали с колхозных ферм. Так, например, поступил первый секретарь Борисовского райкома партии Минской области т. Стельмах. Он вынудил правление колхоза «Путь Ленина» отдать ему самую лучшую корову из четырех, имевшихся в колхозе. При выезде из района на новую работу секретарем Пуховичского района т. Стельмах корову колхозу не возвратил, увез с собой...

Районные работники, имеющие коров, как правило, занимаются в колхозах поборами сена, зернофуража, корнеплодов, прихватывают землю под свои огороды, попирают и подрывают Устав сельскохозяйственной артели, попадают в зависимость к руководителям колхозов».

Однако, как писал Сторожев, беда заключалась не только в этом:

«Некоторые имеют даже по две коровы и систематически торгуют молоком, маслом на рынках. Из республиканских работников имеют коров: уполномоченный Министерства заготовок СССР по БССР т. Карпов, уполномоченный ВЦСПС по БССР т. Бельский, зам. министра мелиорации Ярославцев, зам. министра лесной промыш-

ленности т. Данченко. Бывший зам. министра просвещения БССР Сидоренко систематически занимался скупкой и перепродажей коров...

Часть республиканских и областных работников, получивших коров бесплатно (трофейных), продала их по рыночным ценам...

Понятно, что нельзя одинаково относиться к фактам обзаведения коровами районных работников, республиканских и областных, но нельзя не видеть, что размеры, которое приняло хозяйственное обрастание большей части районных работников Белоруссии, вредно сказывается на состоянии всей работы. Надо при этом иметь в виду, что многие колхозы в республике не создали молочно-товарных ферм и более 150 тысяч семей колхозников совсем не имеют коров в личном пользовании».

При проверке партконтролем и эти факты полностью подтвердились. А белорусское руководство распорядилось, чтобы все чиновники сдали своих коров в стада. Однако высокопоставленные товарищи своих коров быстро продали, а отдуваться пришлось работникам районного звена:

«Отдельные обкомы и райкомы партии огульно подошли к решению этого вопроса и начали требовать сдачи коров от всех районных партийных, советских и хозяйственных работников, превращая это в массовую кампанию, часто не считаясь с их нуждаемостью, многосемейностью, болезнью...

Например, Руденский райком партии Минской области предложил сдать корову т. Левицкому – заведующему отделом сельского и колхозного строительства, который в 1945 г. как партизан получил трофейную корову. Семья Левицкого состоит из 6 человек, мать и жена Левицкого являются колхозницами. Левицкий отказался сдать корову, мотивируя тем, что, имея большую семью, он нуждается в ней. Однако 25.1.1948 г. бюро Руденского райкома партии своим постановлением обязало Левицкого немедленно сдать корову в колхоз...

Этой женщине и ее маленьким детям повезло: трофейная корова досталась им, а не местному начальнику

Т. Титовец В.А. – председатель Поставского райисполкома Молодечненской области, в 1947 г. в связи с тем, что имеет 7 человек семьи и сам болен, взял кредит у государства в сумме 6 тыс. руб. и купил корову, которую содержал у себя. После пленума ЦК КП(б)Б ему было предложено сдать имевшуюся у него корову в колхоз»...

Иначе и быть не могло. В Российской империи во все времена «правили бал» чиновники. Только порой более важные из них в своих интересах жертвовали благополучием менее значительных. Абсолютно тот же порядок существовал при Сталине. Тем, кто мечтает его вернуть, надо как следует присмотреться к тому, что сейчас происходит вокруг. Тогда они увидят, что этот порядок никогда никуда не уходил.

Комментарий редактора

Приведенные выше материалы дают наглядное представление о том, как представители правящего класса СССР (партийно-советской номенклатуры) распоряжались материальными благами и финансовыми средствами – на словах якобы общенародными.

Надо только напомнить в этой связи самое главное принципиальное отличие «новых» господ от «старых»: свое право собственности на естественные ресурсы, на средства производства и на произведенную продукцию номенклатура осуществляла не индивидуально, а коллективно. Отсюда – резкое преобладание в СССР внеэкономических методов и форм распределения материальных благ над товарно-денежными.

Часть V

МИФЫ ПАНРУСИЗМА

Вадим Деружинский

Могут ли снова объединиться Беларусь, Украина и Россия? Теоретически это возможно — если удастся найти общий для них «национальный знаменатель», возвести в ранг общих ценностей исторический и ментальный «багаж» каждой из частей «треугольника». Но сегодня главным врагом такой интеграции является идеология панрусизма, часть которой — западнорусизм. Эта реакционная идеология отрицает все беларуское и украинское как часть «русского мира», а вместо объединения исторического наследия навязывает соседям московский концепт, что ставит крест на самой идее союза.

18 апреля 2012 года в Минске состоялась конференция «Западнорусизм: прошлое и настоящее». Среди ее участников были представители православной церкви и идеологи-историки, которые любят Великую Россию. Организатор конференции — проект «Западная Русь», известный своими публикациями, демонизирующими Великое Княжество Литовское и прославляющими царизм.

На обсуждение в качестве доклада была вынесена статья Олега Неменского «Панрусизм». Ее автор так и заявил:

> «Для объединения усилий на уровне общественных инициатив Белоруссии, Украины и России предлагаю построить новую идеологию — панрусизм».

Итак, что это? А главное — зачем?

Миф о «древнерусском народе»

Олег Неменский считает, что беларусов и украинцев нет в природе, это часть русского народа. Мол, они были одним народом с русскими еще во времена Древней Руси.

Это ошибочное заблуждение, на котором строятся все остальные построения панрусизма и западнорусизма — соответственно, тоже ложные.

1. В период IX–XII веков никаких народов в Восточной Европе не существовало. Это азбучная истина этнологии. Народы стали складываться только с середины XIII века, то есть уже в период Великого Княжества Литовского. Поэтому беларусы — потомки литвинов, а не московитов или киевлян. А Древняя

Русь не была ни государством с единым народом, ни вообще собственно государством.

2. Идею о каком-то «древнерусском народе» как общем предке беларусов, украинцев и русских выдумали идеологи Сталина, она впервые появилась в Тезисах ЦК КПСС в 1954 году, опубликованных в связи с 300-летием Переяславской Рады. Это политический вымысел, не имеющий ничего общего с исторической истиной.

3. Название «русские» придумал Яков Свердлов, никаких русских в Средние века нигде не было. Были РУСИНЫ, но так именовались предки украинцев, а также православные жители восточной части нынешней Беларуси, но московиты никогда русинами не назывались.

4. Что такое вообще «РУСЬ»? Слово «Русь» однокоренное со словами «русло», «русалка», семантически связано с рекой. Варяги – неутомимые путешественники, завоеватели и купцы в одном лице именовали «Русью» земли, с которых собирали дань. Эти земли лежали вдоль торговых путей варягов в Центральной, Южной и Восточной Европе (известно несколько Русей), в том числе по речному торговому пути между Балтийским и Черным морями.

Сами предки нынешних беларусов, украинцев и русских не были варягами (ими были готы и полабские славяне). А тот факт, что они платили дань варягам и потому именовались «Русью», не является объединяющим и этнообразующим. Точно так народы, которые платили дань Золотой Орде, не выступают из-за этого единым народом и к тому же их нельзя именовать монголо-татарами – то есть теми, кому они платили дань.

Таким образом, никакого «древнерусского народа» не существовало и не могло существовать в принципе. Мало того, беларусы, русские и украинцы – это изначально различные расы. Беларусы – потомки балтов (северо-европейской расы), русские – финно-угры (антропологически и генетически – другая раса), украинцы – ираноязычные сарматы и скифы (еще одна раса). Как же они могли быть «единым народом»?

Миф о Москве как «собирателе Руси»

Олег Неменский пишет:

> «Впервые задача нового объединения всех земель Руси в единое государство была поставлена великим князем Московским Иваном III Великим, принявшим титул «государя всея Руси»».

Это утверждение является ложью. У нас в годы правления и Ивана III, и его отца Василия II (т.е. с 1425 по 1505 гг.) уже существовало огромное единое государство – Великое Княжество Литовское и Русское. Причем и Москва в него входила в 1373–1382 годах как протекторат, но вместо того, чтобы радоваться «единению с русским корнем», предпочла вернуться в лоно Золотой Орды.

Зачем что-то «собирать», если все уже собрано в ВКЛ? Так в том и причина, что Москва вовсе не Русь собирала, а была сборщиком дани с Руси для Орды. А за «работу» оставляла себе половину этой дани. То есть была паразитом на теле

Руси – таким же, как татаро-монголы. Вот и причина, по которой она под себя «собирала Русь».

Приписывать Москве в тот период (до «стояния на Угре» в 1480 году) создание «единого русского государства» просто смешно, потому что она была всего лишь полуавтономным улусом Орды. Ее князьки были рабами великих ханов Орды и все без исключения назначались ими (получали ярлыки на княжение), на монетах Москвы значилось имя Ордынского хана (например, на монетах Дмитрия Ивановича «Донского» – имя хана Тохтамыша), войско Москвы являлось частью армии Орды и воевало во всех походах татар, в том числе против Литвы (Беларуси).

Московские князья в награду за верную службу (то есть за предательство Руси) получили от ханов Орды ярлык на Киев. Вот на основе этих татарских ярлыков они потом и считали себя «государями всея Руси».

Насчет очередности пресловутого «собирания Руси Москвой». Иван IV «Грозный» (внук Ивана III) вначале провозгласил себя царем Москвы (то есть части Орды). А уже потом с татарским войском пошел жечь и резать население Новгорода и Пскова, Твери и Полоцка. Так что речь идет вовсе не о «собирании русского единства», а о нападении Орды-Московии на Русь.

Подчеркиваю: Иван Грозный был не «русским царем», а татарским. От Византии Орда получила статус царства еще в 1270-е годы, властелинов Орды с тех пор именовали и великими ханами, и царями. А вот Великое княжество Мос-

Маленькое, но алчное и воинственное Московское княжество «собирало Русь» огнем и мечом на протяжении 400 лет

ковское никаким «царством» не стало, для русских земель Иван Грозный как был, так и оставался только Великим князем Московским.

Рассмотрим политическую карту Восточной Европы перед нападением московского великого князя Ивана III на Тверь в 1483 г. В ВКЛ объединены все земли нынешней Беларуси и Украины, ею правят православные князья (Ольгерд был сыном тверской княжны, его дети рождены от княжны полоцкой и от княжны тверской). Рядом независимое Великое княжество Тверское, независимые Псковская и Новгородская республики. Но когда Псков стал склоняться к вхождению в состав ВКЛ, на него в 1510 г. напал сын Ивана — Василий III.

Таким образом, агрессия была против ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ земель Руси. Теперь посмотрим на лагерь агрессоров.

Это бывшая Орда и ее улусы. Ничего «русского» за 300 лет пребывания в Орде там не осталось, впрочем, не было изначально. Московский край назывался Залесьем, он лежал вне торговых путей варягов-русинов, а потому не входил в Древнюю Русь варягов. Там в период крещения Руси не было ни одного славянина, ни одного русского, ни одного православного. Вместо этого существовали финно-угорские протогосударства: Великая Мордва, Великая Эрзя (Рязань) и Великая Пермия. Само название Москва происходит от имени жившего в тех местах финского народа мокша (Moksel). Когда киевскому князю Юрию Долгорукому не досталось удела в Киевской Руси, он собрал дружину и пошел в поход на Восток — захватывать финно-угорские Коломну, Суздаль, Кострому, Эрзя-Рязань, Тулу, Пермь (все древние топонимы края — не славянские). По выдумке Карамзина он якобы основал Москву — но это не так, поскольку киевские князья основывали в Залесье города со славянскими названиями: Ярославль, Владимир, Нижний Новгород, Ростов. Город с финским названием он никак не мог основать.

Киевские князья привезли в Залесье нанятых ими болгарских попов — чтобы те обращали в «нужную веру» языческое финно-угорское население. Попы стали учить аборигенов основам христианской веры и церковнославянскому языку. Так будущий «старший брат» беларусов и украинцев усвоил солунский диалект (вымерший у себя на родине в XI веке). Вот почему русские в знак согласия говорят балканское «Да» вместо «Так» киевских князей и вообще всех в Древней Руси, а затем в ВКЛ, Твери, Пскове и Новгороде.

Во время правления Ивана IV города Московии (напомню, что это вторая половина XVI века) были вполне татарскими. Там носили восточную одежду, бабы и девки прятались в гаремах (теремах) на втором этаже дома, а на улице женщины закрывали лицо чадрой (все это отменил своими указами только Петр I). Женщинам было запрещено входить в церковь (молились на улице возле церковной стены — тогда как у нас, сравним, уже в XII веке была святая Евфросиния Полоцкая), при встрече говорили друг другу «Шалом», а вместо общего индоевропейского «дзякуй» Древней Руси говорили «Спаси Бог» (калька с ордынского «Спаси Аллах») и т.д.

И вера у московитов была ордынская. Ислам в Орде стал вводить хан Узбег (его с рождения православное имя не сохранилось) с 1319 года. Он, кстати, известен тем, что подарил своему верному слуге, московскому князю Ивану Калите «шапку Мономаха», то есть мусульманский головной убор. А до Узбега Орда была

христианской, и гербом своим имела двуглавого орла. В 1272 году темник Золотой Орды Ногай захватил громадную территорию от Дона до Дуная. Чтобы спасти от разорения Византию, ее царь Михаил Палеолог отдал Ногаю в жены свою дочь Евфросинию. С ней в Орду пришел титул царей, двуглавый орел как герб страны и православие.

Но ордынское христианство было особого рода – несторианством, обожествлявшим власть (Лев Гумилев отмечал, что еще сын Батыя Сартак (хан в 1255–1257 гг., побратим Александра Ярославича «Невского», был православным несторианского толка). Это несторианство переняли московские князья. Вот почему Иван IV, нападая на Новгород, Псков, Тверь и Полоцк, в первую очередь вырезал там православное духовенство. Оно было православной греческой веры Киева и не обожествляло московского деспота.

Кроме Залесья-Московии в лагерь агрессоров (якобы «собирателей Руси») входили в рамках «Московского государства» субъекты Орды: царство Казанское, царство Астраханское, царство Сибирское и Большая Орда. Иван Грозный сумел захватить в Орде власть, воспользовавшись тем, что в ней настала эпоха феодальной раздробленности. Он по частям подчинил себе все части Орды, кроме Крымской, дань которой («поминки») Москва платила до петровских времен.

Каким был этнический состав «Московского государства» Ивана Грозного? Порядка 25 % были московиты-финны, а 75 % – ордынцы. Такой вывод, по мнению историков, можно сделать на основе данных об этническом составе войска Ивана IV, с которым он напал на Новгородскую Республику. А в войске Московии в агрессии против ВКЛ в 1654 году (через 70 лет после смерти царя Ивана) «мордва да татары», которые «русского языка не знают», составляли около 60 %.

Вот и вопрос к «собирателям Руси»: КТО СОБИРАЛ? И КУДА СОБИРАЛ?

Русь-то собирали ордынцы. Притом кроваво. А от того, что Орду переименовали в «Россию», суть ее не изменилась. Как была Ордой, так и осталась, пусть окрещенная в православие, пусть усвоившая церковнославянский язык.

Орда, а не Русь

Олег Неменский пишет:

> «Российский национальный проект сознательно основан на имперских корнях».

ЧЬИХ ИМПЕРСКИХ КОРНЯХ? Вовсе не русских, а ордынских.

В Руси никогда не обожествляли власть, в Новгороде и Пскове было Вече, в древних Полоцке и Киеве – Рада, в ВКЛ – Статуты и Магдебургское право, столь ненавистные российским идеологам.

А Орда задает другой вектор социального сознания: деспотия компенсирует желание гражданина соуправлять страной его участием в имперском захвате соседей.

Олег Неменский и другие участники конференции западнорусистов в Минске именно это считают сутью «русского мира» и «русской цивилизации». Мол, суть русскости – перенаправить энергию гражданскую с самоуправления на экспансию.

Нет в этом ничего русского! Это – ОРДЫНСКОЕ! Именно Чингисхан заявил о желании создать империю «от моря до моря», «на весь мир». А певцы «панрусизма» и «западнорусизма» только повторяют лозунги Золотой Орды.

Какой вообще смысл для простого человека во всемирной империи? Зачем труженику империя? Она ему не нужна.

Олег Неменский завершил свой доклад вполне конкретным планом действий в качестве указания для участников конференции (среди которых, кстати, были и высокопоставленные государственные функционеры РБ):

Великий князь Василий III принимает барона С. Герберштейна в 1517 году. Одежда и головной убор московского правителя типично азиатские

«Перед общерусским движением стоит три основных задачи, следующие одна за другой.

Первейшая и самая важная состоит в утверждении русскости на Русской земле, господства исторических форм русской идентичности и традиций исторического самосознания. Важнейшая составляющая этой задачи – дальнейшая разработка и общественная презентация местных патриотизмов, составляющих общерусский проект – малорусской идеологии, западнорусизма, русинства, русской идеологии казачества, Новороссии и т.д.

Следующая задача состоит в необходимости официального признания в государствах с автохтонным русским населением широких прав русского народа и необходимости проведения русской политики.

Третья задача – административно-политическое объединение Русской земли».

Зачем это надо нашим странам и народам? Смысл в чем? Его нет.

Фокус в том, что когда человек становится Гражданином и участвует в самоуправлении, то у него исчезают всякие имперские замашки. И наоборот: имперские замашки говорят, что человека не допускают быть Гражданином и участвовать в самоуправлении. Причем эти имперские замашки – чаще всего иллюзия, внедряемая «сверху», в которой топится желание человека быть Гражданином.

Сын Василия III — Иван IV принимает посланника от крымского хана. Оба одеты одинаково

Оставляю в стороне то, что участники конференции хотят ликвидировать государственность соучредителей ООН Беларуси и Украины и записать беларусов и украинцев в русских. Это идея настолько бредовая, что вряд ли

ее сочтут угрозой для национальной безопасности нашей страны, хотя угроза налицо. Ведь люди в полный голос заявляют, что ставят своей целью изменение конституционного строя Беларуси и Украины.

Но я СУТИ не могу понять. Цель Государства — наладить жизнь граждан. Чем наша жизнь станет лучше, если мы себя объявим «древнерусским народом»? Хочется интеграции? Так вступайте в Евросоюз и НАТО, там уже есть все другие славянские страны. Однако панрусисты (в отличие от панславистов) считают всех западных славян своими врагами, ведь они — часть европейской цивилизации, а не восточного мира, с которым отождествляет себя панрусизм. Этот факт ясно показывает, что суть панрусизма — славянофобия и панордызм.

Концепцию «панрусизма» раскритиковали в комментариях на сайте вслед за этой статьей. Поп Лазаренко Серьгий написал (сохраняю его орфографию):

> «Да, термин панрусизм прекрастно ложится в голову, хорошо на душе и сердцу приятно, но приставка «Пан» в нынешнее время подрозумевает превосходство над всеми иными народами мира».

В точку поп попал. Фактически, концепция панрусизма — ордынский шовинизм. К Руси, православию и славянам он никакого отношения не имеет.

«Панрусизм» и «западнорусизм» — это объединение людей с ордынским менталитетом. Вот его главные черты:

1. Тоталитарное мышление, ищущее себе тирана и обожествляющее его.

2. Маргинальное (холопское) мышление, не желающее брать на себя личную ответственность Гражданина в сфере управления страной.

3. Имперское мышление, нацеленное на захват соседей и прочее «величие», суть которого в унижении других.

4. Как результат перечисленного — ненависть к Западу с его менталитетом Свободного Гражданина, ненависть вообще к самоуправлению населения, что награждается эпитетами «оранжисты», «свидомиты» и «либерасты».

На мой взгляд, по своему общему духу наиболее последовательно и полно воплощает в жизнь концепцию «панрусизма» такое удивительное государство как КНДР (Северная Корея). И «азиатское подбрюшье» СНГ ментально тоже куда как ближе к Орде-Москве, чем строптивые Киев и Минск. Почему? Да потому, что это «подбрюшье» является частью древней Орды.

Постордынским государством были и царская Россия, и СССР. Что в них объединяло кучу народов и земель на ментальном уровне? Только память о том, что они были когда-то частью Великой Орды. А вот Финляндия и Польша, Летува и Беларусь, Эстония и Латвия, Молдова и страны Кавказа субъектами ордынской империи никогда не были, а потому дважды становились «сепаратистами»: при развале Российской империи в 1918 году и при развале СССР в 1991.

Вандализм западнорусизма

В силу своей искусственности концепции западнорусизма (панрусизма) вынуждены отрицать всю историю Беларуси и Украины, проходившую вне связи с Москвой. А это практически вся наша прежняя история, кроме периода российского колониализма с 1795 года по 1917 и советского с 1919 по 1991. Поэтому

эти два периоды подаются выпукло как «образец русского единения», тогда как все остальное подлежит порицанию и забвению.

Особое место занимает миф о каком-то «едином древнерусском народе» в Киевской Руси и фантастические представления о «славянстве». Западнорусистов ничуть не смущает то, что никакой Москвы в ту эпоху не существовало. По их логике, еще до появления Московского княжества (в 1277 г.) русины (украинцы) и литвины (беларусы) жаждали воссоединиться с ней и с нетерпением ждали, когда же наконец хан Менгу-Тимур выдаст Даниилу Александровичу ярлык на удельное княжение в Москве. А то, мол, больше не с кем воссоединяться...

В рамках московоцентризма оказывается ненужной вся предыдущая история беларусов, которые антропологически и генетически неизменны 3500 лет и известны в дославянские времена как гуды-гепиды, а затем как кривичи, ятвяги, дреговичи и радимичи. Западнорусизм не только лишает беларусов древнейшей истории, но и отрицает их балтские корни, так как это «подмывает» выдумки о беларусах как потомках «древних русских» и «славян».

Московоцентризм отвергает также и Полоцкое Государство – мол, то был сепаратистский замысел вражеских сил (такова была формулировка идеологических отделов ЦК КПСС). Ну, а ВКЛ – это вообще что-то очень плохое, видимо, идеологическая диверсия Государственного департамента США и ЦРУ.

Великое княжество Московское подается как «белое и пушистое», а Великое княжество Литовское и Русское – как оплот всевозможного зла, католической реакции и оголтелого насилия над «трудовым народом». Западнорусизм очерняет все, связанное с основами беларуской государственности: само ВКЛ, Статуты ВКЛ (первые в Европе конституции!), нашу шляхту, наши военные победы, наши культурные достижения и даже наш язык.

Один участник конференции западнорусистов, известный чиновник, назвал Статуты ВКЛ «реакционными», «нацеленными на закрепощение белорусского народа». Другой, тоже чиновник, объявил «не белорусской» нашу шляхту ВКЛ:

> «Под национальными традициями начинают пропагандироваться и развиваться такие традиции, которые, я считаю, ничего общего не имеют с ментальностью нашего белорусского народа: когда в нашу белорусскую культуру тащат Радзивиллов, Сапег, Огинских, как представителей именно белорусских знатных родов».

По его словам, все эти персоналии, несмотря на то, что представители знатных родов родились и жили на территории Беларуси, принадлежат к другой ментальности и другой нации:

> «Представляется, что попытки вывести белорусскую идентичность из так называемого Великого Княжества Литовского – это попытки, которые лежат в стороне от реального процесса нашего духовного укрепления и развития»*.

К счастью, большинство беларуских историков являются патриотами Отечества и думают совершенно иначе. Например, доктор исторических наук Вик-

* Это сказал Лев Криштапович, заместитель начальника информационно-аналитического управления Администрации Президента, в марте 2012 г. – *Прим. ред.*

тор Титов писал в опубликованном в 2012 году очерке «Отражение этносоциальной ситуации в зеркале статутов ВКЛ»:

«Статут отводил большое место шляхетским привилегиям, им посвящен почти целиком третий раздел «О вольностях шляхетских и о расширении Великого княжества Литовского», который состоит из 51 артикула (статьи). Вольности шляхетские были тесно связаны с обязанностями представителей этого сословия. Шляхта рассматривалась как гарант независимости и суверенитета государства, носитель его нравственных и интеллектуальных традиций. Она составляла основу войска – так называемого посполитого рушения, выступавшего под знаком «Погоня». Однако ее привилегии и правовой статус были тесно связаны с обязанностями перед Отчизной. Всеобщий позор и осуждение ждали шляхтича, бежавшего с поля брани. В этом случае он лишался своего поместья и шляхетского звания».

Нетрудно понять, что, отрицая нашу шляхту как часть нашей нации, западнорусисты в первую очередь ОТРИЦАЮТ НАШУ ОТЧИЗНУ.

А самое смешное в том, что в мире нет ни одной страны, где бы дворянство не являлось частью своей нации. До такого маразма никто, кроме беларуских «идеологов», не додумался.

Во-первых, шляхта ВКЛ была не «особой кастой», а частью народа. В.С. Титов уточняет:

«Несмотря на известный консерватизм и социальные преграды, шляхта не представляла собой закрытую кастовую группу, и Статут в соответствующих статьях регулировал доступ в ее среду, оговаривал условия изменения правового статуса людей из других социальных категорий. В частности, Закон не запрещал шляхтичу жениться на девушке из простого сословия. Более того, отражая идеи Ренессанса, Статут признает подобный брак естественным, при этом подчеркивается, что шляхтич тем самым «облагораживает жену свою,

Вся нынешняя центральная Россия расположена на землях угро-финских племен, а ее жители — их потомки

так и детей своих с нею приобретенных, и таковые жены и дети их должны быть признаны настоящими шляхтичами».

Если жена, овдовев, решилась во второй раз выйти за простого человека, то она теряла шляхетское достоинство, но все равно дети от первого мужа оставались шляхтичами (Статут 1588 г., раздел 3, артикул 20).

Во-вторых, наша шляхта была не «литовской» или «польской», как врут западнорусисты, а этнически беларуской. В.С. Титов уточняет и этот аспект:

«По своему этническому происхождению абсолютное большинство шляхты на территории современной Беларуси относилось к местному славянскому населению – литвинам, в более поздней интерпретации – беларусам. По переписи войска ВКЛ 1528 г., средняя и мелкая шляхта беларуского происхождения составляла более 80 %, а в тогдашних Витебском, Гайнском, Городецком, Кобринском, Минском, Мстиславском, Новогрудском, Пинском, Рогачевском поветах – более 90 %».

В остальных поветах небольшую долю (10–15 %) составляла интегрированная в политический народ ВКЛ шляхта татарского, польского, украинского и московского происхождения.

Любопытно, что в представлениях западнорусистов не только наша шляхта не была частью беларуской нации, но также два других сословия ВКЛ – духовенство и мещане («городские обыватели» в статутах ВКЛ). Получается, что отрицаются как часть нации все те слои, которые – по Виктору Титову – «рассматривались как гарант независимости и суверенитета государства, носители его нравственных и интеллектуальных традиций».

А единственной «сутью нации беларусов» у западнорусистов выступает безграмотное крестьянство, потому что оно в плане национального самосознания являлось «табула раса» (чистой доской). То есть ничем. С позиций такого подхода носителем российского национального сознания является булгаковский Полиграф Полиграфович Шариков, тогда как профессор Преображенский – «инородный для нации элемент».

Что касается попыток западнорусистов очернить наш Статут как «закрепощающий» и «лишающий народ свободы», то профессор Виктор Титов дает ему противоположную оценку:

«Статут налагал определенную ответственность на господина за жизнь и судьбу людей тяглых, своей челяди. Статут разрешал дарение и перепродажу челяди невольной, однако запрещал господину выгонять ее из имения в годы неурожаев, эпидемий и голода. О случаях подобного самовольства пострадавшие должны были доложить местной администрации. Если же случалась подобная оказия, «когда кто во время голода челядь свою невольную выгнал прочь из дому, не желая ее кормить и содержать, а та челядь сама себя во время голода прокормила, таковые уже не должны быть невольными, но становятся свободными» (арт. 20, разд. 12). Личная свобода являлась высшей ценностью для лиц разных сословий и охранялась Законом».

А вот в Московии, которую так любят западнорусисты, не было ничего даже отдаленно похожего. Мало того, западнорусисты в своих выпадах против Статута ВКЛ противоречат сами себе: они одновременно называют Статут и «лишающим народ свободы», и «разлагающим народ чуждыми западными свободами». Простите, но одно другому противоречит и укладывается только в голо-

вах врагов ВКЛ, которым безразлично как именно обгадить ВКЛ – лишь бы очернить.

Статут ВКЛ опровергает еще одну выдумку западнорусизма – что, дескать, к нам понаехали поляки и стали тут панами. На самом деле все обстояло иначе:

> «Статут 1588 года весьма строго обходился с чужеземцами (в том числе поляками и немцами), создавал препятствия для их оседлости, права приобретать земельное имущество и занимать государственные посты: «Чужеземцам не должны даваться всякие чины и вряды, а пришлым людям с других государств не давать оседлости» (арт. 12, разд. 3., с. 366)».

Иностранец мог получить здесь права только в том случае, если присягал на верность великому князю и переходил в шляхетское либо мещанское сословие ВКЛ. То есть – ассимилировался. Тогда он из иностранца превращался в литвина, становился частью нашей нации.

Другой миф западнорусизма: что, дескать, беларусы массово бежали в Московию, «спасаясь от религиозного и национально гнета литовцев и поляков». На самом деле это московиты массово бежали к нам. Виктор Титов пишет:

> «Федеративное устройство и дух толерантности, свойственные новой европейской державе, мирный характер сосуществования различных этноконфессиональных групп (православных, католиков, униатов, протестантов, иудеев, мусульман, армян и др.) – все это создавало благоприятные условия для иммиграции в Литву переселенцев из соседних стран, в том числе – из Московии. Переселению способствовали усиление крепостничества и неограниченной царской власти, произвол царских опричников, от чего страдали не только крестьяне и мещане, но и бояре, служилые люди. С XVII века основную массу переселенцев из Московии составляли старообрядцы (староверы), не принявшие реформу патриарха Никона (1653-1655) и вынужденные спасаться от преследований. В Полоцкой и Виленской землях они представляли наиболее радикальное крыло этого движения (филиповцы, беспоповцы)».

Еще миф западнорусизма – что, мол, беларусы в ВКЛ якобы считали своим «братом» восточного соседа. А вот что пишет Виктор Титов:

> «Православные русины Литвы, потомки местных кривичей, находились в оппозиции к русинам московским, которых они называли москалями. Подобные различия двух сторон оппозиции распространялись на сферы сакральной архитектуры, религиозной обрядности, городское управление и повседневный образ жизни».

Ведь суть нынешнего западнорусизма и панрусизма в том и заключается, чтобы «записать литвина в москаля».

Ну, а главный концепт западнорусизма в отношении беларусов состоит в том, что беларусы – дикий туземный народ, не имевший никогда ни своей государственности, ни своей аристократии, ни своей свободы. Все это беларусам сначала даровал в XIX веке царизм, а потом великий Сталин. Мол, беларусы должны на них молиться.

На самом деле все было с точностью наоборот. Приведу еще одну цитату из очерка Виктора Титова:

«Статут ВКЛ соответствовал лучшим европейским образцам документов подобного типа. Он словно опередил свое время и свидетельствовал о высоких правовой культуре и моральных принципах наших соотечественников. Он базировался на глубокой национальной традиции и обычном праве, учитывал баланс интересов разных сословий, социальных и этноконфессиональных групп, вполне оптимально регулировал их взаимоотношения, высоко ставил личное достоинство человека, его права и свободу. Одновременно он обобщал и интегрировал в единое гармоничное целое многовековую практику местного и европейского законодательства. Фактически это была наша государственная конституция, одна из лучших и совершенных в Европе.

...Официальная концепция советской историографии утверждала, что период XV-XVI веков в истории ВКЛ был временем непримиримой вражды, деинтеграции, распада единой древнерусской народности. Однако многочисленные исторические документы, памятники духовной культуры, тексты действующих правовых статутов свидетельствуют не о распаде, а о культурном Ренессансе, об устойчивом процессе социального и конфессионального компромисса, о сближении разных групп населения и их интеграции в едином государстве.

Даже вырванный из привычного цивилизационного контекста в связи с утратой Литвой (Беларусью) независимости, Статут как идеальная модель правовой организации общества продолжал действовать в условиях Российской империи на протяжении более чем полувека, по-прежнему являясь образцом правовой культуры для многих стран и народов».

«Истинно русский» человек — московский купец Бурилин.

Мы тут рассмотрели только некоторые основные мифы западнорусизма о ВКЛ (Беларуси), а таковых много. И все они лживы. В том числе миф о Свидригайло Ольгердовиче, который у западнорусистов якобы за Москву восставал в ВКЛ, а на самом деле выступал против унии с Польшей в рамках своего союза с Тевтонским орденом, где он годами обивал пороги и клянчил деньги. Или миф западнорусистов о том, что, дескать, Кастусь Калиновский был не беларусом, а поляком. И т.д. и т.п.

Сверхзадача западнорусистов — отрицать созданную нашими предками великую европейскую державу ВКЛ. Великую во всех аспектах — и географическом, и военном, и цивилизационном. Этим своим поступком, по мнению западнорусистов, беларусы «предали Москву».

Разве не удивительно: создание беларусами своей национальной державы квалифицируется как «предательство» восточного соседа. И это несмотря на то, что держава литвинов-беларусов была создана в те времена, когда Москва являлась частью Орды — и не было еще известно, перестанет она когда-нибудь платить дань татаро-монголам и поднимется ли выше своего колониального статуса (т.е. перестанет быть улусом Великих ханов).

Борьба западнорусизма с «литвинизмом» Беларуси и «свидомитством» Украины — это этнокультурный вандализм. Именно вандализм, так как западнорусисты отвергают все достижения нашей локальной цивилизации более высо-

кого, чем в Московии, уровня. Отвергают наши Статуты, Магдебургское право, межрелигиозную терпимость, вообще САМ ТИП нашего человека, сложившийся за века эволюции в своей суверенной державе.

Так поступают только вандалы.

В плену иллюзий

Так что такое «панрусизм»? Это реакционная идеология великодержавия, взывающая к реалиям XIX века, когда царизм именовал русским этносом великороссов, малороссов и литвинов (позже — «белорусов»).

Сторонники панрусизма и западнорусизма хотят вернуть те реалии. Но упускают из вида два важных обстоятельства.

1. Эти реалии основывались на национальном угнетении украинцев и беларусов: их языки были запрещены царизмом, как были запрещены и национальные церкви, имевшие, кстати, намного более древнюю историю, чем юная московская.

Западнорусисты заявляют, что согласно царской и советской традиции главными их идейными врагами являются «литвинизм» в Беларуси и «свидомитство» в Украине. То есть национальные самоидентификации. Интересно было бы узнать, каким образом западнорусисты собираются сегодня бороться с «литвинизмом» и «свидомитством»? Запрещать «мову», как это делал царизм? Или сажать «неправильных» историков в лагеря, как делал Сталин? Без открытого прямого насилия западнорусисты не смогут навязать ни обществу, ни властям свои имперские концепты.

2. В начале XIX века наше население еще не обладало национальным сознанием, и абсолютному большинству было «до лампочки», как их называют — поляками или русскими. Мало того, по религиозному принципу в Беларуси католиков и униатов называли поляками, а православных русскими. Но это ничего не означало в национальном плане.

По мере развития промышленной революции и капиталистических отношений во второй половине XIX века стали формироваться нации украинцев, беларусов, летувисов. Смутная концепция царизма о «триединстве русского народа» потеряла смысл, ибо она столь же надуманна, как и аналогичная концепция поляков о «триедином народе Речи Посполитой» (из поляков, украинцев и беларусов). Если имеются свои язык, литература, культура, интеллектуальная элита — это самостоятельная нация, которая не может быть «придатком чего-то более высокого в иерархии». А сегодня ситуация вообще изменилась: нам во времена СССР 70 лет объясняли, что беларусы, украинцы и русские — разные народы, хотя и «братские». В школе детей учат, что беларуская нация окончательно сформировалась в 1920-е годы. Непонятно, как западнорусисты собираются доказывать массам, что мы не беларусы, а русские. Для всех понятия «Русь» и «русский» означают Россию и россиянина.

Хочу также напомнить, что концепт «триединого русского народа» был придуман идеологами царизма не абстрактно, а как фундамент российского самодержавия. Вторым фундаментом являлась государственная религия, воспев-

шая «помазанника божьего». Без самодержавия и без воспевания власти государственной религией — этот концепт теряет смысл.

Допустим на секунду, что западнорусисты и панрусисты добьются того, что беларусы и украинцы станут говорить: «мы тоже русские». А что дальше? Ничего. Потому что нет царской России, они не подданные царя. И адептами Русской Православной церкви являются на Украине и в Беларуси лишь сравнительно небольшие группы населения (основная масса — по факту атеисты, пусть охваченные религиозными предрассудками). Иными славами, смысл для объединения на основе якобы «общей русскости» отсутствует. И наоборот: в Европейский Союз страны входят не для того, чтобы утратить свое национальное лицо, это объединение не требует таких жертв ради интеграции.

В ЕС предложили наднациональный концепт «Мы европейцы». СНГ пока еще объединяет наднациональный концепт «Мы бывшие совки», хотя он стремительно выветривается. И абсолютно непонятно, что (или кого) способен объединять концепт «Все мы русские».

Идеологи говорят о том, что это — «альтернатива Западной Цивилизации», это какая-то «Восточная Цивилизация» и, в то же время, «русский мир». То есть, называя вещи своими именами, это Орда, переименованная в Россию. Мало того, этот «русский мир» откровенно называют Великой Россией. А врагами на идеологическом поле — Великую Украину и Великую Беларусь.

Но, простите, это не интеграция. Объединяются для общего величия, а не для величия лишь одной части объединения.

Приемлемый вариант единения трех частей

Представьте себе картину: поляки хотят вступить в ЕС, а немцы им говорят — только при условии, если вы себя объявите немцами (ведь были когда-то частью Прусского королевства). Кажется абсурдом? Но концепция панрусизма идентична позиции Гитлера в отношении лужицких сербов.

В 1940 году при Гитлере употребление серболужицкого языка было запрещено на бытовом уровне даже в деревнях, попутно был наложен полный запрет на лужицкую прессу, общественные организации и национальные праздники. В документах «Вендского отдела» Рейхсканцелярии сказано:

> «Серболужичане не являются национальным меньшинством в собственном смысле этого слова и не имеют собственной народности. Они составляют особую часть немецкой народности (...) Лужицкие сербы являются немцами. Отношение к лужицким сербам составляет внутригерманский вопрос, который не должен беспокоить Лигу Наций».

Как видим, тезис Гитлера «лужицкие сербы являются немцами» — аналогичен тезису панрусистов «беларусы и украинцы являются русскими».

Человек с нормальным умом, а не имперским, предложил бы другой проект для объединения Украины, Беларуси и России. А именно: мы все великие, и у каждой части своя великая история. В Украине — Древняя Киевская Русь, в Беларуси — Полоцкое княжество и ВКЛ, в России — Золотая Орда и Российская

империя. Объединение строится на уважении и почитании украинской свидомости, беларуского литвинизма, российского великодержавия. Мы вместе – «особая цивилизация».

Конечно, в нынешнем виде это похоже на лебедя, рака и щуку из басни дедушки Крылова. Но, во-первых, потому, что ордынское московство всегда душило национальные идеологии русинов и литвинов, считая их враждебными и чуждыми – еще со времен Ивана Грозного. А в ответ оно получало аналогичное отношение. А во-вторых потому, что западнорусисты и сегодня следуют традициям своих великих князей и царей.

Историю можно сравнить со стаканом, наполненным на 50 %. Его можно равно назвать и наполовину пустым, и наполовину полным. Вместо охаивания ВКЛ по старой традиции можно представить ВКЛ частью общей «русско-беларуско-украинской Цивилизации». Князья ВКЛ долгое время были православными, да и само ВКЛ это Великое Княжество Литовское (Беларуское) и Русское (Украинское). Русь присутствует в самом его названии, зачем же охаивать это русское государство, как делают западнорусисты?

Но по своему невежеству и глупости западнорусисты называют Великое княжество Русское (ту же Киевскую Русь, которая никуда не исчезла) «происками сепаратистов и свидомитов». Вот это и есть русофобия в чистом виде.

В нормальном проекте объединения надо не только отказаться от навешивания таких ярлыков (ибо оскорбляя соседей можно сразу ставить крест на идее интеграции), но и принять ментально-исторические ценности соседей как равные своим. И в таком объединении русские должны объявить беларуский и украинский языки САКРАЛЬНЫМИ (священными) для символического объединения этой цивилизации – абсолютно равными русскому языку (вместо того, чтобы обзывать украинский язык «клинописью», как это делает печально известный Михаил Задорнов). Мало того, Россия должна организовать изучение их в своих школах.

А столицей воссозданной Руси должен снова стать Киев – вовсе не Москва, которой в те времена просто не было. И, наконец, следует упразднить Московскую патриархию как главу РПЦ, вернуть Киеву патриархию и место центра РПЦ для «русского мира», ибо Киев (Матерь городов Русских) крестил Русь, вовсе не Москва.

Вот в таком виде панрусизм имел бы шансы на существование. Вот это я называю панрусизмом. А то, что навязывают западнорусисты – это панордызм или панмосквизм.

И последнее. Если бы в ЦРУ хотели придумать концепцию, подрывающую возможность союза беларусов, украинцев и русских, то ничего лучше не смогли бы выдумать, чем панрусизм и его часть западнорусизм. Западнорусисты льют воду на мельницу Госдепа США. И напротив, создание единой цивилизации «восточных славян» на базе общего наследия Киевской Руси, ВКЛ и Московии огорчило бы правящую элиту США. Но пока существует западнорусизм, никакого объединения трех этносов не будет, так как западнорусизм хочет подчинить и ассимилировать другие части «треугольника», что заведомо политический тупик.

Для нахождения «общего знаменателя» в «славянском треугольнике» абсолютно необходимо с равным уважением относиться к истокам всех его трех частей: к Киевской Руси (наследию Украины), к ВКЛ (наследию Беларуси), к Московии (наследию России). При этом Беларусь — не часть чего-то внешнего, а древнее суверенное государство, что для нас важнее всяких союзов.

Не имеет значения, как нас называть — ибо названий у нас за тысячи лет было много разных. Мы и гуды, и ятвяги, и дреговичи, и кривичи, и литвины, и беларусы. Мы и балты, и славяне — как кому больше нравится.

А главное то, что мы наследники двух ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ (Полоцка и Литвы) общим возрастом под 1000 лет. И соседи к нам никакого отношения не имеют, они — пусть уважаемые — сами по себе, а мы — сами по себе. Мы — не «кресы всходние» и не «западная Русь».

МЫ САМИ СВОЯ СТРАНА и СВОЯ НАЦИЯ!

ПОЧЕМУ МЫ НЕ СТАЛИ РУССКИМИ? (ЧИТАЯ ЗАБЫТЫЙ РОМАН)

Сергей ДУБАВЕЦ

Часть 1

Из поколения в поколение воспитываясь по-русски, на образцах русской культуры, в русскоязычной государственной и общественной системе, мы так и не стали людьми русской культуры, русской метафизической природы. Если бы это произошло, то, может быть, индивидуально, мы и не чувствовали бы себя ущемленными: меньшими, младшими, вторыми — то есть униженными. Просто одну свою национальную и человеческую полноценность мы сменили бы на другую, и уже во втором поколении «швы» бы разгладились. Белоруссика стала бы приобретением ретроспективных наук, как латынь, как античность... Но этого не произошло. Русскими мы не стали.

Я думаю, что дело здесь не в сопротивлении народа, который в массе своей особенно и не сопротивлялся и часто, хоть и не вполне осознанно, так и называл себя — русским. Правда, в последние годы ситуация с самоназванием решительно изменилась. Что лишний раз говорит о безуспешности двухсотлетней кампании русификации нашего края.

Дело и не в слабом напоре русификации — вся идеология, весь державный аппарат только и предупреждали любое проявление не национализма даже, а отдельной национальности.

Дело в другом. Суть его, между прочим, изложена в забытой книге, которая для меня стала открытием.

«Роман из общественной жизни западного края» Н. Ланской, который так и называется — «Обрусители» — вышел в свет в Петербурге в 1880-е годы (Мне попалось второе издание, 1886 года.) Вышел вполне официально в то время, когда многие авторы за подобные обличения могли заплатить свободой и жизнью.

(Хотя это, так сказать, общий взгляд на эпоху. Существует еще и частное мнение, согласно которому в 80-е годы петербургских либералов захватила чуть ли не мода посмеиваться над Муравьевым и чиновниками-обрусителями что так рьяно и — известное дело — тупо взялись за внедрение на Беларуси российской идеи).

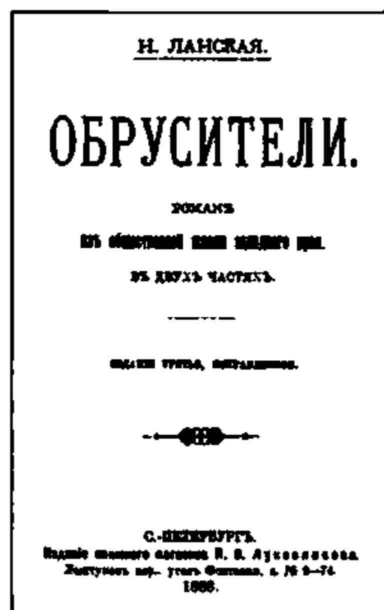

Перепечатка из журнала «Неман», 1994, № 1, с. 151–162.

Так или иначе, а легкость, с какой вышел этот роман, может быть объяснима тем, что обличения Н. Ланской – как бы из другой плоскости, ***в другом жанре.*** Автор никак не похожа на революционерку из числа поклонниц Герцена или Бакунина. Она не идеолог. Ее писания – как бы вне политики. В свое время они могли восприниматься как женские опыты в журналистике, письма недовольной провинциальной дамы.

Кстати, петербургская газета «Неделя» в № 4 от 25 января 1887 года так писала об «Обрусителях»:

> «Сюжет названного романа – деятельность русской администрации в западном крае... Мы не можем понять только одного: зачем это обличение написано в форме романа? Интереса собственно художественного оно, конечно, не имеет. Оно важно и интересно лишь настолько, насколько содержит, в себе действительную правду, так как это в сущности даже не картины нравов, а просто описание целого ряда «преступлений по должности». По-настоящему такое произведение следовало бы писать с документами в руках, а отвечать на него – назначением сенатской ревизии».

Н. ЛАНСКАЯ.

ОБРУСИТЕЛИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Несмотря на такую оценку, «Неделя» рекламировала «Обрусителей», и вскоре роман вышел вторым изданием, а перед этим, в 1885 году, был переведен и издан по-украински. В предисловии к львовскому изданию говорится:

> «Кождый добрый обыватель Галичины повинен вважати за свой святый політичный обовязок – показати австроугорским Русинам внутрешне житье родных им и исторично близких народен, а особливо показати им долю народу, що подбила Россія.
>
> Для того то й подаемо отсе в перекладе образ, представляючій долю народу белорускогo под панованем россійскім, урядованье тамошних институцій громадских, мировых судіев и властей політичных, названых там загально обрусителев, т. е. людей, котори хотели бы змосковщити, а притом ободрати зо всего все не російски народы в Россіи.
>
> Образ се правдивый, а зовсем несходный з деклямаціями россійских славянофильских комитетов и их прихильников...»

Выходит, что ***не тот жанр*** «Обрусителей» и послужил маскировкой, под которой – скорее всего, независимо от желания аполитичного автора – спряталась политика, которую сразу же использовал достаточно развитый в то время украинский национализм. Белорусский тогда лишь начинал оформляться в произведениях Ф. Богушевича – как бы «на том берегу», – в среде выходцев из польской культуры и католической веры. На «этом берегу» – были «западно-руссизм», более радикальный, но малоизвестный «Гомон» и совсем уж неизвестные сепаратисты.

Что до самой Н. Ланской, то, похоже, написав множество корреспонденций и жалоб, она исчерпала возможности документальных жанров и с верой в силу художественного слова принялась за роман. Дабы показать всю подноготную

приезжих администраторов. Возможно, роман как роман не удался, но показать – показала, привлекла внимание к проблеме русификации. Впрочем, ненадолго. Еще в прошлом столетии «Обрусители» были основательно забыты (в белорусской литературе они, кажется, вообще никогда и нигде не упоминались), как забыта была и сама писательница.

Что-то о Ланской я нашел в «Словаре псевдонимов...» И.Ф. Мосанова, во втором его томе (Москва, 1957). Там Н. Ланская – это псевдоним Надежды Владимировны Яковлевой, издавшей в конце прошлого века несколько книг публицистики и прозы, в том числе «Обрусителей». В «Неделе» она регулярно публиковала письма из Лоева, а также петербургские эскизы; новеллы... Еще более бегло вспоминается о Н. В. Яковлевой в словарях Н.Н. Голицына, А. Арсеньева, С.И. Пономарева*. И все...

Сама тема обрусительства позже, в 1920-е годы, будет основательно раскрыта Александром Цвикевичем в его труде «Западно-русская школа и ее представители»**. Правда, А. Цвикевич писал научные очерки об идеологии и идеологах из жизни столиц – Вильни, Варшавы, Петербурга, не вдаваясь в частности провинциальной жизни, которым посвятила свою книгу Н. Ланская. Тем не менее, авторы обеих книг в своем стремлении: первый – к эмоциональности, вторая – к документализму – достигают порой одинакового пафоса. Примеры этого я приведу позже, как и другие уместные дополнения и иллюстрации к Н. Ланской из А. Цвикевича; пока же обратимся к «Обрусителям».

Вопреки забвению, многие страницы этой книги сегодня воспринимаются вполне злободневно. Тогда, в конце XIX века все это было на слуху публики, искавшей в романе прежде всего художественную ценность, тогда это были актуалии, проблемы, которые лишь возникали, чтобы просуществовать в неразрешенности целое столетие и стать корнями уже наших проблем.

Итак, в начале 1860-х годов на Беларуси проводилась известная реформа, началось и закончилось восстание 1863–64 годов, сотни участников которого погибли, а многие тысячи были высланы либо подались в эмиграцию.

Одновременно происходил еще один, менее известный, но не менее грандиозный и значимый процесс. Население края в результате восстания и его подавления не уменьшалось, а наоборот, росло, как на дрожжах. То есть, если до 1861 года за 13 лет оно увеличилось на 17 тысяч, то за следующие 12 лет – на 675,5 тысяч (данные БелСЭ). Цифры впечатляют, но еще более впечатляет качество этого потока, о котором «Обрусителях» пишет Н. Ланская:

> «Посредник Лупинский приехал в западный край как раз вовремя. Несколько лет тому назад западный край был центром, куда стекалось великое множество людей великорусского происхождения преимущественно и православного исповедания не-

---

* Н.Я. Яковлева (1839–1914), в девичестве Ланская, автор романов «Обрусители» (1882), «Лавры и терния» (1884), сборника повестей и рассказов (1898), а также многочисленных очерков, печатавшихся в журналах и газетах. За роман «Обрусители» была привлечена к судебной ответственности; за роман «Лавры и терния», посвященный русско-турецкой войне 1877–78 гг. писательницу лишили пенсии, которую она получала за покойного мужа. – *Прим. ред.*

** Книга А.И. Цвикевича «Западно-руссизм: Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пач. XX ст.» была издана в Минске в 1929 г. Вторым изданием она вышла только в 1993 г., через 64 года. – *Прим. ред.*

пременно. В то время край представлял собою арену где, не рискуя ничем, можно было тысячу раз отличиться, выйти, что называется, в люди и затем, успокоившись на лаврах, произнести со спокойной совестью: мы обрусили.

Сюда стремились все те, кто был чем-либо недоволен у себя дома: всякий, кого обошли чином, местом или наградой, чей не приняли или возвратили проект, чье имение, вследствие новых порядков, пришло в упадок, а приняться за дело не было ни уменья, ни сил — все это спешило в западный край. Здесь стекались люди всяких профессий, возрастов и положений: молодые, старые, любившие пожить и прожившиеся вовсе, разочарованные в любви, обманутые в жизни и обманывавшиеся сами,— все стремились сюда с лихорадочною поспешностью. Если было много званых, было много и избранных.

Это был пир, на который шли все те, кому нечего было терять, у кого ничего не осталось за душой дома. Здесь можно было только выиграть, там уж нечего было проигрывать. Это была ежечасная эмиграция. Маниваший их стимул был таков, что мог расшевелить самого равнодушного и неподвижного человека, и действительно: равнодушные и неподвижные, за немногими исключениями, превращались здесь в исправных приобретателей...

Кроме того, человек, ехавший в этот провинциальный (!) край на службу, часто считал это таким со своей стороны подвигом, за который никакое вознаграждение не могло быть достаточным; такой жертвой, которую оценить надлежащим образом мог, разумеется, только тот, кто ее приносил. И хотя, в большинстве случаев, в жертву приносилась полуграмотность, если не вовсе невежество, свободное время, которое было некуда девать, пустой карман, который надлежало наполнить... а иногда и не совсем безгрешное прошлое — тем не менее иные считали себя благодетелями quand meme... Находчивым и смелым людям тут было раздолье; тут можно было сделаться помещиком без гроша; не купив леса, выгодно продать его, совершить какую угодно сделку, назваться чьим угодно именем...

Аттестатов никаких не требовалось: достаточно было приехать из России и заявить себя православным, чтобы получить право на такие льготы, права и преимущества, которые превращались в настоящий рог изобилия. Можно поэтому представить, какая масса разной дряни наводнила собой эти несчастные 9 губерний! Какой контингент лжи, низости, всяких обманов, подкупов, подлогов и нравственного растления принесла с собою эта православная армия алчущих и жаждущих, чающих и ожидающих! Как саранча, бросились они на готовые места, торопясь захватить все то пространство, которое было для них насильственным образом очищено; церемониться было ни к чему, и под видом обрусения и пропаганды православия эти завоеватели преследовали такие цели, которые не имели ничего общего ни с религией, ни с нравственностью, ни даже с политикой действительного обрусения...»

«Возбужденные» публицистические страницы книги сменяются спокойными, описательными и вовсе «бледными», собственно «романными», и я опускаю их, отдавая предпочтение общим, эмоциональным характеристикам:

«В то время — это было в шестидесятых годах — гроза только что стихла и в атмосфере начинали появляться симптомы чего-то нового, какие-то пришлые элементы: с востока повеяло новым духом. Прежде всего наехали новые чиновники в форменных фуражках; хотя это были люди не последней формации, но они привезли с собой семена новой флоры. Прежде, бывало, наезжал из казенной палаты какой-то господин в зеленом вицмундире — и все знали, зачем он приехал и что надо делать... зеленый вицмундир объезжал таким образом города, вверенные его попечению, и, получив должное, даже не заглядывал в лавки. Потом вдруг совершился переворот: при-

езжий из палаты бросался прямо в лавки — это было уже новостью,- осматривал, измерял, прикладывал печати, подводил статьи, даже параграфы статей, и хотя в результате система обвешивания и обмеривания оставалась та же, но дань получалась удвоенная... Затем наехали землемеры, мировые посредники разных фракций, акцизные чиновники, предводители дворянства по назначению «со стороны» и часто не дворяне и пр., и пр. Прокуроры и адвокаты были последним словом этого обновления...

Главной задачей было изменить то, что было худо, насадить новые семена и ждать плодов обрусения. Пока все это приводилось в исполнение, паны «будировали» по своим замкам; сбитые с толку крестьяне переживали разные направления, идущие из генерал-губернаторской канцелярии; догадливые евреи, смекнув своим безошибочным чутьем, на чьей стороне окажется право, учились говорить по-русски. Народилась новая культура.

В это время в пределах обетованного уезда появился Петр Иванович Лупинский».

По Ланской выходит, что Беларусь после реформы 1861 года и восстания 1863–64 годов, давшего повод к дискредитации и изгнанию прежних, нерусских панов и их администрации, напоминала Клондайк, золотой прииск. Правда — разработанный прииск, готовое место. И если на Клондайк ехали отважные авантюристы, то тут отваги не требовалось, сюда ехали мародеры.

Эмоциональный пассаж Ланской через полвека словно подхватит в своей научной работе, и сделает это не менее эмоционально, А. Цвикевич:

«Восстание /1863–64 гг. – *Ред.*/ и начатый после него разгром польской экономической силы в крае раскрыли перед этим классом самые соблазнительные перспективы. Высокие пенсии, наградные, ордена, возможность легко заработать и выдвинуться по службе, реквизиции по польским имениям и городам, бесконтрольный разгул всесильной администрации, которая объявила войну всему польскому, теплые места администраторов, судей, посредников, полицейских, учителей, наконец, вакханалия, начавшаяся в крае с насильственной ликвидацией польских имений, что продавались с молотка по казенной оценке и которые можно было купить при казенных займах за чужие деньги в рассрочку на несколько лет и без всяких налогов,- все это вместе взятое не могло не увлечь чиновной и поповской православной интеллигенции, и не оформить ее политического мировоззрения.

Муравьев знал, что делал, когда собственно на основе экономической заинтересованности задумал создать в крае свою социальную партию. В этом смысле он опирался не столько на крестьянство, как классовую силу, сколько на эту мелкобуржуазную армию чиновников и волостных писарей, которую он завлекал одновременно и идеей российской народности и российским рублем...

На этой почве и возникла в Вильне и вообще во всей Беларуси 60-х и 70-х годов та ядовитая, гадкая атмосфера, на какой пышным цветом зацвел политический «западно-руссизм»...

По степени своей экономической заинтересованности в русификации Беларуси, по шкурничеству, продажности, беспринципности «западно-руссы» Гаворского мало чем отличались от великорусских колонизаторов, для которых ничего, кроме голого денежного интереса, не существовало. Поставленное на почву фаворитизма, российское культурное землевладение в «северо-западном» крае совершенно логически развилось в аферу, спекуляцию, кулачество. О государственных и национальных интересах не было и речи. Каждый из пришельцев жаждал только что-нибудь урвать в крае

и скорее оставить его. Поляки часто бывали правы, когда говорили о примерах москальского варварства, которое приносили с собою эти культуртрегеры».

Заметим, что этот многотысячный наплыв и не мог быть иным. Ведь речь идет не о стихийном переселении, а о сознательно вызванной и организованной колонизации, которая была регламентирована десятками и сотнями инструкций, предписаний, законов.

Здания постройки XVIII века в центре Лоева

Далее А. Цвикевич пишет:

«Временные правила для народных училищ Северо-Западных губерний», изданные Муравьевым 1 января 1864 года, поставили школу на совершенно неслыханную основу. Новый закон определенно не доверял местному учительству, независимо от того, было ли оно католическим или православным. Таким доверием с его стороны пользовались только «истинно-русские учителя», настоящие великороссы из внутренних великорусских губерний, на которых не лежало и тени чего-либо здешнего и симпатии к краю.

Во-вторых, новый закон делал твердую ставку на православное духовенство, опять-таки из центральных великорусских губерний, на которое была возложена задача высшего нравственного руководства народными школами на Беларуси».

Вот интересная деталь:

«Несмотря на приглашения и вызовы через попечителей и через газеты, долгое время не появлялось охотников занимать места в Западном крае,– жаловался начальник Виленского учебного округа И. Корнилов и объяснял,– служба в Западном крае требует от русского большего труда, энергии и такта, чем в центральных губерниях. Сама жизнь в уездном городе или в бедном местечке, вдали от всего родного, среди людей, чужих по вере и по убеждениям, а очень часто просто враждебных, является малоутешительной. Вне службы жизнь российского чиновника, полная тревоги и неприятностей, ограничивается узкими рамками семейного или товарищеского кружка»*.

А. Цвикевич продолжает:

«Единственной возможностью приманить сюда на службу великоросса было дать ему как можно большую пенсию. Деньги – вот чем вместо прежней идейности и патриотического служения интересам империи начали привлекать Муравьев и Корнилов российское учительство и чиновничество... Программа «обрусения Беларуси» с этого момента ясно определилась не как культурная или национальная задача, а как узко экономический, попросту сказать, шкурный интерес тех «деятелей», что начали с 1864 года ехать на Беларусь на теплые места, на двойные пенсии, награды, подъемные, ордена и т. д.

---

* Иван Петрович Корнилов (1811–1901), имевший чин тайного советника, был попечителем Виленского учебного округа в 1864–68 гг. – *Прим. ред.*

Понаехало этих «деятелей», надо заметить, необычайное множество. «Толпы тех, что находились ***при*** (ген.-губернаторе) и ***по*** (управлению краем), с каждым днем все увеличивались», – пишет в своих воспоминаниях А. Мосолов, чиновник особых поручений при Муравьеве. Работы для них в самой Вильне не хватало, и многих посылали по местам просто без определенного назначения, в распоряжение губернаторов. Стремление этих господ к службе было огромно – каждый ехал сюда либо для того, чтобы проложить дорогу по службе, либо для того, чтобы исправить прежние ошибки и неудачи. На провинции, рассыпавшись по глухим уголкам Беларуси, вся эта чиновная сила действительно чувствовала себя не слишком хорошо – должна была жить во враждебном окружении и от тоски, как говорят, «пила горькую» и играла в карты.

Наплывая из глубины России с единственной целью – напихать себе карман – и не имея абсолютно ничего сдерживающего, вся эта орава чиновников, полицейских, посредников, учителей, а то просто офицеров тех бесчисленных жандармских и казачьих постоев, которые тучей покрывали после восстания «умиротворенную» Беларусь, – внесла в край необычайный нравственный распад, осквернила и обесчестила общественную жизнь в самых основах.

«Единственным счастьем для края, – пишет об этих временах один из современников, – была чрезвычайная жадность этих псевдопатриотов к деньгам. Только во взятке можно было найти себе в то время спасение от этой власти; нужно было откупаться во все стороны, чтобы избежать обысков, ревизий, скандалов, которые оставляли после себя следы полного опустошения». Только в редких случаях попадали на Беларусь люди общественно честные, желающие действительно служить делу, а не деньгам».

Самым крупным зданием в Мозыре 60-х гг. XIX века был Бернардинский монастырь с костёлом

Но прервем пока цитирование А. Цвикевича и вернемся к забытому роману. Тем более, что картина – усилиями двух авторов – написана впечатляющая. Ниже мы попробуем проанализировать – что же это все-таки было, как следует квалифицировать этот наплыв, это нашествие. До сих пор Н. Ланская представила нам только одного героя своей истории.

Часть 2

«Он приехал в этот далекий край завоевать себе состояние, положение, сделать карьеру; он слыхал, что западный край был золотым дном для находчивых людей, а он, Петр Иванович, был несомненно находчив.

Петр Иванович был человек умеренный, особенно сначала, когда взяточничество, утратив деликатную форму добровольной сделки, превратилось здесь в бесцеремонный побор. Петр Иванович был настолько строг к самому себе, что довольство-

вался арендной платой с какого-то конфискованного [!] имения, что в ту пору было поистине гражданским воздержанием».

Таким образом, нам известен главный герой, и теперь посмотрим, куда же он прибыл.

«Недалеко от исторического Витязь-озера, в непроходимой глуши лесов, расположилась со своими деревнями одна из больших волостей Полесья, под названием Волчья».

Витязь-озеро — это в реальности Князь-озеро в нынешнем Житковичском районе. Во времена Н. Ланской это Мозырский уезд Минской губернии. Дополняют топографию упоминания Турлова (Турова), Мелешковичей — деревни на пути из Мозыря в Житковичи, Юрьевичей (Юровичей). Губернский Минск назван в романе Болотинском.

Н. Ланская весьма критично описывает состояние края. Заметим — не своего края. Взгляд ее поверхностен, как если бы она с той же, свойственной ей критичностью, писала о Грузии или Дальнем Востоке:

«Леса, например, этот клад, который на западе берегут как зеницу ока, — уничтожаются в уезде самым варварским образом».

Или вот — о Припяти, на которой стоит Мозырь:

«У людей предприимчивых эта река принесла бы миллионы, но у нас она год от году мелеет... Горы и река — эта краса, это богатство края — пропадают даром...

В социальном отношении это было самое невзыскательное место на всем земном шаре, без всяких претензий на какие бы то ни было современные усовершенствования и удобства».

Последнее сказано уже о Мозыре — «городке в полном смысле еврейском».

«В городе было несколько домов, которые составляли свой кружок, где хранилось ядро общественного мнения. Первым считался дом Лупинских...

Они, разумеется, не выписывали ни книг, ни журналов, запирали на ключ всякую дрянь, вычитали с прислуги за каждую разбитую тарелку и пропавшую салфетку, но гостей принимали с достоинством».

Так от характеристик края автор переходит к характеристикам людей. Портреты жителей города — градоначальника, судьи и прочих, их нравы и уклад жизни — словно списаны с известных типов советских времен. Впрочем, вся русская литература XIX века словно бы специализировалась на советских типах, что, видимо, и обеспечило такое внимание к ней именно в советское время.

Однако на первом месте в романе все-таки крестьянские типы. «Православные имели церковь, переделанную из костёла...» Но в основном крестьяне — это крестьяне-униаты. Они у Н. Ланской примитивны, лубочны, неинтересны, но именно с ними связана завязка романа — история крестьянского бунта в Сосновке — деревеньке из той самой Волчьей волости.

Описание крестьянина-аборигена без какого бы то ни было отождествления себя с ним и проникновения «в него» позволяет уточнить жанр произведения — это русский колониальный роман. В отличие от российского крестьянина, этот

не называется и не признается «нашим», «своим», субъективно никак не выявляется да и говорит на не очень понятном языке.

Мужик у Ланской — при всей ее внешней симпатии к нему — бедный, голый, дурной.

> «А между тем эта бедность, эта голь неприкрытая составляла ту силу несметную, которая кормила, поила и одевала бесчисленное число тунеядцев, оставаясь в то же время тупой, невежественной, покорной, полуодетой, полуголодной. Эта сила умела только давать... Мужик имел одно неотъемлемое право: он имел право платить всякому, даже не спрашивая, за что он платит...»

Причиной бунта стало наказание крестьянина Макара Дуботовки, который

> «...в Сосновке родился, жил и кое-как работал... У Макара Дуботовки была совсем кривая старая изба, и надо было удивляться, как дождь не размыл, как ветер не разнес этих ветхих, разъехавшихся во все стороны бревен... Макар Дуботовка был мужик смирный, задумчивый и вялый; он носил на голове колтун, ходил в теплой шапке зимой и летом, и по праздникам посещал шинок, где... под влиянием водки... становился решителен и смел... Платил подати беспрекословно, работал не рассуждая, боялся волостного старшины хуже черта... напившись же, не признавал властей и готов был лезть в драку с кем угодно».

А занимался Макар починкой дороги, так как «сам губернатор едет». Многие крестьяне откупились, а ему нечем.

> «Починка дорог, составляя здесь натуральную крестьянскую повинность, была совершенно ненатуральна в своем отправлении. Дорожные участки были распределены таким удивительным способом, что крестьянам приходилось отправляться в отведенные им места за 70, 80 и даже 100 верст». Обычно крестьянин, чтобы как-то уклониться, сдавал свой участок за плату жиду, а жид, «получив квитанцию в исправном состоянии путей, оставляет дороги на произвол всех стихий...»

Однажды случилось так, что Макар отказался ремонтировать дорогу. Старшина Кулак избил его и посадил в холодную, где Дуботовка и помер. Вот из чего, собственно, и вышла вся история.

В селе появляется «подбухторщик». Это крестьянин дядя Гаврик Щелкунов возвратился из солдат.

> «В речах Щелкунова многое было не только новостью, многое было диковинкой для крестьян: им как-то не верилось, что в той далекой «Россее», откуда пришел он, солдат, есть посредники, которые не дерутся кулаками, мужики во многих местах обсуждают свои крестьянские дела сообща, миром и старшин выбирают сами.
>
> Они полагали, что Петр Иванович существует только затем, чтобы делать сметы и раскладки, собирать подати и недоимки, отдавать в рекруты, а больше всего затем, чтобы распределять то количество розог, которое ежегодно отпускалось на волость, подобно тому, как отпускается из казначейства жалование или из кухмистерской обеды. Слова мировой посредник сливались у них как-то неясно со словом закон... Для местного крестьянина нет страшнее слова закон... И чем менее он понимает, чего закон от него требует, тем сильнее он его боится... Это отлично поняли те ловкие местные эксплуататоры, которые построили на его невежестве, простодушии и беспомощности свою финансовую систему».

Крестьяне продолжают беседовать в корчме.

«— Ну, ты этого, дядя, не кажи, — вступился Степан Черкас, — во всех так. Вот намедни дядя Боровик из Малковской волости сказывал, что у них страсть что делается: посредник, говорит, аж чистый зверь. Взял он это, братцы, большущее имение на аренду, ну и хочется ему деньги с прибытком вернуть... Обложил, говорит, барщиной, вздохнуть не дает, и чуть что — сейчас к себе на конюшню: сам покуривает, а тебя дерут... И пьет же шибко, сказывают: водку, говорят, ведрами с графского завода доставляют... Вот, говорит, вам, подлецы, закон, а сам кулак показывает.

— Отколе он такой? — спросили в один голос Бычковы.

— Из «Россеи».

— Там, значит, братцы, таких не требуется! — сострил Хмелевский, и все засмеялись.

...после целого ряда поучительных бесед Щелкунов добился того, что крестьяне сочинили жалобу на безбожные поступки еврея-арендатора Цаплика... и с великими предосторожностями отправили ее в главную контору княжеских имений».

Безрезультатно.

«Старшина Волчьей волости Сидор Тарасович Кулак... распоряжался имуществом, трудом, честью и даже, можно сказать, жизнью нескольких тысяч людей... в его арсенале исправительных и карательных мер, кроме произвольных штрафов, арестов и розог, был еще и собственный здоровый кулак, его однофамилец...

Как-то раз избитые мужики вздумали пожаловаться посреднику, но тот их вытолкал и слушать не стал; мировой съезд хотя и выслушал, но ничего не сделал, а губернское по крестьянским делам присутствие, руководствуясь, конечно, законом, передало жалобу тому же исправнику, на которого жаловались».

Мужики решают «законным путем» в очередные выборы перевыбрать плохого старшину Сидора Тарасовича Кулака.

«Подождем до срока, теперь уж недолго! — сказали сосновцы и стали ждать срока. О принятом решении оповестили соседние деревни. Крестьянский мир тихо волновался, готовясь выразить свое неудовольствие и, в случае надобности, дать отпор».

Старшина Кулак о крестьянах-выборщиках говорит так: «Их желаньев-то не больно кто спрашивает». А посредник «Петр Иванович и без того уже решил, что, кроме Кулака, не будет старшиной никто другой». И вот — сама процедура выборов:

«— Ну, вот что, ребята,- говорит ласково посредник. — Голоса между вами разделились, так чтобы не было никакого сумления,- подделывается он под крестьянскую речь, — сделаем вот что: пусть те из вас, которые хотят старшиной Сидора Тарасовича, становятся направо, понимаете?, а те, которые хотят кого-нибудь другого, пусть становятся налево...

Почти вся толпа, за исключением родственников и приятелей Кулака, переходит налево... Посредник не сказал ни слова: повернувшись на каблуках, будто делая пятую фигуру кадрили, он прошел между рядами разделившихся крестьян с одного конца на другой, и та сторона, что была от него налево, естественно стала правою: Сидор Тарасович Кулак был выбран в старшины огромным большинством, о чем тут же составлен приговор».

Бунт тем не менее продолжал тлеть, несмотря на эти выборы и на то, что «подбухторщика» Щелкунова выгнали из волости, а остальных высекли...

Но вернемся к колонизаторам, в среду, которая для Н. Ланской и «наша» и «своя», которую она критикует до уничижения, но при этом и знает лучше, и себя от нее не отделяет.

«...когда избрание на должность предводителей дворянства было заменено назначением их, Петр Иванович попал в предводители уездного дворянства, сделавшись в то же время председателем съезда мировых посредников. Эти два одновременные повышения чрезвычайно подняли его в собственных глазах. Перед этим он лихорадочно работал: он вдруг пропадал на несколько дней, и в городе проходил слух, что он ездил в губернию и играл в ералаш с самим Степаном Петровичем. Степан Петрович был фат, многие выражались о нем еще резче, но он знал все привычки и слабости его превосходительства Михаила Дмитриевича, и поиграть с Степаном Петровичем в ералаш было все равно, что получить награду; проиграть ему было еще выгоднее.

Назначенный после губернского ералаша предводителем дворянства, Петр Иванович тотчас же переменил все аллюры: вместо кухарки-бабы взял повара, повесил в гостиной новые драпри, выписал жене рояль и детям бонну. Он даже собирался выписать бильярд, находя игру на бильярде весьма полезной в гигиеническом отношении, но почему-то отложил, решив предоставить заботу о своем здоровье местному клубу.

...вместе с правом именоваться «паном маршалком», добился привилегии дворянского мундира, что для него, человека маленького и незаметного, с отсутствием видных предков, было чрезвычайно поощрительно.

...он облекался в мундир, привешивал шпагу, которую евреи величали «шаблей», украшал свою грудь орденами и, стоя с серьезным лицом перед зеркалом, приказывал подавать лошадей.

...он чувствовал себя таким счастливым, что готов был подать милостыню каждому нищему, хотя и слыхал, что это противоречит ученым теориям политической экономии.

К чести Петра Ивановича, надо заметить, что он поддался искушению не вдруг, уступал шаг за шагом, но, раз решив в принципе, что не брать нельзя... он уже не мог остановиться».

Тем временем на место Лупинского посредником в Волчью волость был назначен Михаил Иванович Гвоздика, который «приехал в западный край с решительным намерением нажиться». Этот Гвоздика ссорится со своим приятелем, опять-таки из-за Кулака, и приятель подговаривает крестьян Сосновки против Кулака.

Тем же временем изгнанный Щелкунов «дошел до Петербурга». Оттуда в Сосновку прислали запрос, на который местный писарь ответил, что Щелкунов... «человек... вроде как бы не в своем уме и приключилось ему это повреждение от водки...»

А что в это время крестьяне?

«Они решили, миновав посредника, написать просьбу и на этот раз нести ее в губернию самим. Это было дело трудное и даже опасное, потому что Гвоздика не допускал в своем участке никаких отлучек, и ослушники, как настоящие дезертиры, карались самым строгим образом...»

Все-таки не удержусь от сравнений и вспомню в этом месте о беспаспортном режиме в деревне, о военизированной мирной жизни... Не при Сталине это началось. Как, впрочем, и все, что было при Сталине.

«Старый, но еще видный из себя статский генерал Михаил Дмитриевич Столяров удостоил их выслушать, улыбаясь непонятному говору крестьян.
— Quel jargon! — обратился он к Степану Петровичу Овсянскому.
— Impayable! — ответил тот, ничего не слыхав...»

Несколько позже в салоне Степан Петрович вспомнит об этой аудиенции:

«— И потом этот польский язык, который я, разумеется, опускаю, как совершенно невозможный для передачи».

Аудиенция также не принесла никаких результатов, и наконец бунт созрел. Крестьяне кучей наваливаются на Кулака, срывают с него медаль, отбирают печати. Все уездное начальство едет в Волчью. О Кулаке они говорят — «не принял решительных мер».

Приехав первым в Сосновку, исправник Кирилл Семенович Уланов

Беларуские крестьяне 60-гг. XIX века

«...начал с того, что немедленно послал в соседнее местечко за старой водкой, потом созвал крестьян и, никого и ничего не слушая, надел на Кулака медаль, провозгласив его первым старшиной в губернии. Бунтарей заковали в кандалы, а прокурор резюмировал: «Вы говорите: правда — как будто уж лучше правды и выдумать ничего нельзя?»

«В тот же вечер в «губернию» была послана эстафета, сообщавшая о благоприятном исходе бунта, а на другой день комиссия отправилась в обратный путь».

Вот тут-то и появляется в романе «третье лицо» — Татьяна Николаевна Орлова, провинциальная дамочка с обостренным чувством справедливости. «Орловы — люди в этом крае новые — отличались независимостью мнений и строгой замкнутостью своей жизни». Несомненно, что Орлову Н. Ланская списывала с себя.

«Татьяна Николаевна, с величайшей горячностью принимавшая к сердцу участь крестьян, ждала прибытия комиссии с болезненным нетерпением. Она прожила в северо-западном крае шесть лет и все ее симпатии легли на сторону белорусского племени, этого смирного, добросовестного, немного ленивого, терпеливого и невзыскательного племени, которое с такой безропотной покорностью несло тяжелое бремя своей жизни».

Белорусы здесь для нее — еще племя. Точнее — уже племя. Свои администраторы, политики, интеллигенция этого племени либо уничтожены «присоеди-

нителями» в боях, либо, оставив край, подались в Польшу и далее, где ополячились, офранцузились и т. д. Массово «обрусевших» еще не было, еще не выросли. В крае запрещены университеты, повешен дамоклов меч сепаратизма, новая администрация преподает свои «уроки восстания»...

> «Она знала, что только доведенное до крайности притеснение могло истощить терпение этого терпеливейшего народа настолько, чтобы вызвать его на отпор».

Замечательная деталь. Сколько еще будет сделано для поддержания этого стереотипа «терпеливейшего народа» впоследствии! Белорусы — самые скромные, смиренные, безответные. Словно сам наш патриотизм — это культ собственного убожества. Мол, нас не поймут, не признают за белорусов, ежели не стерпим, не промолчим, ежели высунемся. Так воспитывался этот культ лжи, подобострастия, иждивенчества, комплекс младших...

Результаты комиссии не удовлетворяют Татьяну Николаевну, и она решает разобраться во всем сама.

> «Собрав положительные сведения и цифровые данные, заручившись некоторыми официальными документами, Татьяна Николаевна облегчила свое горе тем, что приготовила корреспонденцию в одну из петербургских газет и написала письмо губернатору...
>
> Прошло две недели. О происшествии в Волчьей волости стали понемногу забывать. Гвоздика по-прежнему производил суд и расправу. Кулак был возвращен к должности старшины, а шестеро обвиняемых крестьян сидели в остроге, искупая чьи-то чужие грехи».

И тут, словно гром среди ясного неба, — вот она, роль средств массовой информации! — письмо Татьяны Николаевны в газете.

> «Петр Иванович, ударив себя по лбу, воскликнул: — «А что я говорил!» Впрочем, он немедленно успокоился, найдя, что сведения, сообщенные в корреспонденции, не только не компрометируют его, но даже выставляют в весьма выгодном свете».

По публикации назначена ревизия. К ним едет ревизор! Но никто не кричит: «Как — ревизор?!»

> «Гвоздика, бывший в приятельских отношениях со всеми губернскими чинами, отправился его встретить на первой станции, и вместе торжественно и дружно совершили они въезд в уездный город».

Лупинский говорит Орловой:

> «— Что же я могу сделать... Нет-с, Татьяна Николаевна, пока начальник губернии прежде всего стоит на том; чтобы «не дискредитировать власть»... до тех пор разные Гвоздики... как у Христа за пазухой... Вы пишете корреспонденцию, я предоставляю его превосходительству факты, а ревизующий от присутствия член находит, что корреспонденция раздута, и в волости все благополучно... А все для того, чтобы «не дискредитировать власть».

Вот ведь он вроде бы и искренен, и иронизирует, понимая весь идиотизм такого устройства. Сколько же таких, как он! А менять они ничего не хотят. Наоборот, они стремятся как можно лучше изучить правила этой игры и стать ее виртуозами.

Смерть исправника. Деталь из чиновничьей жизни. Н. Ланская пишет о дочери исправника:

> «Она думала о своей молодой жизни, иногда утирала слезы, соображая, как лучше сделать оборку, куда пришить бант, и когда утром знакомые и сослуживцы покойника собрались на парадную панихиду, она вошла в глубоком трауре и очень интересная».

Знакомого из русской литературы XIX века сарказма здесь все-таки меньше, чем «женского взгляда». О чем свидетельствует и упомянутая лубочность крестьянских типов, и многие эпизоды мещанского быта, близкого и желанного Н. Ланской, но которые она, как автор социального романа, позволяет себе лишь изредка, как, например, вот:

> «...на углу главной улицы открылся модный магазин «пани Липской», с заманчивой вывеской, где дамская шляпка походила издали на мужское седло, а шиньон с локонами напоминал пучок вместе связанных колбас».

Это, кстати, эпизод уже из второй части романа, где основной сюжет понемногу иссякает, а перо автора все более места заполняет описанием все новых и новых типов прибывающих обрусителей.

> «Со времени «бунта» в Волчьей волости прошло полтора года, и в уездном городе многое изменилось: прибыли новые люди, ушли со сцены некоторые из старых, и печальная история «прискорбных недоразумений», как было официально озаглавлено происшествие в Сосновке, почти всеми забылась.
>
> Простоватого посредника Грохотова, не умевшего даже поживиться как следует, заменил прибывший из Вятки или Перми г-н Шнабс, поживлявшийся уже решительно всем».

А что же главный герой?

> «...бедному «пану маршалку» недоставало самой малости: спокойной совести — и этого решительно негде было взять!.. Теперь у него была одна задушевная мечта: прослыть за честного человека».

Н. Ланская явно симпатизирует обрусителям ««первой волны», видимо, — своей волны. И явно недолюбливает тех, кто приехал позже. Ведь она и ее приятели здесь уже почти местные, прижились за два-три года, А эти, лупинские какие-то, понаехали без году неделя, а занимают начальственные кресла. И еще, наверное, этой разницы в два-три года умышленно не замечают. И взятки берут!.. Похоже, именно такое раздражение, такая нервность водит рукою автора. По крайней мере, она стимулирует больше, чем обида за обделенных крестьян.

> «Петр Дмитриевич [Колобов] принадлежал к эпохе первых реформаторов Полесья; он служил в проверочной комиссии при Якушкине и тех первых посредниках, которые, прослыв «красными» в глазах «ясновельможных», впоследствии прослыли чуть ли не сумасшедшими, когда настало другое время и пошли другие взгляды. Тогда времена менялись быстро: то с мужиком носились, как ни весть с какой драгоценностью, мужика сажали, рядом с паном, даже выше, ему не только возвратили его образ и подобие, его вознесли, его почти открыли... Пан имел право только соглашаться, чаще всего его даже не спрашивали; мужику, напротив, внушили, что он может требовать, и его не только слушали, ему подсказывали.

Это было почти как на театре и также скоро кончилось...: явились другие люди, сверху пошли другие циркуляры, поиграв с мужиком, ему, как в сказке о рыбаке и рыбке, опять оставили одно дырявое корыто... Пошла переоценка земли, леса, угодий, и у мужика отняли то, что он начал было считать своим. Долго ли сбить с толку темного, безграмотного человека? Когда, отнимая, ему сказали, что это делается на законном основании, он стал совершенно в тупик, потому что на том же самом основании ему давали. Кое-где он вздумал даже упираться и бунтовать...

Расходившегося мужика поспешили унять... нагайками и штыками, потом его и совсем закрепостили, заменив старое ярмо барщины, которому всё-таки предвиделся когда-нибудь конец, ярмом чиновничьего произвола, которому и конца не было видно. Тогда, почуяв добычу, явились на службу обрусения Лупинские, Гвоздики, Ванины, Болванины, Акулы, Овсянские, Ля-Петри, Свистовские и, наконец, Столяровы. Словом, целый легион хищников-обрусителей».

«...неприятность корреспонденции усиливалась еще тем обстоятельством, что в Болотинск только что прибыл новый губернатор, про которого ходили такие слухи, что из конца в конец вся Болотинская губерния вздохнула о блаженной памяти уволенного Михаила Дмитриевича — «Умел взять — умел и другим дать!».

Начались увольнения.

«В то время ходил еще весьма распространенный слух, будто самое назначение это состоялось с целью очистить воздух Болотинской губернии — и это аллегорическое выражение было понято всеми в надлежащем смысле. Впоследствии все это так и осталось на степени аллегории; но тогда с умилением рассказывали, что новый губернатор принял даже какую-то бабу на самой дальней волости и, по ее жалобе, немедленно назначил строжайшее расследование».

На группу прогрессистов, сплотившуюся вокруг Орловой, после того, как она заговорила о взятках Лупинского, посыпались доносы от группы Лупинского.

«Вслед за грязным, бессмысленным и лживым доносом на Зыкова явился донос на Шольца, которому ставилось в вину немецкое происхождение и сомнительность его брака; на Колобова, обвинявшегося в распущении каких-то, волнующих общество, слухов; на Комарова за противодействие и оскорбление полицейской власти; на судью Натан Петровича за какую-то игривую надпись, сделанную им на бланке и, наконец, на Орлова за непосещение им храма Божия в торжественные дни, что, как было сказано в доносе, «возмущало патриотическое чувство русских людей».

Такие вот «вечные темы». Представляете?

А жена Орлова в сердцах говорит:

«Ах, негодяй! Да я про них роман напишу! Да так и назову: «Обрусители».

Воистину непредсказуемы пути, которые доносят до нас правду давнего времени!.:

Наконец, «пан маршалок» поехал жаловаться куда-то так высоко, что захватил с собой все деньги. Но правое дело, как это водится, все-таки победило. И еще через два года Лупинского отдают под суд...

Часть 3

Выбравшись, таким образом, из фабулы романа, перейдем, вслед за Н. Ланской, и А. Цвикевичем, к обобщениям, к механизму обрусительства в целом, к ответам на поставленные в ходе чтения вопросы.

А. Цвикевич цитирует К. Кауфмана*, заместителя Муравьева, сменившего впоследствии его на посту генерал-губернатора края:

«Все мероприятия, влекущие в Западный край российский народ, российское просвещение, российские капиталы, одинаково нужны и полезны во исполнение высочайшей воли обрусения края».

А. Цвикевич продолжает:

«По плану Муравьева, этой цели должны были служить систематические мероприятия власти как в области административной, экономической и религиозной, так особенно в области культурно-общественной и просветительской. Вместе с выпиской из центральной России полицейских, урядников, великорусских попов и целой тьмы «истинно-русского» чиновничества, вместе с сохранением в крае военного положения и массы войск, — началось насаждение на Беларуси российской школы, книги и прессы».

Как это насаждение происходило на местах?

«Вестник Западной России» обратился с призывом «к свежим русским людям, которые прибывают в Западный край для деятельности на пользу коренного здешнего народа», где просит дружно помочь великому народному православно-русскому делу... Во всех уголках Западной России довольно найдется российских рук и голов, чтобы настойчиво сделать это дело, — исторической, политической и религиозной сознательностью доказать, что мы здесь «исконные владыки».

Западнорусист
Ксенофонт Гаворский

Обратим внимание на этот эпизод. Кому — доказать? Поверженному краю, который, утратив свою субъектность, превратился на время в молчаливый фон деятельности новых властей? Западу, которому Россия не слишком старалась что-либо доказывать? Да нет. Себе! Для себя самой она искала оправдания своей насильственной и слишком уж безнравственной политики. Она сама — голосами своих прогрессистов — осуждала и высмеивала «обрусителей», увязнувших в «Западном крае». И она же — голосами Гаворского и ему подобных — оправдыва-

* *Генерал-адъютант Константин Кауфман (1818–1882) с 17 апреля 1865 по июль 1867 года был Виленским, Ковенским, Гродненским и Минским генерал-губернатором* и одновременно командующим войсками Виленского военного округа. Именно он инициировал принятие закона от 10 декабря 1865 г., запрещавшего лицам польского происхождения покупать имения в Северо-Западном крае и об обязательной продаже за 2 года всех имений, секвестрированных во время восстания 1863–64 гг. — *Прим. ред.*

лась, доказывала*. И тогда доказывала, и прежде, и потом. Именно из этих оправданий и составлена целая идеология, внушение всяческих братств, единств и исконностей.

«Босота; сволочь, пустая ноздревщина, непроходимая семинарщина, отребье местной жизни» — вот эпитеты, которые посыпались из петербургской прессы на Гаворского, когда Муравьева сменил Кауфман, допустивший, по свидетельству современников, необычайный разврат среди российских чиновников, и когда за Кауфманом пришел А. Потапов**.

Редактор петербургской газеты «Вести» Скорятин писал:

> «Главным тормозом, сдерживающим в Западном крае российское дело, — является пролетариат, состоящий из чиновников, прибывших сюда на службу по призыву власти... те вредные босоногие патриоты, которые принесли на алтарь отечества в жертву свою нищету для того, чтобы суметь пристойно одеться, а будет возможность — и разбогатеть».

Генерал Константин Кауфман

Генерал Александр Потапов

Но это все лишь идеологический аспект — школа, церковь, «краеведение»... Основу же обрусения составила политика новых властей в области землевладения. Вот что об этом пишет Н. Ланская:

> «В это время всех чрезвычайно занимал исход так называемого Ловишинского дела, представлявшего собой яркий образец той системы, которая, строя принцип обрусения на крупном землевладении, проводила его в жизнь продажею конфискованных имений, лесов и угодий на таких льготных условиях, что собственно термин продажа употреблялся тут скорее в виде простого приличия, нежели для определения самого факта.
>
> То был период крупных подачек, разных пожалований, беззастенчивых приобретений и наглых вымогательств; тогда была возможна самая произвольная перетасовка испокон века установленных прав собственности, и авторитет закона подкреплял такие сделки, которые были явным нарушением всяких прав».

---

* Ксенофонт Гаворский (1821–1871) — православный поп, один из первых и самых активных деятелей так называемого «западно-руссизма». После окончания Петербургской духовной академии (в 1845 г.) преподавал в Полоцкой православной духовной семинарии. В 1862–64 гг. жил в Киеве, откуда по приглашению Муравьева-вешателя переехал в Вильню. Издавал здесь под своей редакцией газету «Вестник Западной России», отличавшуюся сильно выраженным антиполонизмом и антисемитизмом. — *Прим. ред.*

** Кавалерийский генерал Александр Львович Потапов (1818–1886) с февраля 1868 по июль 1874 гг. занимал те же посты в Северо-Западном крае, что до него К.П. Кауфман. Однако он решительно отмежевался от репрессивных методов своих предшественников. — *Прим. ред.*

Имеется в виду конфискация земли с применением войска, осады и т. п. Далее — из А. Цвикевича:

> «Как известно, одной из самых главных мер борьбы Муравьева с польским влиянием на Беларуси была конфискация и продажа с публичного торга польских земель, в первую очередь тех помещиков, которые непосредственно принимали участие в восстании... Вместе с этим была выдвинута грандиозная программа насаждения великорусского землевладения на Беларуси, вместо землевладения польского. В своих записках на имя Александра II, поданных 14 мая 1864 года и 5 апреля 1865 года, Муравьев высказывается об этих экономических мероприятиях с самой острой решительностью:
>
> «Заселить край россиянами сколько можно систематичнее, не выделяя старообрядцев, ибо они более других сохраняют российскую народность; создавать колонии из уволенных солдат; бить поляков по карману, чтобы все было спокойно; заселить край великорусскими крестьянами, продавать всем россиянам, независимо от состояния, конфискованные, секвестрованные и просроченные в кредитных учреждениях земли; решить вопрос о проведении таможенной линии между Царством Польским и Северо-Западным краем, чтобы пресечь саму мысль жителей этого края, что они могут образовывать когда-нибудь одно целое с Царством Польским».

В проекте закона о конфискациях и публичных продажах имений польских помещиков было отмечено, что «право на льготную покупку ликвидированных имений, на всяческие привилегии и поддержки со стороны правительства» имеют вообще все российские граждане «непольского происхождения». Стоит ли уточнять, что коренное население Беларуси, если и признавалось «неполяками», то и в привилегированную категорию «истинно-русских» не входило. Оно — повторю — было молчаливым фоном, на котором выясняли свои отношения та и другая «категории».

Наконец, еще один важнейший фактор обрусительства — присутствие российской армии на Беларуси. Цвикевич пишет:

> «Число российского войска на Беларуси возросло в ту эпоху до необычайных размеров. Если под конец 60-х годов мы видим в Вильне только штаб 27-й пех. дивизии, штаб местных войск с артиллерийским складом да губернский батальон с обозными командами, то в начале 80-х годов здесь было уже около десятка окружных военных управлений разных типов, штаб армейского корпуса, артиллерийская бригада, четыре пехотных полка, кавалерийская дивизия, саперный батальон, полевой жандармский эскадрон и т. д. и т. п. — огромное количество войск, словно крепость в западном секторе огромной империи».

Вызывать войска из центра государства, как это было во времена восстания для его удушения, сейчас в случае чего не приходилось:

> «Северо-Западный край мог с избытком одолжить этой силы для придушения беспорядков в столицах. Кроме того, войско на Беларуси, благодаря введенной 1 января 1874 года всеобщей воинской повинности, с успехом выполняло огромную русифицирующую роль».

В самом конце романа Н. Ланской мы узнаем, что все ее «герои» — не просто приезжие, а люди, так или иначе связанные с российской армией. Оказывается, в Мозыре стоит гарнизон, которым командует ротмистр Александр Данилович

Зыков, а все перечисленные выше обруситали – действительные или отставные армейские чины. Тот же Лупинский, как выясняется,– майор в отставке. И я не сдержусь, чтобы не провести еще одну параллель.

Кто-то из современников назвал Беларусь «страной отставников». Это правда. Ведь до 1992 года офицеры Советской Армии, уходя в отставку и выбирая себе место жительства, отдавали нашему краю абсолютное предпочтение. Причем все – и здешнего происхождения, и нездешнего, и совсем уж далекого. Словом, и эта «практика» началась вовсе не при Сталине, и не после революции.

Многое еще в этом романе звучит публицистически злободневно («...получая 7 р. 51 коп. в месяц, ухитрился выстроить два дома»), но я прекращаю и без того обильное цитирование. Возможно, его уже достаточно для представления забытого романа, а главное – самой проблемы обрусительства.

Глядя на тогдашние и теперешние проблемы и изъяны нашей общественной жизни, я думаю: а может, так оно было всегда, может, это какая-то заданность? И только культура, язык и сама природа возвращают присутствие духа? Но откуда тогда эти культура, язык и природа? И как они – наша книжность, архитектура, фольклор, менталитет – на протяжении столетий сохранили в себе свою первородную чистоту?.. Нет, явно было и по-другому. И явно другая у нашего края и у нас заданность. А в таком случае, когда же началось все это? Ответ подсказывает Н. Ланская, чье произведение и посвящено собственно началу ***этого***: не началось, а – пришло, принеслось, внедрилось.

Глядя из России, это была банальная аннексия, когда одна империя получила свою долю в результате раздела Речи Посполитой между тремя европейскими монстрами того времени.

Глядя из Беларуси – это была оккупация, вызвавшая три антироссийских восстания – 1794, 1831 и 1863 годов, сливающиеся в одну освободительную войну. Единственное, что мешает сегодня согласиться с этим юридически точным определением – то, что у этой оккупации не было (и до сих пор нет) конца.

Видя и зная теперь характер этого нашествия, можно ли допустить, что это было «освобождение» или «воссоединение с Россией»,– как толковала нам прежняя пропаганда? Можно ли говорить о каких-то благотворных плодах этого нашествия, как, впрочем, и всех последующих административных нашествий с «большой земли»?

В сущности, ответом на эти вопросы и будет то, почему мы не стали русскими. Потому что вместо русской природы, языка, культуры нам предлагались природа, язык и культура чиновнические. Мы, народ, превращались не в русских, а в денационализированных чиновников – вбирая в себя эту психологию, этот тип достоинства и ценностей. Они входили в нас не вместо нашей белорусской сути, а лишь потеснив ее, приглушив своим объемом, своей массой.

Мы так и не почувствовали ничего русского в себе, называя этим словом лишь ***цепь своей зависимости*** от системы, а не пуповину, которая могла бы связывать нас с национальной жизнью соседней страны. За двести лет мы так и не дали ни одного выдающегося явления русской культуры, литературы, гуманитарной науки.

Характеристики Н. Ланской точны и универсальны для всех последующих административных наплывов из России на Беларусь. Ехали сюда и деятели куль-

туры, но лучшие из них сразу же интегрировались в белорусскую стихию (горецкая профессура, литературоведы И. Замотин, А. Вознесенский, искусствовед Н. Щекотихин и многие другие). Худшие — становились чиновниками аппарата.

В основном же ехали партийные, советские, комсомольские, милицейские и чекистские кадры, деятели пропаганды; ехали чиновники от образования и парторги колхозов... Ехали на место многих тысяч взращенных «нашенивством» и первой волной белорусизации, но тут же расстрелянных или высланных. На место интеллигенции ехали служащие — те, кто, в отличие от интеллигентов, несли не культуру, а идеологию; не язык, а канцелярит; не человеческую природу, а субординационный нюх.

Настоящими проводниками русификации стали у нас люди без исключения малокультурные, неинтеллигентные, бездуховные. Они и сами уже не были русскими, а лишь «с южным типом лица», как пишет о них Н. Ланская. Они, «всесоюзные», всеимперские граждане и положили начало тому «русскоязычному населению», для которого развал империи стал утратой родины, эмиграцией на месте.

Их русификаторство заключалось в навязывании лишь «материальной части» своего языка, нескольких постулатов идеализированной своей истории, городского фольклора да нескольких до неузнаваемости адаптированных «народных сказок», что никак не назовешь культурой! Да и возможно ли — навязать культуру? Можно, конечно, заставить ходить в кокошнике, играть на балалайке и сносно говорить по-русски. Но внутреннюю культуру, ее духовную, интимную часть можно только воспитать и только не во вред чему-то уже воспитанному.

Время и идеология оставили в сознании сегодняшних людей много всяких комплексов, совершенно необъяснимых с точки зрения здравого смысла. Например, само слово «русификация» воспринимается многими как оскорбление русского народа и чуть ли не подрыв добрососедства. Это от той же чиновнической услужливости, заискивания не младшего перед старшим и не меньшего перед большим, но народа подчиненного пёред народом-начальником. А также, возможно, от подсознательного стыда за собственную русифицированность. Ведь русифицированный — не русский, а обездуховленный. Теперь мы знаем, кто и когда этот механизм завел.

В романе Н. Ланской совсем нет «культурных» вопросов, а обрусительство — это деятельность именно экономическая, социальная, административная. У нее это экспорт административного аппарата, который в экспортном варианте — наихудший, ибо ставит ниже закона и власти (т. е. ниже себя) не просто человека, а чужого человека, инородца. Ведь Белая Русь — это край, куда еще двести лет назад россияне приходили только с мечом, как захватчики. А тут это все дается без меча и каких бы то ни было заслуг!

Словом, все это шло к нам, но никак не меняло нашей национальной сути. Это все было временно, как «оперативная память», и при первом же порыве ветра куда-то исчезло.

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ И НОВЫЙ ГЕРОЙ БЕЛАРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Алесь Минский

В 1956 году в связи с официальным осуждением сталинизма началась либерализация сферы советской культуры. Хрущевская «оттепель» способствовала возникновению в обществе атмосферы раскрепощения, создала возможность для развития инакомыслия. В 1960-е годы в СССР стала доминировать культура с отчетливо выраженным интеллигентским началом. Позже появился даже термин «шестидесятники», обозначающий ее деятелей.

Беларусская культура и язык находились в то время в противоречивом положении: с одной стороны, официально были признаны их самобытность и равенство с другими национальными культурами и языками. Такое признание подкреплялось наличием формально самостоятельного беларусского государства – БССР. Но признание самобытности беларусской культуры и языка имело преимущественно «внешний» характер – на уровне вывесок, музеев, коллективов народной самодеятельности, «парадных» псевдонародных концертов и спектаклей.

Причина заключалась в том, что после разгрома в БССР так называемого «национал-демократизма» в 1930-е годы, и после кампании по борьбе с «националистическими проявлениями» во второй половине 1940-х годов национальная специфика во всех сферах беларусской культуры (в том числе в литературе и искусстве как ее неотъемлемых частях) стала играть роль «этнографических экспонатов», которым нет места в реальной жизни. Беларусская культура, во всяком случае – профессиональная («высокая»), перестала быть живым организмом.

На почве такого положения вещей вполне закономерно возникла тенденция к удалению этого «неживого» компонента из повседневной жизни народных масс. С 1960 года начался ускоренный перевод беларуских школ на русский язык обучения, стали значительно сокращаться тиражи книг, журналов и газет на беларусском языке, а молодежь с того времени даже беларусских авторов чаще всего читала в русских переводах. Типичное явление той эпохи – массовый отказ родителей от изучения их детьми беларусского языка в школе. Национальная культура подходила к рубежу окончательного вымирания.

Пробудить в беларусском обществе стихийное увлечение отечественной культурой мог только сильный толчок в виде ярких, самобытных произведений. Вне всяких сомнений, первым по времени, притом наиболее сильным толчком такого рода явилось творчество писателя и поэта Владимира Короткевича (1930–1984). Короткевич последовательно и настойчиво разрушал устойчивый

стереотип извечно трусливого беларуса-крестьянина, страдающего вдобавок мощным комплексом неполноценности:

Гіене – баяцца, сабаку – вішчаць, свінні – рыцца ў гноі сваім,
А льву патрэбны калючы гушчар, родны край і свабода ў ім.
П'ю за тое, каб нам сярод родных лясоў не вішчаць, не дрыжаць, не скуліць,
Бо ўсе мы тут не з гіен і не з псоў, бо мы – сапраўднай крыві.

(«Амаль хрысціянскі тост за ворагаў»)

В 1960-е годы он предложил принципиально новый взгляд на отечественную культуру и историю. Его поэзия – подчеркнуто аристократическая, приподнятая над мещанским миром, умышленно преподнесена «высоким стилем». Далеко не случайно в одном из стихотворений Короткевич изобразил голландского художника середины XVI века Питера Брейгеля, ощущавшего глубокое непонимание своих соотечественников, чьи интересы ограничивались исключительно материальным благополучием:

Што ж ты пракінуўся, мужыцкі Брэйгель?
Шпурляй у твар ім горкія палотны,
Дражні, як бугая чырвонай хусткай,
Паказвай ім, сляпым, канец Ікара...

(«Трызненне мужыцкага Брэйгеля»)

Беларуский шляхтич-гусар

Произведения писателя захватывали читателей романтикой рыцарства – в лучшем смысле этого понятия. По словам критика В.А. Коваленко, с Короткевичем в беларусской исторической литературе произошел большой рывок вперед, ибо в ней стал утверждаться дух сознательного служения идеалам, благородства, самопожертвования.

Действительно, ему удалось создать «шляхетскую» историю Беларуси, привлекательную в первую очередь для самих беларусов, и не только для них. Первым произведением Короткевича в этом жанре стала «Седая легенда» (1961 г.). А после публикации историко-детективной повести «Дикая охота короля Стаха» (1964 г.) имя писателя обрело огромную популяр-

ность. Потом появились «Христос приземлился в Гродно» (1972 г.) и «Черный замок Ольшанский» (1979 г.), — произведения, изменившие взгляд на прошлое Беларуси и на беларусскую культуру в широких кругах нашего общества.

По мнению исследователя Павла Банцевича, Короткевич целенаправленно полемизировал с приземленным «крестьянством» предыдущих поколений беларусских литераторов. Ведь, по его собственным словам, «беларусов никогда не воспримут как полноценную нацию до тех пор, пока сами беларусы не перастанут смотреть на себя как на плебейский народ».

«Оживляя» беларусскую культуру в кризисный период ее существования через придуманную «шляхетскую» историю, Короткевич действовал подобно мифическому Орфею, который с помощью художественого творчества победил Аида, властителя Преисподней, в самом центре его владений.

Владимир Короткевич в молодые годы

Так, действие повести «Ладья отчаяния» (написана в 1964, издана в 1978 г.) происходит в Великом Княжестве Литовском в XVI столетии. Главный герой повести — Гервасий Выливахо. Гервасий не вписывается в общепринятые нормы поведения, его считают «чудаком», странным человеком, даже — не вполне нормальным психически. Жизнелюб, любитель поэзии, вина и женщин, он пользуется весьма негативной репутацией у большинства жителей не только Рогачёва, но и всей Могилевщины. Зато этот герой внутренне свободен, в отличие от набожных земляков, «зажатых» общепринятыми правилами поведения, а точнее — религиозными догмами, ханжеством, скупостью, жизненными перспективами, не простирающимися дальше заветной кубышки, набитой золотом и серебром. Другими словами, по своему духу он — пассионарий, т.е. человек, обладающий мощным творческим потенциалом и способный увлекать за собой других. Гервасий так говорит о «правильных» гражданах-рогачёвцах:

> «Они хотят сделать костёл из всего мира. Как будто Бог, пожелав такого, не сделал бы этого сам».

Однажды к Гервасию приходит смерть и говорит, чтобы он собирался с ней на тот свет. Далее Короткевич описывает путешествия Гервасия, а с ним еще нескольких рогачевцев в царство мертвых на Ладье отчаяния, что явно представляет собой параллель путешествию Орфея в Аид. Гервасий — единственный среди пассажиров ладьи, кто не утратил бодрости и веры в лучшее будущее. Увидев это, смерть предлагает сыграть ему партию в шахматы — на возвращение в мир живых. Гервасий проигрывает, но смерть предлагает ему сыграть еще раз, теперь уже на жизни остальных.

В кульминационный момент, когда герой видит, что и в этой партии он проигрывает, ему приходит на ум та мысль, которая – как он вдруг осознает – подсознательно руководила всей его жизнью: «Поступай неожиданно, действуй не так, как принято, делай то, чего не делает никто, – и тогда победишь». Он понимает, что смерть просчитала все варианты игры на несколько ходов вперед, но она ни во что не верит, и, тем более, не верит в человека с его «божественной непоследовательностью мысли». Это и становится причиной ее поражения. Гервасий отвлекает внимание смерти, быстро меняет фигуры на доске, а затем решительно объявляет мат. Смерть, впечатленная проигрышем, исполняет договор и отпускает Гервасия со всеми рогачёвцами назад. Кроме того, Гервасий выводит из мира мёртвых Березку, любимую девушку, чей образ явно напоминает Эвридику Орфея. Но возвращение героев Короткевича, в отличие от греческого мифа, имеет счастливый конец*.

Иллюстрация к повести «Дикая охота короля Стаха»

Вполне в духе своей «генеральной линии» Короткевич в одной из сцен повести «Черный замок Ольшанский» приводит притчу о двух лягушках в жбане молока: одна после нескольких попыток сдалась и утонула, другая же продолжала прыгать, несмотря на то, что видимых шансов на успех у нее не было. В результате она сбила молоко в сметану, сметану – в масло, и выбралась из жбана.

Сам пафос победы, успеха, к тому же на «глубинном» (можно даже сказать – архетипичном) уровне – был новаторским не только для беларусской литературы, но и всей культуры**. Ибо, как отмечали некоторые наши критики, беларусская литература предыдущего периода – это своеобразная констатация проигрыша, формировавшая «запрограмированность на житейское и творческое поражение». Персонажи, похожие на Гервасия, действуют и в других произведениях Короткевича. Как говорил один из литературных критиков, герой его повестей и пьес – «неординарный человек, гордый и смелый, жертвенно преданный Отечеству».

Все герои Короткевича, которые с помощью дерзкого творческого поступка находили выход из безвыходных ситуаций, отражали именно такой поступок писателя – «изобретение» «шляхетской» Беларуси.

* Герой греческого мифа певец и музыкант Орфей (сын музы Каллиопы и речного бога Эагра) отправился в подземный мир, в царство мертвых за своей любимой женой Эвридикой, умершей от укуса змеи. Очаровав бога царства мертвых Аида своим пением, он уговорил его вернуть Эвридику к жизни, но нарушил запрет смотреть на нее до выхода на поверхность земли, из-за чего она исчезла навсегда.

** Архетипы (термин психолога К.Г. Юнга) – образы и мотивы, составляющие содержание так называемого «коллективного бессознательного». Они лежат в основе символики мифов, сказок, легенд, преданий тех или иных народов и племен.

Чтобы понять грандиозность его замысла, надо вспомнить о малоизвстном у нас чешском историке и филологе Вацлаве Ганке (1791–1861). В одном из своих произведений Короткевич привел его как пример, которому имеет смысл подражать. Творчество Ганки пришлось на то время, когда первые деятели чешского Возрождения встретились со множеством скептических замечаний от сторонников «неметчины», увerждавших, что чехи не имеют своей стариной литературы, своих выдающихся сочинений, а значит, безосновательно заявляют о своём праве на национальное достоинство. Вот что писал об этом Короткевич:

> «Год или два решали вопрос о том, жить народу или нет, необходимо было найти книги, и «он /В. Ганка – *А.М./* нашел сначала одну очень древнюю рукопись, потом другую /в 1817 г. – Краледворскую, в 1818 г. – Зеленогорскую. – *А.М./*. И это были книги такой поэтической силы, что вся Чехия ожила духом... Поэты стали писать стихи, музыканты – создавать музыку, ученые – искать другие древние книги... И Чехия стала Чехией... Но рукописи Ганки были на самом деле гениальной... подделкой».

Почти то же самое делал сам Владимир Короткевич: он видел, что национальная культура находится на грани исчезновения; он ясно сознавал причину этого явления – отсутствие уважения и интереса беларусов к своей культуре и языку, ибо они воспринимаются как «мужицкие», то есть – отсталые, примитивные, не имеющие глубокого содержания. И тогда, будучи выдающимся знатоком отечественной культуры, писатель пошел на хитрость – создал яркий образ «шляхетской» Беларуси. Весьма характерно в этом плане то, что писатель сам признавал множество исторических неточностей в своих произведениях, говорил, что «стопроцентно исторических произведений» у него нет, так как его интересует не «история-факт», а «история-притча».

Вацлав Ганка

С этого творческого изобретения Короткевича началось преодоление закостенелости национальной культуры. Образы его героев формировали у нового поколения беларусов новое сознание, новое отношение к своему историческому наследию, к своей национальной культуре и родному языку. Вот что сказал писатель Владимир Орлов в одной из передач на радио «Свобода», вспоминая о студенческих годах:

> «Истинное прошлое Родины мы начинали открывать для себя благодаря книгам Владимира Короткевича, которые как раз тогда пришли к читателю. Они стали окном в мир совсем другой истории, той, которой можно было гордиться».

С Короткевичем шляхетская тематика прочно вошла в нашу литературу, воплотилась в творчестве других литераторов. Целую галерею новых для беларусской литературы образов создали такие авторы как Олег Лойко, Янка Сипаков, Леонид Дайнеко, Ольга Ипатова, Константин Тарасов, Василь Зуёнок... Перед

нами предстали выдающиеся государственные, общественные и военные деятели средневековой Беларуси: полоцкий государь Всеслав Чародей, отважные воины князь Давыд Гродненский, князь Вячка, князь Иван Лукомский, великий князь Витовт, Франциск Скорина и многие другие*. Характерно и то, что раскрывая эти образы, авторы воспевают мощь беларуских держав минувших столетий — Полоцкого княжества и Великого Княжества Литовского.

Вместе с произведениями Короткевича и его последователей в сознании новых поколений беларусов стал укореняться принципиально новый герой — воин-победитель («герой силы») вместо затурканного мужика («пана сохи и косы»), не смеющего мечать ни о чем, кроме увеличения своей полоски земли и приобретении второго коня или коровы.

Реклама кинофильма

Рассматривая историю отечественной поэзии, литературные критики отметили в коллективном исследовании, опубликованном в 2004 году, появление в ней нового героя — «беларуса, уважающего генеалогию своего рода, обладающего прочной исторической памятью, чувствующего себя на земле предков полнокровно и уверенно, гордящегося родным краем... Он настоящий рыцарь родной земли, который... не вписывается в традиционно-банальные представления о «сермяжном», тихом беларусском характере, он желает верно служить родному краю».

В 1985 — 1987 годы на фоне глубокого социально-экономического кризиса, охватившего весь Советский Союз, в Беларуси возникла целая сеть молодёжных национальных организаций: «Агмень», «Няміга», «Талака», «Тутэйшыя», «Майстроўня», «Нашчадкі», «Сьвітанак» в Минске; «Узгор'е» в Витебске; «Талака» в Гомеле; «Паходня» в Гродно; «Маладзік» в Полоцке; «Крывічы» и «Сакавік» в Новополоцке; «Край» в Бресте; «Чароўны ўспамін» в Могилеве; «Рунь» в Лиде; «Повязь» в Орше и другие, общим числом около 40. Молодежь объединял в них

* О. Лойко (1931 — 2008) — поэмы «Белая вежа» (1969), «Леший» (1971), «Посох души» (1996), «Прощание с родиной» (1997), роман «Скорина» (1989) и другие произведения.

Я. Сипаков (1934 г.р.) — роман «Вече славянских баллад» (1973), цикл рассказов «За туманом».

В. Зуёнок (1935 г.р.) — поэмы «Селение» (1971), «Лукомье» (1983) и др.

Л. Дайнеко (1940 г.р.) — романы «Меч князя Вячки» (1985), «След волколака» (1988).

К. Тарасов (1940–2010) — повести и романы «Погоня на Грюнвальд» (1980), «Три жизни княгини Рогнеды» (1986), «Единственный свидетель — Бог» (1991), «Последняя любовь князя Миндовга» (1998) и др.

О. Ипатова (1945 г.р.) — повести «Предслава» (1971), «За морем Хвалынским» (1989), «Черная княгиня» (1989), «Огонь в жилах кремня» и др.

неподдельный интерес к беларуской культуре и языку, к ее историческому наследию. Весьма характерно то, что новое поколение ощутило себя «стражем», защитником этого наследия:

Чуеш, чуеш – лязгат зброі?..
Чуеш, чуеш – агонь паходні?..
Слуцкая брама непарушны мур,
Слуцкая брама – сведка авантур,
Слуцкая брама, голас твой не знік,
Слуцкая брама, я – твой вартаўнік

(гурт «Крама», песня «Слуцкая брама)

Творчество Короткевича пользовалось особым почетом именно в этих объединениях. Сергей Витушко, лидер минской молодёжной организации «Талака» в 80-е гг., так описал свой поворот к национальному в статье «Шлях да беларушчыны»:

«...Выпадкова сустрэў сваю школьную настаўніцу і яна мне сказала: «А ты ведаеш — памёр Караткевіч?» Я паляцеў, купіў «Вячэрні Мінск», і там быў некралог, партрэт яго... І ў той вечар я пад уражаньнем прачытанай учора «Ладдзі роспачы» і гэтай навіны прыняў рашэньне: вось чалавек жыцьцё аддаў за беларушчыну, а я... Чамусьці мне тады было зразумела, што Караткевіч ня проста памёр, што чалавек згарэў за беларушчыну, змагаючыся. Я падумаў: «А што ж я? Як жа мне ня сорамна! Я павінен гаварыць па-беларуску! Я павінен паўсюль гаварыць па-беларуску!» [«Дзеяслоў», 2008, № 6, с. 254]

«Черный замок Ольшанский»

Именно в среде молодёжного движения конца 80-х — начала 90-х годов сформировалось новое поколение беларуской интеллигенции. Это историки и литературоведы, поэты и писатели, философы и культурологи, публицисты и критики, певцы и музыканты, художники и скульпторы, дизайнеры, деятели кино...

В конце 1980 — первой половине 1990-х годов в обществе возник устойчивый интерес к эпохе Великого Княжества Литовского и к другим страницам «шляхетской» истории Беларуси. Эти страницы все более глубоко изучают в общеобразовательной школе, они являются предметом основательных научных исследований, им посвящены многочисленные издания последних лет.

Ведется реконструкция многих историко-культурных памятников указанной эпохи — Мирского, Несвижского, Ружанского замков и других. Появился целый ряд клубов исторической реконструкции. «Шляхетская», «рыцарская» тема постоянно присутствует на музыкальной и театральной сценах (например, в творчестве коллектива «Старый Ольса», в постановках Купаловского театра). Она же используется в организации городских праздников («рыцарские фесты»), в туристическом бизнесе (тематические экскурсии), в создании имиджа пищевых продуктов (например, напиток «Крамбамбуля»), в дизайне кафе и т.д. Словно подытоживая эти тенденции, писательница Наталья Бабина сказала в феврале 2010 года в передаче на радио «Свобода»:

> «Вся современная беларусчина выросла прежде всего из этих двух произведений, как из корня («Черный замок Ольшанский» и «Дикая охота короля Стаха» — *А.М.*)».

Несмотря на все трагедии XX века, на Беларуси снова появилась национальная интеллигенция и она нашла своего культурного героя, не имеющего ничего общего с «пролетарскими революционерами» и замордованными (памяркоўнымі) крестьянами. А этого нового героя и «шляхетскую тему»создал творческий гений Владимира Короткевича. Низкий ему поклон!

БЕЛАРУССКОЕ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Алесь Чайчиц, *публицист*

Символическое пространство, в котором живёт человек, определяет его мышление. В мозг человека каждый день поступают постоянные визуальные и аудиальные сигналы: увиденный флаг и герб и вызываемые ими ассоциации, памятники на площадях, названия улиц и площадей, написанные на табличках и произносимые вслух. Только малая часть этой информации находится в осознаваемой части памяти человека, но мозг фиксирует всё. Вся поступающая информация вызывает эмоции на уровне подсознания и через них непрерывно формирует личность человека, его предпочтения и ценности.

Именно поэтому формирование символического пространства, состоящего не в последнюю очередь из топонимики и государственной (либо региональной) символики, играет важную роль для формирования полноценной нации — как сообщества людей, осознающих своё единство, свою роль в политической жизни и ответственность перед поколениями предков и потомков.

Государство не должно слишком сильно вмешиваться в жизнь граждан. Однако его долг — исправлять результаты своего неудачного прошлого вмешательства, если это вмешательство нанесло вред или привело к несправедливости. Анализ показывает, что именно такая платформа должна стать основой для отсутствующего сегодня системного государственного подхода к формированию символической среды в Беларуси.

Улицы и площади тысячелетних городов: отряхнуть пыль, нанесённую ветром истории

Акт переименования улицы в честь деятеля — это акт его канонизации. Можно по-разному относиться к личностям Ленина, Маркса, Энгельса, Дзержинского. Кто-то скажет, что некоторые из них были выдающимися мыслителями или политическими деятелями, повлиявшими на ход истории, в том числе истории Беларуси. А кто-то скажет, что эти люди или их идеи прямо либо косвенно несут ответственность за гибель сотен тысяч беларусов, за массовые репрессии. В любом случае данные фигуры являются неоднозначными, и чем дальше, тем больше вопросов о целесообразности сохранения названий, прославляющих их, возникает в умах нового поколения.

Прежде всего надо помнить, что Полоцк, Витебск, Минск — города с тысячелетней или почти тысячелетней историей. Большинство райцентров Бела-

Ильич в Глубоком

Ильич в Солигорске

руси – старше 500–600 лет. Центральные улицы и площади тысячелетних городов должны носить свои древние названия, какими бы они ни были. Здесь неприемлемы имена, навязанные по указанию «сверху» в угоду идеологии, правильной либо неправильной, которая доминировала в нашей стране на протяжении всего лишь семи десятилетий. Эти названия – словно пыль, нанесённая случайными ветрами истории. Их отмена – есть акт восстановления исторической справедливости.

Во времена советской власти всеми переименованиями двигало именно сознательное стремление стереть историческую память народов бывшей Российской империи. Переименование улиц и целых городов шло в одном ряду с разрушением церквей и целых исторических кварталов, с уничтожением идеологически чуждых большевикам книг, с физическим истреблением по классовому признаку тех людей, кого, как считали коммунисты, нельзя будет превратить в полноправных членов идеального общества, существовавшего в их воображении. Переименовались не только улицы, но также деревни и города, и даже объекты природы. Всего за время советской власти в Беларуси было переименовано свыше 320 населённых пунктов!

Новая, советская топонимика стала частью государственной пропаганды, элементом идеологической обработки граждан, на подсознательном уровне записывая в разряд святых имена Артёма (Ф.А. Сергеева), Берсона, Буденного, Ваупшасова, Ворошилова, Гамарника, Дзержинского, Жданова, Котовского, Лазо, Ленина, Мясникова, Опанского, Орджоникидзе, Пархоменко, Свердлова, Тухачевского, Уборевича, Фабрициуса, Фрунзе, Чапаева, Щорса и многих других фигур из пантеона так называемых «героев революции» (как говорили и писали до 1991 года) или «палачей народа» (как говорят и пишут теперь).

«Железный Феликс» на дороге Брест-Москва

Советская эпоха — бесспорно неотъемлемая часть нашей истории. Но советской истории место в учебниках и в музеях. Она кончилась навсегда, пора во всех сферах жизни вернуться «на круги своя». Беларусь — единственная страна в Восточной Европе и СНГ, где карта страны и карты городов до сих пор не очищены от коммунистических названий.

Исторические названия вернулись на карту Одессы: знаменитые Екатерининская, Малая и Большая Арнаутские улицы, Ришельевская набережная, Французский бульвар и десятки других. Многие удивятся, узнав, что 30 лет назад в Киеве не было популярных у гостей этого древнего города Михайловской и Софийской площадей, Банковой улицы, и даже знаменитый Крещатик когда-то в течение нескольких лет назывался улицей имени Воровского*.

В Москве уже никто не помнит, что каких-то 20 лет назад улица Тверская была улицей Горького, а Моховая, Охотный Ряд и Театральный Проезд образовывали Проспект Маркса. Переименование прошло совершенно безболезненно, не вызвало никаких протестов. Жители Москвы, несмотря на то, что большинство из них является москвичами только во втором-третьем поколении, уважают многовековую историю своего города, ценят исконную московскую топонимику. Более того, в Москве существует достаточно сильное движение за дальнейшую отмену коммунистической топонимики. Достаточно сказать, что предложение о переименовании станции метро Войковская недавно прозвучало даже из уст министра культуры России**.

Калинин в Минске

След Калинина в Орше

Кончилась советская эпоха, и посткоммунистические страны распрощались с советскими названиями, как и французский революционный календарь был отменён вскоре после двух лет кровавой диктатуры якобинцев во главе с М. Робеспьером***.

---

* Вацлав Воровский — член РСДРП с 1894 г., видный деятель большевистской фракции. С 1921 — полпред СССР в Италии. Убит в Лозанне в мае 1923 г. эмигрантом Конради, бывшим офицером Белой Гвардии. — *Прим. ред.*

** Петр Войков — это псевдоним Наума Вейкина, одного из участников расстрела царской семьи в Екатеринбурге. В 1924–27 гг. был полпредом СССР в Польше, где его застрелил (по политическим мотивам) виленский гимназист Борис Коверда. — *Прим. ред.*

*** Якобинцы находились у власти с августа 1792 по июль 1794 гг. — *Прим. ред.*

В Беларуси полноценное возвращение исторической топонимики прошло только в Молодечно. Центральные улицы и площади остальных городов продолжают носить безликие названия «Ленина», «Советская», «Октябрьская», появившиеся в угоду конъюнктуре и посвящённые явлениям, которые сегодня никем не воспринимаются как святыни.

Мемориал на Буйничском поле под Могилевом

Неоднократно озвучивалось мнение, согласно которому возвращение исторических названий улицам, площадям, населенным пунктам означает лишние траты для городского и национального бюджета. Но обновление уличных знаков — во-первых, сравнительно незначительная трата, во-вторых всё равно происходит на регулярной основе.

Обновление записей в различных документах и базах данных тоже не является проблемой, тем более, если ввести переходный период (например, 12 или 18 месяцев), в течение которого, например, улицы будут иметь одновременно два официальных названия.

К памятникам Калинину, Ленину, Дзержинскому и многим другим вышесказанное относится ещё в большей степени, чем к топонимике. Памятник тому или иному деятелю — это выражение признательности и уважения потомков. Заслуги Ленина, Дзержинского, Калинина в развитии Беларуси по меньшей мере не очевидны и не однозначны. Некоторые из этих деятелей, как тот же Ленин и Мясников, в свое время выступали категорически против создания БССР и, тем более, против возвращения ей отторгнутых беларуских этнических территорий.

Максим Горький (он же — Алексей Пешков)
в минском парке своего имени

Речь не идет о сносе памятников. Многие из них представляют не только историческую ценность, но и являются произведениями искусства, как, например, памятник Ленину на Площади Независи-

мости в Минске авторства Заира Азгура. Им не место на центральных площадях населённых пунктов, но их надо сохранить для потомков. Целесообразно создать специальный парк-музей, посвящённый советскому периоду истории Беларуси, где нашли бы свое место все монументы такого рода.

Государственные символы: политизация вопроса противоречит интересам народа

Актом восстановления исторической справедливости станет также возвращение бело-красно-белого флага и герба «Погоня» в качестве государственных символов Республики Беларусь, несмотря ни на какие текущие политические ассоциации. Эти символы имеют за собой столетия славной истории, им по объективной причине нет альтернативы.

Распространённая в 1990-е годы легенда гласила, что бело-красно-белый флаг был флагом ВКЛ и что появился он тогда, когда во время некоей неназванной битвы кто-то из воинов поднял над головой окровавленную повязку и повёл беларусское войско в бой. И хотя эта легенда не имеет под собой реального основания, исторические корни беларусского бело-красно-белого стяга гораздо глубже, чем 1917 год, когда его нынешнюю версию разработал беларуский архитектор и общественный деятель Клавдий Дуж-Душевский (1891–1959).

Именно красный и белый цвета как минимум с XV века традиционно использовались в геральдике Великого Княжества Литовского. Так, флаг войска ВКЛ был красный с белой «Погоней». Королевский флаг Речи Посполитой напоминал флаг современной Австрии и состоял из трёх полос – красной, белой и красной.

Таким образом бело-красно-белый флаг идеально вписывается в цепочку символической преемственности Беларуси от средневековых государств, основанных нашими предками. Миф о бело-красно-белом государственном флаге ВКЛ ошибочен с точки зрения строгой фактологии, но по своей сути не так уж далёк от правды.

Гербы в Европе традиционно были первичны по отношению к флагам, и флаги зачастую разрабатывались в соответствии с гербовыми цветами. Например, чёрно-жёлто-белый флаг России в 1858–1883 гг. составлен из цветов герба – чёрный орёл на жёлтом фоне, с белыми элементами. Бело-красный флаг Польши тоже составлен по цветам герба – белого орла на красном фоне.

Таким образом, беларусский бело-красно-белый флаг выполнен в полном соответствии с данным правилом: это флаг гербовых цветов «Погони», которая является абсолютно бесспорным символом беларуских земель. Как ни кичатся летувисские националисты присвоенным самим себе статусом единоличных наследников Великого Княжества Литовского, флаг Республики Летува под данное правило никак не подпадает.

Было бы ошибкой искать в бело-красно-белом флаге некую антироссийскую символику. В беларуском движении начала XX века, которое использовало этот флаг, были и сторонники федерации Беларуси с Россией, и коммунисты, и

эсеры. Многие из них стали впоследствии активными политическими и общественными деятелями БССР. Существовали предложения сделать бело-красно-белый флаг если не флагом БССР, то элементом герба БССР, однако они не были приняты из-за курса Москвы на унификацию флагов союзных республик*.

Бело-красно-белый флаг, и никакой иной, использовался беларусским национальным движением в Западной Беларуси в 1919–39 гг. Движение, самыми массовыми организациями в составе которого были Беларусская крестьянско-рабочая громада и Компартия Западной Беларуси, преимущественно состояло из эсеров и коммунистов. Многие его представители открыто симпатизировали БССР и советской власти.

Единственный аргумент, на котором базируется критика бело-красно-белого флага – использование этого флага коллаборантами во время Второй мировой войны, в течение неполных двух лет. Но много раз было уже сказано, что профашистские коллаборанты ВО ВСЕХ оккупированных странах Европы использовали национальные флаги (!), Беларусь здесь не исключение. Гораздо более многочисленные, запятнавшие себя множеством преступлений французские коллаборанты использовали французский триколор. Русские коллаборанты (например, Комитет освобождения народов России, Русская освободительная армия генерала А.А. Власова) использовали трёхцветный флаг, который сейчас является государственным флагом Российской Федерации.

Бело-красно-белый флаг и «Погоня» использовались потому, что десятилетиями перед этим были общепринятыми несоветскими беларусскими символами. Немецкие оккупанты всего лишь разрешили их публичное использование беларуским националистам, которые надеялись с помощью нацистов достигнуть собственных политических целей.

Со всех сторон – исторической, эстетической, символической – разработанный Дуж-Душевским флаг как дизайнерское решение является практически идеальным. Белый и красный – наиболее распространённые цвета в беларуском национальном костюме. Бело-красно-белый флаг обладает мощной визуальной энергетикой, контрастен, симметричен, гармоничен, особенно на фоне несбалансированного и в целом неудачного с эстетической точки зрения нынешнего флага Беларуси**. Наконец, как есть «говорящие гербы», так есть беларуский, пожалуй, единственный в Европе, «говорящий флаг»: совершенно логично, что на флаге ***Белой*** Руси должен доминировать именно белый цвет.

Что касается герба «Погоня», то его статус исторического герба беларусских земель ещё более однозначен, чем исторические корни бело-красно-белого флага.

Всадник встречается в качестве символа государственной власти на печати полоцкого князя Глеба уже в 1330 году – за три десятилетия до первого известного использования «Погони» как эмблемы князей Литвы. Употребление «Погони» в качестве регионального герба времён ВКЛ практически совпадает с тер-

* Насевіч В.Л. Гэты сцяг пачынаўся так... «Чырвоная Змена», 20.04.1995 (№ 42); Басаў А.Н., Куркоў І.М. Флагі Беларусі ўчора і сёння. Мн., 1994, с. 22–23.

** Отметим, что зелено-красный флаг Республики Беларусь похож на флаги Буркина-Фасо (бывшей Верхней Вольты) и Мальгашской республики (бывшего Мадагаскара), т.е. стран Африки. – *Прим. ред.*

риторией современной Беларуси. «Погоня» была на гербах Берестейского, Виленского (до половины территории которого – нынешняя Беларусь), Витебского, Минского, Мстиславского, Новогрудского и Трокского (частично нынешняя Гродненская область) воеводств*.

Сопоставляя карты воеводств ВКЛ и современную политическую карту региона мы видим, что приграничные территории нынешней Республики Летува ещё в начале XX века обозначались этнографами как этнически беларуские земли. В этой связи не имеют под собой никакой почвы утверждения, что «Погоня» якобы принадлежит исключительно современным летувисам (они называют ее «Вицис» – витязь), а не беларусам.

«Погоня» продолжала использоваться в качестве беларуского ґерба и после присоединения Беларуси к Российской империи. Она размещалась на гербах Виленской, Гродненской, Витебской губернии, Белостокской области, и в этом качестве являлась частью большого государственного герба Российской империи.

Российские власти вели борьбу против местной городской геральдики, но заменяли исторические гербы ряда городов именно на ту или иную вариацию «Погони» либо делали «Погоню» элементом городского герба. Так было с гербами Вильни, Витебска, Полоцка, Дриссы (совр. Верхнедвинск), Лепеля.

После Октябрьской революции «Погоня» стала гербом двух государственных образований на территории современной Беларуси. Во-первых, это Беларуская Народная Республика, провозглашенная 25 марта 1918 года. Во-вторых, это Республика Средней Литвы, образованная на территории Виленщины в октябре 1920 года и вошедшая через два года в состав Польши (на гербе Средней Литвы «По-

* Цітоў А. Наш сімвал – Пагоня. Мн., 1992.

Танк в Слониме

Танк в Бобруйске

Танк в Минске

Танки у Кургана Славы

гоня» соседствовала с белым орлом). В межвоенное время «Погоню», как и бело-красно-белый флаг, использовали деятели беларуского национального движения в Западной Беларуси.

Следует сказать несколько слов и о нынешнем гербе Беларуси, где изображён контур страны на фоне земного шара. Изображение такого контура на государственном гербе или флаге в Европе чаще встречается на искусственно созданных символах, призванных быть предельно нейтральными из-за противоборства двух враждующих общин.

Первый пример – флаг Кипра, специально разработанный в 1960 году и призванный примирять греческую и турецкую общины острова, который теперь фактически разделён на два государства. Другой пример – герб и флаг Косово, созданный на основе эмблемы, разработанной под контролем ООН в 2003 году и призванный примирять албанскую и сербскую общины. Характерно, что господствующая в Косовском крае албанская община (косовары) продолжает неформально активно использовать албанскую национальную символику, а сербское меньшинство – сербскую символику. Наконец, контур территории страны присутствует на гербе Мьянмы (бывшей Бирмы), авторитарного государства в южной Азии.

С 1991 по 1995 годы «Погоня» и бело-красно-белый флаг были официально утверждёнными государственными символами Республики Беларусь. Решение о смене символики в 1995 году можно рассматривать как поспешное и ошибочное. Референдум 1995 года был организован и проведён с многочисленными процедурными нарушениями, начиная с того, что вопрос о государственных символах по действовавшей тогда Конституции вообще не мог выноситься на референдум*. Именно референдум 1995 г. привёл к искусственной политизации бело-красно-белого флага и, в меньшей степени, герба «Погоня» в современной Беларуси. В 1995 году в обществе не было массового запроса на смену символики. Наоборот, десятки тысяч людей в центре Минска в 1990 и 1991 годах приветствовали восстановление независимости Беларуси именно под бело-красно-белыми флагами.

«Погоню» безусловно надо восстановить в статусе государственного герба Республики Беларусь, равно как бело-красно-белое знамя безусловно должно быть восстановлено в качестве государственного флага. История убедительно показывает, что никакие иные символы не могут претендовать на статус беларуских национальных. Политизация этого вопроса носит искусственный характер, противоречит традициям беларуской государственности и интересам беларуского народа.

Подводя итог, отметим, что для Беларуси проблема окружающей человека символики определяется необходимостью восстановления исторического символического пространства страны после продолжительного периода активной деятельности идеологически ангажированных советских реформаторов, боровшихся со стариной и национальными традициями на протяжении более 70 лет. Речь идёт о возвращении Беларуси в русло её многовекового исторического раз-

* Навумчык С. Рэферэндум-95 пра сымболіку і мову не быў легітымным. Радыё «Свабода», 13.05.2011.

вития, о продолжении пути, на котором советский период — всего лишь небольшой и далеко не однозначный отрезок.

История Беларуси началась не в 1917 или 1919 году, а на тысячу лет раньше. Сформированная поколениями предков топонимика, закалённый столетиями герб, тысячелетние национальные цвета обязательно восстановят свои позиции. Важно, чтобы страна прошла через этот процесс как можно скорее.

Перечень переименованных улиц в центре Минска

Нынешнее название	**Первоначальное название**
8 Марта площадь	**Нижний Рынок** площадь
Веры Хоружей улица	**Зелёное Кольцо** улица
Герцена улица	**Малая Бернардинская** улица
Интернациональная улица	**Волоцкая** улица (часть) **Зборовая** улица (часть)
Комсомольская улица	**Фелицияновская** улица
Коммунистическая улица	**Михайловская** улица
Карла Маркса улица	**Лошицкая** улица
Октябрьская площадь	**Новоместская** площадь (часть)
Кирилла и Мефодия улица	**Большая Бернардинская** улица
Киселёва улица	**Сторожовская** улица
Куйбышева улица	**Плебанские Мельницы** улица
Ленина улица	**Францисканская** улица
Максима Богдановича улица	**Большая Борисовская** улица
Парижской Коммуны площадь	**Троицкая Гора** площадь
Победителей проспект	**Школьная** улица (часть)
Революционная улица	**Койдановская** улица
Свободы площадь	**Высокий Рынок** площадь
Сторожовская улица	**Старостинская Слобода** улица (часть) **Радашковская** улица (часть) **Троицкая улица** (часть)
Ульяновская улица	**Нижнеляховская** улица (часть)
Ильинская улица (часть)	
Фрунзе улица	**Госпитальная** улица
Харьковская улица	**Раковский** тракт
Красноармейская улица	**Кошарская** улица
Энгельса улица	**Доминиканская улица**

СЕМЬ ИДЕЙ ВО ЛБУ

Наталья Провалинская

В Минске 3 ноября 2012 года прошла научно-практическая конференция «Проблемы современной белорусской идеологии», организованная Институтом белорусской истории и культуры, а также аналитическим проектом Belarus Security Blog. Альтернативные «идеологи» думали думу о месте идеологии в жизни рядового белоруса, спорили, острословили и трогательно подтрунивали друг над другом.

Историк Анатоль Тарас /он вел конференцию/ сразу всех предупредил, что на личности лучше не переходить, даже если у кого-то накипело. Но обошлось без драк: благо, официальные идеологи опять не пришли.

На этот раз их и не приглашали: все прошлые рандеву они проигнорировали, и Тарас утомился понапрасну обходить учреждения, где они гнездятся. «Если придут, посадим на почетное место, — пригрозил он. — А не хотят — мы это переживем. А вот переживут ли они?» Ведь не секрет, что идеологи, корпящие над генеральной линией в пыльных кабинетах госконтор, уже давно никуда не годятся: «Печально памятный «научный коммунизм» по сравнению с нынешними учебниками идеологии — это шедевр логики и мысли».

Сначала дали слово великолепной пятерке экспертов, которые пытались выдвинуть дельные предложения, а не просто, как выражаются белорусские властные элиты, «огульно шельмовать». «Я очень далек от мысли, что эти доклады конгениальны, но они конструктивны», — уточнил Тарас и взялся оглашать неудобные анонимные вопросы для «идеологов».

Первый же неудобный вопрос от анонима, адресованный самому Тарасу, бил под самый дых: с какой стати интеллигенция должна формировать национальную идею на голом энтузиазме, за бесплатно, если известно, что «наши братки белорусы во все времена были готовы удавиться за рубль». Известные борцы с режимом — туда же: «Озабочены только тем, где бы найти фонд, который им деньги даст. Куда ни глянь — везде грантососы».

Проблемы современной белорусской идеологии

Историк парировал, что всамделишная интеллигенция и впрямь работает за идею, жертвуя собой: «Если у нас такой интеллигенции не найдется, значит, у нас нет и будущего — такого, каким мы его хотим видеть».

По его мнению, закадычных товарищей среди соседей у Беларуси нет: они хотят или проглотить ее целиком, или оторвать лакомый кусок. Поэтому наш путь — «создание Балтийско-Черноморского союза,

куда войдут Беларусь, Украина, Летува, Латвия и Эстония». Тем более что в скором будущем грядет развал России на несколько частей: «Создание такого союза как санитарного кордона, отделяющего Западную Европу от бывшей РФ, охваченной массовыми беспорядками, – задача огромной важности». И ЕС с НАТО, хотят они того или не очень, вынуждены будут вложиться в этот проект.

Юрист Андрей Поротников напомнил всем о территориальных лишениях РБ: более трети ее этнической территории входит в состав других государств. Конечно, можно сказать «спасибо, не надо, пускай пользуются», но это вариант для слабаков. Лучше бы все-таки «создать единство с этими регионами», начав с открытия там культурных учреждений.

Ехидный аноним объявил, что эту идею властные элиты видели в наспех сколоченном деревянном ящике: «Автор нарисовал просто грандиозный план, аж дух захватывает. Но неужели высшее руководство республики способно думать о чем-то, кроме удержания власти?» Кроме того, на этот план «надо много-много денег».

Спикер ответил, что раз на «Дожинки» в Горках наскребли $300 млн., то и на культурные учреждения наскребут. А что касается мыслей руководства – тут он не телепатит и другим не советует. Но замечено, что при желании власть может быть гибка, как художественная гимнастка: «Глупость и лень чиновников продолжается, пока они не получат волшебного пенделя. После этого они проявляют чудеса изворотливости и даже демонстрируют эффект».

К примеру, страна входит в пятерку крупнейших экспортеров молочной продукции, чего раньше не бывало: «А все почему? Потому что есть известно, чья нога, которая опускается на пятую точку тех, кто должен за это отвечать».

Политолог Олег Кравцов, по мнению анонима, тоже плохо знает белорусов: «Им бы заработок побольше, коттедж построить, машину купить, на турецкие курорты каждый год ездить с семьей, ну или в Эмираты. И тут нашелся оригинал, который предлагает людям зациклиться на других проблемах».

Политолог возразил: великие свершения совершали не народные массы – все начиналось с измышлений кучки интеллектуалов, которых в Эмираты не тянет.

Аноним спросил, почему политолог говорит о сохранении Беларусью лучших европейских традиций, но в то же время предлагает лишать гражданства отдельных «лиц небелорусского происхождения».

Тут Кравцов начал себе противоречить. С одной стороны, в Беларуси мирно уживаются «азербайджанцы, русские до мозга костей, евреи, которые считают себя евреями, и т.д.». С другой, «лица другой национальности, переезжающие в Беларусь или Францию, привозят в рюкзаках свои арабские, негритянские взгляды». По помещению прошел неободрительный гул. «Мы должны строить государство нашего народа, – разъяснил политолог. – Если кому-то из приезжих это не климатит, мы не имеем права его здесь удерживать насильно».

«Чемодан-вокзал-Москва? – подытожил Тарас. – Чемодан-вокзал-Баку?»

В ответ Кравцов рассказал, что сам живет и ведет дела в России, где никому не мозолит глаза своими белорусскими корнями: «Я не выпячиваю свою белорусскость, не хожу в майке «Я — белорус» или с флагом. Куда бы я ни ехал, я стараюсь не раздражать местное население».

Политолог предложил подыскать для страны новое название вместо старого, которое «было придумано в России с целью русификации белорусского населения». «Народу это важно?» — спросил Тарас. «Народу не важно ничего, — констатировал спикер. — А меньшинству, думающему стратегически, это важно».

Хоть стратегически мыслящее меньшинство в конференц-зале рвало и метало, утверждая, что «проект Беларусь уже состоялся», а отцы нации были не глупее Олега Кравцова, политолог стоял на своем: название надо менять. Умаслить народ будет несложно: «Если ему все объяснят по телевизору, народ поймет». Кто-то вступился за народ, который, со слов политолога, представлялся совсем уж овощем со струйкой слюны в уголке рта, уставившимся в экран.

Кроме того, Кравцов высказал мнение, что ментальность белорусов сформировалась еще в дохристианские времена. Ему попеняли, что он собрался строить современную нацию на какой-то архаике. Реплику подал философ Владимир Мацкевич: «Идея «мама, роди меня обратно» греет душу поэтов. Но стройте лучше современными средствами, не устраивайте языческих капищ из валунов необтесанных».

Хоть философ блистал красноречием и обмахивался макбуком, но политолога не убедил: «Именно благодаря таким людям, как вы, мы и не можем двигаться дальше».

Политолог Анатолий Остапенко заметил, что в Беларуси возрождается христианство, и идеология должна это учесть.

Аноним возразил, что вообще-то христианство отмирает. И принялся выводить спикера на чистую воду: «Анатолий Остапенко когда-то был лидером Национально-демократической партии, ничего от этой партии не осталось, даже клуба политических ветеранов. И вот он теперь рассказывает людям о том, как надо продвигать национализм в массы. Да не простой, а с христианским уклоном. Лучше бы рассказал о бесславной кончине своей НДП».

Тут анонима и вовсе понесло: «Вроде бы взрослые люди, а сочиняют сказки, как школьники ради хорошей оценки. Мова исчезла, БНФ — кучка болтунов, а христианские заповеди далеки от жизни». В частности, пост у православных — до 7 января, и в ночь с 31-го на 1-е им нельзя есть мясо и пить водку: «Но сами знаете, как все жрут и пьют до затмения мозгов. То же самое с национальной культурой: все просто смотрят по ящику русскую попсу и боевики».

Спикер был во многом согласен с анонимом, но уточнил: лично он поста придерживается даже в новогоднюю ночь.

Во второй части действа, менее конструктивной, социолог Сергей Николюк попенял элитам за то, что они не делают геополитический выбор и вместо этого носятся со своим «особым путем», как с писаной торбой: «Кстати, самый яркий

пример особого пути – Гаити. Эта страна выпала из цивилизационного контекста, там религия – вуду, язык – французский, хотя вокруг все говорят по-испански. Граница между Доминиканской республикой и Гаити видна сверху: вот выжженная земля, а вот цветущая». Так что особый путь Беларуси ведет прямиком в никуда.

Сторонник теории заговора спросил у социолога, а не сделали ли сильные мира сего этот выбор за белорусов давным-давно: «200 лет мы колбасимся между Востоком и Западом, а за нас, может, уже все решили! Кремль и Брюссель, может, давно уже договорились и даже какой-нибудь пакт «Молотова-Риббентропа» подписали. И неважно – Лукашенко тут, Петров или Сидоров».

Спикер заверил всех личностей с тревожными расстройствами: белорусами никто не управляет втайне от них самих – ни внеземные цивилизации, ни судьба-злодейка, ни Брюссель, и пора с этим смириться.

Напоследок поразмышляли, может ли белорусский президент «знянацку» обернуться этническим националистом. «Дадут $20 млрд. – и назавтра же будет националистом», – послышалась реплика на галерке. «Хватит и $5 млрд.», – стал торговаться историк Олег Трусов, и вскоре сошлись на $7 млрд.

Рабочий момент конференции

ДЕДЫ
ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 11
Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем:
А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 26.12.2012.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 20,02. Уч.-изд. л. 20,5.
Тираж 2000 экз. Заказ 1024.

Ответственный за выпуск: *А. Е. Тарас*

Издательство ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42

ОАО «Полиграфкомбинат имени Я.Коласа»
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.
Ул.Корженевского,20, 220024,г. Минск, Республика Беларусь

ISBN 978-985-18-1750-0
9 789851 817500